

Роман, полный музыки эпохи биг-бэндов и любви длиною в жизнь.
Мелодии, шутки, влюбленности, потери – невесомое
и воодушевляющее чтение.

ЖЕННА ТОННИ

Annotation

Эта семейная сага начинается в золотую эпоху биг-бэндов, когда джаз в Америке звучал везде и всюду, – в 1930-е. Это история талантливого парня и не менее талантливой девушки из простых итальянских семей. Оба мечтают связать свою жизнь с музыкой и добиться успеха. Чичи живет в большой и дружной семье на берегу океана, вместе с сестрами она поет в семейном трио «Сестры Донателли», но если для сестер музыка – лишь приятное хобби, то Чичи хочет стать профессиональным музыкантом, петь, писать музыку и тексты песен. Саверио ушел из дома, когда ему было шестнадцать, и с тех пор он в свободном плавании. Музыкальная одаренность, проникновенный голос и привлекательная внешность быстро сделали его любимцем публики, но ему пришлось пожертвовать многим – даже своим именем, и теперь его зовут Тони. Однажды Чичи и Тони встретятся на берегу океана, с этого дня их судьбы будут тесно связаны, и связь эта с каждым годом становится все сложнее и запутанней. Амбиции, талант и одержимость музыкой всю жизнь будут и толкать их друг к другу, и отталкивать. «Жена Тони» – семейная эпопея длиной в семьдесят лет, пропитанная музыкой, смехом, слезами и обаянием. Любовь и верность, стремление к успеху и неудачи, шлягеры и гастролы, измены и прощение, потери близких и стойкость – всего этого будет в избытке у Тони, но прежде всего у его жены, решительной, обаятельной и прекрасной Чичи.

-
- [Адриана Трижиани](#)
 -
 -
 - [Мой мир перевернулся](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [Дискография](#)
 - [ВСТРЕЧАЙТЕ: ТОНИ АРМА \(1948\)](#)
 - [ТОНИ АРМА: ТИХООКЕАНСКИЙ АЛЬБОМ \(1950\)](#)
 - [РОЖДЕСТВО С ТОНИ И ЧИЧИ \(1955\)](#)
 - [ТОНИ АРМА ПОЕТ В ВЕЧНОМ ГОРОДЕ \(1962\)](#)
 - [ФИЛЬМЫ, В КОТОРЫХ СНИМАЛСЯ ТОНИ АРМА](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)

- [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
-

Адриана Трижиани

Жена Тони

© Елена Сафф, перевод, 2021

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2021

* * *

*Памяти сестер Перин – Виолы, Эдит, Хелен и
Лавинии*

Мой мир перевернулся (текст Чичи Донателли, 1938)

Беги от нее,
Отрицай, проверяй,
Ее не разбить —
Это любовь, малыш.
Ты желаешь ее,
Ты нуждаешься в ней,
И ее не прогнать —
Это любовь, малыш.

ПРИПЕВ:

Пока я пою эту песню,
Перевернулся мой мир.
Вверх пляшут ноты и вниз.
Да ты волнуешься, милый?

Если любишь меня, так скажи, не молчи,
Брось лукавить, на меня не вали.
Ты ведь любишь меня, ну признайся?
У Амура все стрелы летят прямо в цель,
И сейчас он попал в тебя с самых небес.
Нет сомнений – да и к чему?
Ах ты милый болван —
Это любовь, малыш.

ПРИПЕВ

1

Сочельник 1932 года

Feroce^[1]

Пытаясь согреться, Саверио Армандонада просунул руки под стоявший у него на коленях жестяной судок с обедом. Трамвай отъехал от остановки на Честер-стрит и направился к заводу «Ривер Руж».

Неделю назад мать связала Саверио на шестнадцатилетие коричневые шерстяные перчатки. У перчаток не было подкладки, и лежавшему на дне судка горячему, только что из печи, пирожку в тряпице предстояло греть пальцы. Пока Саверио не сядет в открытый грузовик, развозящий рабочих по цехам.

Трамвай грохотал в синеватой предрассветной мгле по заснеженным улицам Южного Детройта. То и дело он останавливался, подбирая новых пассажиров, пока все вагоны под завязку не заполнились мужчинами, создававшими автомобили для Генри Форда.

По утрам в трамвае пахло чистотой – борным порошком, кастильским мылом, хлорным отбеливателем. Джинсы, фланелевые рубашки, белье, носки, парусиновые комбинезоны и рабочие фартуки мужчин были отстираны и отутюжены либо дома матерями и женами, либо прачками в общежитии. А на обратном пути в вагонах уже разлило как в раздевалке.

Утром пассажиры ехали серьезные, как на литургию, а вот вечером, после десятичасовой смены, вагоны звенели весельем, смех и шутки пробивались сквозь висевший в воздухе густой дым от самокруток и пятицентовых сигар.

Хотя Саверио сравнительно недавно работал на заводе Форда, однако, проведя на конвейере неполный год, он уже начал кое в чем разбираться. Например, он мог отличить кафельщиков от сталерезов, кладовщиков от рудокопов, докеров от электриков. Кочегаров, заправлявших коксовые печи, выдавали согнутые спины; ладони с вьезшейся черной металлической стружкой – инструментальщиков, а

ремесло стеклодувов навеки отпечатывалось на их лицах: резиновый ободок защитных очков оставлял на лбу глубокую морщину. За свою жизнь Саверио успел насмотреться на этот отличительный знак: Леоне, его отец, работал стеклодувом на заводе «Ривер Руж» с 1915 года.

Но Саверио умел не просто определить по виду, кто чем занимается, – он знал, на какой работе специализируется каждая национальность. Немецкие иммигранты собирали моторы, а югославы их устанавливали. Итальянцы склонялись к столярному делу, работе со стеклом и, вместе с чехами, к инструментам и штампам. Поляки отвечали за формовку стали, загрузку горнов и любую работу с огнем. Албанцы трудились у коксовых печей, венгры грузили тяжести и обслуживали конвейеры и мосты. Ирландцы были специалистами по установке электропроводок, коробок передач и радиаторов. Шотландцы виртуозно приделывали петли, паяли и подрезали.

Обивка, настилы и подножки были в ведении финнов, норвежцев и шведов; речными доками, в том числе отгрузкой и доставкой товаров, а также спуском судов, заправляли греки. Турки и ливанцы шили матерчатые тенты и мелкие детали внутреннего убранства. Местные чернокожие, жившие в самом сердце города, трудились на цианидной плавильне, а еще управляли железной дорогой на территории завода и чинили ее при надобности. Это была обширная система, одних только паровозов шестнадцать штук, а рельсов в общей сложности сто миль. Поезда прибывали, груженые углем и железной рудой для производства стали, и уходили, увозя на продажу по всему миру изготовленные на заводе автомобили.

А руководили всем американцы из семейств английского происхождения, некогда прибывших на «Мейфлауэре»^[2]. Рабочие с конвейера называли их «студентами» независимо от того, сколько десятков лет начальство уже не ступало ногой в университет. Сто тысяч мужчин ежедневно входили в ворота завода «Ривер Руж»: рабочие – шесть дней в неделю, начальство – пять.

Вот и сейчас ворота раздвинулись, пропуская набитый рабочими головной трамвай, в котором сидели Леоне с Саверио. Следом потянулись остальные части каравана. Под пронзительный звук свистка двери вагонов раскрылись перед перроном. Мужчины

вылились потоком, поспешно пересекли перрон и полезли в грузовики с открытыми кузовами, которым предстояло развезти их по местам.

Леоне последним запрыгнул в уже переполненный кузов. У отца Саверио были мощные плечи отделочника, а силищи хватало, чтобы самостоятельно поднять кабину автомобиля. Он обернулся, выудил сына из толпы и опустил его рядом с собой, будто мешок яблок.

– Подождете, – отмахнулся Леоне от оставшихся на перроне, задвинул решетку и запер задвижку на борту кузова, загораживая путь новым пассажирам.

Народ заворчал, но никто не осмелился прямо возражать этому силачу.

Саверио стало неловко, что отец так явно отдал ему предпочтение, пропустив впереди других. Ведь как только человек доезжал до своего цеха и компостировал пропуск, начинался отсчет рабочего времени, которое мистер Форд обязан был оплатить. Ценилась каждая минута.

Неторопливо ехавший к заводу грузовик внезапно попал в выбоину, и пассажиров тряхнуло. Саверио ухватился за решетку, чтобы не упасть. Он не очень-то свободно чувствовал себя на заводе. Порой ему приходилось трудно – везде царило соперничество, за все приходилось бороться, тяжелая нагрузка никогда не становилась легче. Ему было неуютно в толпах и казалось неловко толкаться, чтобы встать на место получше и воспользоваться случаем впереди кого-то другого. Привыкнет ли он к этому когда-нибудь? Он не любил, не умел быть частью стаи.

Порывы ледяного ветра подули с реки и закружились вокруг грузовика. Пошел снег. Саверио поднял голову, разглядывая густые белые облака, между которыми проталкивалось на горизонте восходящее ярко-красное солнце. Игравшие на небе цвета напомнили ему сладкую *ciambella*, пышную итальянскую выпечку, залитую свежей мичиганской черешней в сладком сиропе, и он затосковал по теплым летним денькам.

Грузовик остановился у погрузочной площадки стекольного цеха, и работавшие там люди начали выходить. Порывшись в своем судке, Леоне вынул уложенный женой сверток с мелким имбирным печеньем, переложил его в судок сына и выпрыгнул из кузова. Леоне не

попрощался со своим единственным ребенком, а сын не пожелал отцу хорошего дня.

Саверио проследил взглядом за фигурой отца, скрывшейся за дверями цеха. Отец помахивал жестяным судком, как фонарем. Этот беззаботный жест показался его сыну неожиданным – он редко видел отца таким.

К середине утра снег пошел густо, по-настоящему, хоть и мгновенно таял, растекаясь серебристыми струйками по стеклянной крыше цеха, горячей от работавшей под ней электрической аппаратуры. Под этим белым стеклянным потолком все, происходившее на конвейере, было видно до мельчайших подробностей. Саверио быстро промокнул лоб красным платком – его выгладила и положила ему в карман мать.

Юноша стоял у конвейера. Чтобы выполнить свою работу, ему не требовалось ни наклоняться, ни поворачиваться, ни сгибать спину, ни поднимать плечи. Ровно на уровне пояса перед ним проехал «форд V-8» модели 1932 года, и он приладил ручку на дверь водителя.

Не оставалось времени любоваться автомобилем, а жаль, тот был просто загляденье. Темно-синий кузов из мичиганской стали, салон обит черной кожей, пуговицы на изогнутых сиденьях обтянуты тем же материалом – все это представлялось Саверио вершиной шика. Он вообразил себя за рулем, в шляпе-хомбурге и пальто-дипломате, а рядом сидит любимая девушка, и он везет ее по лесам Гросс-Пойнта.

Инструмент Саверио, гаечный ключ особой модели, разработанной на заводе Форда, был отлично сбалансирован по весу. Ручку обтянули резиной, а зажим зафиксировали точно по размеру болта. Беспалая перчатка на правой руке позволяла Саверио точно управлять инструментом. За размещение болта и шайбы отвечал предыдущий в очереди рабочий конвейера. Мальчику оставалось приставить гаечный ключ к болту и одним плавным движением крутануть ключ до упора, до беззвучного щелчка, – это значило, что болт надежно закреплен. Едва сняв гаечный ключ с одного прикрученного болта, Саверио был готов захватить им следующий – так оно и шло, болт за болтом, минута за минутой, час за часом, девятьсот семьдесят восемь автомобилей за день, десять часов в день, шесть дней в неделю.

Теперь эта операция казалась ему простой, но поначалу конвейер вселял ужас. Саверио помнил, как втайне ликовал в свою первую рабочую неделю, когда поток останавливался, – новая работа казалась ему непомерно сложной, и он был уверен, что не справится с заданной скоростью. Рабочие насмеялись над теми, кто допускал ошибку, не давали им проходу своими шуточками. Однако вскоре благодаря упорству и усердию он овладел техникой гаечного ключа, и сейчас неполадки на конвейере только раздражали его, как и любые другие причины, по которым процесс мог встать. Он пришел сюда работать и собирался трудиться на совесть.

Рабочие с конвейера обедали в комнате для отдыха, где стояли ряды обшитых алюминием деревянных столов. Саверио втиснулся с краю скамьи рядом с отделочниками. Всегда было приятно посидеть во время получасового перерыва. Он выложил перед собой содержимое жестяного судка: увесистый пирожок, имбирное печенье, термос с яблочным соком и, вот неожиданность, теплую треугольную слойку с яблоками.

Саверио откусил от пирожка. Под тонкой корочкой обнаружилась сытная начинка – тушенная до мягкости, мелко нарезанная говяжья вырезка, полукольца томленного в сливочном масле лука, кубики моркови и толченый картофель. Он медленно пережевывал выпечку, наслаждаясь стряпней матери, – он был голоден и знал, что если есть быстро, толком не насытишься.

Потягивая теплый яблочный сок, он наблюдал за группой мужчин вокруг расположившегося за соседним столом старика – это был торговавший вразнос ливанец. В праздники начальство позволяло коробейникам приходить на завод и предлагать рабочим свой товар во время перерывов. На прошлой неделе Саверио купил у приветливой румынской пары пачку льняных носовых платков для матери, а отцу – новую трубку и пачку табака «Блэкджек» у коробейника из Лексингтона, что в штате Кентукки.

- Что он продает? – спросил Саверио у соседа по скамье.
- Золотые украшения. У тебя есть девушка?
- Она пока не моя, – признался Саверио.
- Будет твоя, если купишь ей что-нибудь.

Доев, Саверио обтер рот, сложил салфетку и вернул ее в судок, который отправил на полку рядом с остальными. Затем присоединился к своим товарищам, разглядывавшим украшения, выставленные на черном кожаном футляре, который раскладывался, как шахматная доска.

Ровные ряды изящных золотых цепочек посверкивали на плоских бархатных подушечках. Одни были ажурные, как кружево, другие собраны из плоских чеканных звеньев, напоминавших ободок старинного кубка, третьи состояли из хрупких перекрещенных колечек, как те, что соединяли бусины четок, по которым молилась мать Саверио. На гладких деревянных стержнях красовались кольца. У коробейника нашлись и простые обручальные из желтого золота, и изысканные, усыпанные драгоценными камнями в сверкающих филигранных оправках, от разноцветных мелких агатов до блестящих овальных, квадратных либо совсем крохотных самоцветов. Было в этой россыпи что-то цыганское, но попадались и изящные украшения.

В центре футляра, в первой коробочке, выстланной черным бархатом, лежало платиновое кольцо с кружком ярко-синих сапфиров. Свет плясал на синих гранях камешков, как пляшет солнце по гребням волн на озере Гурон. Рядом было еще одно сногшибательное кольцо: граненый ободок с гроздочкой изумрудов цвета морских глубин. А при взгляде на третье Саверио пожалел, что не родился принцем. Ослепительное кольцо с сердечком, выложенным из мелких бриллиантов. Казалось, весь свет в помещении отражается в его гранях.

– Нравится сердечко? – спросил у него коробейник.

Кольцо действительно очень понравилось Саверио. Его заорожили простота формы и сверкание камней.

– Если я тут и тысячу лет проработаю, – ответил он, – оно все равно будет мне не по карману.

– Это правда. Тогда, может быть, брошку для твоей матери?

– Наверное, нет.

– Значит, тебе требуется подарок для кого-то другого, – ухмыльнулся старик. – Для твоей девушки?

– Ага, – вздохнул Саверио. – Для моей девушки.

Он почувствовал себя немного виноватым, потому что назвал своей ту, которая пока ему вовсе не принадлежала, но кто знает, если

он вслух признается в своих чувствах, вдруг это сработает, станет правдой и Черил Домброски действительно однажды будет его девушкой.

– А что ей нравится?

До Саверио вдруг дошло, что он понятия не имеет. Черил была самой красивой девушкой, которую он видел в своей жизни. В хоре церкви Святого Семейства она пела великолепным сопрано. Ей было семнадцать. Она родилась второй в большой семье польских католиков. Отец ее работал электриком, братья играли в футбол. У нее были золотисто-рыжие волосы, изящная длинная шея и голубые глаза ровно того же оттенка, что и сапфиры коробейника.

– Если она блондинка, бери желтое золото, – продолжал коробейник. – Брюнетка – значит, платина. Итальянские девушки обожают любое золото, желтое, белое, только бы не самоварное.

– Боюсь, сэр, у меня не хватит денег ни на какой из ваших товаров.

Мужчины постарше переглянулись и рассмеялись.

– Абель пойдет тебе навстречу, – заверил мальчика один рабочий, на вид ровесник его отца.

– Правда?

Саверио посмотрел на Абеля, и тот кивнул в знак согласия, затем спросил:

– Сколько у тебя денег?

– Я могу потратить три доллара, – решительно сказал Саверио.

– За пять ты можешь купить вот это, – поднял Абель изящную золотую цепочку, которая сверкала, вращаясь на свету, совсем как локон Черил.

– Бери! – посоветовал ему другой рабочий. – А еще одна у вас найдется? Для моей дочки.

Абель кивнул:

– Конечно. Золото – лучший подарок, который можно преподнести молодой девушке. Это говорит о том, что ее ценят, ею дорожат, ее холят и лелеют, – произнес он нараспев, укладывая цепочку в бархатный футляр.

Рабочий протянул коробейнику пятидолларовую банкноту и спрятал коробочку в карман.

– И мне дайте такую же, – решил Саверио, доставая из заднего кармана зажим с деньгами.

Абель покачал на свету другую золотую цепочку.

– Восемнадцатикаратное золото. Прямо из ливанских гор, где я родился. Это золото пересекло два континента и один океан, чтобы попасть тебе в руки. У него особые свойства. – Абель взял у Саверио деньги и аккуратно уложил украшение в коробочку. – Понимаешь, о чем я?

– Не-а, – признался Саверио.

– Это значит, что цепочка не просто изготовлена из самого ценного металла на земле. Она обладает особой силой. Она принесет счастье тебе и той юной леди, которая ее наденет. Ты доволен?

– Если она будет довольна, я буду счастлив.

Коробейник усмехнулся.

– Все, что создано на свете человеком, создано, чтобы произвести впечатление на женщину.

– Все?

– Абсолютно. Каждое произведение искусства, украшение, песня, стихи или картина.

– А когда Диего Ривера писал свои фрески, он не произвел впечатления ни на кого, кроме Эдселя Форда, – возразил Саверио.

– Мистер Форд, может, и нанял его писать фрески, но за работой Ривера думал не о своем благодетеле. Каждый раз, набирая на кисть краску, он вспоминал какую-нибудь женщину. Видишь ли, ни одна в мире статуя, мост, каменное здание или стальной автомобиль не были изготовлены для того, чтобы прославить мужчину. О нет, их создавали, чтобы показать женщине, на что способен мужчина. Никогда не забывай: мужчина рожден, чтобы служить ей. Запомнишь это и поверишь в эту мудрость – счастливо проживешь свою жизнь и умрешь счастливым.

– Да мне бы Рождество пережить, – сказал Саверио, засовывая бархатную коробочку поглубже в накладной карман рабочих брюк. Однако, возвращаясь на свое место на конвейере, он подивился, откуда старик узнал, что Черил Домброски мерещится Саверио в кабине каждого автомобиля, которому он приделывает дверную ручку.

– Эй, Пикколо! – позвал его какой-то рабочий из задней части трамвая (то есть Малыш – так называли Саверио его товарищи). – Спой что-нибудь.

Саверио кивнул, показывая, что услышал, но петь отказался:

– Берегу голос для полночной литургии.

– А мы тут не все нынче до церкви доберемся, – признался сталерез из Третьего корпуса. – На вечер у нас запланированы картишки, так что давай, парень, спой нам.

– Ша, парни! Сынок Леоне сейчас горланить будет, – заорал другой.

– Тихо! Да заткнитесь вы! – Кафельщик стучал жестяным судком по трамвайному поручню, пока все мужчины в вагоне не замолкли в ожидании. – Давай, Пик.

Леоне Армандонада прикрыл глаза, прислонившись спиной к задней стенке вагона. Он привык к тому, что его сын часто выступает на людях. У мальчишки голос как бархат, и будь то свадьба, похороны или просто поездка на трамвае, то и дело кому-то хотелось послушать, как поет Саверио. Мужчины притихли. Стук колес о рельсы и скрип деревянного настила, когда рабочие переминались с ноги на ногу в шатком вагоне, были достаточным аккомпанементом для Саверио.

Юный итальянец прикрыл глаза и запел «Ночь тиха»^[3].

Слушая, как сын выводит старинный рождественский гимн, Леоне снял шляпу и провел рукой по редющему темному ежику, уставившись на дощатый пол вагона.

Саверио схватился покрепче за вертикальный поручень трамвая, чтобы удержаться на ногах, но его слушателям поручень показался стойкой микрофона в шикарном ночном клубе. Те мужчины с завода «Ривер Руж», которые слышали, как поет Саверио, считали, что у парня сценическая манера и талант не хуже, чем у любого солиста в передаче «Спой!», чрезвычайно популярной на детройтских радиоволнах. Саверио пел, они внимали с тихим почтением, и словаплыли у них над головами. А когда он дошел до строки «радость светлую в Нем найти», на всех снизошло умиротворение. Саверио модулировал свое исполнение так, чтобы оно соответствовало езде под гору и поворотам трамвайных рельсов: он подошвами чувствовал ритм. Допевая последнюю ноту в слове «Христос», он задержал дыхание, вытягивая ноту и позволяя ей тихонько погаснуть, как в

записи на граммофонной пластинке. Окончание вышло так чисто, будто его вырезали в воздухе ножом.

Рабочие от души похлопали юному певцу, сопровождая аплодисменты громким свистом и таким топотом, что вагон закачался.

– Еще одну! – крикнул кто-то.

Саверио посмотрел на отца.

– Нет, – сказал Леоне голосом, не допускавшим возражений. – На сегодня хватит.

– Мы можем пустить шляпу по кругу, Леоне, если дело в этом.

Весь вагон от души расхохотался.

– Держи свою шляпу при себе, – отшутился Леоне. – И монеты свои тоже.

В этот сочельник Саверио едва ли не бегом преодолел весь путь от дома до церкви Святого Семейства. Свежевымытые волосы были еще влажными под кепкой, лицо покалывало от лимонного одеколона, которым он плеснул себе на щеки после бритья. Собственно, ему не было никакой нужды бриться дважды за день, но хотелось произвести впечатление на Черил.

На углу Дентон-стрит был припаркован черный «десото». У открытой задней двери выстроилась небольшая, быстро продвигавшаяся очередь. Саверио пристроился в хвост и, когда подошел к машине вплотную, то увидел, что на заднем сиденье громоздятся деревянные ящики с душистыми апельсинами.

– Почему? – спросил он у зеленщика.

– Пятнадцать штук за четверть доллара.

– Тогда дайте мне пятнадцать.

Саверио схватил бумажный пакет с апельсинами и взбежал по крыльцу храма Святого Семейства, перепрыгивая через две ступеньки. Он похлопал по карману своих выходных брюк, проверяя, на месте ли коробочка с золотой цепочкой. Сейчас он произведет впечатление на девушку, от которой без ума, и сделает ее счастливой – не было на свете лучшего предчувствия.

Войдя в церковь, он опустил пальцы в чашу со святой водой, перекрестился и преклонил колена. Гирлянды из мирта и других вечнозеленых растений украшали стены из серого мрамора с золотистыми прожилками. Центральный неф был освещен рядом

высоких свечей с латунными крышечками, сдерживающими языки пламени. На накрытом белоснежным льняным покровом алтаре посверкивал в хрустальных чашах строй свечей поменьше. Под алтарем приткнулись ясли с раскрашенными вручную фигурками Святого Семейства. Их тоже обрамляли свечи. Свежесрубленные голубые ели полностью закрывали стену за табернаклем. Макушки благоухающих деревьев задевали потолок, а на ветвях висели набитые алыми ягодами и завязанные полоской кружева тюлевые мешочки. От этой красоты захватывало дух.

Саверио хотелось запечатлеть в памяти все до мельчайших подробностей. Не каждый же день он признавался девушке в любви – а первое такое признание бывает лишь однажды в жизни. Его сердце так распирало от чувств к ней, что, казалось, там не найдется места никому другому. Ему нужна была одна только Черил, теперь и навсегда.

Поднимаясь на хоры, он мысленно повторил слова, которые скажет Черил, перед тем как подарить ей цепочку. Саверио столько раз обдумывал и повторял эту речь, пока стоял у заводского конвейера и ехал в трамвае, что почти выучил ее наизусть.

Черил, мы вместе поем с тобой в хоре с того Рождества, когда нам было по одиннадцать лет, и, сказать по правде, в тот день я и полюбил тебя навсегда. Ты была одета в красный вельветовый сарафан и белую блузку. Ты сказала, что туфли тебе жмут, потому что сначала их носила не то год, не то два твоя старшая сестра, а у нее размер ноги меньше, но ничего страшного, младшим всегда достается ношеное. Так вот, я считаю, что ты заслуживаешь большего, чем обноски, ты заслуживаешь, чтобы все лучшее, новое, чудесное и прекрасное доставалось только тебе, тебе одной. Поэтому я хочу подарить тебе эту золотую цепочку, ведь при помощи золота выражают самые глубокие чувства, а для меня ты – сокровище драгоценнее любого золота. Но золото – это лучшее, на что способен наш мир, и мне хотелось преподнести это лучшее тебе. С Рождеством!

Саверио мечтал получить право провожать Черил домой после репетиций церковного хора и после школы. Он хотел стать тем единственным парнем, кто держит ее за руку и целуется с ней, и чтобы она поджидала его у автобусной остановки на Юклид-стрит, как все прочие девушки, которые встречались с парнями из его школы.

Если бы только Саверио мог спеть Черил о своих чувствах! Увы, это было невозможно. Никто еще не написал песни, в точности выражавшей все то, что он чувствовал, а если и написал, Саверио предпочитал высказать все своими словами, чтобы не оставалось сомнений в его намерениях. Когда он поднялся на хоры, оказалось, что большинство певчих уже заняли свои места. Он оглядел скамейки. Черил еще не пришла. Саверио начал раздавать апельсины своим товарищам по хору.

– С Рождеством, Констанция!

– Я его приберегу до рождественского утра. – Она подбросила апельсин в руке, как снежок.

– *Buon Natale*, Раффаэле.

– *Buon Natale*, Саверио. Говорят, цитрусовые полезны для голосовых связок.

– С Рождеством, Беатриса!

– Спасибо! – Она положила апельсин в сумочку.

– С Рождеством, Мэри. Кстати, сегодня мы славим твою тезку!

– С Рождеством! – Она спрятала апельсин в карман пальто.

И так далее – по апельсину для Кевина, Кимберли, Агнес, Сары, Филиппа, Эллен, Эйлин и Розы, и еще один – органистке, пока в пакете не осталось всего два апельсина.

Саверио занял свое место на передней скамье и взял в руки ноты. Он глядел на них, не видя, так как знал наизусть свою партитуру, глядел, пока ноты не заплясали на бумаге, будто букашки. До сих пор ему казалось, что он вовсе не волнуется, но сейчас, на хорах, со спрятанной в кармане цепочкой, он понял, что боится.

Страх.

В его сердце не оставалось места для страха, и все же страх просочился туда, потеснив любовь. А вскоре в мысли прокралась и родственница страха – боязнь оказаться недостойным. Саверио стал сомневаться, стоит ли вообще признаваться Черил в своих чувствах.

Если подумать, то что мог он предложить девушке? Немного – так ему казалось. Он ведь был во всех отношениях обычным, средним, скорее замкнутым – не настолько, чтобы прослыть чудаком, но достаточно, чтобы оставаться сравнительно робким, – может быть, потому, что в детстве его чересчур опекала мать. Единственный ребенок – о них вроде бы часто такое говорят. Но если бы девушка любила его так, как он любит ее, если бы Черил разделила его чувства, то уж он бы знал, как сделать ее счастливой. Он будет трудиться изо всех сил, чтобы дать ей все, чего она пожелает. Он обеспечит жене красиво обставленный дом со всеми удобствами. Там будут и пылесос «Электролюкс», и ворсистые восточные ковры с бахромой, чтобы пылесосу было что чистить, а на полке в гостиной выстроится полное издание «Британской энциклопедии» в красных сафьяновых переплетах. В спальне будет стоять кровать с прозрачным невесомым пологом и покрывалом с пышными оборками в тон.

И ванная комната у них будет настоящая, с ванной на четырех ножках, а над раковиной – зеркало с подсветкой. Ездить они станут, само собой, на двухместном «форде V8», хотя, если бы можно было выбирать автомобиль мечты, Саверио предпочел бы «паккард» из Саут-Бенда, что в штате Индиана. Но все это мелочи; покуда она рядом с ним, он поедет куда угодно на любой машине, неважно, как далеко, только чтобы однажды доказать свою любовь невесте, девушке, которой предстоит стать Черил Армандонада.

Черил.

Это имя наводило на мысли о сладких летних ягодах и мягкой шелковистой ткани. О, он купит для нее всю одежду из витрины модного магазина Нормы Борн. У нее будет по паре перчаток в тон к каждой сумочке, а все сумочки будут под цвет шляпок. Чулки, естественно, шелковые, и каждую неделю она станет ходить на укладку в парикмахерский салон. Девушка Саверио получит все то, что не досталось его матери, потому что он-то не будет пренебрегать желаниями жены. Он обеспечит ей все, чего она захочет. Похоже, девушки любят разговаривать, и если так, то он не забудет прислушиваться к ней, принимая близко к сердцу то, что она найдет нужным сказать.

Саверио знал в точности, каким мужчиной он хотел стать и каким мужем будет тот мужчина. По этой самой золотой цепочке он

вскарабкается, как по канату, до самого сердца Черил, чтобы добиться ее. Цепочка – лишь первый подарок из длинной череды, а со временем он наполнит для нее драгоценностями целую шкатулку – там будет больше колец, ожерелий и браслетов, чем во всей коллекции коробейника.

Наконец Черил Домброски бесшумно появилась на верхней ступеньке лестницы. Все заметили прибытие девушки, ощутив дивный аромат ее духов. Она коротко помахала хору рукой в знак приветствия, сияя настолько широкой улыбкой, что было удивительно, как такое напряжение лицевых мышц не причиняло ей боли. Саверио облегченно вздохнул: она была в отличном настроении, а значит, время для разговора с ней – собственно, с любой девушкой – самое подходящее.

В этот вечер Черил надела прямое светло-голубое платье с узким пояском и короткий жакетик зеленого бархата. Платье было отделано темно-зеленой бейкой, а пуговицы напоминали зеленые драгоценные камни. Светло-голубые перчатки повторяли цвет подбитой кремовым атласом шляпки с узкими полями; подвязанные на затылке золотисторыжие волосы волнами струились по спине. Глаза у нее были такие синие, что, казалось, у церкви сорвало крышу и Саверио глядел прямо в ночное небо.

– Ты сегодня такая красавица, – сказал ей Саверио, когда она опустилась на скамейку рядом с ним. От нее одуряюще пахло розами, лилиями и спелыми лимонами. Констанция, певшая альтом, наклонилась вперед так, что ее голова оказалась между ними.

– Саверио нас всех угостил апельсинами, – сообщила она Черил.

От Констанции пахло мятными леденцами от кашля.

– У меня и для тебя есть, – поспешно сказал Саверио, пошарив в бумажном пакете. – Вот. – Он протянул Черил апельсин.

– Ты ужасно милый, – сказала она ему почти на ухо, наклонившись так близко, что он почувствовал ее дыхание на своей коже. От близости ее губ у него ощутило заколотилось сердце. Он почувствовал, как его бросает в жар.

– С тобой все в порядке? – спросила она. – В городе ходит какая-то зараза, моя сестра Кэрл со вторника кашляет не переставая.

– Очень жаль. Нет, со мной все отлично.

– А у меня новости, – сказала она, листая ноты.

– Правда?

– Пойдем, я хочу, чтобы ты узнал первым.

Черил поднялась, взяла его за руку и подвела к балюстраде, ограждавшей хоры. Церковь была полна народу, еще немного – и останутся только стоячие места.

– Видишь его? – показала куда-то Черил.

Саверио разглядел со спины какого-то молодого человека в сером пальто-дипломате. Почувствовав его взгляд, этот широкоплечий блондин обернулся, заметил Черил и подмигнул ей. Она так же коротко помахала ему, как минуту назад приветствовала хор, когда поднялась по лестнице.

– Вот он. Рикки Трановски.

– И что? – Саверио ничего не понимал.

Черил стянула перчатку и продемонстрировала Саверио свою левую руку.

– С сегодняшнего вечера мы с ним помолвлены.

– Помолвлены? – Внезапно у Саверио пересохло во рту.

На пальце Черил сияло золотое колечко с бриллиантом величиной с булавочную головку. Этот осколок – да что там, крошка – держался на четырех штырьках. Зачем там штыри, подумал Саверио, смех один. Черил поправила кольцо правой рукой.

– Не понимаю, – тихо произнес Саверио.

– Когда я родилась, Трановские и Домброские все шутили, мол, у нас Рикки, у вас Черил, вот и парочка подобралась. А мы ведь с ними встречаемся каждое лето в Траверс-Сити, да и на День благодарения собираемся в Дирборне. И вот так вышло, что в этом году что-то щелкнуло.

– Щелкнуло? – Смысл ее слов продолжал ускользать от Саверио.

– Ну да. Ну, знаешь, как это бывает. – Черил улыбнулась так, что каждый белоснежный зуб в ее прелестном ротике засиял в блеске свечей, и беззвучно прищелкнула пальцами: – Щелк.

И тут до Саверио наконец дошло.

– Понимаю, – выдавил он. Не в силах смотреть на нее, он уставился перед собой, остановив взгляд на пустой колыбели в яслях под алтарем.

– Сгораю от нетерпения уехать отсюда подальше. Рикки получил работу на заводе «Паккард» в Саут-Бенде, – продолжала Черил.

– На заводе «Паккард»? – У Саверио упало сердце.

– Да, представляешь! Это ведь твоя любимая машина! Я, кстати, не знала, но Рикки говорит, что если работаешь на конвейере у мистера Паккарда, то можешь попасть в особый список, чтобы купить себе «паккард» со скидкой. «Паккард» мне необходим как воздух!

– Все хотят «паккард».

– Знаю! Мечта, а не машина! – Черил крепко сжала руку Саверио.

– Поздравляю. – Саверио почувствовал, как у него заныло сердце.

– С тобой все в порядке, Саверио? По-моему, ты действительно заболел.

– Возможно.

– Мне ужасно жаль. Может, послать моего брата за «Бриоски»?^[4]

– Нет-нет, сейчас мне станет лучше. Просто надо сесть.

Саверио вернулся на свое место на скамье. Черил села рядом с ним.

– Нам с тобой вовсе необязательно выступать дуэтом. Я могу спеть и с Констанцией. Да ты совсем позеленел! Может, приляжешь в ризнице, пока тебе не станет лучше? Святому отцу случается там прикорнуть между службами.

– Черил, мне нужно кое-что тебе сказать.

– Хорошо, говори.

Он посмотрел на нее. Черил вся светилась в розово-золотистом свете, отражавшемся от органа ровно так же, как в его мечтах, но теперь он знал, что она уже никогда не будет принадлежать ему. Он был уверен, что ни один мужчина на свете не полюбит ее так, как любит он, но не знал, как это выразить, а те слова, которые столько раз мысленно повторял, теперь не годились. Произнести их сейчас, когда она уже носит кольцо другого, представлялось преступлением, вроде ограбления банка. Не мог же Саверио предъявить свои права на девушку, которая больше не была свободна. Но следовало все же сказать хоть что-нибудь, пока она еще готова слушать, и он выпалил:

– Я считаю, что ты заслуживаешь кольца получше этого.

Черил выпрямилась на скамье, немного подумала и ответила:

– Какие ужасные слова. Нельзя такое говорить девушке.

– А я бы нашел достойный тебя бриллиант, даже если бы мне пришлось самому лезть в шахту и копать до кровавых мозолей. И он был бы совсем не таким.

– Мне все равно, какое кольцо, – вызывающе сказала она, крутя подарок жениха на пальце.

– А не должно быть все равно.

– Зачем ты все это говоришь? Почему стараешься испортить мне вечер?

– Ничего я не хочу тебе портить.

– Но ты так и делаешь! И сделал.

– Прости. Я это сказал не для того, чтобы тебя обидеть, а просто чтобы ты задумалась о том, чего на самом деле достойна. Ведь как только ты выйдешь замуж, Черил, так оно и останется. Навсегда и навеки. Для тебя и для того болвана, которого ты выберешь.

– Я выбрала Рикки. И вовсе он не болван! – Ее синие глаза забегали. – Он хороший парень.

– Пусть так, – кивнул Саверио.

– Непохоже на то.

Черил начала обмахиваться нотами к гимну «О святая ночь».

– Как может судить женщина? Только по знакам да признакам, – сказал Саверио. – И вот тебе знак – этого кольца недостаточно для такой чудесной девушки, как ты. Сегодня, быть может, тебе и кажется, что ты им довольна, ведь ты в восторге, тебе сделали предложение, но настанет день, когда этого брильянтика окажется недостаточно, и тогда ты вспомнишь, что я сказал тебе сегодня, и подумаешь: эх, надо было мне слушать Саверио.

– Ты меня совсем не знаешь, – прошептала Черил. – Плевать я хотела на какие-то там вещи.

– Посмотрим. И я-то тебя знаю. Я знаю тебя всю твою жизнь, а ты знаешь меня.

– Я имела в виду – не знаешь в *этом* смысле, – пояснила Черил, глядя прямо перед собой.

– Я хотел узнать тебя получше. – Саверио почувствовал прилив смелости – быть может, именно потому, что Черил не могла заставить себя встретиться с ним взглядом. Поэтому он сказал: – Я хотел быть тебе больше чем другом. Я надеялся...

После долгой паузы Черил спросила:

– Так почему же ты столько ждал, чтобы признаться в своих чувствах?

– Я, наверное, заторможенный какой-то – идиот, в общем. Мог бы догадаться, что самую прелестную розу в саду срывают первой.

– Ну, значит, не судьба. – Черил чинно сложила руки на коленях, совсем как сестра Доминика, только что раздавшая табели за четверть.

– Значит, ты обо мне никогда не думала в этом отношении?

Черил Домброски только что исповедовалась и получила отпущение грехов. Она была доброй католичкой, нынче был сочельник Рождества, и она не собиралась лгать.

– Думала иногда, – призналась она.

– Но не так, как о Ронни.

– Рикки.

– Ну Рикки. Не так, как о нем?

– Саверио, я не намерена обсуждать с тобой подобные вопросы. Я теперь невеста.

Черил объявила о своем статусе невесты ровно так же, как сообщила бы в анкете, что голосует за демократов, работает волонтером в Армии спасения или что кровь у нее первой группы. Она была тверда и непоколебима. Саверио ей не верил, но и переубедить ее ему не удалось, сколько ни пытался. Одну вещь он точно знал о польских девушках: они крепче той стали, что выплавляют на «Ривер Руже» для производства автомобилей.

И еще он знал, что не имеет смысла торчать за конвейером и крутить болты на автомобилях до конца жизни, если за воротами завода его не станет поджидать такая девушка, как Черил. Что толку? Должна же быть в его жизни цель поважнее. Чтобы вставать до рассвета, ему требовался стимул, и лично для него единственным стимулом, имевшим значение, была любовь. День полочки не будоражил его, как других рабочих. Деньги в кармане не наполняли сердце радостью.

Да и какая у него, собственно, цель? Для чего еще он трудился, если не для того, чтобы сделать счастливой девушку? Уж он-то для девушки *своей* мечты выбрал бы такое кольцо, чтоб сверкало, как звезды в созвездии Ориона. Если бы *он* сделал предложение Черил, на ее пальчике красовалось бы то самое бриллиантовое сердечко.

Грудь так сдавило, что, казалось, не вдохнуть, но все же, когда настал момент, Саверио встал и спел в литургии вместе с хором, как всегда делал по воскресеньям, церковным праздникам и на похоронах

с тех пор, как помнил себя. Пение ему почти помогло – изливать чувства было легче, чем сдерживать их внутри.

А когда пришло время петь «Ночь тиха» дуэтом с Черил во время приношения Святых Даров, трели ее сопрано обвилились вокруг его глубокого тенора, как ростки виноградной лозы. Он не мог смотреть на нее, пока их голоса гармонично сливались; ее глаза были устремлены на алтарь.

Казалось бы, если уж молодой человек признался в чувствах предмету своей привязанности, это должно, по крайней мере, освободить его от непомерного веса тайны. Но когда чувства оказываются неразделенными, то, что могло стать миром чудес, превращается в весьма неуютное место. В ту ночь Саверио поклялся себе, что больше никогда в жизни не признается девушке в любви. Слишком уж это опасно. Подобное решение предполагало также наивысшую жертву: он больше никогда не станет подолгу глядеть на Черил, как прежде. Больше нельзя будет изучать ее во всех подробностях, от изгиба груди до изящной линии узкого запястья, вниз, к плавным округлостям бедер, до самых щиколоток, и снова вверх, до ровной линии прямого носа. О да, Черил была истинным шедевром.

Сегодняшний вечер положил конец их задушевным разговорам и неспешным прогулкам по дороге домой. Конец запальчивым спорам об их общей страсти, свинге, – о том, кто лучший джазист, Дик Хэймс или Бинг Кросби, Дюк Эллингтон, Кэб Кэллоуэй или братья Дорси. Конец репетициям на стылых хорах вечером по средам и жалобам на священника, который отказывался включить для них отопление. Конец всем предвкушениям и надеждам.

Саверио подошел к балюстраде хоров и спел соло «О святая ночь». В этом гимне он излил всю свою боль, понимая, что в рождественский сочельник больше нигде не найдется для нее места. Музыка всегда была для него убежищем. Он находил утешение в пении; так он выпускал пар и выражал свои чувства. Когда он добрался до нот в связующей теме, его голос зазвучал полнее, сильнее и увереннее, чем когда-либо слышали прихожане. Он удержал ноту *a cappella*, а органистка застыла, занеся пальцы над клавишами, ожидая, когда он вдохнет. И наконец он допел окончание гимна под негромкий

аккомпанемент органа. Слово «Рождества» повисло над прихожанами, как кружевной полог, пока Саверио удерживал последнюю ноту.

Когда он замолк, органистка бесшумно сняла ступни с педалей и пальцы – с клавиатуры. Прихожане погрузились в тишину, но тут же пришли в странное возбуждение.

Когда Саверио вернулся на свою скамью, к нему наклонилась Констанция.

– Им хочется аплодировать! – прошептала она. – И это в церкви!

От ее горячего дыхания у него зачесалась шея, но он все же кивнул в знак благодарности.

Товарищи по хору стали хлопать Саверио по спине, поздравляя с триумфом, но он почти не ощущал их прикосновений. Его мысли витали далеко. Он так ловко вывел ту высокую ноту, будто поймал ее в воздухе, как бабочку, и бережно держал за хрупкие трепещущие крылышки, пока она билась у него в руке. Он пел в надежде завладеть вниманием Черил и завоевать ее своим мастерством. Но она, похоже, его вовсе не слушала. Черил сосредоточилась на другом – на прихожанах в церкви, а точнее, на своем женихе в пальто-дипломате.

Литургия закончилась. В бумажном пакете лежал последний апельсин. Оставшись один на хорах, Саверио чистил апельсин, бросал кожуру в пакет и наблюдал, как Черил и Рикки (тот самый, который скоро будет водить собственный «паккард») зажигали свечи и преклоняли колени у алтаря Непорочного Зачатия в алькове рядом с главным алтарем, а потом повернулись и пошли под руку по центральному нефу, покидая церковь, а заодно – и его жизнь.

Положив ноги на табурет органистки, Саверио откинулся на скамье и одну за другой проглотил все сладкие дольки апельсина. Последние прихожане гуськом уходили в морозную ночь. Он собирался прятаться здесь, пока церковь не опустеет совсем.

– Эй, это ты – Саверио? – Усатый мужчина лет тридцати в темно-синем шерстяном пальто элегантного покроя стоял на верхней ступеньке у входа на хоры. – Да ты ешь, ешь. Апельсин-то, наверное, вкусный, братишка?

Саверио поспешно сглотнул.

– Братишка?

– Просто такое выражение. Это ты – тот мальчишка, который пел? – Мужчина надел шляпу на кулак и стал ее вращать.

– Да.

– То соло в конце. Это ты так вытянул си?

– Да, я. – Саверио покраснел.

– Умеешь ты петь, дружище. Я Сэмми Прецца. Играю на саксофоне в оркестре Рода Роккаразо. Знакомое имя?

Саверио выпрямился на скамье.

– Я его слышал по радио.

– Неплохо, правда?

– Мне вполне нравится.

– Ну так вот, у нас тут вокалист отпал, и Род ищет новый голос. Я думаю, ты ему придешь по сердцу. Есть у него один квартетик, поет прилично, но все-таки вся соль в солисте. Лицо оркестра. Ну, место солиста я тебе не гарантирую, но в том же квартете состав меняется постоянно. Вот, возьми, – Сэмми протянул Саверио свою визитную карточку. – В новогоднюю ночь мы выступаем в Ист-Лэнсинге. Покажешь эту визитку – тебя впустят. А уж я проведу тебя к Роду.

– А дальше что?

– Споешь для Рода, там и посмотрим.

– Спасибо.

Саверио изучил визитку – тисненый золотом скрипичный ключ, черные буквы. Смотрелось шикарно.

– А лет тебе сколько? – спросил Сэмми.

– А на сколько я выгляжу? – парировал Саверио.

– Хороший ответ. – Сэмми обернулся, перед тем как спуститься по лестнице. – Без шуток, парень, горло у тебя что надо.

По пути с литургии домой Розария Армандонада взяла сына под руку.

– Ты так красиво пел! – восхитилась она. – Люди плакали. Да и я тоже.

– Ма, но мне вовсе не хочется, чтоб люди плакали, когда я пою.

– Нет, это хорошо. Значит, они что-то почувствовали. – Она стиснула его руку.

– Я хочу делать людей счастливыми, – возразил Саверио.

– Так и получается. Хотя у них и льются слезы.

– Разве можно быть счастливым, когда плачешь?

– Они плачут, потому что на них нахлынули воспоминания о том, чего – или кого – им не хватает. Это куда лучше, чем та дурацкая музыка, которую крутят по радио.

– Не лучше, просто другое.

На углу Боутрайт-стрит до них донесся запах жареных каштанов. Они переглянулись. Саверио усмехнулся:

– Па!

Леоне стоял во дворе их дома и поджаривал каштаны на тяжелой чугунной сковороде, поставленной прямо на небольшой костер, для которого он вырыл ямку в стылой земле.

– Леоне, жаль, что ты не слышал, как твой сын пел сегодня в церкви, – сказала Розария.

– Да слышал я его пение.

– Но в эту ночь он пел как ангел, с необычайной силой и чистотой.

– Похоже, я заставил некоторых плакать, – добавил Саверио.

– Если я запою, все вокруг тоже разрыдаются, – пошутил Леоне, вручая жене полную горячих каштанов медную миску. Из потрескавшейся обугленной кожуры в морозный воздух вырывался душистый пар.

– Пойду приготовлю сироп и залью каштаны, – сказала Розария, уходя в дом.

Саверио стал помогать отцу гасить костер. Пока Леоне забрасывал пламя золой с лопаты, Саверио опустился на колени и скатал большой снежный ком. Он передал его отцу, тот положил снег прямо поверх золы, огонь зашипел, и вскоре от него остались лишь завитки серого дыма.

– Па, после мессы ко мне подошел один человек, – начал Саверио.

– Зачем?

– Хочет, чтобы я сходил к ним в ансамбль на прослушивание.

– И чем ты там будешь заниматься?

– Петь. И, может, еще немного аккомпанировать на мандолине.

Мандолину он упомянул в надежде тронуть сердце отца. Тому довелось на ней играть еще мальчишкой, в Италии, и сына он тоже научил. Но Леоне это не впечатлило.

– Ты рабочий на заводе «Руж», – строго напомнил он.

– Знаю. Но я мог бы выступать по вечерам. Может, подзаработаю немного.

– Нельзя делать и то и другое.

– Почему?

– Нельзя. Такая жизнь не для тебя.

– Но ведь эти музыканты отлично зарабатывают. Развлекают людей, и деньги текут рекой. Если я добьюсь успеха, то наверняка буду получать вдвое больше, чем моя теперешняя зарплата.

– Это просто какая-то афера, – заявил отец. – Не попадайся на их удочку.

Саверио последовал в дом за отцом.

– Все честно, они собираются платить мне за выступления, – настаивал он.

– Это они сначала говорят, что заплатят, а как поедешь на гастроли, не будет тебе никаких денег. Слыхал я истории о шоу-бизнесе. Это занятие для цыган. Ты трудишься, а босс загребает все твои денежки. Ты голодаешь, а он жиреет, с певичками развлекается, а тебе – ничего.

– Все вовсе не так.

– Да что ты в этом понимаешь?

– Я знаю, как оно на самом деле, потому что на мессе был человек из оркестра Рода Роккаразо. Он меня потом разыскал, чтобы поговорить. Сам ко мне обратился. Сказал, что у меня есть талант и что я мог бы добиться успеха в музыкальном деле.

Саверио прошел за отцом на кухню, где Розария мешала на плите сироп. Выключив конфорку, она залила очищенные ядрышки каштанов горячей сладкой жидкостью.

– Его дело – не твое дело. Мы этого человека не знаем. Кто он вообще такой? Чего ему на самом деле от тебя нужно? – повысил голос Леоне.

– Леоне, просто выслушай мальчика, – попросила мать.

– Заткнись, Розария!

Она повернулась обратно к плите и стала мешать томившийся в большой кастрюле соус маринара^[5].

– Не разговаривай с ней так, – негромко произнес Саверио.

Леоне ударил кулаком по столу. Сын понял, что его реплика привела отца в бешенство, и немедленно о ней пожалел.

– Не лезь не в свое дело! – снова ударил кулаком по столу Леоне. – Это мой дом!

– Все здесь твое, папа. Но не надо говорить маме «заткнись». Этот спор только между тобой и мной.

– Все в порядке, – попыталась успокоить сына Розария.

– Сегодня ведь сочельник, – устало добавил юноша, хотя знал, что отец всегда готов поскандалить, какой бы на дворе ни был день.

– Ты потеряешь работу в «Руже», вот чем это закончится. А ведь обратно тебя не возьмут! – Леоне снова повысил голос. – Люди едут отовсюду, из Миссури, Кентукки, Чикаго, да еще и с сыновьями, а у некоторых много-много сыновей, и все хотят работать в «Руже». Они согласны на любой труд. Пусть и цианидная плавильня, им все равно. Любой труд. А у тебя хорошая работа на конвейере, и ты от нее отказываешься. Только глупый мальчишка бросает хорошую работу на конвейере.

– Я хочу заниматься другим. Может, попробовать что-то иное, я еще не решил.

– Жизнь – это не то, что тебе хочется делать. Это то, что надо делать.

– Но почему нельзя и то и другое?

– Можно, – сказала Розария.

– Я же велел тебе не вмешиваться! – предостерег жену Леоне, прежде чем обернуться к сыну. – Ты хоть представляешь себе, что мне пришлось сделать, чтобы устроить тебя на завод? У них там целые списки желающих. Я им пообещал, что ты будешь хорошо работать, еще лучше, чем я.

– Но я – не ты.

– Тебе все легко достается. Ты просто маменькин сынок.

– Хорошо, Па, – сдался Саверио. Было ясно, что отец в ярости, а когда дело доходило до этого, доставалось и сыну, и – особенно – матери.

– У Саверио есть талант! Мне бы хотелось, чтобы он его развивал, – тихо проронила Розария.

– А ты-то с каких пор разбираешься в талантах?

– Я разбираюсь в моем сыне.

– Ни в чем ты не разбираешься! – прогрохотал Леоне.

Он резко поднялся, отшвырнув стул. Ударившись о стену, стул развалился.

Розария и Саверио бросились к обломкам и подобрали перекладины и спинку; для Леоне было в порядке вещей сломать что-нибудь. Розария вышла из кухни, неся в охапке детали стула, точно хворост, а Саверио остался у раковины. Леоне налил себе вина. Подобные сцены были привычными в их семье по праздникам, а частенько и по воскресеньям. Леоне использовал малейший предлог, чтобы раскричаться, накрутить себя, мать спешила исчезнуть, и в доме воцарялась тишина – но не мир.

Запах кипящего на плите соуса сделался почти резким: чеснок, помидоры и базилик полностью приготовились. Саверио выключил огонь, взял пару кухонных полотенец, снял кастрюлю с конфорки и переставил ее на край плиты. Отец закурил. Саверио медленно помешивал соус, размышляя, как бы лучше подобраться к отцу.

– Ма сегодня сделала укладку в парикмахерской, – сказал он наконец.

– И что?

– А ты и внимания не обратил.

– И что с того?

– Когда женщина делает укладку, это не для нее, а для тебя. Она хорошо выглядит. Ты бы сказал ей. Ей будет приятно.

Леоне подымил сигаретой.

– Никогда не указывай отцу, что делать, – буркнул он.

– Я просто предложил.

– Не предлагай.

– Ладно.

– Следи за тем, как со мной разговариваешь.

– Ладно, буду следить. Если ты станешь приветливее разговаривать с Ма.

Леоне пренебрежительно помахал сигаретой в сторону сына.

– Я с собственным сыном в сделки не вступаю.

– Я ведь не собираюсь жить с вами всегда, чтобы ей было с кем перекинуться парой слов. Однажды вы с Ма останетесь одни, и вам придется общаться друг с другом. Говори с ней приветливо. Как я. Как миссис Фарино на рынке. Как миссис Руджьеро в лавке мясника. Как отец Импречато в церкви.

– Священник-то всегда приветливый, потому что он хочет наших *soldi*^[6]. – Леоне потер пальцы один о другой, намекая на сбор пожертвований в церкви.

– Не все на свете хотят твоих денег, – возразил сын.

– Это ты так думаешь. Твоих денег они тоже хотят, кстати.

– Однажды я отсюда уеду.

Леоне рассмеялся.

– И куда же ты отправишься? – иронически спросил он.

– Не знаю.

– А чем займешься?

– Я пока не решил, – солгал Саверио. Он знал в точности, чем хочет заниматься, но разумнее держать эти планы при себе.

– Пустишь свою жизнь на ветер.

– Понимаешь, Па, жизнь – такое дело, нам она достается только один раз. Можно гнуть спину на заводе «Руж», откладывая каждый цент, купить любимой девушке золотую цепочку, а в тот вечер, когда ты намерен ее подарить, узнать, что девушка собирается замуж за другого. И выходит, что все эти долгие часы на конвейере, когда ты думал, что трудишься ради воплощения своей мечты, чтобы устроить счастливую жизнь с хорошенькой девушкой, от которой ты без ума, ты ничего подобного не делал, а рвал жилы просто ради счастья крутить гаечный ключ для Генри Форда.

– Тебе платят хорошие деньги.

– Деньги имеют значение, только если с их помощью можно сделать кого-то счастливым. Так сказал коробейник, и я думаю, что он прав.

– Цыган? Ты поверил цыгану?

– Мне он показался довольно умным.

– Подумай головой. Тебе же надо что-то есть. Еду надо на что-то покупать. За все, что не выросло в огороде, приходится платить.

– Это просто основные потребности. Их я тоже подсчитал. Чтобы обеспечить себе еду, достаточно работать на конвейере пару часов в день, неделя за неделей, всю жизнь. А что делать с оставшимися восемью часами? Куда уходит эта зарплата? На что тратится?

– Государство забирает.

– Часть. А остальное?

– Откладываешь. Под матрац. Только не в банк. Потому что никогда не знаешь, что может случиться.

– Это мне неинтересно. Я хотел увидеть свою зарплату отлитой в золоте вокруг прекрасной шеи Черил Домброски.

– Она тебя отвергла?

– Да, отвергла. – Саверио было нелегко признать это вслух.

– Тогда ну ее к черту.

– Справедливо. Если бы она меня любила, я бы отдал ей все, что у меня есть.

– Ты от нее глаз оторвать не можешь, – улыбнулся отец.

– Вот будь у меня девушка, уж я бы хорошо с ней обращался. Потому я тебя и ругаю, Па. У тебя же есть девушка. Надо хорошо с ней обращаться.

– Ты ничего не знаешь.

– Кое-что я все-таки знаю. Например, что грех любить девушку и не показывать ей этого.

– Ай, оставь, – отмахнулся Леоне.

– Ты даже не понимаешь, как тебе повезло. Однажды поймешь, но будет слишком поздно, – выпалил сын напоследок и оставил отца одного на кухне.

По пути к себе на второй этаж он увидел, что мать сидит в гостиной у радио. Розарии было сорок лет, и седина только начинала пробиваться в ее черных волосах. Она сохранила стройную фигуру, а черты лица выдавали коренную венецианку – точеный нос, прекрасные карие глаза.

Розария украсила их скромный дом как смогла: покрасила стены в веселый желтый цвет, то и дело до блеска натирала воском серый линолеум, сшила муслиновые занавески – вроде простые, но по-своему изящные, с оборочками по низу. Украшения для рождественской елки она тоже изготовила своими руками, и теперь эти невесомые, будто сотканные из паутинок кружевные звездочки эффектно свисали с колючих ветвей. Саверио не раз замечал, что мать изо всех сил старается привнести хоть немного красоты в их жизнь.

– С тобой все хорошо, Ма? – заботливо спросил он.

– Да, да. – Она отмахнулась от сына тем же жестом, который только что сделал ее муж.

– Мне очень жаль, что так вышло.

– Стул починить не получится, – вздохнула она. – По-моему, с этим не справится и десяток столяров. Дерево уже никуда не годится. Пойдет на розжиг.

– Я куплю тебе новый стул.

– Лучше отложи деньги.

– Я так и сделал, Ма. Они наверху, под матрасом. Когда я наконец-то потратил деньги на что-то красивое, ничего хорошего из этого не вышло.

– Очень жаль, – сказала мать.

– Может, в следующий раз получится, – улыбнулся Саверио.

– Мне нравится наша елка, – заметила Розария, разглядывая елку от пола до макушки. – Будет грустно ее разбирать после Богоявления.

– Ты здорово ее украсила.

– Спасибо, Сав.

– Ты купила мне шляпу? – Саверио поднял стоявшую под елкой большую круглую коробку в оберточной бумаге.

– Да ты подглядел!

– Не-а, просто догадался по коробке, она ведь круглая.

– Я ее плохо завернула, – сказала мать извиняющимся тоном.

– Все отлично, Ма.

– Надеюсь, она тебе понравится.

– Шляпа мне нужна.

– Я знаю. – Она понизила голос: – В кепке ты не произведешь впечатления на руководителей оркестра. А я хочу, чтобы ты пошел на то прослушивание.

– Мне бы тоже хотелось, Ма.

– Ты всю душу вкладываешь в пение.

– Я верю в то, о чем пою, – признался он.

– Вот потому это так трогает людей.

Саверио сел рядом с матерью.

– Например, слова «В яслях дремлет дитя», – сказал он.

Розария обняла сына.

– Их написал человек, который держал на руках младенца, – улыбнулась она.

Саверио попытался отстраниться, но мать не отпускала и только крепче сжала его в объятиях.

– Ты навсегда останешься моим малышом.

– Ма! – смутился он.

– Я вырастила хорошего сына. Настоящего артиста. Я хочу, чтобы ты им стал. Помнишь, ты раньше писал стихи. Ты ведь мог бы сочинять песни – такие, как эта.

– Наверное, можно попробовать, – согласился он.

– Надо пробовать. Надо использовать свой талант. Грех этого не делать.

– Мне нравится петь в церкви.

– Ты ведь знаешь, когда в семье Пепаретти режут свинью, миссис Пепаретти всегда приносит мне кусок лопатки. А я люблю потушить ее в горшке, под соусом. В один год она принесла мясо, а оно не влезло в мой горшок. Кость оказалась слишком велика для моего несчастного горшка. Не было никакой возможности приготовить это мясо. Так что мне пришлось вернуть ей лопатку, иначе свинина так бы и пропала. Мне кажется, у тебя похожий случай: ты перерос свой горшок. Тебе тесно в хоре церкви Святого Семейства, а летний фестиваль в Дирборне всего лишь для любителей. Пора найти нечто побольше и получше, – заключила Розария.

– А как я узнаю, что мне это по зубам?

– Это проще всего. Если ты будешь нравиться людям, они тебе это покажут. А не понравишься, всегда сможешь вернуться на конвейер.

– Ты говорила об этом с Па?

– Нет. Он бы только обиделся. Твой отец не видит картин и не слышит музыки. Он человек ответственный.

– Вот как ты это называешь?

– Он твой отец, – напомнила ему Розария, хотя в этом не было нужды. Леоне был светилом в их маленькой солнечной системе; помимо них, больше ни для кого там не оставалось места. – Папа у нас практичный.

– А практичные люди не мечтают, – кивнул Саверио.

– Мечтают, просто о другом. Его мечта – сохранять за собой рабочее место, работать неделя за неделей, год за годом. Время от времени получать прибавку к зарплате. И чтобы хватало на аренду дома и можно было купить пальто, когда оно нужно ему, тебе или мне. Его мечта – обеспечить наши жизненные потребности. Он вырос в такой нищете, что для него еда, одежда, крыша над головой, даже самые простые, уже роскошь.

– Как и дети.

– О чем это ты? – удивилась Розария.

– Ма, почему у вас только один ребенок? Почему у вас не родилось больше детей?

– Я молилась: «Боже, пошли мне, что Тебе будет угодно». Он послал мне тебя, и все.

– Я хочу, чтобы у меня когда-нибудь было восемь детей.

– Целых восемь? – просияла Розария.

– Я хочу, чтобы у меня был дом, полный гомона, смеха, музыки, игр и детей. Здесь я один, и у нас слишком тихо. Хочу большой обеденный стол, за которым будут собираться все, кого я люблю. Хочу быть отцом, ответственным человеком. Но я не превращусь в такого, как он. Я буду доволен своей судьбой. Если мне достанется хорошая жена, уж я-то точно не стану ходить с унылым лицом. Я сделаю так, чтобы меня постоянно окружали люди. Хочу столько детей, чтобы мне трудно было их всех пересчитать и запомнить. Хочу быть таким, как мистер Дераа, – когда он зовет своих ребят домой, то путается, потому что не может припомнить всех имен. Хочу быть таким же озадаченным и не помнить, кто есть кто. Хочу, чтобы Рождество проходило шумно и все пели песни.

– В моем детстве дома у нас все было именно так. Только мы праздновали еще и Богоявление, после Рождества. Семья Мараско любила отмечать Рождество с толком и без спешки. Мы пели все рождественские гимны, шли на полночную мессу, а потом каждый обязательно получал что-нибудь особенное – пирог со смоквами, конфетку. На подарки нам не очень-то хватало.

– Как, у вас не было подарков? – удивился Саверио.

– У нас не было ничего, кроме друг друга.

– И этого вам хватало?

Мать ненадолго задумалась.

– Тогда я считала, что да.

– Может быть, потому Па такой несчастный. Кто знает – родись у него больше детей, он бы чувствовал себя на равных с другими мужчинам в нашей церкви. Ты же понимаешь, о чем я. Все они окружены детьми.

– Мне было достаточно тебя одного. Если Господь пожелал послать мне тебя и только тебя, хватило и этого. Большого я и желать

не могла. Саверио, попробуй понять папу. Ему ведь пришлось оставить свой дом.

– Это не оправдание.

– Но оно тебе поможет его понять. Только представь себе: английскому его научила я. Когда я с ним познакомилась, мне показалось, что он такой застенчивый и милый. Наверное, вначале он мне настолько понравился, потому что будто испытывал благоговение перед всем, что встречал, и я решила, что он, наверное, ценит мир и людей так, как здешние итальянцы уже не способны, они ко всему уже привыкли.

– Ма, но он не ценит тебя.

– Это уж моя забота.

Саверио поднялся на ноги.

– Я снял соус с плиты и выключил огонь, – сказал он.

– Ты мой славный мальчик.

Сын поцеловал мать в щеку, прежде чем подняться к себе в спальню.

Саверио повесил в шкаф свою воскресную одежду – единственную приличную пару шерстяных брюк и белую рубашку. Натянув фланелевые штаны от пижамы, он поежился от холода, застегнул до самого горла пижамную куртку и надел сверху свитер. Затем заполз в свою двуспальную кровать и свернулся там калачиком. Он уже начал засыпать, когда в дверь неожиданно постучали.

На пороге стоял отец, освещенный слабым светом коридорной лампочки.

– Па?

– Ты должен покинуть этот дом.

Отец говорил ровным, спокойным голосом. Значит, он не был в ярости, дело обстояло куда хуже – он принял решение. Да, он выпил, да, очень устал в конце рабочей недели, но в его приказе не было ничего туманного.

– Что? – выдавил наконец Саверио.

Юноша сел на кровати, но не сбросил одеяла, а закутался в него поплотней, как будто этот отрез шерсти мог защитить его от человека, который собирался изгнать из дома своего единственного ребенка.

– Уходи, – проговорил отец.

– В каком смысле?

– Ты недоволен своей работой. Я тебя больше кормить не намерен. Уходи и ищи собственную дорогу.

Саверио задрожал, несмотря на свитер, пижаму и одеяло, – задрожал так сильно, что зубы заклацали. Он знал своего отца. Отец слов на ветер не бросал.

– Но, Па... – Глаза Саверио наполнились слезами.

– Не хнычь! Мне было двенадцать, когда я покинул Италию. А я не хныкал. Ни тогда. Ни сейчас. У меня не было ничего. Я добрался сюда, не зная английского, всего с парой монет в кармане. У меня ничего не было. У тебя есть все, а ты не благодарен за это. Ни мне. Ни Богу. Ни матери. Ты узнаешь, что такое жизнь, когда поживешь. Сам увидишь.

– Ты хочешь, чтобы я ушел прямо сейчас? – спросил Саверио.

– Утром, – сказал отец. – И вернешься, когда на коленях вымолишь у меня прощение.

Он закрыл за собой дверь.

Саверио выбрался из кровати и застыл на полу, будто на островке безысходности. Не к кому было обратиться, никто не мог прийти ему на помощь. Он не знал, что ему делать – двигаться или стоять. Нужно было хорошенько подумать, но мысли, казалось, тоже застыли.

Он понимал, что наутро все будет только хуже. К утру мать успеет за него заступиться, и ему, возможно, дадут отсрочку, но вскоре все снова повторится. Он поссорится с отцом, и тот выгонит его из дома. Для Саверио не оставалось здесь места. Это больше не был его дом – да и был ли он его домом когда-нибудь?

Саверио подошел к платяному шкафу и стал изучать содержимое. Две пары рабочих брюк. Две рубашки. Пара хороших брюк (для церкви), одна хорошая рубашка (для церкви), один пиджак от костюма, доставшийся ему от отца, – серый, твидовый, лацканы узкие, такие уже давно вышли из моды. Он терпеть не мог этот пиджак, оставит его здесь. Обувь – пара рабочих ботинок на каучуковой подошве. Он сунул в них ноги. Пара черных ботинок (для церкви), он уложил каждый в отдельный полотняный мешочек. Воскресный галстук, шелковый, в черно-белую полоску. Черная шерстяная кепка-восьмиклинка. Ни шляпы, ни костюма, ни жилета, ни пиджака. Три пары белых хлопчатобумажных трусов, три белые хлопчатобумажные майки, три

пары черных шерстяных носков. Он достал брезентовую сумку оливкового цвета, с которой когда-то ходил в школу Святого Семейства, и аккуратно сложил в нее одежду. Туда же отправились четки, фотография матери, книга «Три газовых рожка» Рональда Нокса, которой его премировали на Дирборнском фестивале, и папка с нотами из церковного хора.

Присев на край кровати, Саверио вывернул свой бумажник. Семнадцать долларов и пропуск на «Ривер Руж». Он вытянул из-под матраца конверт со сбережениями. На заводе ему платили двадцать пять долларов в неделю. На этот момент Саверио успел потратить сто восемьдесят семь долларов из своего жалованья. Деньги пошли на половину стоимости новой кровли над родительским домом, трамвай на работу и обратно, обувь, рабочую одежду (фартук и перчатки, которые он надевал у конвейера) и, конечно, Рождество.

Он спрятал коробочку с цепочкой для Черил в сумку, прежде чем одеться. Казалось, сто лет прошло с тех пор, как он мечтал увидеть ее с этой цепочкой на шее. Поистине, миг отчаяния убивает человека скорее, чем счастливый миг спасает от гибели.

Он аккуратно сложил свою единственную пижаму поверх остальной одежды и застегнул сумку. Потом сел и написал матери письмо.

24 декабря 1932

Милая мама,

С Рождеством, моя дорогая матушка. Па велел мне покинуть дом. Я тебе напишу, когда устроюсь. Не волнуйся обо мне. Как ты сама мне сказала – не волнуйся, лучше молись.

С любовью,

Саверио

Заправив постель, Саверио сунул письмо под подушку, встал посреди комнаты и оглядел ее, пытаясь запомнить до мелочей – вот

кровать, покрывало, лампа, ночной столик, комод. Снова подумав о матери, он вынул деньги из сумки, отсчитал пятьдесят долларов и положил их в конверт с письмом, который вернул под подушку. После чего снял зачехленную мандолину с полки над платяным шкафом, подхватил сумку и открыл дверь. Удостоверившись, что в родительской спальне погашен свет, а дом погружен в тишину, он выбрался из комнаты, прокрался вниз по лестнице и прошел через гостиную, где стояла рождественская елка и еще лежали обломки стула. Мелькнула мысль взять из-под елки предназначенную ему коробку – новая шляпа очень бы пригодилась, – но Саверио решил оставить шляпу там, рядом с подарками, которые сам купил родителям. Он брал с собой только необходимое.

Парень бесшумно снял с крючка пальто, натянул связанные матерью перчатки и надел свою выдавшую виды кепку.

Единственный сын Леоне и Розарии Мараско Армандонада, проживающих по адресу 132, Боутрайвт-стрит, Детройт, штат Мичиган, открыл дверь и шагнул на крыльцо прямо в луч ясного белого лунного света.

В тот сочельник температура упала ниже нуля, но Саверио не ощущал холода. Внутри него горел огонь, тихий яростный огонь, вызванный гневом, который он слишком долго подавлял, подпитанный замешательством от того, что его не понимали, и подстегнутый болью от сознания, что он ни на что не годится. Надежды Саверио в сочетании с отторжением со стороны отца породили гремучую смесь, готовую взорваться и выбросить его из этой жизни – в новую.

Сердце юноши забило при мысли об открывшихся возможностях, и он пошел на свет.

2

4 июля 1938 года

Risoluto^[7]

Чичи Донателли погрузила ступни в прохладный влажный песок, закрыла глаза и вообразила, как ее ноги пускают корни далеко внизу, под илом, и эти корни ветвятся, подобно кудрявым гибким лианам, разрастаясь, пока не покроют все океанское дно. Вот какой эффект производила музыка Каунта Бейси^[8]. Когда Чичи слушала его *Swingin' the Blues* на радиостанции WBGO, вещавшей из Ньюарка, цветистые оркестровки Бейси заполняли весь окружающий мир, пока не оставалось места ни для чего, кроме его музыки. Чичи не хотелось упустить ни одной ноты.

Перед ней под раскаленным белым солнцем бесконечным полотнищем расстилался Атлантический океан, точно серебристая парча, что раскатывают рулон за рулоном. Она прихлопнула муху на голом, лоснящемся от пота плече и почувствовала, какое оно горячее. Чичи было двадцать лет. Ее гибкая невысокая фигурка заставляла мужчин оборачиваться ей вслед.

Когда тромбон дошел до глоссандо, высоко и чисто проигравшего возле ее уха, она вытянула руку, будто тоже пыталась дотянуться до великолепной, пульсирующей, высокой си. Потом к соло присоединился оркестр, девушка поправила красный шифоновый шарф, которым подвязала свои длинные, блестящие черные локоны, чтобы те не падали ей на лоб.

– Чичи! – позвала ее с пирса сестра, Барбара, но Чичи ее не услышала – на пляже было шумно, а радио играло в полную силу. День выдался прекрасный, просто великолепный, потому что принадлежал ей одной. Сегодня она ни перед кем не должна была отчитываться. Осознание этой свободы обволакивало ее, как теплый бриз с океана. Чичи наслаждалась законным отдыхом, солнце стояло

высоко и выглядело совсем как циферблат секундомера, только без стрелок и цифр.

Пляж у Си-Айл-Сити был до предела заполнен семьями со всех Соединенных Штатов, подгадавшими неделю отпуска в преддверии Дня независимости. Люди мельтешили везде, от кромки воды до прибрежных утесов. Тут и там на столбах колыхались полосатые зонты – оранжевые с белым, синие с розовым, красные с желтым, – под которыми растянулись в небывалой тесноте отдыхающие. Оставшийся без тени песок пестрел пляжными полотенцами и загорающими телами. С пирса этот изогнутый дугой разноцветный пляж очень напоминал рассыпанную банку мармеладного драже.

Променад поодаль тоже был полон народу, как и колесо обозрения, медленно поворачивающееся на солнцепеке. У «Муравейников Фьори»^[9], «Сахарной ваты Кору», «Жареной картошки Фундзо» и «Лучших горячих вафель с мороженым» выстроились длиннющие очереди, но, похоже, людей не раздражало долгое ожидание. Выкрашенные в яркие цвета карусельные лошадки плавно поднимались и опускались, кружась на дощатой бирюзово-золотой полосатой платформе.

Волны Атлантического океана шумно разбивались о берег, заглушая грохот колес по дощатому настилу американских горок, которые крутыми петлями нависали над буйками и пирсом; вдалеке был слышен визг пассажиров, только что резко скатившихся с высоты к самой воде.

Барбаре Донателли было двадцать два года. Одетая в комбинезон из жатого ситца, со спускавшейся на спину длинной черной косой, она выглядела обычной молодой женщиной, но держалась как замотанная заботами мать семейства. Барбара решительно подошла к Чичи и толкнула ее в спину, чтобы обратить на себя внимание. Чичи резко обернулась, вскинув кулаки, – она была готова дать отпор любому, кто посмеет до нее дотронуться.

– А, это ты. – Чичи опустила руки.

– Я тебе ору всю дорогу с Фонтейна, – укорила ее Барбара. – Ма велела тебе идти домой. Будут гости, ей нужна помощь.

– Но там же есть ты. А Па уже разжег гриль.

– Придут все наши кузены.

– А где Люсиль?

– Помогает тете Ви в ларьке с колбасками и перцем.

– У-у, – скривилась Чичи, крутя большим пальцем ноги в песке. –

Не хочу я в этом участвовать, у меня отпуск.

– У мамы отпуска не бывает.

Барбара знала, что достаточно упомянуть мать – и Чичи сделает все. Смирившись с судьбой, Чичи повернулась, чтобы последовать за сестрой сквозь лабиринт загорающих тел, но внезапно по пляжу раскатился пронзительный женский крик. Чичи быстро провела взглядом вдоль кромки воды. У самого берега молодая женщина вошла в воду и пыталась что-то выловить из волн.

– Мой мальчик! – снова закричала женщина. – Помогите! Кто-нибудь, помогите! Мой сын!

Другая женщина схватила молодую мать за талию, не пуская ее дальше. Белые барашки пены на гребнях волн заслоняли от берега пловцов, удалившихся от мелководья.

Не раздумывая, Чичи кинулась к кричавшей.

– Она не умеет плавать! – объяснила удерживавшая ту подруга.

– Там! Он вон там! – вскричала мать, показывая точку на воде. – Спасите моего сына!

Чичи взгляделась в прибой и различила не очень далеко от берега прыгающий на волнах пустой надувной плот зеленого цвета. Она бросилась в воду и поплыла.

Барбара, приставив ладонь ко лбу козырьком, чтобы заслонить глаза от солнца, искала взглядом спасательную вышку. Спасателя на ней не было.

– Моя сестра отлично плавает, – заверила Барбара несчастную мать, пытаясь ее успокоить, но это не помогло.

За их спиной послышался свисток спасателя, люди расступились, освобождая проход, и спасатель тоже кинулся в прибой. Рядом с ним заплясала на волнах красная доска-поплавок на веревке.

Добравшись до надувного плота, Чичи поднырнула под него, но в воде никого не увидела. Она попыталась перевернуть плот, предположив, что он мог за что-нибудь зацепиться – например, за корягу, а то и за смытую с пирса старую железнодорожную шпалу. Сердце колотилось от страха – ей никак не удавалось сдвинуть с места этот обтянутый тканью плот. Тогда она прошлась руками вдоль его краев. Основная веревка уходила в воду, на поверхности плавала лишь

привязанная к плоту петля. Она снова нырнула, проводя ладонями по виткам закрутившейся пеньки, и вскоре обнаружила под водой мальчика, безжизненно висящего головой вниз. Веревка обвилась петлей вокруг его щиколотки. Борясь с паникой, Чичи сосредоточилась на задаче, распутала узел и всплыла вместе с мальчиком. Но тут их накрыло волной. Ребенок выскользнул из ее рук. В отчаянии Чичи стала шарить руками в прибое. Волны подтолкнули мальчика к ней, она снова его схватила и вытянула на поверхность, воспользовавшись течением.

Чичи судорожно вдохнула. Крепко держа ребенка одной рукой, она молотила ногами в воде, отчаянно пытаясь нашарить свободной рукой плот. К ним уже приближался спасатель. Мальчик безжизненно качался на воде, скользкий, похожий на резиновую куклу. К тому времени, как до них добрался спасатель, губы ребенка успели посинеть. Он так и не открыл глаза. Спасатель что-то сказал Чичи, но она не слышала его указаний – казалось, она плавает в бутылке из толстого стекла, а мальчик, плот и спасатель где-то снаружи.

– Держитесь за плот! – повторил спасатель, приподнимая мальчика и укладывая его лицом вниз на спасательную доску.

Чичи подплыла к другому краю доски, чтобы не дать ребенку свалиться. Так они и поплыли к берегу: спасатель с одной стороны, а Чичи с другой, удерживая ребенка поровнее. Следом за ними прыгал по волнам на веревке плот.

Изо рта мальчика сочилась морская вода. На вид ему было не больше семи. На мелководье к ним бросилась мать, оттолкнув подругу и Барбару.

– Майкл! – крикнула она.

– Не подпускайте ее, – велел спасатель.

Барбара обняла молодую женщину за плечи, удерживая ее вместе с подругой. Казалось, все собравшиеся в тот день на пляже Си-Айла молча сгрудились на берегу, наблюдая, как спасатель делает искусственное дыхание мальчику, неподвижно лежавшему на доске, вытасченной на холодный песок.

Чичи встала на колени рядом с мальчиком. Спасатель начал давить ему на грудь и дышать в рот.

– Ну давай же, Майкл, – прошептала она ребенку на ухо. – У тебя получится. Давай, возвращайся.

Спасатель бережно и ритмично нажимал ладонями на грудь мальчика, пытаясь заставить его легкие работать.

Голубоватая кожа вокруг носа мальчика начала розоветь. Он дернул шеей. Спасатель помог ему повернуть голову набок, и ребенка немедленно вырвало морской водой. Он начал судорожно хватать воздух ртом. Чичи и спасатель помогли ему сесть. Спасатель легонько постучал по его спине. Мальчик наклонился и отхаркнул еще немного воды. Вскоре, почувствовав жжение в горле, он схватился за шею и расплакался. Мать вырвалась из рук Барбары, подбежала к сыну, рухнула на песок рядом с ним и сжала в объятиях, сотрясаясь от рыданий. Грудь ребенка тяжело поднималась и опускалась.

Чичи села на корточки, не спуская глаз с сына и матери. Майкл свернулся калачиком в материнских объятиях, его бледно-розовая спина напоминала завиток ракушки. Он плакал. С каждым всхлипом ровная линия его позвоночника плавно шевелилась, как звенья цепи.

Спасатель знаком показал зрителям, что ребенок в безопасности. Толпа встретила это известие радостными возгласами. Чичи была уверена, что восторженный вопль раскатился по всему пляжу, до самого Уайлдвуд-Креста. Все стали лихорадочно обсуждать счастливый конец: «Будет жить!», «Ожил!», «Бедняга, чуть не умер!» Барбара забросала песком то место, куда ребенка вырвало, скрывая все следы происшествия. Спасатель погнал пляжников обратно к зонтам и покрывалам. Все с облегчением отошли от кромки воды. Значит, сегодняшний день все-таки будет самым обычным, без трагических происшествий.

Чичи продолжала смотреть на мать с сыном. Она закусила губу и почувствовала соленый вкус. Но это была не морская вода, а слезы.

– Сколько нас будет всего, Ма? – спросила Барбара, высовываясь из кухонного окна.

– Думаю, человек двадцать пять, но если придут Рапукки, то все тридцать, – улыбнулась ей Изотта, накрывавшая вместе с Чичи стол на заднем дворе их свежевыкрашенного дома в Кейп-Коде.

Скатерть в красно-белую клетку ровно легла на деревянную поверхность стола.

Изотта Донателли была итальянкой венецианского происхождения, но в свои сорок пять, проведя столько лет замужем за

Мариано, неаполитанцев знала как облупленных. У нее были теплые карие глаза, бледная кожа, прекрасные белоснежные зубы и крупный прямой нос, какой часто встречается у северных итальянцев. Улыбка у нее была широкая и сияющая. Как и у дочерей, у нее были длинные темные волосы, однако тронутые сединой у висков; она их заплетала в косу и укладывала в узел.

– Ну как же так вышло? – посетовала Чичи. – Ты ведь вроде бы собиралась в этом году не дать числу гостей выйти из-под контроля, Ма. Я не хочу работать, когда у меня выдалась неделя отпуска. Хочу загорать и отдыхать.

Средняя дочь Изотты уже успела заколоть в пучок свои мокрые волосы, но пока оставалась в красном раздельном купальнике, открывавшем с полдюйма загорелой талии. Трусики, скроенные на манер мужских, как короткие шорты, заканчивались на середине бедер. Чичи надеялась провести время после обеда, укладывая волосы в прическу, чтобы затем влезть в сарафан и золотистые сандалии и протанцевать ночь напролет в павильоне на променаде.

– В этом и состоит проклятье жизни на побережье, – сказала Барбара, опуская на стол стопку тарелок. – Все лето напролет на пляж выбрасывает родственников.

– А кто вообще придет? – спросила Чичи, раскладывая столовые приборы.

– Кузены из Мичигана, – начала перечислять мать, попутно пересчитывая места и тарелки.

– Фермеры, – вставила Чичи.

– Сталелитейщики, – поправила ее Барбара.

– А в чем разница?

– Первые волокут корзины перцев для закуток, а вторые привозят каталог «Форд» с новыми моделями 1938 года, – мечтательно сказала Барбара. – Один подарок нам только прибавит работы, а вот другой – моя книга мечты.

– Кузина Джузи – помнишь ее, она дочь троюродной сестры моей матери, – так вот, она приведет свою кузину по мужу. Которая вышла за того типа из Италии примерно тогда же, когда мы с твоим отцом обвенчались. Его фамилия Армандонада, – пояснила Изотта.

– То есть с самой Розарией мы не в родстве? – уточнила Барбара.

– Я знаю! Нам надо просто открыть ресторан. Тогда, по крайней мере, мы начнем зарабатывать деньги, вместо того чтобы бесплатно кормить всех этих двоюродных и семиюродных родичей, – проворчала Чичи.

– Сын Розарии – певец.

Чичи сузила глаза:

– А он выпустил какие-нибудь пластинки?

– Об этом тебе придется спросить у его матери.

– А я ведь спрошу, ты же знаешь.

– Заранее сочувствую девушке, которой достанется такая фамилия. Звучит как название баржи времен Нерона. – Барбара последовала за сестрой, расставляя вазочки для салата. – Зачем вообще выходить за итальянца из Италии? Викторианство какое-то.

– Не знаю, Барбара, – улыбнулась мать. – Может быть, по любви?

– Для каждого человека любовь имеет свое, особое, значение, – напомнила ей Чичи. – Ты слышала о Монике Спадони? Родители просватали ее за парня, которого она в глаза не видела, из деревни, где она никогда не бывала, из семьи, которой она не знала, – и все это после одной-единственной фотокарточки, которая была прислана авиапочтой из Неаполя.

– А он был красивый? – спросила Барбара.

– Чрезвычайно. Но это оказалось его единственным достоинством. Моника понятия не имела о том, что ее ждет, – помимо его роскошной физиономии, конечно. И вот сходит он с корабля в Нью-Хейвене. Моника влюбляется в него без памяти. Они венчаются, и тут выясняется, что он человек злой и жестокий, ну она и почувствовала себя обманутой. Довольно скоро он пустил по ветру все ее сбережения, оставил без гроша и вернулся в Италию к жене и детям.

– Как романтично! Рассказывай еще, Чичи. – Барбара аккуратно скрутила салфетки и принялась раскладывать их по тарелкам. – Кто же не любит скандальных историй о двоеженцах?

– А мораль тут какая? Да, Моника взвалила себе на шею истинное сокровище прямо из Катании. Но она получила урок. Питайся плодами из собственного сада, потому что в противном случае никогда не знаешь, что получишь.

– Но это ведь исключение, Чичи, – сказала мать. – Обычно, когда семья устраивает *ambasciata*^[10], они из кожи вон лезут, чтобы найти

для дочери подходящего жениха. А вовсе не выдают ее за первого встречного.

– Одной ошибки достаточно, чтобы испортить себе всю жизнь, – напомнила Чичи. – Кто нас этому научил, Ма?

– Ну, я.

– Куда березовое пиво^[11], Изотта? – Мариано, за которым Изотта была замужем вот уже двадцать четыре года, толкнул ногой заднюю калитку и вошел во двор, неся на плече отливавший серебром бочонок.

У кряжистого плотного лысоватого Мариано были мускулистые предплечья каменщика. Недавно он отрастил тонкие усики в подражание киноактеру Уильяму Пауэллу.

– Мариано, немедленно поставь бочонок! Девочки, помогите папе.

– Папа, о чем ты только думал? – кинулась к нему Барбара. – Взял бы тележку.

– Ты спину надорвешь! – Чичи вместе с Барбарой сняли бочонок с его плеча и устроили на низком каменном заборчике, который отец в свое время собственноручно сложил из валунов.

– Поглядите на меня, я даже не вспотел! – Мариано победно поднял ладони. – Я такой же сильный, как в тот день, когда ты вышла за меня замуж, Изотта. – Он вынул из кармана кран и передал его Чичи. Девушка приладила его к бочонку. – А я нажарил достаточно сосисок? – с тревогой спросил он, разглядывая накрытый стол. – Тут же уйма тарелок.

– Да-да, сосисок хватит, – заверила его Изотта.

– Ма, мне отправлять противни в духовку? – крикнула из кухонного окна Люсиль.

– Да, милая, и пусть она себе греется. Что ты принесла?

– Четыре дюжины свежих булок, две сковороды колбасок с жареным перцем, сковороду яичницы с перцами и еще одну с баклажанами. Тетя Ви прислала три пиццы с картошкой и четыре *pizza alige*^[12].

– Еды у нас более чем достаточно, – заключила Барбара, расставляя напитки на отдельном столике.

– Кто поможет папе с мороженым?

– Я! – Чичи последовала за отцом в подвал, где хранилась мороженица.

Люсиль появилась из кухни, откусывая от булки.

– Булки оставь для гостей, – пожурила ее Барбара.

– Да их тысячи, всем хватит, – отмахнулась Люсиль с полным ртом.

Восемнадцатилетняя Люсиль была в семье младшенькой – и самой красивой из сестер, хотя сама того даже не сознавала.

– Мне переодеться? – спросила она.

Изотта и Барбара оглядели Люсиль с головы до ног. Она была в рабочих башмаках и джинсовом комбинезоне, забрызганном жиром из фритюрницы.

– Да! – хором сказали они.

Люсиль картинно закатила глаза и отправилась в дом переодеваться.

– Если бы она еще и знала, как хороша собой, то была бы по-настоящему опасна, – тихо сказала матери Барбара.

– А ты ей не говори.

Чичи с отцом вышли из подвала. Он нес деревянный бочонок с ручкой – это и была мороженица. Чичи тащила следом мешок каменной соли.

– С каким вкусом готовить мороженое? – спросила Чичи, устанавливая машинку и высыпая соль во внешний контейнер.

– Ванильное, – предложила Барбара.

– Всего-то скучная ваниль? Ну же, Барб, придумай что-нибудь поинтереснее.

– А зачем спрашивать, если тебе не нравится, что я предлагаю?

– Я хотела проверить, решишься ли ты однажды предложить что-нибудь порискованнее.

– Ваниль подходит ко всему, – упорствовала сестра.

– И это отлично, – сказал Мариано, опуская куски льда в миску под мороженицей. – Особенно если брызнуть туда рому.

– Здорово, папа! – ухмыльнулась Чичи. – Всегда забавно, когда двоюродные тетки соловенут от мороженого.

Праздник у Донателли по случаю Четвертого июля вылился с заднего двора на веранду, а некоторые кузены и вовсе уселись с тарелками на переднем крыльце и на лужайке перед домом. Вверх и вниз по Сэнд-Пойнт-стрит соседи тоже пировали на свежем воздухе –

живущие на побережье семьи обычно устраивали в это время свои ежегодные летние вечеринки. Старики искали тени под зонтом, водруженным над столиком, или подставляли лицо свежему бризу, веявшему под увитой виноградом аркой, которая вела, как зеленый коридор, от вымощенной камнем тропинки сбоку от дома до заднего двора.

Изотта хорошо воспитала своих дочерей. Люсиль и Барбара подносили еду гостям и следили, чтобы напитки у всех были холодными, а стаканы – полными. На кухне Чичи воткнула ложечки в батарею стеклянных бокалов с мороженым и ломтиками свежей клубники. Загрузив бокалы на поднос, она толкнула бедром сетчатую дверь, вышла в сад и в первую очередь занялась старшим поколением – просунула голову под зонт и предложила старикам десерт.

– Чичи, ты знакома с моей кухней Розарией? – Джузи Фьерабраччо взяла с подноса два бокала и вручила один кухне. – Миссис Армандонада. Она из Мичигана. Точнее, из Детройта.

Узор легкого платья без рукавов взрывался разлапистыми пальмовыми ветвями на крепкой фигуре Джузи.

– Благодарю, что пригласили меня, – сказала Розария, пробуя мороженое.

– Мы были только рады. Как видите, уж что-то, а гостей мы любим, – улыбнулась Чичи. – Поосторожнее с мороженым, мы его кое-чем заправили.

– Алкоголь испаряется на солнце, – заявила Джузи, помахав ложкой и роняя ее обратно в бокал. – В жару просто невозможно захмелеть, все градусы выходят из человеческого тела через поры.

– Сегодня после обеда я сходила на пляж, – начала Розария.

– Погода выдалась великолепная, – кивнула Чичи, предлагая мороженое проходящим мимо гостям.

– Вы спасли жизнь тому мальчику.

– Да ну, пустяки, – покраснела Чичи.

– Нет-нет, для того мальчика и его матери это значило все. – Розария обернулась к Джузи: – Она просто взяла и прыгнула в океан, чтобы спасти ребенка. Не раздумывая. Не стала ждать спасателя.

– Просто я стояла близко к воде, – негромко сказала Чичи. – Любой другой на моем месте помог бы.

– На берегу были сотни людей, но именно вы вошли в воду и спасли мальчика!

– А я боюсь воды, – призналась Джузи, зачерпывая ложечкой мороженое. – По мне, океан чересчур опасен и загадочен. Ах, *Madone!* [13] Везде что-то хлюпает, пенится, и снизу, и по бокам, а в глубинах плавают странные рыбы, многие из них такие зубастые. Никогда не знаешь, на что наткнешься. Не люблю я этой неизвестности и зыбкости. Сказать вам правду, я даже лодки недолюбливаю. Лучше уж я останусь на твердой почве, под зонтом, с хорошей книжкой. Вот такое побережье мне по нраву.

– А что, отличные каникулы! – рассмеялась Чичи.

– Надо знать, что тебе нравится в жизни, – поучительно сказала Джузи, – или потеряешь драгоценное время, делая то, что нравится другим. – Она проглотила мороженое и заключила: – Не будь последовательницей, Чичи. Будь предводительницей.

– Усвоила.

– А вам нравится музыка биг-бэндов? – спросила Розария у Чичи.

– Ты шутишь, Роза? У Донателли все дочери музыкантши. Эта девочка выступает вместе с сестрами. – Джузи показала на Барбару, разливавшую березовое пиво, и на Люсиль, уносившую на кухню пустые подносы. – Причем отлично выступает. Наш си-айльский ответ сестрам Долли [14]. Они поют в церковном хоре и на танцевальных вечерах при Обществе Святого Имени.

– Мы и пару пластинок записали, – добавила Чичи.

– Какая прелесть! – восхитилась Розария. – А мой сын поет с оркестром Рода Роккаразо. Они всю неделю выступают в отеле «Кронеккер».

– Он там солист?

– Да. Есть и девушка-солистка. Они то поют дуэтом, то по очереди выступают с оригинальными номерами. Хотите сводить свою семью на концерт сегодня вечером?

– Я думаю, они будут в восторге!

– Тогда я договорюсь насчет контрамарок.

– Благодарю вас, миссис Арман...

Джузи предостерегающе подняла руку:

– Позволь мне. *Армандонада*. Как будто рот набит макаронами, а ты еще и фрикадельку туда пихаешь. Ума не приложу, как твоему мужу

удалось проскользнуть через остров Эллис^[15] и остаться при своей фамилии!

Розария проигнорировала ее замечание и посмотрела на Чичи.

– Так я скажу Саверио, что вы придете, – улыбнулась она.

Проталкивалась сквозь толпу гостей и разнося мороженое, Чичи обернулась, чтобы поглядеть на Розарию, носительницу невероятной фамилии. Розария была из тех итальянок, кто в простом льняном платье, сандалиях и с незатейливым медальоном выглядит настоящей королевой.

А Розария видела в Чичи Донателли что-то вроде ангела. Этой юной девушке не понять, что значило для той матери спасение сына из океанских волн. Чичи понимать этого еще не могла, зато Розария понимала как никто.

Поднимаясь по крыльцу отеля «Кронеккер», Чичи развязала и снова завязала бант на плече – бретелька то и дело сползала. Этот сарафан из легкого ситца в розовую и зелено-голубую клетку она сшила сама. Люсиль была одета в голубой пикейный сарафан с большой декоративной заплаткой в форме ананаса на прямом подоле. Барбара облачилась в платье из полупрозрачной розовой органзы с поясом из вышитых маргариток.

– Барышни, я здесь! – позвал их с улицы Чарли Калца.

– Ну скорее же! – подстегнула его Барбара.

– Твой парень вечно опаздывает, – посетовала Чичи. – Если мы из-за него пропустим концерт, я задам ему трепку собственными руками.

– Я сама с ним справлюсь. Я постепенно учусь терпению, – ответила Барбара.

Чарли взбежал по ступенькам и просочился сквозь толпу, чтобы присоединиться к девушкам.

– Простите. Мне пришлось устанавливать денежные ящики в билетной кассе.

Чарли был парнем Барбары еще с детства. Высокий и плотный, он расчесывал темно-каштановые волосы на косой пробор и приглаживал их помадой, как будто по-прежнему готовился к школе в первый день учебного года. Чарли работал счетоводом в павильоне на променаде Си-Айла, и благодаря ему сестры Донателли побывали на концертах

всех заезжих музыкантов, от Фреда Уоринга до Глена Миллера. Теперь он удовлетворенно оглядывался.

– Шикарное местечко, – заметил он.

– Иногда хочется отдохнуть от павильона, – сказала Барбара.

Отель «Кронеккер» и ресторан при нем размещались в массивном викторианском особняке на Оушн-драйв, занимавшем почти весь квартал. Выкрашенный в респектабельный серый цвет, с коралловой отделкой, отель славился отличными морепродуктами и изысканно обставленным бальным залом, в котором выступали известные танцевальные оркестры.

У дверей Чичи сослалась на Розарию, и всю компанию немедленно провели к одному из лучших столиков в передней части кишашего людьми бального зала. Благодаря широко распахнутым огромным окнам ночной воздух свободно гулял по помещению, остужая толпу. Шелковые шторы надувались и развевались под океанским бризом, как бальные платья.

– Это ты, Чичи? – спросил знакомый голос у них за спиной.

– Рита! Ты-то что здесь делаешь?

– У меня свидание с парнем. Он такой симпатяга! – Рита Мильницки, лучшая подруга Чичи с фабрики, показала на свой столик: – Один из братьев Озелла, ты их знаешь. Хорошая семья. Из прихода Святого Доминика.

– Ага, вижу. Тебе достался тот, который красавчик.

– Знаю. Дэвид. Но он – не тот, который богач. Его заграбастала Линн Энн Миничилло. А почему ты сидишь прямо у сцены? Собираешься выступить? – Рита поправила свою кокетливую шляпку без полей и пригладила оборки на кисейной юбке с вышивкой в горошек.

– Нет, мы пришли послушать музыкантов.

– Говорят, они отличные, – сказала Рита.

– Пойдем попудрим носик? – спросила Чичи, беря Риту под руку. – Тебе это просто необходимо.

– С моим носом все в порядке! – воспротивилась Рита.

– Ну а мой лоснится, как жареный перец. Мне нужна компания, – заявила Чичи. Они протиснулись сквозь толпу и вышли в фойе. Чичи задумчиво измерила взглядом коридор. – Вообще-то я хочу поздороваться с мистером Роккаразо, – призналась она.

– А ты разве с ним знакома? – удивилась Рита.

Чичи не ответила. Рита последовала за ней по коридору до самой кухни.

– Кухня – центр всего, – прошептала Чичи. – Отсюда даже на сцену можно попасть.

– А ты откуда знаешь?

– Мария Барраччини работает здесь официанткой, она мне кое-что рассказала.

– То есть ты уже все тут разнюхала? – округлила глаза Рита.

– Ага, никогда не пропускаю фильмов с Мирной Лой^[16], – ухмыльнулась Чичи.

Рита пошла за Чичи через раскаленную гостиничную кухню. Это был настоящий конвейер, только очень беспорядочный, исполнявший своеобразную симфонию из лязга, треска, шипения и выкриков; шеренга поваров переворачивала стейки на гриле, подбрасывала креветки на сковородах среди вспышек пламени и выуживала сеточки с моллюсками из пышущих паром алюминиевых кастрюль, в то время как официанты составляли на подносы белые тарелки с готовыми блюдами. Занятые грязной посудой поварята были так загружены работой, что едва обратили внимание на Чичи и Риту, пробиравшихся мимо раковины.

– Надеюсь, от меня теперь не несет жиром из фритюрниц, – заволновалась Рита, обмахивая свои рукава. – Я надушилась «Убиганом». А вдруг этот чад его заглушит?

– Все в порядке, мы ведь там не задерживались, – успокоила ее Чичи.

Они шли по длинному коридору, одна стена которого была увешана афишами прошлых танцевальных вечеров, а другая являла собой вереницу закрытых дверей. Чичи трогала каждую дверь, проходя мимо, будто пытаясь угадать, кто стоит за ней. Из дальнего конца коридора доносились звуки настраиваемых инструментов, на последней двери висела написанная от руки табличка «ОРКЕСТР». Чичи наклонилась поближе к замочной скважине, прислушиваясь к гаммам и трелям духовых, заглушавшим разговоры в комнате. Коридор заканчивался дверью на веранду. На ней красовалась надпись «ПЕВЦЫ».

– Наверняка он там, курит вместе с солистами, – прошептала Чичи, толкая сетчатую дверь. Опоясывавшая этаж веранда пустовала, за исключением столика с зеркалом, подготовленного для коррекции макияжа, пары плетеных кресел и – двух силуэтов, мужчины и женщины, которые наслаждались минутой уединения.

Женщина примостилась на перилах веранды, а мужчина прижимал ее к себе, обвиваясь вокруг нее, как сорняк, душащий розу. Он страстно целовал ее шею; его каштановые кудри упали на лоб, и женщина их поправила. Ее руки опустились на его шею, затем на плечи, и она начала их массировать, как будто месила тесто для лапши. Чичи и Рита переглянулись и снова уставились на пару.

Женщина захихикала и отодвинулась, заметив, что на них вытаращились две незнакомки. Ее нога, ловко обвившаяся вокруг талии мужчины, сползла вниз по его ноге, а светло-зеленая лайковая туфелька соскользнула со ступни и свалилась на пол. Молодой человек поглядел на туфлю, затем через плечо – на Чичи и Риту.

– Простите! – выпалила Чичи, вытолкала Риту с веранды и захлопнула дверь.

– Пошли отсюда! – скомандовала Рита.

Девушки пустились бежать. Они пронеслись по коридору, через кухню, вылетели из кухонных дверей и не останавливались, пока не оказались снова в бальном зале.

– Какой кошмар! – задыхаясь, выдавила Рита. – Надеюсь, я их больше никогда в жизни не увижу.

– Сейчас увидишь. На сцене, – сухо напомнила Чичи.

Чичи села на свое место у переднего столика, а Рита присоединилась к семейству Озелла. Достав из сумочки губную помаду, Чичи быстро подкрасила губы, глядясь в широкий нож для масла, как в зеркальце, затем вернула помаду на место, поправила бретельки сарафана и выпрямилась на стуле.

Что-то ее привлекало в том молодом человеке, хоть у него уже явно была другая. Ей понравилась его уверенность в себе. То, как он обнимал девушку, выглядело именно как любовные объятия, а не как беспорядочное лапанье в исполнении некоторых парней, с которыми ей довелось встречаться. Он держался самодовольно, будто шейх, но ей понравилось, что он был итальянцем, как и она сама. И по возрасту они вполне совпадали; глядя на него, она думала, что ее собственная

музыкальная карьера тоже еще может состояться. Впрочем, не исключено, что ей просто хотелось очутиться в объятиях такого мужчины. Она отмахнулась от этой мысленной картины. Он принадлежит другой женщине, а Чичи ни за что не стала бы кадрить чужого парня. Опасность такого рода была ей незнакома – до поры до времени.

Чичи поежилась и пожалела, что не захватила свое кашемировое болеро. Ночью на побережье иногда бывало прохладно, даже в июле.

Когда начали приглушать свет, Рита открыла пудреницу. Если до беготни за Чичи ей не требовалось привести нос в порядок, то уж теперь-то это стало необходимым. Она бережно прошлась по лицу замшевой пуховкой. Семейство Озелла развернуло свои стулья, чтобы лучше видеть сцену.

Конферансье Базз Крейн, самый знаменитый ведущий в этих краях, шагнул в круг нежно-розового света и объявил оркестр Роккаразо. Музыканты гуськом прошли на сцену и заняли свои места под аплодисменты зала. Когда раздались первые такты мелодии, Чичи поняла, что свинг они играют мастерски. Барбара толкнула ее в бок, заметив, как Розария Армандонада садится за один из передних столиков вместе с кузиной Джузи.

Род Роккаразо возник из закулисной тени, встал у микрофона посреди сцены в лучах прожектора и представил свой ансамбль. Духовые привстали и протрубили залихватский джазовый рифф, а барабанщик изо всех сил колотил своими палочками. Два луча света перекрестились. В одном стояла давешняя девушка с перил, пепельная блондинка, а в другом – тот самый донжуан, которого Чичи с Ритой застукали на веранде, привлекательный юноша калабрийского типа. Он небрежно отбросил со лба густые кудри. Легко было представить этого красавца в любой американской семье итальянского происхождения в Си-Айле. Чичи повернула голову, чтобы переглянуться с Ритой. Рита подмигнула в ответ.

Глэдис Овербай и Саверио Армандонада выступали складно, по налаженной программе: песни – исключительно любовные, эдакое романтическое па-де-де с несложной музыкой, великолепно подходившей для танцев. Пары закружились, едва в зале притушили свет. Чичи почувствовала, как деревянный пол проседает под весом танцующих пар, скользящих мимо нее в своих кремовых костюмах и

платьях на бретельках. Она закрыла глаза, прислушиваясь к голосу Саверио. У него был необычно звучащий сочный тенор. Глэдис пела заурядным хрипловатым альтом. Их голоса не очень хорошо сочетались, но для оркестра такого уровня и подобного развлекательного вечера вполне годилось.

Базз взялся за микрофон.

– Леди и джентльмены, мне рассказывали, что здесь, на джерсийском побережье, живет множество итальянцев, так что мы привезли вам бутылочку острого итальянского соуса, чтобы оживить вечер. поприветствуйте «Смешливых Сестричек», которые приехали к нам из благоуханного Норт-Провиденса в Род-Айленде. Не пропустите их пластинку «Мамаша-пистолет» от студии «Джей-энд-Джей Рекордс»!

Перед микрофонами выросли три самые блистательные девушки, каких Чичи когда-либо встречала в своей жизни. В золотой парче шикарных облегающих платьев до середины икры, закрепленных на плече огромным бантом, они смотрелись как три платиновые палочки для коктейля. Чичи внезапно почувствовала себя десятилетней, а сшитый дома клетчатый сарафан показался ей не наряднее столовой салфетки.

– Я Хелен Десарро, – представилась зеленоглазая блондинка.

– Я Тони Десарро, – помахала зрителям миниатюрная рыжеволосая девушка, искрясь улыбкой.

– А я умираю от скуки, – заявила мрачноватая брюнетка, глядя вдаль через головы зрителей. Зал расхохотался.

– Может, споем *Marie*? – предложил Саверио.

– Только если она обо мне. Меня, кстати, Анной звать. Анна Стасиано, – сообщила брюнетка.

– А как же Глэдис? – спросила Хелен.

– Она вышла пошептать с пачкой «Лаки Страйк», – объяснил Саверио.

– Ну, тогда ладно, – пожала плечами Хелен. – Будем только мы, «Смешливые Сестрички», и Савви.

Девушки сгрудились вокруг микрофона Глэдис, а Саверио остался у своего. Оркестр заиграл первые такты введения к *Oh Marie*.

– Леди и джентльмены, – объявил в микрофон Род, – танцуют все!

Ритмично покачиваясь, «Смешливые Сестрички» стали притоптывать в такт. Зрители отодвинулись от сцены. На этот раз танцующих пар было так много, что они стояли почти бок о бок, как консервированные персики в банке с сиропом. Саверио солировал, а девушки повторяли за ним строчки и обеспечивали эхо тремя безупречно слаженными голосами.

Барбара танцевала с Чарли, Люсиль – с младшим из мальчиков Озелла. Чичи вытряхнула сигарету из оставленной Чарли на столе пачки и прикурила от свечи на столе. Она не была заядлой курильщицей, но в этот вечер ей требовалось отвлечься. Вид «Смешливых Сестричек» пробудил у нее приступ изжоги, который в семействе Донателли называли «зеленой тоской» и обычно объясняли обыкновенной завистью.

Ведь «Сестры Донателли» тоже раз сто, не меньше, спели эту заезженную песню на бесчисленных свадьбах и собраниях «Сынов Италии», а также на множестве церковных праздников к северу и к югу по побережью. Сестры Чичи держались гармонии и попадали в ноты независимо от того, было ли настроено аккомпанировавшее им пианино и попадал ли саксофонист по клавишам. Так почему бы им тоже не выступить с большим оркестром? Почему бы и им не обзавестись красивыми платьями, приличными прическами и покрашенными ногтями и не путешествовать с настоящими музыкантами, у которых и тромбон, и саксофон?

Чичи решила, что не позволит ничему встать на пути «Сестер Донателли» к записи шлягера. В выступлении имело значение все: выбор песен, аранжировка, одежда, но особенно – звучание. Каждая написанная Чичи песня обладала достаточным потенциалом, чтобы швырнуть ее из неизвестности прямо в центр внимания публики. Чичи лихорадочно строила планы и даже вспотела от напряжения. Казалось, она собственноручно перетаскивает камни, из которых предстоит возвести пирамиды.

Чичи наблюдала за свободно державшимся на сцене Саверио. Он как будто отошел на задний план, оставив «Смешливых Сестричек» отдуваться за него, а сам притопывал ногой, оглядывая танцующих, оценивая интерес зрителей к песне, вкладывая при необходимости ровно нужное количество усилий и не утруждаясь, когда в этом не было потребности. Солист всегда мог себе позволить отдыхать на

сцене. Но не девушки. Они должны были изображать чувства, трогать сердца и притягивать зрителей.

Пробравшись сквозь толпу под последние ноты *Oh Marie*, Розария взяла Чичи за руку.

– Я хочу познакомить вас с моим сыном, – сказала она.

– Не стоит беспокойства, миссис Армандонада, – отказалась Чичи. – Он ведь занят.

– У него сейчас перерыв, – настаивала Розария.

– Я уверена, что он хочет отдохнуть.

– Для этого еще будет время. Пойдемте со мной.

Чичи хотелось провалиться сквозь землю. Розария тащила ее за собой, расталкивая людей, а Чичи страдала: платье не то, сандалии тоже, локоны висят печальными сосульками. Да еще и нынче после обеда у нее сгорел на солнце нос, когда она прибирала во дворе после гостей. Совсем не так она планировала выглядеть, представляя себе минуту, когда пробьется на профессиональную сцену. К тому же – ну как скажешь матери, что видела, как ее сын стоя занимался любовью с девушкой из того же ансамбля незадолго до начала концерта?

– Саверио, это Чичи Донателли, – представила ее Розария. – Сегодня я обедала у нее в доме.

– Привет, Саверио. Какая удачная программа!

– *Grazie*^[17].

А вот Саверио выглядел весьма привлекательно. И кудри у него не развились. Нос, правда, немножечко кривоват, но это не имело значения. Он был галантен и вежлив – прямо мечта любой итальянской матери. Розария вернулась к своему столику, Чичи – к своему, и представление продолжалось.

Саверио встал у микрофона. Оркестр настроился на заключительную часть концерта. Чичи внимательно следила за сценой. Вот и Глэдис присоединилась к Саверио в лучах софитов. Солистка переделалась в чрезвычайно элегантное вечернее платье – воздушное, с открытыми плечами, сшитое из чесучи медового оттенка и собранное на талии настоящим водопадом искрящихся стразов. Саверио протянул к ней руку, она ее приняла. Он поклонился. А когда выпрямился, они завели *By the Sea*.

Чичи заинтересовало сценическое мастерство солиста и солистки. Она следила за тем, какие именно песни они отобрали для исполнения

и как определенные мелодии сочетались друг с другом в программе выступления. Взаимодействие этой пары с оркестром отдавало магией, и дело было не просто в том, как они пели и держались. Они не выставлялись, как блестящие безделушки в витрине, призванные завлечь потребителя на игру инструментов, – напротив, своей молодостью и красотой они олицетворяли основную мысль программы. Глэдис и Саверио были влюблены друг в друга, и это делало их выступление убедительнее; связь между ними была гладкая, как шелковый чулок. Их взаимное притяжение тоже было частью представления.

Чичи шла одна домой под луной, которая то выскальзывала из низко висящего тумана, то снова пряталась, половинчатая, как полунота. В дороге ей удалось хорошенько поразмыслить над всем увиденным и услышанным за вечер. Пришлось вежливо отклонить приглашение миссис Армандонады задержаться и угоститься десертом вместе с ее сыном и Джузи. Чичи была не в настроении для подобных развлечений. Подумать только, они с Саверио практически ровесники, а она все еще не перепрыгнула из любителей в профессионалы. Иногда – как, например, в этот вечер – она опасалась, что ее музыкальная карьера так никогда и не осуществится. Поэтому последнее, чего ей сейчас хотелось, это проводить время с человеком, который уже заполучил карьеру ее мечты.

Когда она толкнула сетчатую дверь на переднем крыльце родного дома, из кухни донеслись голоса семьи. Чичи закинула сумочку на диван и сбросила сандалии. В воздухе висел густой аромат свежего кофе, корицы и сдобного кекса.

Все стулья вокруг кухонного стола были заняты. Мать Чичи, отец, сестры и Чарли Калца горячо спорили о строившейся у павильона автомобильной парковке. Чичи выдвинула из-под раковины табурет и втиснулась между Люсиль и матерью.

– Ты где пропадала? – спросила Барбара, наливая сестре кофе.

– Наверняка обрабатывала певца, – предположила Люсиль, передавая Чичи блюдец с ломтем кекса и вилку.

– Меня ему официально представили. Ну, почти.

– Я так и знала. – Люсиль отпила кофе. – Она его обработала.

– Если мы хотим попасть на радио, нужно налаживать связи, – пояснила Чичи.

– Вообще он довольно симпатичный, этот Саверио, – признала Люсиль.

Барбара воткнула вилку в кекс и заметила:

– Ужасно тощий.

Чарли похлопал себя по животу и удовлетворенно заявил:

– Я рад, что тебе нравится немного мясца к картошке.

– И к кексу. – Мариано передал Чарли сливки для кофе.

– Спасибо, мистер Донателли.

– Девочки, завтра утром встаем пораньше и репетируем, – объявила Чичи, снимая вилкой глазурь с кекса. – Я хочу попробовать записать еще одну песню, прежде чем этот оркестр покинет город. Было бы здорово, если бы «Сестры Донателли» уехали с ним на автобусе – хотя бы в виде пластинки.

– На меня не рассчитывай, Чичи. – Люсиль подперла щеки руками. – Я устала. Я вся в ожогах от фритюрницы тети Ви, а еще мы только-только закончили прибраться на заднем дворе после гостей. Давай в пятницу порепетируем.

– Но мне нужен твой вокал, чтобы складывалась гармония.

– Па, вели Чичи, чтобы она отстала! – заныла Люсиль. – Скажи ей, что это просто хобби.

– Для меня это не хобби, – не отступала Чичи. – Мы никогда не пробьемся на большую сцену, если не будем репетировать.

– Оставь ее в покое, – сказала Чичи Барбара. – Не все из нас так честолюбивы, как ты.

– Ну и зря. Вы ведь отлично поете, девочки, – напомнил им отец. – И запоете еще лучше, если станете слушать сестру и будете репетировать по выходным.

– Да этих поющих сестер – как песка на пляже Си-Айла, – сказала Барбара. – Они везде. А еще их можно ввозить из других штатов. Конечно, те девушки, что сегодня выступали, были потрясающие, но они ездят туда-сюда и берутся за любую работу, какая подвернется. Извините, но такая жизнь не для меня. Я люблю быть дома.

– Но нас вот-вот заметят. Все, что нам требуется, это еще немного порепетировать и получить свой шанс! – взмолилась Чичи.

Люсиль собрала десертные тарелки.

– Мы только и делаем, что тяжело трудимся, – пробурчала она. – Или ты не заметила? Может, я не хочу проводить все свои выходные, подрабатывая на стороне.

– Ну и что с того? – возразила Чичи. – Мы ведь все равно гнем спину на фабрике. А если прорвемся в шоу-бизнес, денег там будет больше. И тогда каждая получит то, о чем мечтает. Вот Барбара хочет двухместный «форд», а ты – выучиться на секретаршу.

– А чего хочешь ты, Чичи? – спросила мать.

– Весь мир.

– Он уже принадлежит богачам. Не жадничай. – Люсиль включила воду над мойкой.

– Хочется жадно использовать доступное время и работать над тем, что мне нравится делать. Ну да, мне нравятся красивые платья и туфли. Что в этом плохого?

– Наслаждайся этими вещами, пока ты молода, потому что, когда доживешь до моего возраста, они тебя уже не будут волновать, – вздохнула мать.

– Неужели это правда, Ма?

– С возрастом начинаешь желать другого, – заверила дочерей Изотта. – Того, что не продается в бархатном футляре или в шляпной коробке.

– Например? – спросила Чичи.

– Времени.

– А, всего-то! Ну, времени у меня как раз предостаточно. – Чичи обняла мать. – Могу отчитаться за каждую минуту, отработанную на фабрике. Но по мне, в жизни должно быть и кое-что получше, чем работа на конвейере в «Джерси Мисс Фэшнз».

– Мечтать о большем хорошо, – сказал отец.

– А еще лучше – подпитывать эти мечты еженедельной получкой, – напомнила сестре Барбара.

– Барбара такая практичная, – улыбнулся Чарли. – Это одна из вещей, которые я больше всего в ней люблю.

Его признание показалось семье предисловием к серьезной речи, и все Донателли вопросительно уставились на него.

– Чарли хочет вам кое-что сообщить. – Барбара толкнула парня локтем. – Мы ждали, пока ты вернешься домой, Чичи. Хотели, чтобы вся семья была в сборе.

Чичи скрестила руки на груди:

– Ну и что у вас приключилось?

– Не то чтобы приключилось... Скорее, приключится. – Чарли взял Барбару за руку. – Наше приключение. Я поговорил сегодня с вашим отцом, и он дал свое согласие. Мы с Барбарой собираемся пожениться.

– Чудесная новость! – Люсиль оставила недомытые тарелки и кинулась обнимать сестру и Чарли. – Я буду подружкой невесты! Только, ради бога, выбери голубой для моего платья. И я хочу надеть широкополую шляпу с лентами, как та, в которой Джун Эллисон^[18] снялась в фильме, что я смотрела на прошлой неделе.

– Дай сестре время подумать, а мне сшить! – осадил младшую дочь Изотта, но та продолжала ликовать.

А Чичи была просто оглушена новостью. Она совершенно не ожидала услышать подобное, но отлично понимала, что это значит. Ее сердце упало.

– Поздравь сестру, – наклонилась к ней Изотта.

Чичи почувствовала, что едва способна передвигать ноги. Она отъехала на несколько шагов на своем табурете на колесиках, встала, подошла к сестре и Чарли и обняла их. Отец разлил по хрустальным бокалам сладкое вино, чтобы выпить за здоровье помолвленной пары, а мать их раздала.

Все подняли бокалы, и Чичи тоже. Она даже заставила себя улыбнуться. Конечно, она была рада за сестру и Чарли, все знали, что они любят друг друга. Дальше Барбара займется планированием свадьбы, а после венчания всецело посвятит себя мужу, как и все итальянки в Нью-Джерси. А хобби с его атрибутами – сценарии, номера, костюмы, реквизит, – все это будет уложено в сундуки вместе с детскими книжками и куклами и отправлено на чердак, откуда быстрое увлечение сестер извлекут на свет божий, только когда уже их детям потребуются костюмы для школьного спектакля.

Чичи так и видела будущее – ох и невеселым же оно ей представлялось. Барбара съедет из родительского дома, а вместе с ней их ансамбль покинет ее высокое переливчатое сопрано. У Люсиль другие интересы, она решительно настроилась на курсы секретарей и работу в какой-нибудь конторе. Ее чистый альт украсит хор церкви Святого Иосифа, но и только. В этот вечер, когда сестра объявила о

своей помолвке, мечтаниям Чичи о шоу-бизнесе подрубили крылья. Они так и останутся всего лишь воздушными замками. Если Чичи хочется сочинять песни, записывать их и исполнять с оркестром, ей придется полагаться лишь на себя и придумать новый план. И надо же, чтобы это случилось именно сейчас, когда она была уверена, что ничто не способно их остановить!

– Не настраивайся против всех, Кьяра, – тихо сказал отец.

– Слишком поздно, папа.

– Твои сестры никуда не денутся. Вот увидишь.

Чичи хотелось в это верить, но она отлично знала, как устроен мир Си-Айла. Все знакомые девушки чем-то пожертвовали ради кольца с бриллиантом. Она поклялась себе, что никогда не станет одной из них.

3

Отпускная неделя по случаю Дня независимости

Capriccio^[19]

Чичи и Рита отыскивали лоскуток чистого серого песка под утесом на пляже Си-Айла. Этим четверговым утром народ быстро заполнял побережье – продолжалась отпускная неделя по случаю Дня независимости, и люди целыми семьями плелись по берегу мимо девушек, выбирали свободное место и заявляли свои права, втыкая в песок и немедленно раскрывая пляжные зонты на длинных шестах.

По всему берегу под сенью таких зонтов происходило одно и то же: расстилались пляжные покрывала, водружались корзины для пикников, и пляжники удобно располагались в предвкушении целого дня, посвященного загоранию, плаванию в прибое и развлечениям на променаде. Девушки не помнили, когда еще на этой праздничной неделе выдавалась настолько великолепная погода. Дни упоительно медленно тянулись под сияющим солнцем, которое торчало посреди безоблачного неба, как начищенная латунная пуговица.

– Ну ты и загорела, Чичи! – подивилась Рита, втирая в ноги кокосовое масло.

– Это все купальник, – заверила ее подруга. У Чичи он был раздельный, из белого пике. Завязанная бантом сзади на шее бретелька лифа оттеняла своей белизной блестящую загорелую кожу на плечах и спине. – Все сойдет, как только вернемся на работу.

– Ох, не напоминай.

Рита была стройная, с очаровательной улыбкой на треугольном личике. Солнце высветило золотые пряди в ее коротко подстриженных темно-каштановых волосах.

– Осталось три дня, и все – назад, к машинкам, – сказала Чичи, тщательно втирая масло в ноги. – А знаешь, что я люблю в своей работе?

– Понятия не имею. – Рита улеглась на пляжное полотенце.

– Получку. А еще больше я люблю, когда на неделе была сдельная работа и добавляется еще пара долларов. Прямо дух захватывает от такого.

– А куда ты деваешь эти лишние деньги? Те, что не спустила на купальники?

– Коплю и затем покупаю облигации государственного займа.

От удивления Рита даже села.

– Ты о чем это?

– Об облигациях государственного займа. Не сберегательные облигации – хотя те тоже неплохие, – а именно *государственные*. Я начала их покупать с тех пор, как поступила на фабрику четыре года назад. Получаю три процента прибыли по высокому курсу и не ниже двух процентов по низкому.

– А откуда ты знаешь, как это делается? – спросила Рита.

– Как вкладывают деньги?

– Ага. Лично меня мой папа научил держать деньги под матрасом.

– Ну и все, что тебе это даст, – плохо выплывешь. Никакой прибыли. Средневековое мировоззрение. Так мыслят только что приехавшие иммигранты. – Чичи втерла в ступни еще немного масла для загара. – Лучше положи деньги в банк. Если есть возможность, а рано или поздно она у меня будет, я бы также прикупила недвижимости. С видом на океан. Прямо сейчас лучшее место для лишних денег – это банк. Там они приносят прибыль.

– Моего папу напугал обвал рынка.

– Жаль. Вкладчику не стоит принимать капризы рынка инвестиций на свой счет, – поучительно сказала Чичи.

– Откуда ты это взяла?

– Из «Уолл-стрит джорнал». Я его читаю в библиотеке.

– Да ну!

– Угу. В день получки я иду домой, расписываюсь на чеке, проверяю баланс по чековой книжке, затем мы с папой идем в банк. Там я беру наличные на неделю.

– Я тоже так делаю.

– Откладываю деньги в конверт для родителей.

Рита кивнула:

– И я.

– Проверяю свой счет. Я всегда сравниваю данные банка с моими подсчетами. Советуюсь с управляющим о состоянии рынка и текущих финансовых инструментах. А когда у меня накапливается достаточно денег, покупаю очередную облигацию государственного займа.

– Ничего себе! А я ничего из этого не делаю, – покачала головой Рита.

– Я могу тебя научить, – предложила Чичи.

– Нет, спасибо.

– Собираешься полагаться на Дэвида Озеллу? – съязвила Чичи.

– Пока что он мне даже не сделал предложения.

– Но сделает.

– Если сделает, я стану отдавать свои деньги ему. А что в этом такого? – пожала плечами Рита.

– Конечно, можешь отдавать ему свои деньги, но хорошо бы при этом знать, куда они деваются.

– А твоя-то мать знает, куда они деваются? – поинтересовалась Рита.

– Дома у нас не то чтобы валяются лишние деньги, – признала Чичи.

– Но вы с сестрами прилежные работницы.

– И Ма тоже. Ну да, мы справляемся. Но четыре женщины не способны заработать, сколько может один мужчина. И мы это понимаем, нетрудно ведь подсчитать. Иногда я думаю: как же так – я не знаю ни одного мужчины, способного успеть все, что удастся моей матери, – она готовит, убирает в доме, шьет на дому, и все это помимо работы на фабричном конвейере. Заботится о нас, о папе, о своих родителях. Просто делает свое дело. Жаль, что у нее не родилось хотя бы пары сыновей. Думаю, они бы послужили ей подмогой.

– Иногда сыновья только портят дело. Они женятся, жены уводят их из семьи, и после этого они вроде привидений, – посетовала Рита. – На мальчиков рассчитывать нельзя.

– Если бы моей матери довелось вырастить сыновей, уж на них-то можно было бы положиться. У нас очень сплоченная семья.

– Кстати, Джим Ламарка спрашивал, как у тебя дела.

– Как мило с его стороны.

Рита резко села:

– Мило? Ты с ума сошла, что ли? Он же учится в колледже. И сам из себя высокий и ужасно красивый – по мне, настоящий шейх. И еще он богатый или будет богатым, когда унаследует семейное дело. Лучшей партии тебе не найти.

– А как насчет «ему не найти лучшей партии, чем я»? – сощурилась Чичи.

– Это само собой!

– А где он с тобой говорил?

– В павильоне. Он собирается в летнюю школу, чтобы заработать еще кредитов, так что здесь его не будет. Вернется на Рождество. Может, напишет тебе письмо.

– Буду дежурить у почтового ящика, как *bombolone*^[20].

– А может, и стоит, – рассмеялась Рита. – Пойдем окунемся? Я вся горю.

– Ты переборщила с маслом и теперь поджариваешься, как *zeppole*^[21].

– В общем, я пошла купаться. – Рита поднялась на ноги, поправила купальник и двинулась к воде. Она медленно вошла в прибой и бросилась в пенистые волны. Чичи наблюдала, как подруга доплыла до пирса, где около защитной сетки патрулировал на водном велосипеде спасатель. Она открыла свою соломенную пляжную корзинку, достала маникюрный набор и стала подпиливать ногти.

– Да вы настоящая праздная барышня! – раздался рядом голос. Перед ней стоял, заслоняя солнце, какой-то молодой человек.

Чичи подняла голову:

– Мистер Армандонада!

– Вы позволите?

– Позволю что?

– Сесть рядом?

Чичи подвинулась на покрывале, освобождая для парня место.

Саверио уселся и оглядел ее с ног до головы.

– Вот так загар у вас!

– Он долго не продержится, – сказала Чичи, смахивая песок со ступни.

– Теперь всего лишь июль. Лета осталось еще много.

– Не для меня. На следующей неделе я возвращаюсь на работу.

– Куда?

– На блузочную фабрику. Тягомотина, но мы не жалуемся. Впрочем, откуда вам знать, каково это – стоять у конвейера.

– Вы так думаете? – Саверио взгляделся в океанский простор, где отдыхающие качались на волнах, как резиновые игрушки. Длинными мичиганскими зимами он мечтал о таком жарком лете. – Действительно, откуда мне знать о фабричной жизни?

– Вы ничего не теряете. Считайте, что вам повезло. – Отполировав каждый ноготок, Чичи собралась было вернуть маникюрный набор на место, но сначала взяла правую руку Саверио в свою. – Ваши ногти ужасно выглядят. Хотите, я приведу их в порядок? – предложила она.

– Давайте, – кивнул он.

Чичи достала пилочку и начала бережно подпиливать ногти Саверио.

– У вас красивые руки, – сказала она.

– У вас тоже.

– Тогда почему же вы смотрите на океан? – кокетливо спросила она.

– Потому что все не могу на него наглядеться. Я вырос около Великих озер, и они потрясающие, но ничего сравнимого вот с этим.

– Вы впервые видите Атлантический океан?

– Нет. Мы исколесили Восточное побережье вдоль и поперек, и я любовался океаном везде, от Флориды до Мэна. Но никогда от него не устаю. Он всегда другой.

– А я только на побережье и жила.

– Тогда вам повезло.

– Летом тут здорово, но зима в прибрежном городе похожа на зиму везде.

– А какая здесь зима?

– Падает снег. Все серое, горизонта от воды не отличить. А солнце пропадает за тучами на целые месяцы. Если честно, на меня это наводит жуткую тоску.

– Озеро Гурон и озеро Мичиган зимой просто бушуют, волны высоченные.

– На озерах?

– Ага. Но они... не знаю, как их описать.

– Грандиозные?

Саверио широко улыбнулся:

– Именно! Грандиозные. А знаете, ведь вы умеете подбирать правильные слова.

– Ну да, ну да, – рассмеялась она.

– Я серьезно. Это признак прирожденного сочинителя. Во всяком случае, так считает Род Роккаразо. Ему то и дело предлагают песни для нашего ансамбля, и он говорит, что хороший песенник способен написать о девушке, которой никогда не встречал, в месте, в котором он никогда не был, в память о разбитом сердце, которое у него пока уцелело, но однажды наверняка тоже пострадает.

– Надо запомнить.

– Надо.

– Мне нравится писать об обычных, повседневных вещах, – сказала Чичи.

– Например?

– Любовь. Семья. Дом. Вещи, которых люди хотят, – ну, чего все хотят, собственно. Все хотят любви, когда ее у них нет. Все скучают по дому, когда они вдали от него.

– А я нет.

– Вы мужчина суровый, хоть мамочка и сопровождает вас везде, – ухмыльнулась Чичи.

– Должно быть, я вам нравлюсь, раз вы так язвите.

Чичи наклонила зонт, чтобы попасть в его тень.

– Да я просто вас поддразниваю. И вы мне действительно нравитесь. Но у вас есть девушка. Я об этом не забываю.

Саверио заполз под зонт, чтобы попасть в тень вместе с Чичи.

– В тот вечер... на днях, когда вы на нас набрели, вышло... неловко.

Он осторожно произнес последнее слово, как будто принаравливаясь к нему.

– Я везде совала свой нос, пытаюсь разыскать мистера Роккаразо, чтобы представиться ему от имени «Сестер Донателли». Вот в чем, среди прочего, выгода жизни на побережье. Здесь проезжает множество ансамблей, и каждый раз я стараюсь воспользоваться их присутствием.

– Чтобы пробиться в шоу-бизнес?

– Ну да.

– Значит, вы навиделись разных ансамблей?

– О да. С некоторыми исполнителями даже познакомилась. У меня есть автограф Арти Шоу, например. Но это так, для развлечения. Обычно я стараюсь свести знакомство с администраторами. Итак... я побывала на выступлениях оркестров Уэйна Кинга, Гаса Арнхейма, Теда Блейда, Джека Хилтона и Джимми Гриера.

– Ух ты. Известные ансамбли.

– Ваш рядом с ними не проигрывает.

– А я просил вас сравнивать? – почти с возмущением сказал Саверио.

– Не просили, – признала Чичи. – Однако я еще не встречала мужчины, которому не хотелось бы стать лучшим. Все вы мечтаете выиграть, и неважно, в игру в стеклянные шарики или первое место в «Музыкальном хит-параде». Можете расслабиться. Вы достигли успеха.

– Благодарю. А где вы берете храбрость, чтобы просто так к ним подойти?

– А я хожу *перед* концертом. Если идти после концерта, то разговор уже не деловой, если вы понимаете, о чем я. Это я быстро усвоила. Слишком много поклонниц, и у гастролеров уже не музыка на уме.

– Просто мы тогда снимаем напряжение.

– Называйте как хотите. Во всяком случае, если в такой момент девушка подходит к руководителю ансамбля, это выглядит странно. Да, мой отец переживает, но я перестала ему рассказывать. И держу себя профессионально.

– Да уж, отваги вам не занимать.

– Когда очень сильно чего-то хочешь, находишь в себе храбрость. Или она сама откуда-то берется, можно и так посмотреть.

– Расскажите о ваших выступлениях.

– Мы с сестрами поем вместе. Начинали с пения в церковном хоре, во время мессы, а там уже нас стали приглашать петь на свадьбах, так что мы разработали стандартный репертуар. А теперь я сама пишу для нас песни.

– Вы все симпатичные, это помогает.

– Когда поёшь, на красоте дальше первой строчки не уедешь.

– На красоте можно и весь вечер продержаться, – авторитетно заявил Саверио.

– Не могу с вами согласиться. Первые десять секунд нужно хорошо выглядеть, а дальше надо хорошо звучать, иначе ты не заслуживаешь места на сцене. Вот у вас голос ого-го.

– Ну еще бы, при такой-то практике. Я ведь выступаю каждый день.

– Здорово, мне бы так! А мне все не удается заставить сестер сосредоточиться. Я уверена, что мы бы добились успеха, если бы только они были повнимательнее.

– А почему они не хотят стараться?

– Наверное, мечтают о чем-то о другом.

– А сами вы почему хотите выступить?

– Я обожаю петь. И ровно так же обожаю сочинять песни.

– Мне бы хотелось однажды послушать вас с сестрами.

– Это можно устроить. Правда, мы не настолько искрометные, как «Смешливые Сестрички», и такими нам не стать, даже если покрыть нас золотом с головы до ног.

– А я уверен, что лично у вас вполне получилось бы, – игриво сказал Саверио.

– Вы меня не знаете.

– Но начинаю узнавать.

Чичи взмахнула пилочкой для ногтей, как волшебной палочкой.

– Ну и что же вы обо мне думаете? – спросила она.

– Вы забавная.

– О да, именно это любая девушка мечтает услышать от симпатичного парня, – состроила гримасу Чичи. – Первое в списке.

– Вы даже не представляете, какой это комплимент.

– Правда?

– Вы хорошенькая, но сами в это не верите, и я не стану терять полдня, переубеждая вас. Пусть это доносит до вас другой парень. Со временем сами поймете.

– Тогда мне уже будет все равно, – прыснула Чичи.

– Может быть. А мужчинам не все равно. Для мужчины идти под руку с хорошенькой девушкой – бесценно.

– Потому что тогда он сам хорошо посмотрится.

Саверио кивнул:

– Ага. А может, это та же причина, по которой нас привлекает картина или скульптура. Мужчине приятно смотреть на красивую

женщину. Мужчина ценит линии и формы – а это одновременно элемент искусства и проявление красоты.

– Не знала, что мужчины смотрят на женщин, как смотрят на картины.

– Не поймите меня неправильно, чувства здесь тоже замешаны. Узнавая женщину ближе, начинаешь думать о том, что она может значить для тебя, и шанс решить эту загадку очень притягивает.

– А по мне, бред какой-то.

Саверио рассмеялся и убрал руку, которую она до сих пор держала.

– Эй, я еще не закончила! – Чичи снова взяла руку Саверио и внимательно изучила кутикулу. – Красавица она или нет, забавная или нет, но либо она тебе нравится, либо не нравится. И это может перейти в любовь, а может и не перейти. Если да, то решаешь, быть ей верным или нет. И на этом фундаменте ты либо строишь с ней совместную жизнь, либо не строишь. Но, как я погляжу, куда бы это ухаживание ни повернуло, девушка мало что выигрывает.

– Вы так считаете?

– Все мы в итоге оказываемся в одинаковом положении – служанок, прислуживающих королю. Мужчина в этой жизни может стать кем хочет, абсолютно кем угодно. Между местом, где он стоит, и мечтой у него только одно препятствие – он сам. Но если ты девушка, то между тобой и твоим счастьем всегда стоит мужчина – или же он тот человек, на кого падает ответственность за то, чтобы это счастье обеспечить.

– Любой мужчина хочет сделать счастливой свою женщину. Это дает ему цель в жизни.

– Ну да, но как же ее собственная цель? Где ее искать? Когда ты девушка, ты не можешь даже купить облигацию государственного займа, без того чтобы не требовалась подпись твоего отца или мужа. Вам не кажется, что это неправильно? Это ведь моя зарплата, деньги, которые я сама заработала и накопила, и тем не менее мне надо привести с собой отца, чтобы купить облигацию.

– Нет на свете справедливости, – сказал Саверио. – Но, возможно, это правило установлено, чтобы защитить вас.

– От чего?

– Может быть, если вы приходите с отцом, это значит, что еще одна пара глаз следит за вашими деньгами.

Чичи поразмыслила над его объяснением.

– Какая-то логика в этом есть, но только отчасти, – заключила она наконец.

– Нет-нет, это имеет смысл. Подумайте, – настаивал Саверио.

– Вы не понимаете. Идти по жизни, будучи девушкой, это как ехать в драндулете, собранном на коленке, который держится на веревочках, канцелярском клее и честном слове.

– То есть?

– Чтобы найти счастье, нам должно повезти. Никто не болеет за победу девушки. Уж я-то знаю, я средняя из трех сестер. Взять, например, моих теток. Они вышли за хороших ребят, у тех дела пошли в гору, и когда оказалось, что мужья хорошо с ними обращаются, тетушки просто вздохнули с облегчением. А облегчение – сестра везения. Но, с другой стороны, одна моя кузина вышла за парня, который ее бьет, и ей приходится сносить побои, потому что идти больше некуда. Ее родные говорят, что как постелешь, так и поспишь, но она же понятия не имела, что найдет в той постели, когда ее стелила. Не повезло, и все тут.

– Всякое может случиться.

– И случается. Мой папа потерял работу, и маме, у которой и без того дел невпроворот, пришлось поступить на фабрику и работать вместе с Барбарой, Люсиль и мной, чтобы свести концы с концами. Женщины всегда приходят на выручку, когда возникают проблемы, и сами все решают. Так в каждой семье, в том числе моей. Я это вижу постоянно. Может быть, именно поэтому я так хочу петь. Мне кажется, у меня есть талант, и в таком случае почему бы мне не провести жизнь, делая то, что мне нравится, вместо того чтобы смириться и принять одно за другим несколько решений, которые могли бы – *могли бы* – обернуться добром, если только мне повезет выбрать порядочного парня, который станет хорошо со мной обращаться? Я не желаю строить свое будущее счастье на какой-то там удаче. Играй я в азартные игры, на таких условиях не рискнула бы своими деньгами.

– Ужасно мрачно.

– А вы же говорили, что я забавная! – воскликнула Чичи с шутовым возмущением.

– Беру свои слова обратно. Вы напоминаете мне Маргарет Сэнгер^[22] на радио. У меня сейчас голова расколется.

– Сейчас не до шуток, друг мой, – с напускной серьезностью заявила Чичи. – Времени у нас мало, а я хочу вам поведать все, что меня тяготит.

– Вот повезло мне. А почему это?

– У нас схожие взгляды.

– Да, не правда ли? – согласился Саверио. – Но солнце стоит высоко в небе, и мы сидим на пляже. Может, будем просто развлекаться?

Чичи рассмеялась.

– Я думала, именно этим мы и занимаемся!

Саверио уже какое-то время не мог оторвать глаз от рта Чичи. Он глядел на ее губы, и ему казалось, что он ощущает их вкус. Было в этой девушке нечто особенное, нечто неожиданное и притягательное. Мало того, что красивая и умная, но еще и с чувством юмора. Все вместе эти три качества очень редко встречались в одном человеке, а уж в женщине – и подавно. Чем больше она говорила, тем интереснее было ее слушать. Саверио хотелось ее поцеловать, но он вспомнил обстоятельства их первой встречи, тот неловкий момент, когда она застигла его в объятиях другой. Ужасно жаль, что она видела его с Глэдис Овербай. Он подумал, что Чичи, наверное, читает его мысли, потому что она вдруг немного отодвинулась. Яркое солнце освещало ее всю – безупречные ноги, плавные изгибы тела и гладкие, будто отлитые из золота плечи.

– А вы когда-нибудь были на скачках? – спросил он, придвигаясь к ней поближе.

– Не-а.

И пахло от нее приятно. От ее волос веяло кокосом и ванилью.

– А я видел, как Эдди Аркаро победил в Кентуккийском дерби. Он ведь один из нас.

– То есть тщедушный?

Саверио рассмеялся.

– Итальянец, глупышка. Его называют Эдди-молодец.

– Голова еще болит?

– Ага.

– Тогда, вероятно, это не из-за меня и моей болтовни. Может, она болит из-за жары. Или вы просто голодны.

– Пойдемте пообедаем вместе? – предложил он. – Я знаю тут одно место.

Чичи продолжала полировать его ногти.

– А где мисс Овербай?

– Занимается стиркой. Первое, что она делает в любом городе, где мы выступаем, это разыскивает прачечную самообслуживания. А потом отправляется в салон красоты.

– Умная девушка, – присвистнула Чичи. – И роскошная красавица, прямо царица Савская.

– А у вас есть парень? – застенчиво спросил он.

– Несколько.

Саверио рассмеялся.

– Высокомерно прозвучало, да? – расхохоталась вслед за ним Чичи. – Ну, у меня сейчас неделя отпуска, а свою скромность я оставила на кетлевочной машине в «Джерси Мисс Фэшнз».

– Значит, парни выстраиваются к вам в очередь?

– Я бы скорее сказала, быстро сменяются. Но, между нами, ни одного я не рассматриваю всерьез. Они ужасно многого от меня хотят, а предлагают маловато.

– И что же они предлагают?

– Если бы мне хотелось стать женой лучшего портного Брилля или женой мясника из Манаскана, наследника лавки, или женой мужчины, который четвертый в очереди на наследство человека, управляющего в Пассаике крупнейшей компанией грузоперевозок во всем Джерси, то все в моих руках, и в них вот-вот свалится жемчужное ожерелье с алмазной застежкой.

– Похоже на то!

– Но это не то, что нужно мне.

– А чего же вы хотите?

– Вот у вас, например, та жизнь, которой хочу я, – откровенно сказала Чичи. – Я мечтаю заниматься музыкой и только музыкой.

– А я бы не отказался от вашей жизни, – признался Саверио. – Может, махнемся?

– Ну да, рассказывайте. – Чичи придирчиво изучила его ногти.

– Я хочу жить у океана вместе с семьей, – добавил Саверио.

Чичи посмотрела на него.

– Да вы это серьезно, похоже! – удивилась она.

– Хочу узнать, как это – когда просыпаешься счастливым.

– А вы не просыпаетесь счастливым?

– Я просыпаюсь растерянным.

– Ясно.

– Печально, правда? – Саверио посмотрел на свои ногти, которые теперь были ровно подпилены, красиво закруглены и отполированы до блеска. – Отличная работа. Спасибо. Такие руки уже не стыдно носить с нарядной рубашкой и запонками.

– Я еще не закончила. – Чичи бережно взяла в ладони правую руку Саверио, выдавила из тюбика немного кокосового масла и вмассировала в кисть молодого человека. – Это защищает кутикулу, – пояснила она.

Он почувствовал, как прикосновение теплой руки Чичи помогает ему расслабиться, и прикрыл глаза, а она продолжала втирать масло в кожу.

– Эй, чем это вы занимаетесь? – Под зонт просунулась Рита. С нее стекала вода, и несколько капелек упали на Чичи, заставив ее вздрогнуть.

– Твое полотенце прямо позади меня, – сказала Чичи.

– Спасибо, Чич. – Рита схватила полотенце.

– Так вот как вас называют друзья? – удивился Саверио.

– Мы, кажется, не были официально представлены? – улыбнулась Рита, промокая волосы полотенцем. – Я Рита Мильнилки. Или Милликс, если верить надписи на воротах папиного авторемонта. Ему изменили фамилию на острове Эллис.

– Мы ведь встречались в отеле «Кронеккер», – вспомнил Саверио. – Не так ли?

– Да, мы к вам тогда вломились, – признала Рита. – Просто случайно так вышло.

– А, так это были вы? Вторая девушка, вместе с вон той, – усмехнулся Саверио.

– Это Саверио Армандонада, – представила его Чичи. – Его фамилию на острове Эллис не меняли.

– Я догадалась. Здорово вы выступали, – сказала Рита. – Как им удастся втиснуть ваше имя на афиши?

- Пока даже не пытались.
- А как вы нас нашли? – Рита уселась на покрывало рядом с ним.
- Да вот шел по пляжу и увидел Чичи.
- То есть вы ее не искали специально?
- Господи, Рита, да отстань от человека, – пожурила ее Чичи.
- Я всегда в поиске, – ухмыльнулся Саверио.

Порядки на кухне Изотты были сродни армейским. Дочерей она научила готовить простые блюда еще прежде, чем те начали читать. Огород при доме был и поводом для гордости, и серьезным подспорьем для семьи. Сейчас на вделанной в оконную нишу полке стояли полные корзины собранных не далее как утром салата-латука, огурцов, помидоров и перцев. Теплый ветерок трепал короткие кухонные занавески, а в воздухе витали запахи свежего сливочного масла, чеснока и томатов, томившихся в сковороде на плите.

Помидоры начали созревать лишь недавно. Изотта собирала их и использовала либо в свежих соусах для макарон, либо в салатах с пряными травами и моцареллой. В конце каждого лета семейство в полном составе помогало ей консервировать томаты, чтобы хватило на всю зиму.

Изотта сняла с конфорки кастрюлю с макаронами, отнесла ее к кухонной раковине и процедила макароны через дуршлаг. Встряхнув дуршлаг пару раз, она вывалила макароны в большую миску, вмешала туда чашку рикотты, залила все горячим томатным соусом только с плиты и в завершение посыпала тертым пармезаном и свежим базиликом.

Длинный дощатый стол на заднем дворе семейства Донателли был накрыт к обеду. Сестры принесли свежую скатерть и салфетки, а в центре поставили в качестве украшения терракотовый горшок с душистой розовой геранью. Появилась Изотта с миской макарон. Барбара добавила тарелку и приборы для Саверио. Он отошел в сторонку, пока Барбара устраивала для него место за столом.

- Я не хотел причинять вам неудобства, – сказал он.
- Что вы, мы всегда рады неожиданным гостям, – улыбнулась Изотта, ставя на стол миску.
- Я же говорила, – подмигнула ему Чичи, проходя мимо него на кухню.

Саверио уселся за стол, наблюдая, как семейство Донателли общими усилиями несет блюдо за блюдом. Вот такой он и представлял себе счастливую семейную жизнь: полный стол, накрытый на много мест, ломящийся от тарелок с вкусной едой, все помогают друг другу и смеются вместе в саду чудесным солнечным летним днем. Даже глава семьи мистер Донателли участвовал в этом действе, чего в родительском доме Саверио сроду не случалось. Мужчины неизменно ждали, пока женщины подадут им пищу.

– А где сегодня ваша мать? – спросил у Саверио Мариано.

– Кузины повезли ее прокатиться в Спринг-лейк. Мама любит глядеть на дома.

– Самое место для такой прогулки, – согласился Мариано.

Из кухни вышла Чичи с кувшином домашнего вина. Следом шли ее сестры, неся хлеб и салат.

– Я делаю вино здесь, в Нью-Джерси, – сообщил Мариано, – но виноград использую калифорнийский.

– Незадолго до Дня труда^[23] сюда приезжает грузовик из Мендосино^[24], доверху нагруженный ящиками винограда. Папа выбирает крепкие гроздья с хорошей окраской, – пояснила Чичи, поднося отцу бокалы, и тот разлил вино.

– И еще я доверяю своему нюху. Аромат в винограде – очень важная вещь. – Мариано многозначительно постучал по носу.

– Я всегда добавляю в соус папино вино, – призналась Изотта, подавая Саверио макароны.

– Когда приезжает грузовик с виноградом, все итальянцы нашего города собираются вокруг него и дерутся за лучшие гроздья. – Чичи передала Саверио мисочку с хлопьями жгучего красного перца.

– И я всегда выхожу победителем! – торжествующе ударил кулаком по столу Мариано.

– У папы глаз-алмаз, – гордо сказала Чичи.

– И еще мускулы, – пошутила Люсиль.

– Что есть, то есть, – рассмеялся Мариано.

– И вот этими самыми мускулами папа давит достаточно винограда, чтобы столового вина нам хватило на год.

– И еще он делает уксус и граппу, – добавила Люсиль.

– Мы ничего не выбрасываем зря, – весело заключил Мариано. – Ни черешка.

Люсиль обошла стол с корзинкой, раздавая теплые булочки с хрустящей корочкой. Барбара несла следом за ней блюдо креветок-гриль, обернутых вокруг нежных побегов спаржи. Она бережно положила по одной на каждую тарелку рядом с макаронами.

Изотта села во главе стола, напротив мужа.

– Надеюсь, вам понравится, – обратилась она к Саверио.

– Выглядит потрясающе. Я всегда рад домашней еде. Благодарю за приглашение к столу.

– Надеюсь, мы не отвлекли вас от чего-то важного.

– Вовсе нет. Каждый день я просто жду, чтобы солнце закатилось и я мог начать работать.

Мариано оглядел стол.

– Прежде чем поднять бокалы за нашего гостя, – сказал он, – помолимся.

Саверио и все Донателли одновременно перекрестились, перекрестили накрытый стол, помолились и снова перекрестились. Саверио неспешно перекрестился в конце, затем разложил на коленях салфетку.

– Да ты молишься подольше иноного священника, – прошептала ему на ухо Чичи.

Мариано поднял бокал:

– Выпьем за Саверио. Пусть каждый вечер он поет допоздна, везде принося радость своим слушателям. *Cent'Anni*^[25]. Надеюсь, вы приятно проведете оставшееся время в Си-Айл-Сити.

– Отличное вино, сэр, – сказал Саверио, отпив из бокала. Крепкое и терпкое вино напомнило ему о том, которое делал дома его собственный отец.

Чичи передала гостю соусник. Тот полил свои макароны соусом и с удовольствием принялся за еду. Он был худым, не потому что хотел хорошо смотреться на фотографиях, просто изголодался по домашним макаронам. Чичи стало его жалко. Саверио явно нуждался в ком-то, кто станет о нем заботиться. Она посмотрела на свою мать. Та наблюдала за поглощавшим макароны молодым человеком. Женщины семьи Донателли забеспокоились, хватит ли у них на кухне еды, чтобы накормить его досыта.

Расположенная в семейном гараже Донателли «Студия Д» была несложно организована, однако Мариано не поспешил на лучшее оборудование для звукозаписи. Было ясно, что он занялся этим с целью рано или поздно заработать. Сестры Донателли встали кружком у проигрывателя, а Саверио уселся за пульт управления рядом с Мариано, который совмещал должности звукорежиссера и художественного руководителя ансамбля.

Окошки на двери бежевого гаража, построенного из шлакобетонных блоков, были закрыты обтянутыми черным бархатом фанерками. Цементный пол чисто подметен, и хотя принадлежавший семье старый грузовик уже много лет не стоял в гараже, в воздухе все еще витал слабый запах машинного масла.

Саверио внимательно слушал избитую *Oh Marie* в исполнении сестер. Положив руки на пульт, он наклонился вперед, прикрыв глаза и прислушиваясь к мелодии. Грампластинка «Сестер Донателли» на 78 оборотов выглядела элегантно – обложка в стиле ар-деко, внутри черный шеллаковый диск с серебристой наклейкой.

Мариано следил за тем, как пластинка плавно кружилась на бархатной вертушке. Тонкая золотая игла следовала по бороздкам, а из колонок, прилаженных на свисавшей с потолка трубе, лился глубокий звук. По мере проигрывания песни Мариано регулировал звук, осторожно поворачивая ручки настройки, – тут делал басы поглубже, там модулировал верхние частоты.

Вдобавок к пульта Мариано оснастил гараж звукоизолированной кабиной для записи. Эта несложная конструкция – комнатка с фанерными стенами, обитой войлоком дверью и большим стеклянным окном – занимала добрую половину гаража.

Окно выходило на пульт, где Мариано установил двухкатушечную систему звукозаписи. В кабине стояло пианино, с потолка свисал микрофон с выдвижной подставкой, и оставалось еще немного места для небольшого аккомпанирующего джазового ансамбля.

Сестры Донателли предпочитали записывать свои песни осенью, поскольку весной и летом в кабине звукозаписи становилось невыносимо жарко, а зимой – слишком холодно. Но на этот раз Чичи было все равно, какое нынче время года, – здесь был Саверио, профессиональный певец, и нечасто случалось, чтобы солист гастролирующего оркестра согласился посетить «Студию Д», да еще и

поучаствовал в записи песни незнакомого автора по имени «Ч. Ч. Донателли».

Саверио повернулся к Мариано:

– И вы записали это здесь? Вокал, инструментальное сопровождение, регулирование уровней, сведение – все?

– Да, прямо здесь, – заверил его Мариано. – Я записываю звук на ленту, потом отвожу в Ньюарк, в «Магеннис», и они нарезают нам пластинку.

– Масштабно! – Похоже, Саверио был по-настоящему впечатлен.

– Да нынче у всех в гаражах студии звукозаписи, – сказал Мариано.

– Не такие, как твоя, папа, – возразила Чичи.

– Просто у меня неплохие микрофоны, и еще я придумал, как звукоизолировать кабину.

– А как вам это удалось? – поинтересовался Саверио.

– Мне пришло в голову подметать пол на блузочной фабрике – около конвейера и в раскройном цехе, после работы там валяются никому не нужные лоскутки и остатки ниток. Так вот, оказалось, что каждый вечер набиралось довольно много этого добра. Я всё подбирал, относил домой, а Изотта набивала этими отходами полотняные мешочки, она их скроила из старых торб для муки. Потом я заполнил мешочками пространство между внутренней и внешней стеной, дюймов на шесть. Это сработало.

– Хочешь, запишем что-нибудь? Так, для смеха? – спросила Чичи у Саверио. – Что-нибудь симпатичное, где ты сможешь солировать?

– У меня нет с собой нот.

– Ноты не понадобятся.

– Ты предлагаешь мне спеть *a cappella*?

– Нет, я могу аккомпанировать тебе на пианино. Я написала одну песню...

– Ну все, начинается, – тихо сказала Люсиль на ухо Барбаре. – Он попался в ее сети.

– Ты ведь умеешь читать ноты? – уточнила Чичи.

– Ага.

– Тогда давай попробуем. – Чичи протянула Саверио ноты, аккуратно записанные от руки. – Будет весело, вот увидишь.

Она втянула Саверио в кабину вслед за собой, закрыла дверь и уселась за пианино.

– А ты умеешь играть?

– Ну, я сюда уселась, не потому что хорошо смотрюсь на этом табурете.

– Но ты действительно хорошо смотришься.

– Это неважно. Итак... – Чичи открыла ноты.

Саверио наклонился поближе:

– Что это?

– Песня.

– Кто-нибудь ее записывал?

– Никто. Пока что.

– Ее написала ты?

– Не можем же мы исполнять исключительно избитый репертуар.

– Действительно, никакого смысла, – усмехнулся Саверио. – Я-то просто зарабатываю этим на жизнь.

Чичи сыграла на пианино мелодию. В ней ощущался свинговый ритм.

– Как тебе? Она называется «Скалка моей мамаше».

– Шуточная, значит.

– Юмореска, – поправила Чичи.

– Скажите пожалуйста!

– Это похожий жанр! И вообще, автор сидит перед тобой, так что не издевайся.

– В шоу-бизнесе нет места для ранимых сочинителей, – ухмыльнулся он.

Она рассмеялась:

– Что ж, тогда я буду первой такой!

– Ну уж нет, второй – после меня.

Снаружи кабины Мариано слушал, как Саверио и Чичи перешучивались и поддразнивали друг друга. Барбара листала газету «Берген Каунти рекорд», а Люсиль за спиной отца расставляла в алфавитном порядке коробки с катушками пленки.

– Папа, она что-то задумала, – сказала Люсиль.

– Я за ней приглядываю. Просто она целеустремленная, в этом нет ничего плохого.

– Оппортунистка она, – поправила его Барбара, не отрывая глаз от газеты.

– Она умная, – возразил Мариано. – И в этом тоже нет ничего плохого. Связи в наши дни значат все.

– Это он за обед расплачивается, – сухо проронила Люсиль. – С процентами.

– Ну, я бы не был так уверен, – усмехнулся Мариано.

В кабине Чичи негромко наигрывала мелодию.

– Так, ты поешь за мужа, – скомандовала она, указывая на ноты.

– А ты за жену?

– Согласись, так будет разумно.

– Не язви, – попенял ей Саверио. – Играй давай.

Чичи опустила руки на клавиши пианино и подала Саверио знак.

«Жена» спела:

*Будь верным мне, не то дам по башке
Скалкой моей мамаше.*

«Муж» ответил:

*Я верен жене, иль достанется мне
Скалкой ее мамаше.*

– Так, а теперь припев, – пояснила Чичи.

– Я понял, – сказал Саверио.

«Жена»:

Мой инструмент...

«Муж»:

Ее инструмент...

«Жена»:

Его инструмент...

Вместе:

*Наш инструмент —
Скалка моей мамыши.*

«Жена»:

На венчании в церкви была красота.

«Муж»:

У ней на пальце брильянт, на макушке – фата.

«Жена»:

Поп говорит: «Так да или нет?»

Вместе:

*«Да!», «О да!» – был наш общий ответ
Скалке моей мамыши.*

«Муж» и «жена» спели вместе:

*Хочешь верной и вечной любви —
Делай как мы, никуда не смотри,*

*Муж и жена – одна сатана,
Если супруга вооружена
Скалкой своей мамашки.*

Чичи обернулась к окну кабины и посмотрела на отца.

– Папа, ну как?

Прежде чем отец успел ответить, вмешался Саверио:

– Барбара, Люсиль, идите сюда, поможете нам.

– Но ведь это дуэт, – возразила Чичи.

– Прозвучит эффектнее, если они поучаствуют в припеве. Так, как будто все три девушки на меня набрасываются. В музыкальном смысле, конечно.

– Хорошо, давай попробуем, – пожала плечами Чичи.

Люсиль и Барбара присоединились к ним в кабине. Саверио объяснил им, когда вступать, и задал ритм вместе с Чичи.

Девушки репетировали под руководством Саверио, а Мариано откинулся на спинку стула, сцепил пальцы на затылке и наблюдал за ними.

– Мы готовы, мистер Донателли, – объявил наконец Саверио. – Давайте записывать.

– Дубль первый. «Скалка моей мамашки», – объявил Мариано в микрофон на пульте записи. Он установил бобины с лентой в правильном положении и нажал на кнопку.

Глядя, как Саверио поет в кабине вместе с сестрами, Мариано дивился тому, как легко у них это получается, не забывая, однако, следить за звуком и время от времени поправлять движки на пульте. Исполнители то останавливались, то начинали снова, добиваясь лучшего сочетания своих голосов, и так постепенно рождалась песня. Третий, четвертый и пятый дубль записали уже без остановок. В каждом последующем варианте было все больше самобытности, все веселее становился вокал и все выразительнее – смысл.

Мариано был доволен. Он даже позволил себе удовлетворенный смешок – так ликует старатель, различивший крупинцы золота на дне жестяного лотка, или нефтяник, увидевший, что это за черная лужа расплывается и вот-вот забьет фонтаном у него под ногами среди

голового поля, или ученый, смешавший две жидкости в пробирке эксперимента ради и, к собственному удивлению, получивший спасительную сыворотку.

Мариано мог различить вдали будущее, триумфальный завершающий аккорд всех их усилий. Что с того, что соседи сочли его *stunod*^[26], когда он превратил свой вполне приличный гараж в студию звукозаписи? Его жене не понравилось, что грузовик теперь припаркован на улице, но он велел ей не мелочиться. Скептики нудили: «Да чего ты добьешься своими записями?» Даже приходской священник решил, что это какая-то афера. Слышали бы они эту запись! Он нашел зацепку, различил путь к победе: три хорошенькие поющие девушки, а на их фоне – красавец-солист, и все они исполняют песню о любви и замужестве.

Он знал, какое-то шестое чувство подсказывало ему, что в разгар Великой депрессии именно юмористическая песня прольется бальзамом на души слушателей. А если эта песня к тому же окажется близкой к личному опыту иммигрантов – в данном случае речь шла об итальянцах, но ведь и евреи, поляки, греки, ирландцы, жившие по всему побережью, в городках и городах вдоль железной дороги, тоже поймут, о чем там речь, так как суть песни соответствовала также и традиционным взглядам их собственной культуры, – тогда песня непременно станет хитом. И при заразительно бодрой мелодии широкая популярность была ей обеспечена.

Да и звук был определенно хорош. Стройные голоса сестер обрамляли сильный вокал Саверио. Мариано уже воображал их будущий успех. Ведь достаточно одной песни, чтобы ансамбль скакнул из неизвестности в славу. Стоило лишь заглянуть в окно звуконепроницаемой кабины, чтобы это понять. Помолвочные кольца, мечты Люсиль о курсах для секретарей, профсоюзные билеты заведомо проигрывали перед подобным волшебством. Сестры Донателли и этот мальчишка, Саверио, были на прямом пути к успеху.

Саверио вернул Люсиль пустую бутылку из-под газировки. Чичи придержала перед ним дверь гаража.

– Еще одну, на посошок?

– Нет, Люсиль, спасибо. Мне пора возвращаться в гостиницу.

– Не позволяй Чичи себя обрабатывать, – сказала она ему, уходя на задний двор.

– Она играет не по правилам, – добавила Барбара, следуя за Люсиль.

– Не слушай моих сестер, у них совершенно отсутствует деловая хватка, когда речь о шоу-бизнесе. – Чичи побежала вперед и отворила калитку на улицу.

– Ты что, каждую дверь передо мной собираешься открывать, отсюда до самой гостиницы?

– Ты был так щедр! Я бы подвезла тебя на папином грузовике, но это небезопасно, он то и дело ломается. А автомобиля у нас нет.

– У меня его тоже нет. А если бы у тебя был автомобиль, то какой бы ты выбрала?

– «Паккард».

– А почему?

– Потому что, куда ни кинь, все ездят на «фордах».

– И только поэтому?

– Ну и еще я считаю, что «паккард» – просто произведение искусства.

Саверио порылся в карманах.

– Вот. – Он достал пакетик из оберточной бумаги, открыл его и протянул Чичи скапулярий^[27] Божьей Матери, висевший на шелковом шнурке.

– Какая прелесть. Это от твоей мамы?

– Нет, от меня.

– Очень любезно.

– Он освященный. Просто у той монахини закончились медальоны.

– Ты делал покупки в монастыре?

– Она ходила по гостинице.

– Видимо, пыталась поощрять хорошее поведение. А с какой стати ты мне что-то даришь? Если уж на то пошло, это следовало бы сделать мне. – Она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. – Спасибо.

Саверио заметил, что волосы Чичи пахнут ванилью: свежий аромат, как легкое летнее пирожное.

– Это все, что у меня нашлось для тебя, – сказал он. – На память об этой неделе. Я и маме купил такой же.

– Ну, конечно. Как добрый католик, небось еще парочку припрятал в том пакетике. Ты их раздавай, раздавай.

Саверио рассмеялся.

– Ты меня раскусила. Я и правда купил несколько, но не все, у монашки еще остались.

Чичи тоже рассмеялась:

– Ну разумеется!

– Мама говорит, ты спасла одному мальчику жизнь, – сказал Саверио.

– Да ну, – пожала она плечами, – спасатель быстро приплыл на помощь.

– А мне рассказывали другое. Будто ты первой за ним бросилась и сама его нашла. Признай же свою заслугу, – настаивал Саверио.

– Я средний ребенок, я к такому не привыкла.

– А я единственный ребенок, так что приходится.

Чичи ухмыльнулась:

– Обычно на меня всё валят, а не хвалят.

– А на мою долю выпадало и то и другое.

– Повезло.

– Девушки не любят признавать свои заслуги.

– Мы делаем то же, что и наши матери, – грустно улыбнулась Чичи, надевая на шею скапулярий.

– А к отцам и сыновьям это тоже относится? – спросил Саверио.

– Понятия не имею. У моего папы одни дочери.

– А мне всегда хотелось сестру или брата.

– Если бы они у тебя были, ты бы считал иначе. Ты бы от них на стенку лез.

– Не думаю.

– То, что мы себе представляем, всегда лучше того, что нам дается, – назидательно сказала Чичи.

– Ты ужасно умная.

– Да не особо, просто наблюдательная.

– Тебе понравилась моя мама?

– Она очень милая. А ведь венецианцев в наших краях не так уж много. Моя мама тоже венецианка.

– Да ну! – Саверио пора было возвращаться в гостиницу, но ему не хотелось уходить.

– Мой отец говорит, что невозможно победить в споре с венецианцами, – сообщила Чичи.

– Это он моего отца не знает, – покачал головой Саверио.

– А где он?

– В Мичигане. Он никогда не ездит в отпуск.

– А почему?

– Это ты у него спроси.

– А ты с ним не общаешься?

Саверио пожал плечами:

– Не особо.

– Позволь я угадаю. Ему не нравится, что сын у него певец. Он бы предпочел более традиционное занятие для своего отпрыска.

– Что-то вроде того.

– А ты не можешь заставить его изменить отношение?

– Нет.

– А хочешь?

– Мало ли чего я хочу.

– Поняла.

– Пожалуй, ты и правда поняла. – Саверио посмотрел на Чичи, затем на часы: – Жаль, у нас нет больше времени.

– Я слишком много болтаю.

– Мне это нравится.

Чичи не знала, что ответить, а ведь обычно она за словом в карман не лезла. Саверио скрестил руки на груди.

– Я встречаюсь со множеством девушек.

– И что?

– Просто подумал, что тебе лучше об этом знать.

– Мне написать об этом репортаж в «Си-Айл экспресс»?

– Нет, просто прими к сведению.

– Я тебя не осуждаю. Ну да, ты встречаешься со множеством девушек. Это просто значит, что единственная девушка, которая и правда что-то для тебя значила, разбила тебе сердце.

Саверио удивился, откуда Чичи это знает, но правды признавать не собирался и потому солгал:

– Да нет.

– Как скажешь. Никому не нравится страдать. Никто не просит, чтобы ему разбили сердце, это просто происходит, и все. Но есть и положительная сторона: благодаря таким случаям авторам есть о чем сочинять песни, а певцам – петь.

– Чего ты хочешь?

– В каком смысле?

– В жизни. Чего ты хочешь от жизни?

Чичи глубоко вдохнула. Ей понадобилось время, чтобы признать, в чем состоит ее заветная мечта.

– Я хочу петь.

– Это работа. А я имел в виду, чего ты хочешь для всей своей оставшейся жизни. Ну, когда ты вырастешь и станешь принимать жизнь всерьез.

– Хочу петь и сочинять песни.

– Девушки не особо успешны в шоу-бизнесе.

– Кто это сказал? – Чичи подбоченилась.

– Я говорю.

– Извини, конечно, но много ли ты видел, как девушки работают в шоу-бизнесе, если сам просто волочишься за ними?

– Ты права, не много, – рассмеялся он.

– Так что – не исключено – иная девушка вполне может быть счастлива в шоу-бизнесе. По мне, если тебе нравится то, чем занимаешься, это и есть счастье.

– Но как же домашняя жизнь?

– Я ни о чем не думаю, кроме пения, – призналась она.

– А надо бы подумать и о другом.

– Потому что я девушка?

– Нет, потому что, кем бы ты ни был, пение – это еще не все.

– А ты-то откуда знаешь?

– Я в этом убеждаюсь на собственной шкуре.

– Я хочу гастролировать из города в город и каждую ночь петь в новом клубе и перед новыми зрителями.

– Тебе это надоест.

– Никогда!

– Когда постоянно переезжаешь, то только и мечтаешь, как бы остаться на одном месте. Иметь где-то собственный дом и очаг.

– Возможно, если бы ты время от времени навещал свой дом, путешествия нравились бы тебе больше, – предположила Чичи.

– Возможно. Но и тебя эти переезды недолго будут радовать.

– Откуда ты знаешь?

– Ты выросла в счастливой семье. Зачем же уезжать от нее?

– Потому что это у меня уже было.

– И поэтому ты хочешь попробовать, каково быть одинокой и несчастной?

– У меня собственные планы. Я не хочу того, что есть у всех прочих. Никогда не хотела и никогда не захочу.

– Ты не думаешь о собственном доме, окнах, кухоньке, крылечке? Саде? А вдруг ты влюбишься?

– Ну и что?

– А то, что когда люди влюбляются, они женятся, создают семейный очаг и воспитывают детей.

– Кто это сказал?

– Да все подряд, начиная с текста любой песни от начала времен. Тебе ли не знать, ты ведь сама их пишешь. В них всегда говорится о любви, даже тогда, когда они вроде бы не о любви, – настаивал Саверио.

– Возможно.

Тут Саверио осенило.

– Я думаю, ты просто притворяешься. Это такая поза.

– Поза – это когда стоишь в ателье у фотографа. А у меня вовсе не поза, – заверила его Чичи.

– Ну а если ты вдруг встретишь парня и передумаешь? Не мясника, портного или грузоперевозчика, не обычного неудачника из Джерси, а кого-то другого, и ты полюбишь его больше, чем шоу-бизнес?

Чичи отрицательно покачала головой:

– Не будет такого никогда. Когда я закрываю глаза, я не вижу ничего подобного. Зато я вижу оркестр. Слышу музыку. Вот ребята на подиуме встают в своих фраках и белых галстуках и поднимают ввысь свои духовые и дуют в них, и я не хочу быть нигде на свете, только там. Я хочу стоять там, на сцене. Я хочу принести туда песню – именно тогда, в то мгновение, спеть ее своим голосом. То, что исходит от них, и то, что исходит от меня, – это и есть творчество. Звук.

Музыка. Переживания. И нет никакого парня, вида из окна, климата, ни-че-го такого, даже громадного изумруда, рубина или бриллианта (и я серьезно), пусть даже в лучшей в мире золотой оправе, – нет ничего на свете, что значило бы для меня больше, чем возможность спеть ту песню.

– Но все это – лишь пара часов каждый вечер. – Саверио пнул ботинком камешек, и тот запрыгал по припорошенной песком улице. – Оркестр играет, чтобы влюбленные пары танцевали.

– Но это достойный заработок. – Чичи произнесла «заработок» как нечто священное.

– Да, он вполне может быть достойным, – признал Саверио.

– Именно этим я и хочу зарабатывать на жизнь. Я люблю свою семью, но не хочу создавать собственной. Мне просто нравится сочинять музыку.

– Хорошо, хорошо, сдаюсь.

– Отлично, потому что переубедить меня тебе не удастся.

Саверио был вынужден признать: ему нравилась эта девушка. Со своей прямоотой и честностью она не походила ни на одну из знакомых ему молодых женщин. С ней можно было разговаривать, совсем забыв о времени. Он не знал, что и думать. Когда она рассказывала, о какой жизни мечтает, то начинала светиться изнутри, как будто в ее сердце что-то зажигалось. А еще она была хорошенькая. Ему хотелось ее поцеловать, но он не знал, как попросить у нее разрешения.

– Я не хочу, чтобы ты меня целовал, – сказала Чичи.

– Не хочешь? – «Да она читает мои мысли», – подумал Саверио. Ясновидящая, как та цыганка, которая путешествовала с оркестром, когда они играли на деревенских ярмарках, и раскладывала там свой шатер с хрустальным шаром.

– Не-а. Так что можешь даже не стараться. Я появилась у тебя на пути, потому что тебе требуется настоящий друг. А девушек за тобой выстроилась целая очередь вдоль променада, их там стоит больше, чем за пончиками. Я их видела. Красотки со всего побережья, от Уайлдвуд-Крест до Брилля, и все фланируют в надежде, что ты обратишь на них внимание. На что тебе еще и я?

– Все они чего-то хотят, – признал Саверио. – А чего хочешь ты? – Он засунул руки в карманы. – Ну, помимо работы, как у меня?

– Мне нужна услуга.

– Даже не сомневался.

– Причем совсем небольшая услуга. Мне бы просто хотелось, чтобы ты передал нашу запись Роду Роккаразо – пусть скажет, что он о ней думает. Я могу устроить, чтобы пластинка была готова прежде, чем ты уедешь. Может, он ее послушает и это его наведет на какие-то мысли. Сделаешь это для меня?

– С чего бы я стал это делать? – поддразнил ее Саверио.

– Потому что мы действительно отлично поем.

Она выглядела такой полной надежд, такой серьезной, что Саверио едва удержался от смеха.

– Ладно, Чичи.

– Передашь? Правда? Завтра она будет готова. – Чичи захлопала в ладоши. – Спасибо! Ты настоящий принц!

– Сын итальянки всегда принц.

– Знаю. Но ты – добрый принц. – Чичи повернулась, чтобы идти домой.

– Слышь, Чичи?

– Чего?

– Ты меня раскусила.

Она улыбнулась ему, прежде чем подняться на крыльцо. На верхней ступеньке она обернулась:

– Слышь, Савви?

– Чего?

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть романтическим героем.

– Да я и сам так думаю.

– Тогда почему же ты постоянно ведешь себя так, словно в чем-то провинился?

Чичи вошла в дом и закрыла за собой сетчатую дверь.

Саверио постоял, изучая дом семьи Донателли, выстроенный в стиле кейп-код^[28], с его побитой ветром серой черепицей и недавно обновленной желтой отделкой, и размышлял, каково оно – жить в таком доме. Мариано сам залил цементом и выложил сланцем дорожку, ведущую к двери. Узор ее голубоватых плит напоминал классики. Если у итальянца есть выбор, он всегда предпочтет сам заниматься работами по камню. По обе стороны дорожки тянулись одинаковые, ровно подстриженные островки зеленой травы, ветерок шевелил обрамлявшие крыльцо кусты осоки, а в ветроловке белые

стеклянные диски, похожие на облатки, негромко отзванивали нежную мелодию. Настоящий отличный дом для хорошей семьи.

Сквозь сетку на двери и в окнах до Саверио доносились их голоса, и звуки разговоров проплывали над его головой, как музыка. Такого рода общение можно найти лишь в сердце дома, где счастливо живет дружная сплоченная семья, где все понимают друг друга и говорят на особом общем языке.

Саверио не мог разобрать слов, долетавших до него сквозь дверь и окна, но когда кто-то смеялся в комнатах, этот смех звучал будто серебряные колокольчики, которые министр втряхивает в церкви. Священный звук. Во всяком случае, таким он был для него.

Послеполуденное небо было испещрено лиловыми облаками, а похожее на желток солнце начинало закатываться за отель «Кронеккер».

Саверио приветствовал поцелуем в щеку свою мать, ожидавшую его на веранде. Мимо них возвращались домой после очередного дня на побережье запоздалые пляжники. Они несли на плечах зонты, как мушкетеры, и размахивали пустыми корзинами для пикников в такт заключительным звукам концерта Джимми Арены и его оркестра, которые неслись из открытых окон, – радио передавало концерт. Когда они поворачивали на Сифорт-авеню, следом еще плыл ровный рев саксофона Джимми.

Розария обняла сына.

– Я рада, что нам удалось повидаться перед твоим выступлением, – сказала она.

– Ты хорошо выглядишь, мама. Даже немного *bronzata*^[29] на джерсийский манер.

Розария поглядела на свои руки:

– А и правда. Кузина Джузи отвезет меня к поезду.

– В спальном вагоне тебе будет комфортно.

– О да, не сомневаюсь. Спасибо, что все так устроил. Ты ко мне слишком добр.

Саверио улыбнулся матери.

– Слишком добр к тебе? Такого быть не может.

– Я люблю Супер-Чиф^[30]. Там встречаются такие интересные люди. По пути сюда я играла в карты с дамами из Розето, штат

Пенсильвания. Куда бы я ни поехала, везде нахожу друзей.

Розария сидела лицом к Оушн-драйв в плетеном кресле-качалке, уже одетая в свой лучший бежевый льняной костюм и обутая в туфли-лодочки. Ее чемодан, шляпная коробка и сумочка были аккуратно сложены пирамидой рядом с креслом.

– Я прекрасно провела эту неделю, – сказала она.

– Ты побывала на каждом концерте.

– Мне не хотелось пропустить ни одной ноты.

Саверио уселся на скамью напротив матери.

– Может, еще останешься? – предложил он.

– Кузине это бы понравилось, – признала Розария.

– Так оставайся!

– Я нужна твоему отцу.

– Уверен, он отлично справляется.

– Да, вполне справляется. Но когда я там и могу всем заниматься, он справляется куда лучше.

– Потому что ты готовишь и делаешь уборку.

– И это тоже. Но еще он там совсем один.

– Некоторым людям лучше в одиночестве.

– Он твой отец, Саверио. И он каждый день делает все, что в его силах, – мягко сказала она.

– Он выгнал меня из дома, Ма. Какой отец прогоняет своего единственного сына?

– Да, это было ужасно. Но мужчины часто делают подобные вещи, чтобы закалить своих сыновей, – старая история, ты ее найдешь во множестве книг, если поищешь в библиотеке. Отцам и сыновьям приходится нелегко. Но, уверяю тебя, он желает тебе только добра.

– Ну, допустим, хотя я в это не верю, но ведь он и с тобой обращается дурно.

– Не всегда.

– Он поступает так, как удобнее ему. Ты заслуживаешь хорошего отношения каждый день, с утра до вечера, и по ночам тоже.

– Спасибо за такие слова. Но я способна сама о себе позаботиться.

– О тебе должен бы заботиться твой муж.

– Он так и делает, – попыталась заверить сына Розария.

– Я тут подумал... – взволнованно заговорил Саверио. – Я уже несколько лет гастролирую, и мне удалось отложить немного денег. Я

хочу отправить тебя в Тревизо. Почему бы тебе не съездить в гости домой, в Италию? Навестила бы кузин, повидалась бы с тетками и дядьями.

– Я уехала оттуда совсем маленькой и уже почти ничего не помню, – грустно покачала головой Розария.

– Но ты рассказывала мне об Италии. Мне казалось, это какое-то зачарованное королевство.

– Для меня так оно и было. Но я покинула ее ребенком, а когда дети покидают какое-то место, они часто фантазируют о нем, чтобы не терять связи. Сегодня я бы, наверное, даже не узнала Италию.

– Но ты по-прежнему переписываешься с семьей?

Она кивнула.

– Уверен, они бы с радостью тебя приняли, и ты была бы там счастлива. Это пошло бы тебе на пользу. Ты ведь только что сказала, что везде находишь друзей.

– Мое место – рядом с твоим отцом.

Она сказала это так твердо, что Саверио понял: вряд ли ему удастся ее переубедить.

– Значит, мне тебя не уговорить?

– Я принесла твоему отцу торжественную клятву. Ты когда-нибудь видел, чтобы я нарушила обещание? – улыбнулась она.

– Я бы тебе простил, если бы ты нарушила именно эту клятву.

– Не суди его так строго. Когда ты появился на свет, он держал тебя на руках бережно, как хрупкий хрустальный сосуд, очень боялся тебя уронить. Он был таким милым с тобой. Ты этого не можешь помнить, а я не забыла.

– Приятно было бы вспомнить хорошее. Но я ничего такого не припомню.

– Так будет не всегда.

– Мне не нравится, что ты там постоянно наедине с ним, что рядом никого нет. – Он с трудом подбирал правильные слова, чтобы в точности выразить то, что чувствовал. – Мне от этого беспокойно.

– Не стоит волноваться.

– Быть может, для сына единственный способ покинуть родной дом – это забыть его напрочь.

– Надеюсь, что так не будет.

– Мне там не рады. Ты это знаешь.

– Ты можешь приехать домой в любое время.

– Я не стал бы обрекать тебя на такое. Когда я там, он превращается в зверя.

– Ему приходится трудно. Он не понимает того, чем ты занимаешься. Считает это легкомысленным.

– Еще бы. Он грузит в печь песок, чтобы получить стекло, гнет спину, разливая эту лаву по формам. А дальше ее еще и нарезать надо. Однажды на его глазах человек остался без руки.

– Помню, – кивнула Розария.

– У него опасная работа, которая требует полного внимания. Он ее выполняет уже больше двадцати лет и весь уже, должно быть, заостенел и внутри, и снаружи от этой бесконечной рутины. Естественно, после такого ему кажется, что любой, кто не вкалывает как каторжный, до кровавых мозолей, и не трудится вовсе. Но в моем случае он ошибается. То, чем занимаюсь я, не так уж просто, и не каждый способен на такое.

– Я знаю, – сказала Розария.

– На самом деле я вовсе не люблю стоять перед зрителями.

– Я думала, что ты уже привык.

– Не привык. Иногда меня прямо трясет от нервов. И мне становится дурно.

– Дурно? – Розария озабоченно наклонилась к нему.

– Это называется «боязнь сцены». Порой меня рвет, а иной раз поднимается такой жар, что мне кажется, будто я вот-вот потеряю сознание.

– Что ж, многое поставлено на карту, – сказала Розария. – Да еще и высокая конкуренция.

– Одни ребята выпивают, чтобы набраться храбрости перед выходом на сцену. Другие курят. К нашим услугам богатый выбор пороков, чтобы отогнать страх или хотя бы притупить его. Но сам я просто вспоминаю заводской конвейер, и это дает мне силы продолжать. Я не хочу туда возвращаться. Не потому что это недостойное меня занятие, а потому что я для него не подходил.

– Я пыталась объяснить это твоему отцу.

– Па никогда этого не понимал. Он считал, что все очень просто. Ведь от меня требовалось всего лишь стоять у конвейера, безошибочно проделывать назначенную операцию и отправлять автомобиль к

следующему рабочему. Но все куда сложнее. Мне надо было еще и оставаться тем же самым, постоянным, без отличий, изменений и отклонений, день ото дня, неделя за неделей.

– Такое подходит не каждому.

– Я видел людей, которые наслаждались работой на конвейере. Но меня она душила. По сей день, а ведь прошло уже шесть лет с тех пор, как я уехал, мне снится по ночам, как я держу гаечный ключ и одну за другой прикручиваю ручки к автомобильным дверям.

– А твой отец зовет во сне своих товарищей.

– Ничего удивительного. Такого рода работа просто становится частью человека. А вот выступать перед публикой – полная противоположность конвейеру, это возбуждение, которое приходит и уходит и длится не дольше представления. Люди идут к тебе в надежде, что ты им поможешь забыть о заботах, неоплаченных счетах и неумолимом начальстве. Музыка – их передышка. Танцы – их способ добиться девушки, и иногда, Бог мне свидетель, у них получается!

– Я видела здесь своими глазами, как это происходит, – подтвердила Розария.

– В каждом городе одно и то же. Быть может, мы и правда помогаем им отвлечься от мыслей о том, чего у них нет и никогда не будет. И им вовсе не хочется видеть перед собой какую-то робкую фиалку.

– На сцене ты смотришься непринужденно.

– Таким мне и хочется быть. Но на большинстве выступлений, когда мне кажется, что у меня неважно выходит, или мистер Р. говорит, что у меня голос как терка, или клуб отказывается нам платить, веселого мало. За нами Генри Форд не стоит.

– Поэтому твой отец и переживал так.

– Нет, он переживал, потому что у него хорошо получается быть несчастным. А радоваться – за тебя, за меня, за кого угодно – он не умеет. Ему досталась лучшая в мире жена, а он тебя не ценит.

– Он вырос в такой бедности...

– Ты тоже. Но ты умеешь любить.

– Я пробовала научить его этому.

– Некоторые люди просто необучаемы. Вот смотри, у него есть один-единственный сын. Я даже взял себя в руки и пошел работать на завод – думал, теперь-то он увидит, что со мной все в порядке, что я

хороший сын. Но даже этого оказалось недостаточно. Честно тебе говорю: гордись он мной, я бы до сих пор стоял у конвейера.

Розария открыла сумочку и достала носовой платок.

– А ты бы не мог время от времени ему писать? – Она промокнула глаза платком.

– Зачем?

– Чтобы сообщить, что у тебя все хорошо.

– Скажи ему об этом сама.

– Это не то же самое. Сделаешь это ради меня?

Саверио вздохнул:

– Только ради тебя, мама. Сделаю. А тебе самой что-нибудь нужно?

– Ничего.

– Таких женщин, как ты, уже не бывает. Нынешние девушки много чего хотят.

– Где ты этих девушек находишь?

– Да везде.

– Везде – плохое место для таких поисков, – сказала Розария. – Берегись этого *везде*. Что тебе нужно – это приличная итальянская девушка, которая находится там, где надо.

– Ты так считаешь?

– Я не хочу, чтобы ты растерял все, чему я тебя научила.

– Мама, такое невозможно, даже если очень стараться.

В студии звукозаписи «Магеннис Рекордс» в Ньюарке четыре проигрывателя одновременно играли по одной готовой пластинке. По субботам здесь бывало тесно – бэк-вокалисты, певцы по выходным, любители и полупрофессионалы являлись сюда за своими самопальными записями, которые собирались разносить по павильонам, танцплощадкам и радиостанциям на всем побережье в надежде быть замеченными.

– Папа, ты сколько штук заказал? – спросила Чичи.

– Шесть. Сегодня пойдем к важным людям.

– И на радиостанцию?

– Она у меня в списке. Та, что базируется в Маве.

– Ага. Они сыграли запись «Сестер Мандаролла» из Фрихолда. И «Сестер Теста» из Норт-Провиденса, штат Род-Айленд. Обе песни

попали в хит-парады, а «Сестры Теста» еще продолжают идти вверх.

– А ты откуда знаешь?

– Из журнала «Музыкальный хит-парад». Я его читаю в библиотеке. И написала каждому упомянутому там администратору ансамбля.

– Кто-то клюнул?

– Сразу, едва отправила.

– Мосты – это важно. Их надо не сжигать, а наводить и переходить. И еще чинить.

– Я хочу дать одну пластинку Саверио.

– Вот и дай.

– Его автобус отъезжает в четыре часа, – беспокойно сказала Чичи. – Мы успеем?

Мариано поглядел на часы:

– Почему бы и нет?

Сотрудница студии установила на проигрыватель пластинку с записью «Скалки моей мамы».

– Я выбью на кассе чек, а вы пока послушайте, – предложила она.

Чичи и Мариано наклонились поближе, стараясь не пропустить ни одной ноты.

– Хорошо вышло, папа. Лучше всего, что мы до сих пор записали, – удовлетворенно заметила Чичи.

Продавщица протянула Мариано сдачу.

– Девушкам в студии эта песня ужасно понравилась.

Мариано оставил открытыми окна в своем дряхлом «хадсоне» 1926 года. Даже на максимальной скорости грузовик выжимал не больше сорока миль в час. Чичи держала на коленях пластинки. Они катили по трассе 81, и почти каждый автомобиль их обгонял, даже какой-то дряхлый драндулет с тарахтящим двигателем и откидным сиденьем.

– Не знаю, по какому адресу его потом найти, – беспокойно проговорила Чичи, вглядываясь в дорожное движение.

– Тебе нравится этот Саверио, правда?

– Он ничего.

– Чич, ну я же вижу, он тебе нравится.

– Не могу сказать, что я от него без ума.

- Я же не сказал «влюбилась». Я говорю – «нравится».
- Он знает много такого, чего не знаю я. Мы подружились.
- Я пытаюсь до тебя донести, что ты ему тоже нравишься.
- Мне его жалко.
- Почему это?
- Да какой-то он недотепа. В любом случае у меня сейчас другие заботы. Например, как бы пропихнуть эту запись в эфир.
- У тебя все получится.
- Не знаю, Па. Иногда я начинаю сомневаться.
- Доверяй своему слуху. Ты пишешь отличные песни и поешь не хуже тех, кто уже на сцене. Верь в себя. Ты знаешь себе цену. Надо верить и надеяться.
- Что такое «верить»? – Чичи помахала рукой, выгоняя в окно назойливую муху.
- Ты восемь лет училась у салезианок^[31] – и до сих пор не знаешь ответа?
- Я, наверное, могу объяснить, как они это понимают. А как это понимаешь ты?
- Верить значит быть отважным. Это негласный договор между Богом и твоей душой, согласно которому ты обещаешь, что все отпущенное тебе время ты не перестанешь делать то, для чего был рожден.
- Где ты это слышал?
- Сам придумал. *Coraggio*.
- Храбрость. – Чичи негромко фыркнула. Последний раз она слышала это слово, когда Саверио Армандонада сказал, что у нее это есть.
- Вот-вот, храбрость. Ты знаешь, что именно работает.
- Разве?
- Да, знаешь. Тебе дается лишь одна попытка прожить эту жизнь. Используй ее.
- Папа, я лучшая обметчица петель в отделочном цехе «Джерси Мисс Фэшнз».
- И в этом нет ничего плохого. Но у тебя есть и другие умения, от Бога.
- Ты считаешь, что я пою на уровне солистки?
- Вне всякого сомнения. Но нужно, чтобы и ты в это поверила.

– Я хочу стать солисткой.

– Хотеть тоже важно. У тебя получается все, за что ты берешься. Одна только фабрика чего стоит. Но не достаточно просто зарабатывать жалованье и покупать облигации, Чич. Мы видим успех не так. Это успех по-американски.

– Но мы ведь американцы, Па.

– Верно, но мы также итальянцы, а значит, деньги для нас не главное. Это не цель. Деньги ничего не доказывают. Вон белка тоже успешно копит орехи. Но она так и остается белкой, и это всего лишь орехи, сколько бы она ни накопила. *Va bene?*^[32] Итальянцы жаждут искусства, как твое начальство жаждет прибыли. Смогла бы ты прожить счастливую жизнь, работая на фабрике? Конечно. Тебе это под силу. Но тогда ты проведешь годы до самой смерти, воплощая чужие мечты, а не свои.

– Помогая мистеру Альперу разбогатеть.

– Будь благодарна за свою службу, но не будь ее рабыней. – Мариано затормозил на автобусной остановке у пирса Си-Айла. – Люди богатеют благодаря риску. То одно попробуют, то другое. Надо тянуться все выше, пользоваться шансом. Такие люди слушают только свое сердце.

Стайка девушек в шортах и купальниках как раз расходилась с остановки. Чичи выпрыгнула из кабины грузовика с пластинкой в руках.

– Эй, а где автобус Рода Роккаразо? – спросила она.

– Он уже уехал, – бросила через плечо одна из девушек, обмахиваясь фотографией оркестра с автографом.

– Как это? Они ведь должны были отъехать в четыре часа! – огорчилась Чичи.

– Не знаю, в три они уже отчалили, – пожала плечами другая девушка и пошла дальше, облизывая рожок мороженого.

Чичи вернулась в грузовик.

– Мы их упустили, – вздохнула она.

– По крайней мере, ты попыталась, – пожал плечами отец.

– Не будь наш тарантас таким старым, мы бы нагнали автобус у выезда на магистраль и я бы передала ему это, – задумчиво проговорила Чичи, вертя на пальце предназначенный Саверио экземпляр пластинки.

– За автобусом мы гнаться не станем, – твердо заявил Мариано.
– А если это наш последний шанс?
– Думай головой, девочка. Мы ведь знакомы с его кузиной. Отнесем пластинку Джузи. У нас есть связи!

В автобусе «Музыкального экспресса Рода Роккаразо» были открыты все окна, и пассажиров обдувало горячим воздухом, от которого становилось еще жарче. Музыканты распустили узлы галстуков и распластались на сиденьях, устраиваясь поудобнее, – дорога до Ричмонда, штат Вирджиния, предстояла долгая.

– Надеюсь, теперь уж с местными полуголыми красотками покончено, – фыркнула Глэдис, открывая иллюстрированный журнал и рассеянно его перелистывая.

– О чем это ты?
– У меня же есть глаза, Саверио.
– Может, тебе к ним нужны очки.
– Может, тебе нужно научиться держать себя в руках.
– Если хочешь знать, в Си-Айл-Сити я был тебе верен, – заявил Саверио.

– Ясно. – Глэдис закрыла журнал. – А знаешь, в кои-то веки я тебе верю.

– Это правда.
Глэдис чмокнула его в щеку.
– Хотя время от времени почему бы и не позволить тебе поворачиваться среди своих.

– Э-э?..
– Ну, среди макаронников.
Саверио подумал, не возмутиться ли. Когда он работал на заводе «Ривер Руж», слово «макаронник» считалось оскорблением, и Глэдис, без сомнения, знала это. Но до Вирджинии было еще далеко, и ему не хотелось ссориться все оставшиеся пятьсот миль пути.

– Ага, это и есть мой народ.
– По крайней мере, они покупают билеты на наши концерты, – пожалала плечами Глэдис.

– Да. Покупают. За свои потом и кровью заработанные монеты. – Саверио вытянул ногу в проход между сиденьями, откинулся на спинку, закрыл глаза и надвинул пониже на лоб свою шляпу-федору.

– Ты что, всерьез намерен уснуть? Ты же только что проснулся, – заныла Глэдис.

– Я устал, лапочка.

– Ты вечно уставший.

Саверио поерзал, скрестил руки на груди и промолчал. Его так и подмывало выложить Глэдис, что устал он прежде всего от ее бесконечных придилок, но это бы просто привело к новым упрекам. К тому же ей случалось вести себя с ним куда приветливее, а лучшей соседки по комнате для гастролирующего мужчины еще поискать. Она о нем заботилась, утюжила его рубашки и смокинг, как это делала бы мать, следила за его питанием, и этим плюсы подобного соседства еще не исчерпывались.

– Я понимаю, что тебе нужно отдыхать, – продолжала Глэдис. – Потому я и отправила тебя на пляж. Я знаю, что ты любишь солнце. Чернявые без солнца не могут.

– *Grazie*.

– Я не возражала против того, чтобы остаться в гостинице и заняться стиркой. Выгладила все твои рубашки. Накрахмалила воротнички и манжеты ровно так, как ты любишь.

– Ах ты моя куколка.

– Да, я твоя куколка, малыш. – Глэдис погладила его по щеке. – И я здесь для того, чтобы облегчить тебе жизнь.

– И облегчаешь, спору нет. – Саверио наклонился к ней и поцеловал ее в губы, затем принял прежнее положение и снова закрыл глаза. Глэдис склонилась над ним, щекоча его ухо кончиком носа.

– Моя мама спрашивает, когда мы поженимся, – с нежностью проговорила Глэдис. – Хотелось бы дать ей хотя бы приблизительный ответ.

Саверио выпрямился в кресле и сдвинул шляпу на макушку.

– Я пока не готов к женитьбе, – пробормотал он.

– Да ну.

– Я не шучу. Честно – не готов я.

– Но я поняла... я думала... – Голубые глаза Глэдис наполнились слезами. Она быстро поморгала, не позволяя себе заплакать. – Ты ведь дал мне понять, что мы поженимся во время этих гастролей. Ты мне обещал.

– Когда это я обещал?

– Сам знаешь когда, – прошептала она.

– Глэдис, ты особенная девушка, но мужчинам свойственно говорить всякое такое.

Ее лицо приняло обиженное выражение.

– Ты меня не любишь!

– Этого я не говорил.

– Либо любишь, либо нет.

– Я испытываю к тебе глубокую привязанность, – заявил Саверио.

– То есть? – повысила голос Глэдис.

Саверио окинул взглядом салон автобуса. Многие музыканты уснули, а остальные недвижно растеклись в креслах, как пальто, брошенные на спинки стульев. Ударник и тромбонист уселись на заднем сиденье со сложенным гармошкой спортивным разделом газеты. Они прикидывали, на каких лошадях поставить, как только приедут в Ричмонд.

– Привязанность – это такое чувство, – прошептал Саверио.

– Я не потому о тебе забочусь, что испытываю к тебе привязанность! Я забочусь о тебе, потому что люблю, – выпалила Глэдис. – Моя мать ожидает, что я вернусь домой в сопровождении мужа – я ей пообещала, что так будет. И вот что ты теперь намерен делать?

Саверио хотелось остаться с Глэдис, но не навсегда, и хотелось ему этого не настолько, чтобы предложить ей замужество. Он решил было сказать ей что-то осторожное и обдуманное, то тут же понял, что слишком устал, чтобы торговаться.

– Ничего, – ответил он.

– Ты не собираешься дарить мне кольцо?

– При нынешней конъюнктуре – нет.

– Какая еще конъюнктура? Кто вообще так разговаривает?

– Мужчина, который не намерен делать предложение.

– Ты только о себе и думаешь.

– Вполне возможно.

– Возможно? Так и есть. Спроси у меня, уж я-то знаю точно.

– Глэдис, а мы не можем это обсудить позже?

– Не вижу, почему нельзя этого сделать сейчас.

– Сейчас мы в автобусе. Вместе с оркестром. Хуже времени для такого разговора и быть не может.

– У меня секретов нет. Я думаю, что я тебе просто наскучила, вот в чем тут дело. Тебе надоело. – Она резко отвернулась и уставилась в окно.

Нью-джерсийская магистраль была просто ровной лентой серого асфальта, которая разворачивалась под колесами автобуса и, казалось, нигде не заканчивалась. Округлые зеленые холмы тянулись по обе стороны шоссе, как оборки на пышной юбке.

Саверио наклонился к Глэдис.

– Прости, – сказал он.

– Извинения приняты.

– Спасибо. – Саверио снова откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Ты это серьезно? – возмутилась девушка.

Саверио открыл глаза:

– Не понял, что еще?

– Мы так и не решили вопрос нашего предстоящего бракосочетания.

– Глэдис, никакое бракосочетание нам не предстоит.

– Неужели ты не видишь, как я несчастна из-за тебя? – прошептала она. – Ты меня унижаешь, не предлагая мне руку и сердце.

– Ну-ну, детка, – поддразнил ее Саверио, – весь этот джаз пока не для меня.

Глэдис не оценила юмора.

– Ты выражаешься совсем как какой-нибудь заезжий барабанщик. Подобные легкомысленные высказывания ниже твоего достоинства. И, будь так добр, не забывай, с кем разговариваешь. – Она пригладила юбку. – Вконец обнаглел.

Саверио провел руками по бедрам и повернулся лицом к девушке:

– Тебе ведь вообще не нравятся итальянцы.

– Мне не нужно выходить замуж за всю Италию. Я могу выйти за одного из вас, с этим я справлюсь.

– В Олбани ты меня обозвала чесночником, – напомнил ей Саверио.

– Ты меня тогда вынудил! А сейчас испытываешь мое терпение.

– Я тебя хоть раз обозвал как-нибудь? Оскорбил? Плохо с тобой обошелся?

– Я отдала тебе всю себя, – прошептала она.

– И я тоже отдал тебе себя всего. Разница в том, что я не прошу ничего взамен.

– Тут речь вовсе не об обмене, – объяснила она. – Речь об обещании, о выраженном намерении одного человека, который влюблен в другого, почтить эту любовь брачным обетом.

– Не помню, чтобы я выражал такое намерение.

– С тобой невозможно разговаривать! – Глэдис выдвинула подбородок вперед. – Знаешь что, мне это ни к чему. И уж ты мне точно ни к чему.

Глэдис во всех отношениях походила на тех эффектных девушек, которые появляются в рекламе белья на цветной вставке в разделе светской хроники любой воскресной газеты, от Чикаго до Палм-Бич. Она казалась страстной и при этом сохраняла что-то от девственной свежести. Нельзя было отрицать, что ее красота оставалась неизменной при любом настроении. Фигура у нее была идеальных пропорций, словно отменно выверенная инженерная конструкция: точно рассчитанные изгибы подчеркивали ровные линии силуэта. От льяных слегка вьющихся волос будто веяло свежестью летнего дождя.

Глаза у Глэдис были того ледяного синего оттенка, который встречается у девушек из стран Северной Европы, где текут холодные реки; с тамошними народами ее роднили и черты лица, и решительность. Самоуверенность поддерживала ее, как внутренний стержень, и Саверио находил это любопытным у певички, путешествовавшей с компанией мужчин, многие из которых, честно говоря, не отличались твердыми моральными принципами. Но Глэдис никогда не позволяла своему окружению или тем, кто находился рядом, определять ее самооценку или занижать ее ценность в собственных глазах. Она была способна обольстить, ослепить и отвергнуть мужчину, пока медленно натягивала на руку белоснежную лайковую перчатку. Глэдис Овербай умела заставить мужчин встать столбом и глазеть на нее с изумлением, как на яркую сойку среди снежной равнины.

Саверио прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Запах ее духов – гардения – кружил ему голову. Он не хотел с ней расставаться.

– Прости меня, пожалуйста, – проговорил он.

– Никогда, никогда, слышишь – никогда больше я не приму извинений от типов вроде тебя, – сказала она. – Ты говоришь «прости» так же легко, как нормальные люди говорят «Мне пирожок, будьте добры». Я больше не верю ни одному твоему слову. Тебе больше не удастся меня обдурить. Отныне ты сам по себе, мистер А.!

Она встала, держась за спинку переднего сиденья, с болтающейся на запястье сумочкой перелезла через колени Саверио и вышла в проход между креслами. Автобус катил дальше. Шофер посмотрел в зеркало заднего вида и снова перевел взгляд на шоссе.

Глэдис поправила юбку, выпрямила спину, прошла к задним сиденьям и уселась впереди поглощенных ставками музыкантов.

Не поднимаясь с кресла, Саверио обернулся и покачал головой, однако ему хватило ума не идти за ней. Они уже разыграли достаточно безобразных сцен на глазах у ансамбля – и в автобусе, и за кулисами, и в бесчисленных гостиничных фойе и коридорах. Придется что-то придумать, чтобы вернуть себе ее расположение. Все-таки, если ты постоянно в дороге, такая партнерша дорогого стоит. Когда он шел пропустить стаканчик с ребятами после выступления, ему никогда не составляло труда найти потом свой номер в любой гостинице посреди ночи – он просто следовал за ароматом духов Глэдис и оказывался у нужной двери. Расставшись с ней, Саверио многое бы потерял. А что, ведь брак может в итоге оказаться отличной – и очень практичной – идеей.

Глэдис устроилась в кресле у окна, положила сумочку на свободное сиденье рядом с собой и уставилась в окно. На этот раз она действительно окончательно порвала с Саверио. В этом она была уверена – ведь сейчас она не рыдала. Достаточно она уже наплакалась из-за этого бесчувственного итальянца.

При этом девушка была совершенно сбита с толку. Итальяшки ведь вроде бы страстная нация? Угораздило же ее влюбиться в единственный снулый экземпляр со времен сердцеядов Борджиа. Вот так всегда. Но больше она такого терпеть не станет – ни минутой больше, ни городом, ни концертом, о нет.

Глэдис Овербай была родом из Миннесоты. Она умела распознать момент, когда рыба уже точно не клюнет и пора убирать наживку, сматывать удочки, грести к берегу и кончать на этом. Она сделала все,

что смогла, чтобы поймать парня на живца, но он явно не собирался попадаться на крючок. Хватит с нее. Надо жить дальше. А матери, которая ждет ее в Хиббинге, придется это понять.

Саверио снова вытянул ногу в проход между креслами, надвинул на лоб шляпу, откинулся на спинку и в очередной раз закрыл глаза. Вскоре он крепко спал, как обычный, ничем не взволнованный человек с кристально чистой совестью. Он не пошевелился, пока автобус не вырулил на круговой проезд к отелю «Джефферсон» в центре Ричмонда. Проснулся Саверио, лишь когда водитель автобуса стал трясти его за плечо. Салон уже опустел, остался только легкий след духов Глэдис Овербай – стертый аромат гардении.

– Мы приехали? – Саверио потер глаза.

– Ты-то точно приехал, – сказал водитель. – Вот твоя сумка и твое укулеле.

– Это мандолина, – поправил Саверио, принимая свой багаж.

– Точно. Ты же итальянец, да?

– С самого рождения, – ответил Саверио, выходя из автобуса и направляясь к дверям гостиницы.

4

Июль 1938 года

Accelerando^[33]

Чичи поправила канотье, пока Мариано заруливал на парковку радиостанции в Атлантик-Сити. Она открыла пудреницу и быстро провела пуховкой по носу.

– У нас все получится, Чич! Это знак свыше! – заверил ее отец. – Вот почему никогда нельзя сдаваться. Может, мы и упустили тот автобус, но зато поспеем к золотой карете!

Окрыленная надеждой Чичи выпрыгнула из кабины грузовика, подбежала ко входу на радиостанцию и протолкнулась через стеклянные двери, сжимая в руках новенькую пластинку «Скалка моей мамашы». Она присоединилась к очереди у стойки приема посетителей. Ее конкуренты опускали свои пластинки в корзину у окошка стойки. Чичи собиралась было последовать их примеру, но передумала. Вместо этого она просунула голову в окошко.

– Я пришла к мистеру Гиббсу, – заявила она.

– Положите в корзину. – Немолодая сухощавая дежурная склонилась над пишущей машинкой, как подтаявшая свеча, и стучала по клавишам, не поднимая головы.

– Это не просто очередная пробная запись, – объяснила Чичи, пытаясь перекричать тарактеные машинки. – Понимаете, я Чичи Донателли, из ансамбля «Сестры Донателли». А здесь – новая песня, исполненная моими сестрами и Саверио Армандонада, солистом оркестра Рода Роккаразо.

– Это что, обеденное меню в ресторане «Солнечная Италия»? – пошутила дежурная, разворачивая кресло в сторону Чичи. – Вы по поводу конкурса пришли?

– Да. Он сказал, что нужно сдать пластинки до пяти часов, осталось еще десять минут. Вот это – моя песня. Она особенная, и мне

нужно с ним поговорить. Будьте так добры! – Чичи изучила табличку с фамилией на бюро. – Прошу вас, мисс Шлезингер!

– Я не мисс Шлезингер, я мисс Петерсон. Меня нанимают на выходные, – устало объяснила дежурная. – Нам таблички не положены.

– Тогда простите. А я вам прощаю шуточку про «Солнечную Италию». Кстати, настоящие итальянцы туда не ходят. Мы обедаем в «Везувии». – Чичи покосилась на висящие над бюро часы. – Можно мне поговорить с мистером Гиббсом?

– Он ведет эфир.

– Я подожду. – Чичи просунула пластинку в окошко. – Это должно попасть к нему в руки до пяти.

Мисс Петерсон унесла пластинку в студию. Ожидая ее возвращения, Чичи изучала галерею на стене в фойе. С обрамленных фотографий на нее глядели избранные звезды радиоволн, удостоившие в то или иное время студию своим посещением. Она стала рассматривать эффектные снимки певиц: вот Лиза Кизер в шикарной широкополой шляпе из черного бархата, вот Валери Маккой-Келли в солнечных очках и модном твидовом пальто свободного покроя, а неподражаемая Хельма Дженкинс просто ослепительна с усеянным стразами обручем на голове. В глазах фабричной девчонки, которая носилась по жаре в ситцевом сарафане, подоткнув под соломенную шляпку собранные в конский хвост пушистые от соленых брызг волосы, эти женщины были вершиной элегантности. Чичи вообразила, как однажды на этой стене появится ее собственная фотография, и прикинула, какой наряд наденет для такого случая. Норковая шуба там будет непременно, решила она.

– На сегодня мистер Гиббс закончил принимать пробные записи, – сообщила мисс Петерсон, возвращая Чичи пластинку.

– Но почему?

– Он уже по уши в этих пластинках и не в состоянии больше слушать самопальные записи. Это его дословный ответ.

– Так ведь моя пластинка не самопальная. Ее записали в студии «Магеннис» в Ньюарке. Это профессиональная работа.

– Послушай, девочка. Я дам тебе хороший совет, а ты уж сама решай, прислушаться к нему или нет. Здесь тебе ничего не светит. Мы выпускаем в эфир исключительно известные ансамбли и их солистов.

– Но ведь Род Роккаразо...

– Род Роккаразо – это Род Роккаразо. А ты думала, что если составила дуэт у костра с их подпевкой и записала пластинку в ларьке на ярмарке, мы это прямо-таки пустим в эфир? У нас есть спонсоры. Мы держимся на плаву, потому что они оплачивают наши счета. Даже я получаю жалованье благодаря спонсорам.

– А как же конкурс?

– Он уже выбрал победителя.

– Но так несправедливо!

– Ты права. Это несправедливо. Но здесь мы не играем в софтбол в какой-нибудь школе имени Святой Марии-у-Богородицы, где все честно, поле ровное, а судьями служат монашки. Это шоу-бизнес. А в шоу-бизнесе все сурово. Может, в другой раз повезет. – Мисс Петерсон с треском захлопнула окошко.

Чичи вышла на улицу и забралась в кабину грузовика.

– Отказались принимать пластинку, – уныло проговорила она. – Гиббс выбрал победителя еще прежде, чем я вошла.

– Дай сюда. – Мариано взял пластинку и направился к радиостанции.

Войдя в фойе, Мариано постучал в окошко дежурной. Мисс Петерсон отодвинула стекло одной рукой, держа в другой телефонную трубку. Она предостерегающе подняла ладонь, завершая разговор, затем дала отбой.

– Мне нужно поговорить с мистером Гиббсом, – сказал Мариано.

– О ком доложить?

– Мистер Мариано Донателли.

– А, так вы родственник той девчонки в шляпе, – устало кивнула мисс Петерсон.

– Я ее отец.

– Я только что объяснила вашей дочери, что мы больше не принимаем новых записей для конкурса. – Она потянулась к окошку, намереваясь его захлопнуть.

– Я готов заплатить.

– Одну минуту, сэр. – Мисс Петерсон оставила окошко открытым и направилась в студию.

Мариано стоял у окошка, не спуская глаз с двери студии. Внезапно ему бросилось в глаза собственное отражение в зеркале позади бюро секретарши, и то, что он увидел, ему не понравилось. Художественный руководитель ансамбля «Сестры Донателли» был одет так, словно собрался заливать бетон, а не вести переговоры от имени своих клиенток или договариваться с диск-жокеями. Он пригладил то, что оставалось от его шевелюры, и поправил воротник рабочей рубашки.

– Входите. – Мисс Петерсон придержала для него дверь в кабинет.

Мариано последовал за ней. Сквозь стеклянное окошко в толстой двери, отделявшей кабинет от студии, он мог различить знаменитого мистера Гиббса – тот был одновременно ведущим и диктором радиостанции, – его молодого ассистента и секретаршу. Шел прямой эфир.

Мариано смутила внешность Гиббса. Тот оказался по меньшей мере лет на двадцать старше своей фотографии на афише, рекламировавшей его радиопрограмму, – Мариано видел эту афишу на променаде. Мистер Гиббс носил толстые очки, крашенные черные волосы были расчесаны на прямой пробор и приглажены при помощи бриллиантина. Впрочем, даже больше, чем напмаженные волосы, возраст выдавала одежда: рубашка с галстуком-бабочкой, жилет, карманные часы с цепочкой, расклешенные брюки, мода на которые прогремела в далеких двадцатых. Самопровозглашенный «султан свинга» выглядел так, будто принадлежал к иной эпохе, когда граммофоны еще заводили вручную.

Пульт, над которым царил Гиббс, казался сложным силовым полем, утыканным ручками, кнопками и лампочками, они моргали, пульсировали и отключались мановением его руки. Три обтянутые войлоком вертушки плавно крутились на металлических подставках.

Ассистент Гиббса грузил пластинки на вертушки. Руками в белых хлопчатобумажных перчатках он бережно брал каждую пластинку за края, прежде чем опустить на войлочный круг. Секретарша записывала ее название и номер согласно временному коду. Когда песня заканчивалась, ассистент снимал пластинку с проигрывателя, аккуратно убирал ее в бумажный конверт и возвращал на определенное каталогом место на стеллаже.

Гиббс бодро балагурил в микрофон. Своим глубоким мягким голосом он представлял ансамбль и солиста, затем рассказывал интересные подробности о музыкантах. Игла опускалась на пластинку при помощи специального рычага. Это позволяло Гиббсу держать под контролем все, что шло в эфир. Пока играла одна песня, он отмечал следующую в очереди. На подставке за тремя вертушками стояла стопка высотой с шляпу-цилиндр – сплошь пластинки на 78 оборотов. Мариано твердо решил, что «Скалка моей мамы» должна попасть в эту стопку, а оттуда – в облаченные в перчатки руки ассистента и на проигрыватель.

В конце концов, у радиостанции были в распоряжении сотни и сотни часов – так почему бы не посвятить две минуты потрясающим «Сестрам Донателли»? Почему нельзя сыграть эту песню?

Мариано удивился, когда сам мистер Гиббс кивнул ему из студии.

– Сейчас он выйдет, – сообщила мисс Петерсон, прошелестев мимо него и возвращаясь на свое место.

Гиббс толкнул дверь студии изнутри.

– Чем могу быть полезен? – улыбнулся он. Зубы у него были ровные, квадратные, их безупречная белизна отдавала фарфором.

– Мистер Гиббс, мы любим вашу передачу, – начал Мариано.

– Приятно слышать. Могу ли я вам как-то помочь?

– Я хотел бы, чтобы вы обратили внимание на эту песню. Когда слушаете, я думаю, вы сыграете ее в своей передаче. Это готовый шлягер.

– А вы разбираетесь в шлягерах?

Мариано немного выпятил грудь.

– Думаю, что да.

– У нас уже есть сотни записей, ожидающих своей очереди. Собственно, куда больше записей, чем эфира, чтобы втиснуть их все.

– Я могу понять такую дилемму. Но мы записали эту пластинку специально для вас – специально для вашего конкурса.

– Я уже выбрал победителя, – пожал плечами Гиббс, – так что, боюсь, ничем не могу помочь.

– Можете выбрать любую песню, это ведь ваш конкурс. Но мы играли по правилам и пришли вовремя. Признаю, успели в последнюю минуту, но ведь успели. Однако, если честно, конкурс меня не особо интересует.

Мариано с юности работал на крупнейшего заготовщика мрамора в Нью-Джерси, потому отлично разбирался в законопослушном предпринимательстве. Владельцы лавок и бензоколонок, поставщики различных товаров и услуг – все эти люди были костяком местной экономики, пусть и пострадавшей от Великой депрессии. Но Мариано также знал, что существует и другой способ вести дела и добиваться успеха – когда договариваешься на стороне и суешь в лапу.

Мариано понимал, что такое «черная зарплата», – работник получал возможность зашибить неподотчетную монету, а наниматель мог назвать свою цену, назначая жалованье. В результате работник клал в карман пару долларов сверх получки – либо за задание, за которое больше никто не брался, либо трудясь сверхурочно на предприятии, которое не успевало выполнить план производства в рабочее время. Таким образом, дело быстрее становилось прибыльным, да еще и без неудобств, связанных с соблюдением правил или обязательствами перед сотрудником. Для работника это был способ продвинуться, поднакопить денег и заработать наличные, не облагаемые налогами. А еще так можно было пролезть без очереди, если иначе не получалось. Мариано прикинул, что подобный подход – еще не худший способ добиться цели.

И он вручил Гиббсу «Скалку моей мамаше».

– Будьте добры, – сказал он, – сыграйте эту песню во время «Пляжного часа», с исполнителями, которых вы отобрали для «Завтрашних звезд». Это последний день отпускной недели, слушать будет весь пляж Си-Айла.

– Мне некогда ее играть, – возразил Гиббс.

Мариано знал, что руки сильных мира сего никогда не моют других рук, если в них не вложить кое-чего. Не отрывая глаз от мистера Гиббса, он потянулся к своему карману и положил в ладонь ведущего деньги.

– Найдите время, – веско проговорил он.

– Хорошо, я посмотрю, что можно сделать, – ответил тот.

– Так и поступите. Не забудьте: «Скалка моей мамаше».

И Мариано вышел из студии.

Мистер Гиббс посмотрел на пластинку, развернул полученную банкноту и вернулся в студию.

Секретарша подняла голову:

– Сколько?

– Один доллар.

– Чтобы сыграть песню? – Секретарша была озадачена.

– Это еще не все, – продолжал Гиббс. – Он попросил сыграть ее в «Пляжном часе».

– Подсказал бы кто старику, что лучше бы он купил себе колбасы на эти деньги, – вставил ассистент. – Тогда, по крайней мере, он бы их достойно потратил и не остался голодным.

– Бедняга, – как будто про себя пробормотала секретарша.

– «Скалка моей мамаша». И ведь не шутил. – Гиббс покачал головой. Он взял свежезаписанную пластинку «Сестер Донателли» и бросил ее под пульт управления на кучу прочих пластинок, такого же самотека.

А полученный от Мариано доллар он вручил секретарше со словами:

– Это вам на карандаши.

Фабрика «Джерси Мисс» помещалась на Лэндис-авеню в нежно-голубом здании со скошенной крышей. С фасада располагалась витрина, окна которой спустили вниз, чтобы позволить летнему ветерку гулять по помещению.

Предприятие стояло между булочной и лавкой мясника, а через дорогу возвышалась церковь Св. Иосифа. Наиболее набожные работницы ежедневно посещали раннюю мессу до первого фабричного звонка в семь утра, а прочим случалось заскочить туда попозже, чтобы зажечь свечу, заказать молитву и перекреститься, обмакнув пальцы в святую воду, перед тем как отправиться домой.

Внутри старой фабрики потертые половицы так и гнулись под весом оборудования. С потолка свисали, как веревки под куполом цирка, тесно и беспорядочно переплетенные электрические провода. От задней части здания тянулась анфилада пристроек. Стоявший у входной двери человек мог проинспектировать всю фабрику насквозь, до самого цеха окончательной обработки.

Фабрика производила женские и детские блузки. Главный цех вместе с его центральным проходом был заполнен ровными рядами

швейных машин – эмалированные гладкие черные корпуса, латунные катушки и иглы.

Связанные веревкой в большие тюки и уложенные в корзины на колесах, скроенные детали прибывали в главный цех из расположенного через дорогу закройного цеха. Дребезжал звонок к началу работы, и подносицы поспешно развязывали тюки, чтобы затем распределить детали, ряд за рядом, операция за операцией, между сидевшими за машинками швеями.

Стоило швее завершить свою часть работы, как она передавала изделие своей товарке, и так до тех пор, пока сшитая блузка не попадала обратно в корзину. Блузки связывали стопками по двенадцать, затем корзины ехали в следующий цех, где работницы, освоившие специальные машинки, обметывали петли для пуговиц, добавляли оторочку, петельки, вышивку и фабричные марки. В воротники вшивались ярлыки. Последней остановкой был цех окончательной обработки, где гладильщицы утюжили законченные блузки и пристраивали их на вращающиеся вешалки, а небольшая группа укладчиц снимала блузки с вешалок, складывала их и прикалывала к рукавам ярлыки с размерами и ценами согласно указаниям заказчика.

В конце этого живого конвейера подносицы составляли пустые корзины одну в другую и катили их обратно через дорогу, где им предстояло снова наполниться вырезанными деталями в закройном цехе. Все повторялось до тех пор, пока не был выполнен весь заказ.

Тогда блузки – либо упакованные прямо на плечиках, чтобы их можно было выставить сразу по прибытии, либо уложенные в коробки – отправлялись к раздвижным дверям, пересчитывались и грузились на контейнеровоз. Меньше чем за два часа грузовик привозил ночью этот товар в Нью-Йорк, где его разбирали перекупщики в швейном квартале на Тридцать четвертой улице.

Швей-мотористки ловко сшивали детали – благодаря бесконечному повторению тех же операций они великолепно управлялись со швейными машинами. Сестры Донателли трудились здесь с тринадцати лет – начинали с подработок во время летних каникул, а после окончания старшей школы поступили на фабрику на полный день. Вырастив дочерей, Изотта присоединилась к ним на той же фабрике.

Возвращаться на работу в разгар жары казалось всем особенно тяжелой жертвой. Женщины вздыхали по свободе, которой насладились на только что прошедшей отпускной неделе, ожидая своей очереди, чтобы проштамповать хронометражные карты. Чичи подвязала волосы косынкой и пошла вслед за Ритой. Они уселись каждая за своей швейной машиной, подкрутили освещение и осторожно пошевелили ножными педалями. Чичи обрадовалась, обнаружив, что за время их отсутствия слесарь смазал механизм. По свистку главной мастерицы швей-мотористки нажали электровыключатели. Машины загудели в унисон, как репетиция гаммы перед выступлением.

Работа была в разгаре, и гул стоял по всей фабрике. Воздух затуманился от дымки, состоявшей из тонкой ворсовой пыли, поднятой статическим электричеством. К обеденному перерыву воздух совсем загустеет от этой взвеси, по мере того как ножницы будут кромсать нитки и ткань, а иглы – шить и подшивать, пока тюки с одеждой не выкатят в цех окончательной обработки.

Сейчас работницы шили блузы-матроски из белой хлопчатобумажной ткани, с круглыми отложными воротниками и галстуками в сине-белую полоску. Их надевали через голову, и пуговица полагалась всего одна, у шеи. Воротник плоско лежал на планке. На эту модель был большой спрос, поскольку девочка-кинозвезда Ширли Темпл была замечена в такой блузе, что произвело фурор в мире моды.

В машине Риты запуталась нитка. Она перевернула шпульку, отрезала узел, вдела нитку, защелкнула отсек и взяла из подающего лотка первую блузу.

Чичи быстро прикрепила тканевую петельку, прошив плавную дугу. Игла размеренно пульсировала вверх-вниз, стежки исчезали в ткани. Чичи вытянула блузу из-под машинки, перерезала нитку и передала вещь пришивальщице воротников.

Пришивая петельки к блузе за блузой, Чичи старалась работать четко и быстро. В какой-то мере она интересовалась кроем, отмечала сочетание цветов и текстуру ткани, но никогда не останавливалась, чтобы изучить вещь досконально. К середине утра ее мысли начали бродить где-то далеко, и, чтобы не умереть от скуки долгой рабочей смены, она стала придумывать костюмы: то подбирала ансамбли одежды, в которых вместе с сестрами будет выходить на сцену, то

мысленно набрасывала оригинальные рубашки для музыкантов из оркестра, который сопровождал бы их особые номера в ночном клубе, – словом, заставляла трудиться свое воображение в месте, где оно не было востребовано. Гул швейных машин звучал музыкальным фоном для ее творческих идей. Она представила себя на сцене, в собственноручно сшитом костюме, выступающей со скетчем, который она сама написала, а затем и с песней, которую сама сочинила. Целеустремленность была стержнем ее натуры, и никакие петельки не могли ее сбить с пути.

– Быстрее, Рита! – раздался окрик мастерицы. – Не отставать, Чичи!

Чичи кивнула, не поднимая головы и ловко передвигая пальцы, а мастерица перешла к другому ряду, где резко отдала какой-то приказ вшивальщице воротничков.

– *Strega*^[34], – пробормотала Рита.

Чичи посмеялась, пришивая петельку. Внезапно на ее машинку упала тень. Она подняла голову и увидела рядом с собой сестру Барбару.

– Что случилось? – спросила Чичи.

– Только не пугайся.

– Да в чем же дело?

– Ма только что ушла.

Чичи привстала и посмотрела вдоль рядов в сторону машинки матери. На месте Изотты уже сидела другая швея – нельзя было допускать, чтобы работа застопорилась.

– Ей стало плохо?

– Не ей, а папе. За мамой пришла миссис Акочелла. Папа в больнице.

– Я пойду. – Чичи наклонилась, чтобы достать свою сумочку из-под швейной машины.

– Ма справится сама, – остановила ее Барбара.

– А что случилось-то?

– У него заболело в груди. Теперь она с ним.

– Но я хочу пойти к нему.

– Я тоже хочу. Но нельзя. Тебе надо остаться. Нам всем надо остаться. Поняла?

Чичи снова села на свое место. Две блузы уже материализовались в лотке подачи за то короткое время, пока они с Барбарой разговаривали. Сестра найдет на своем месте ту же картину, если не хуже. Барбаре не было нужды ничего говорить – Чичи уже поняла. Семья не могла себе позволить оторвать от работы больше одной женщины, чтобы ухаживать за отцом. Роскошь собраться вместе у его изголовья и заботиться о нем сообща для своего – или его – успокоения была им не по карману. Семья нуждалась в этом доходе. Наибольшую пользу дочери могли принести не в больнице Святого Иосифа, а у швейных машин на фабрике «Джерси Мисс Фэшнз».

Саверио завершил свою программу в бальном зале отеля «Джефферсон» в Ричмонде, штат Вирджиния, музыкальным приветом южным красавицам, исполнив *Ain't She Sweet*. Оркестр Роккаразо позаимствовал аранжировку этой песни у великого Джимми Лансфорда, и Саверио подумал, как хорошо, что зрителям не довелось присутствовать на выступлении неподражаемого Джимми с его негритянским оркестром. Он-то слышал Джимми вживую и понимал, что его собственный вокал в данном случае – не более чем попытка подражания, отнюдь не дотягивавшая до оригинального исполнения.

На танцполе толпились нарядные пары. В голубом свете софитов было видно, как плавно передвигаются женщины в платьях пастельных цветов, шурша накрахмаленными оборками. Их партнеры выглядели ослепительно в вечерних фраках с белыми галстуками. Весь бальный зал и простирившиеся за ним сады казались заколдованным лесом в каком-то упоительном романтическом царстве. В раскрытые застекленные двери врывался аромат фрезий и лилий, а огоньки светильников не столько освещали, сколько мерцали в темноте, будто драгоценные камни. Плавающие в хрустальных чашах свечи моргали тут и там на мраморных столиках, оранжевые кончики сигарет теплились в воздухе, как огненные точки; время от времени от чьей-то серебряной зажигалки вздымался язычок пламени и тут же гас, поглощенный окружающей голубизной.

Саверио ослабил узел галстука и прошел за кулисы, раздвинув черный бархатный занавес позади оркестрового подиума. Для отдыха отель предоставил в распоряжение ансамбля артистическое фойе.

Соединявший кухню, артистическое фойе и балльный зал коридор был узким и многолюдным. Мимо Саверио проносились официанты, чудом удерживая на пальцах серебряные подносы с изысканными закусками. Никто не умел лучше южных поваров заставить ломтик огурца и оборочку перечного сыра выглядеть как произведение искусства. Прошли гуськом с намерением покурить его коллеги-музыканты. Саверио как раз потянулся в карман за носовым платком, чтобы промокнуть пот на лбу, когда из лифта вышла Глэдис в бледно-зеленом шифоновом вечернем платье. Она коротко кивнула, протискиваясь мимо него.

– Лапочка, – нежно позвал ей вслед Саверио.

Она обернулась:

– Привет.

– Ты когда-нибудь станешь снова со мной разговаривать?

– Нет. И если бы у меня в контракте не было написано, что я должна с тобой петь, то и не пела бы.

– Да ну, ну что за мелодрама. Ведь мы были так счастливы.

– Ты сделал свой выбор.

– Мне тебя не хватает.

– А мне все равно. – Глэдис прошла по коридору в свою гримерку и захлопнула за собой дверь.

– Круто у тебя получилась последняя песня, – сказал Сэмми Прецца, подходя к Саверио.

– И близко не вышло к оригиналу, – возразил Саверио, – но все равно спасибо.

– Не прибедняйся. Я не забыл того мальчишку, который заставил всех рыдать в одной детройтской церкви несколько лет назад. Насколько я помню, ты от той «О святая ночь» живого места не оставил.

– А ведь тогда у меня тоже было разбито сердце. Может, дело в тебе, Сэм. Может, это ты приносишь мне неудачу.

Сэмми фыркнул:

– Не исключено. Или это просто твое проклятье. Мужчин губят три вещи: женщины, выпивка и наркотики. Если ты решил, что твоя порочная страсть – женщины, то остаешься без гроша, но хотя бы выглядеть будешь прилично до самого конца.

– И это, ребята, хорошая новость, – провозгласил Саверио.

Сэмми понизил голос:

– Тут один парень хочет с тобой поговорить нынче вечером. Ты слышал о Поле Годфри?

– Из Сент-Льюиса?

Сэмми кивнул.

– От них только что ушел солист, вот Пол и заслал агента. Хочет сделать тебе предложение.

Саверио поглядел на дверь, которую захлопнула Глэдис. С одной стороны, не хотелось принимать карьерные решения из-за девушки, но с другой – сердечные проблемы были еще не худшим поводом позволить судьбе сделать крутой поворот. В тесном коридоре было людно, потолок нависал низко, по обе стороны – сплошь закрытые двери. Саверио едва мог дышать. Если он искал знаков свыше, их было предостаточно. Ему казалось, что весь мир его теснит. Быть может, действительно настало время покинуть единственный ансамбль, в котором он когда-либо выступал.

– Он сказал, мол, встретишься с ним в баре после концерта, – добавил Сэмми.

– А как его зовут?

– Он сам тебя найдет.

Сэмми Прецца пробрался обратно на подиум, а Саверио вошел в артистическое фойе. Несколько музыкантов сидели и курили. В комнате отсутствовали окна, но это был как-никак Юг, так что совсем без любезности не обошлось: отель предоставил музыкантам серебряный чайный сервиз, хрустальные розетки с ломтиками лимона и кусочками свежего имбиря и стеклянную вазочку с медом.

Саверио стал наливать себе чай. Его взгляд упал на вазочку, и он поднял ее, чтобы рассмотреть на свету. На вделанной в крышку петельке висела серебряная ложечка. Внутри в окружении густого золотистого меда виднелся столбик будто отлитых из золота сот.

– Эти соты для еды, – сказал ему сидевший на диване тромбонист. – У меня есть родичи в Северной Каролине. Мед обладает особыми свойствами.

– Какими именно свойствами?

– Лечебными.

– Как это? – спросил Саверио.

– Мед много чего может сделать. Если ты певец, надо взять вон тех лимонов, имбирь и соты, помять их хорошенько ложечкой, чтоб получилась паста. И пусть эта паста полежит у тебя в горле, только не глотай сразу. Это излечит любые проблемы с голосовыми связками. Если порезался, хоть сильно, хоть чуть-чуть, намажь медом, перевяжи, и все пройдет. Моя бабушка, ее мать и моя мама умывались медом, а из сотов делали маску от морщин. Хочешь верь, хочешь нет, но у них до самой смерти не было на лице ни складочки. Ну и конечно, если трубишь в инструмент, надо мазать губы медом, дольше продержишься в этом деле. Это я точно знаю, потому что сам пользуюсь таким снадобьем.

– Полезно знать.

– Я так и подумал, что тебе будет интересно. – По толстощекому лицу тромбониста расплылась широкая улыбка. – Давай, разминай. Самое время подлечиться.

Музыкант вернулся к разговору с коллегой, а Саверио сделал все по инструкции, положил пасту в рот поближе к горлу и закрыл глаза. Из-за лимона в носу сразу зашипало, но имбирь облегчил дыхание, а мед, как и было обещано, смягчил горло.

Дирижер позвал всех обратно на сцену. Саверио как можно дольше не глотал целительную смесь, пока дирижер не начал отсчет перед выступлением. Глэдис встала на авансцене перед своим микрофоном. То ли идея трубача была так хороша, то ли тут сработала магия вуду, то ли еще что, но эффект он действительно ощутил. Саверио поглядел на Глэдис и понял, что это больше не его девушка, – более того, не та девушка, которую он хочет себе вернуть, просто какая-то красивая девушка в зеленом платье. Пришло время двигаться дальше. Пришло время исцелиться.

В общей палате больницы Святого Иосифа Изотта сидела у койки мужа и держала его за руку, когда ворвались Барбара, Люсиль и Чичи. Девушки начали искать глазами отца среди других больных.

Люсиль первой разглядела мать в море пациентов и повела к ней сестер. Изотта качнула головой, указывая дочерям, что отец спит и следует соблюдать тишину. При виде спящего отца Барбара облегченно вздохнула. Люсиль радостно захлопала в ладоши. Чичи разрыдалась.

– Почему ты плачешь? – тихо спросила у сестры Люсиль. – Он ведь вне опасности.

Чичи обошла сестер и, упав на колени у кровати отца, взяла его свободную руку.

– Что сказал врач? – спросила у матери Барбара.

– Что это был просто приступ.

– Какой приступ? – спросила Чичи.

– Сердечный, – пояснила мать. – У него разболелось сердце, не мог вдохнуть. Тогда он пошел к соседке и попросил отвезти его в больницу.

– Он не мог сам сесть за руль? – удивилась Люсиль.

Изотта отрицательно покачала головой. Люсиль озабоченно посмотрела на Барбару.

– Он поправится? – спросила у матери Чичи.

– Думаю, что да.

– А почему он не в отдельной палате?

– Все занято, – ответила Изотта.

Барбара переглянулась с Чичи.

– А как давно он уснул? – спросила Люсиль.

– Спит уже несколько часов.

– А проснется скоро?

– Люсиль, прекрати задавать вопросы! – оборвала ее Барбара.

– Я хочу понять, что происходит.

– А что, разве не видно? – огрызнулась Барбара.

– Я же не доктор! – возмутилась Люсиль.

– Довольно! – воскликнула Чичи. – Теперь не время для ссор.

Как только Чичи произнесла «время» и это слово повисло в воздухе, она о нем пожалела. Мать изменилась в лице.

– Прости, Ма, – поспешно добавила Чичи.

– Прости, – хором повторили Барбара и Люсиль.

– Девочки, я сказала вам все, что знаю сама. На этом этаже только один врач, и он делает обход по утрам.

Чичи окинула беспомощным взглядом битком набитую палату. Она подумала об отце и о том, как бы тот поступил, окажись на больничной койке мать, а не он сам. Уж Мариано не смирился бы с таким положением дел, а развил бы бурную деятельность и добился

бы хорошего врача, лучшего ухода, отдельной сиделки. Чичи ломала голову, как же быть.

– А ты пыталась поговорить с сестрой Маргарет? – спросила она у матери.

– Нет.

– Ма, она же всем тут заправляет. И была нашей директрисой в школе Святого Иосифа. У нас есть связи. – Чичи встала с колен и вытерла слезы. – Я сейчас вернусь.

Она вышла из палаты в коридор. Монахини в черно-белых одеяниях сновали туда-сюда, похожие на костяшки домино.

– Добрый день, сестры, – бодро поздоровалась Чичи. – Я окончила школу Святого Иосифа в 1928 году, чем очень горжусь, и сейчас мне бы хотелось повидаться с сестрой Маргарет.

Поглощенные своими делами монахини не обратили на нее внимания, за исключением загруженной бумажной работой регистраторши. Та изучила Чичи сквозь толстые стекла очков и сообщила:

– Она ужинает.

– Благодарю вас, сестра... – Чичи прочла имя у нее на лацкане, – сестра Бернадетта. А где именно вы, прилежные служанки Господни, обычно питаетесь?

– На третьем этаже.

Поблагодарив ее, Чичи понеслась к лестнице и быстро взбежала на три пролета, перескакивая через две ступеньки. Но едва она начала мысленно перечислять все случаи, когда ее родители помогли церкви и монастырю, как ее туфля зацепилась за ступеньку и она споткнулась. Из кармана фартука выпали и рассыпались по площадке второго этажа талончики с фабрики за внеурочную работу. Чичи чуть было не оставила их там, но это означало потерять надбавку размером в целый доллар за сделанную работу. Девушка присела на корточки, собрала все талоны и положила их обратно в карман. Она решила не испытывать судьбу, высчитывая, кто кому сколько должен в Святой Римско-Католической Церкви. Не стоило спорить на эту тему.

Пробежав последний пролет, Чичи влетела в двери, ведущие на этаж, и оказалась возле очередного сестринского поста с монахинями. Сосредоточившись на мыслях об отце, она подошла у стойки к самой

пожилой из них, рассчитывая, что та, скорее всего, дружит с пожилой регистраторшей с нижнего этажа.

– Меня к вам направила сестра Бернадетта, – выпалила она.

– Да? – Монахиня посмотрела на Чичи.

– Она послала меня к сестре Маргарет, которая сейчас ужинает. Мне непременно нужно с ней поговорить. Сестра Маргарет – близкий друг нашей семьи. Речь идет о семье Мариано Донателли.

Монахиня недоверчиво сузила глаза.

Чичи лихорадочно соображала.

– Мой отец Мариано построил каменную стену вокруг вашего монастыря в Си-Айле, – пояснила она. – Он это сделал добровольно и бесплатно. Сам таскал камни, сам принес материалы, сам работал. Я не отниму у сестры Маргарет много времени.

Монахиня вышла, озабоченно сдвинув брови. Чичи испугалась, что ничего не получится. А что, если сестра Маргарет не вспомнит ни ее отца, ни всю их семью? А вдруг отца вообще выбросят на улицу из больницы? Чичи была уверена, что отец обречен, если его не переведут в отдельную палату.

– Кьяра Донателли? – послышался голос за ее спиной.

– Сестра Маргарет? – Чичи обернулась и очутилась лицом к лицу с монахиней, которую не видела со школьных лет. Она бросилась ей на шею: – Мне так нужна ваша помощь!

– Что случилось? – спросила монахиня.

– Там, внизу, мой отец, он в общей палате. У него случился инфаркт. Похоже, дело плохо. Ему нужен врач. Я не хотела вас беспокоить, но мы уже не знаем, что еще придумать.

– Это ты-то, Кьяра, не знаешь, что придумать? Никогда не забуду, как ты написала для сестер-монахинь песню к нашему юбилею. Сколько тебе тогда было, десять?

– Одиннадцать. Это была не очень удачная песня, сестра. Теперь я жалею, что не получилось лучше.

– Песня вышла просто отличная, мать-настоятельница даже прослезилась. – Она похлопала Чичи по руке. – Не волнуйся. Я позабочусь о твоём отце.

– Благодарю вас, сестра. Я знаю, что очень многого у вас прошу, и он, конечно, не важнее прочих, но... – Чичи не смогла договорить и расплакалась.

– Вздор, – твердо сказала сестра Маргарет. – Не нужно ничего объяснять. Будь это мой отец, я бы тоже за него попросила.

Чичи кивнула, пытаясь сдержать слезы. Сестра Маргарет послала двух санитаров перенести Мариано в отдельную палату и отправила одну монахиню за кардиологом, которому было велено немедленно осмотреть больного. Чичи понеслась вниз по лестнице, чтобы сообщить новости матери и сестрам.

Саверио вошел в бар отеля «Джефферсон» и заказал себе коктейль «Манхэттен», хотя редко выпивал. Но это был эффектный коктейль, да еще и один из немногих, от которых его не мутило.

Он почувствовал, как на его плечо опустилась чья-то рука.

– Саверио? Я Лью Льюис. – Лью забрался на барный табурет. Он был коротконог, с фигурой, напоминавшей пивную бочку, лет пятидесяти от роду. От него разило одеколоном «Аква Вельва». – Недурное вы дали выступление нынче вечером. Хотелось бы мне замутить с этой цыпочкой, с которой вы поете, – Герти, что ли?

– Глэдис. Мисс Глэдис Овербай. Она достойная девушка, сэр.

– Ну да, ну да, конечно, достойная.

– Так и есть, поверьте. Могу ли я вас чем-нибудь угостить?

– Мартини. Чистый. С оливками, – бросил бармену Лью. – Ну что ж, перейдем к делу?

– Да, давайте. А то вечер выдался длинный. – Саверио сложил треугольником бумажную салфетку.

– Понял. Я пришел, чтобы предложить вам присоединиться к оркестру Пола Годфри.

– На каких условиях?

– Начнете с восьмидесяти пяти долларов в неделю – это на десять долларов в неделю больше, чем вы получаете сейчас. Три недели отпуска в год. И еще мы будем записывать пластинки. Пол предлагает вам один цент с каждых трех проданных экземпляров. Чистыми. С продаж по всему миру.

– Продолжайте, я вас слушаю.

– С первого декабря по восьмое января каждого года мы железно в отеле «Дрейк» в Чикаго. Они там устраивают небольшое шоу на льду, китч, конечно, но платят хорошо, и зрителей куча. Расписание гастролей получите, как только мы его разработаем. А вот и договор.

Саверио пробежал глазами лист бумаги, который протянул ему Лью Льюис.

– Не спешите. Прочтите. Отнесите своему адвокату или кому еще.

– Хорошо, хорошо, – пробормотал Саверио, читая.

– И есть еще одна вещь, которую надо обсудить.

– Какая?

– Ваша фамилия. Она не подходит.

– Что, чересчур длинная?

– Вообще чересчур. Никто ее не может произнести, а уж написать – тем более. И в итоге окажется, что никому не захочется ни произносить ее, ни писать. Так что от фамилии надо избавляться. Есть идеи?

– Может, мне стать просто Саверио?

– Звучит, будто маляр какой-то. Нужны имя с фамилией, которые ясно провозглашают, кто вы такой, только гласных поменьше.

– Но я итальянец и не хочу быть никем другим.

– Никем другим и не получится. Так давайте выберем вам итальянское имя. Как насчет Джои? Пол, конечно, отпадает. Майкл? Ауги? Нет, слишком похоже на Арти. Ладно, ни одно не годится. А как насчет Тони?

– Тони подходит, хотя Энтони мне нравится больше, – признался Саверио.

– Энтони уже слишком длинно. Окей, значит, Тони. А фамилия?

– Мне нравится Армандонада.

– Слишком длинная, парень. Арман. Тони Арман.

– Как-то не звучит.

– Тогда Тони Арма. Уберем «н», это из-за «н» звучит не так. Тони Арма. Вот это, я понимаю, звучит по-итальянски. Мне нравится. Коротко и ясно. Как лезвие. Остро.

– Тони Арма, – проговорил Саверио.

– Я добавлю это в договор.

– И все, теперь я Тони Арма?

– И все. Мне нравится. – Лью Льюис хрипло рассмеялся. – Представляю его на афишах. Очень емко, очень. И не хочу сам себя хвалить, но весьма эротично. Тони Арма. Так и вижу, как девушки от Несквехонинга до Напервилля выкрикивают твое имя. «Хочу стонать в объятиях Тони Армы!» Смекаешь? Стонать – и Тони! Я гений, вот что

я такое. Я разбираюсь в женщинах. Они с ума по тебе будут сходить, зуб даю!

Саверио подписал договор, согласно которому он присоединился к оркестру Пола Годфри, и поставил свои инициалы под поправками, где его имя было изменено, – поправки Лью Льюис вписал на свободное место в документе-болванке, озаглавленной «Приложение». Даже если бы Саверио и показал эти бумаги юристу, он бы не прислушался к его советам и согласился бы на все. Он был готов покинуть Рода Роккаразо, и чем скорее, тем лучше, так почему же не немедленно? Его достали гастроли Роккаразо, автобус, музыканты и особенно разлюбившая его Глэдис Овербай. Пришел час оставить прошлое позади, как ту шляпу, которую он забыл в клубе «Бирдсалл» в Канзас-Сити. Пришел час заменить то, что перестало работать. Саверио – теперь уже Тони – жаждал новых зрителей, нового костюма и новых друзей к этому новому имени.

Оркестр Пола Годфри имел репутацию весьма изысканного ансамбля, а еще там было куда развиваться – больше театрализованных постановок, с танцами, шутками, сценками. Все это было новым, а Тони Арму распирало от желания сменить амплуа.

В общей палате ее дожидалась Люсиль.

– Чич! У тебя получилось! – ликовала она. – Сестра Маргарет добыла для папы отдельную палату. Просто взяла и добыла. Отличная палата. Он проснулся, пьет бульон и ждет врача.

Чичи последовала за Люсиль вверх по лестнице. От облегчения у нее немного кружилась голова. Она распахнула дверь на четвертый этаж.

Едва вступив в коридор, сестры поняли, что их отцу по-крупному, по-католически повезло – точнее, по-салезиански. Монахини непрерывно сновали из палаты в палату, в глубокой тишине слышен был лишь шелест их длинных подолов по линолеуму. Прохладный океанский бриз влетал через открытые двери в обоих концах коридора, вздымая легкие занавески, словно крылья ангелов.

Барбара стояла, прислонившись к стене в коридоре возле отцовской палаты.

– Как тебе это удалось? – спросила она у Чичи.

– Выяснилось, что у нас есть связи, – пожала плечами ее сестра. – Судя по всему, та песня, которую я сочинила к юбилею салезианок, надолго им запомнилась.

– А маме и в голову не пришло попросить о помощи, – сказала Люсиль.

– Она просто просидела там весь день и ни разу не подумала: «Моему мужу необходим толковый доктор»? – возмутилась Чичи.

– Она совершенно ошарашена. Ну, не совсем, но близко к тому. Очень напугана и не знает, как ей быть, – объяснила Барбара.

– Быть напуганной – роскошь, которую она не может себе сейчас позволить. Она нужна папе, ей надо быть сильной и не давать папу обиду. Нас это тоже касается. – Чичи первой вошла в палату отца и присвистнула. – Па, да ты попал прямо в «Риц»! – восхитилась она.

Дочери окружили отца.

Мариано выглядел бледным, но, похоже, не готов был сдаваться, что несколько успокоило его семью.

– О да, – гордо произнес он.

– Вот тебе и награда за то, что построил каменный забор для наших славных салезианок, – сказала Барбара, обнимая отца.

– Ни одно доброе дело не остается без вознаграждения, – напомнила ему Люсиль.

– Да, что-то вроде того, – улыбнулся Мариано. – Теперь бы еще уговорить сестер помолиться, чтобы ваша песня попала в эфир.

– Тебе нельзя сейчас думать о делах, – пожурила мужа Изотта.

– Почему это? Мне приятно думать о делах. О всех возможностях, которые перед нами открываются.

Чичи бросила взгляд на Барбару.

– Лучше подумай о возможности для вас с мамой съездить в отпуск, – сказала Барбара.

– Тебе нужно куда-то в отпуск, Изо? – спросил Мариано у жены.

– У меня есть все, что мне требуется.

– И у меня тоже. У меня есть побережье. Задний двор. Гараж. Что же мне еще надо?

– Сдать анализы, – произнесла маячившая в дверях монахиня.

– Сестра, я в вашем распоряжении, – бодро отозвался Мариано.

Когда около полуночи отец вернулся после очередных диагностических процедур, Чичи спала на стуле у окна. Она проснулась от скрежета и глядела сонными глазами, как две монахини и санитар ввели отца в палату на металлической каталке, скрипевшей почище палубы древнего ржавого броненосца.

– Какие результаты? – спросила Чичи.

– Ваш отец очень вынослив, – сказала одна из монахинь.

– Это потому, что я сложен как бетономешалка, – гордо заявил Мариано, поглаживая свой мощный живот. – У меня есть запасы.

Чичи была поражена, увидев, как тоненькие невысокие монахини с легкостью подняли ее отца с каталки при помощи двух простыней и бережно переложили на кровать.

– Вот теперь мы закончили, мистер Донателли, – обратилась к нему одна из монахинь.

– Мы будем проверять, как вы, каждый час, – напомнила ему вторая.

– Благодарю вас, дорогие сестры, – растроганно сказал Мариано. – Спокойной ночи.

Чичи потеряла глаза.

– Я отослала Ма и девочек домой.

– Умница. Твоя мать очень устала.

– А как ты себя чувствуешь? Только честно.

Мариано понизил голос:

– Я слышал, что они говорили, все эти врачи на нижнем этаже. Мол, сердце у меня больное, клапаны изношены. Можно было подумать, они обсуждают наш старый грузовик. Они проверили всё – сердце, легкие, мозг, кровь. Что еще? Ах да, мускулы. Но все это не имеет значения. Если барахлит мотор, дело труба.

– Это неправда! – горячо возразила Чичи. – Ты ведь можешь перестать есть сладкое. Станешь принимать специальные лекарства. И работать поменьше.

– Я не могу сидеть весь день сложа руки, ты же меня знаешь.

– Можешь, можешь. Ты обязательно поправишься, папа.

– Ты так считаешь, Чич?

– Конечно.

– А откуда ты знаешь?

– У тебя здоровый цвет лица.

– Ой, врешь.

– Нет, серьезно, отличный цвет.

– Я думал, что доживу до ста лет. Мой прадед умер в сто три года. Он жил в Доломитовых Альпах. Ел смоквы и ягоды, каждое утро нюхал табак, каждый день лазил по горам, как коза. Никто не мог за ним угнаться. Он мог бы стать олимпийским чемпионом. Трех жен похоронил. А ведь в те времена, – Мариано взмахнул рукой, – это было достижение. Да, достижение!

– Ты поправишься и будешь еще здоровее, чем прежде, папа.

– Мне нравится твой оптимизм. Вот бы мне такой. Своей болезнью я все порчу. Барбара только и мечтает, что о своей свадьбе, а это происшествие со мной может поставить крест на ее планах. В день свадьбы девушке нужен отец, так положено.

– Вот и поведешь ее к алтарю.

– Откуда ты знаешь?

– Я верю, – тихо сказала Чичи.

– Это хорошо. Верь в Бога. Но сейчас мне нужно довериться тебе. Ты моя дочь, но, Чич, ты еще и мой друг. Забавно это вышло. Твоя мать все рожала и рожала девочек, а я молился: «Одного сына, Иисусе. Иисусе, пошли же мне хоть одного сына!» А теперь, появишься у меня сын, я бы вернул его обратно. Я получил все, что мне было нужно, и даже больше, чем заслужил.

– Ты заслужил все самое лучшее.

– А теперь послушай меня. Тебе нужно узнать кое о чем. Во-первых, помоги Люсиль попасть на курсы секретарей.

– Хорошо.

– И не позволяй Барбаре командовать тобой.

– Она все равно будет это делать, что бы я ни говорила.

– Но хотя бы не позволяй этому отношению просочиться сюда. – Мариано постучал себя по голове.

– Попытаюсь.

– Твоя мать еще тебя удивит. Она построит себе новую жизнь.

– Ты – ее истинная любовь, Па.

– Да, так она говорит. Во всяком случае, я точно знаю, что моей истинной любовью была она.

– Не думаю, что ты при смерти, Па.

– Ты не слышала всего, что слышал я.

– Может, они говорили о пациенте в палате 419.
– Я оценил попытку, девочка.
– Ты проживешь длинную жизнь.
– Сорок один год – это не так уж плохо. – Мариано откинулся на подушку. – Мне довелось увидеть, как мои дочери стали взрослыми. Многим мужчинам достается куда меньше.

– Мне кажется, я недостаточно благодарила тебя за все, что ты для меня сделал. Ты устроил студию. Записывал песни. Пытался протолкнуть их на радио. Я знаю, какая это была для тебя жертва.

– Ну что ты. Мне ведь это доставляло удовольствие.

– Для меня не было ничего важнее. Ты ведь знаешь, сестры считают, что мы с тобой чокнутые. Они думают, что «Сестры Донателли» – просто игра, которую мы придумали от скуки.

– У них это не в крови, Чич.

– А вот ты всегда знал, что моя судьба – это сочинять песни и исполнять их.

– И у тебя есть все для этого.

– Они так не думают.

– Ничего страшного, что мы чокнутые. Главное, мы с тобой есть друг у друга, – ухмыльнулся Мариано. – А теперь вот что. Может быть, я даю тебе слишком много советов, при том что сам никогда ничьих советов не слушался. Возможно, в этом и состоит суть советов.

– Ты хочешь мне что-то посоветовать?

– Да. Это мысли, которые пришли мне в голову, когда я возил тебя в разные места, но я их не забыл, они остались со мной, а значит, судя по всему, мне следует поделиться ими с тобой.

– Тогда я слушаю.

Мариано кивнул и начал:

– Надеюсь, ты всегда будешь жить у океана. Что бы с нами ни приключалось, у нас с твоей матерью всегда оставалось побережье. Говорят, морская вода лечит, и это правда; что солнечные лучи укрепляют кости – в этом нет сомнения – и что когда ступаешь по песку, он заставляет тебя идти помедленнее и наслаждаться каждым шагом. Если закрыть глаза и прислушаться, понимаешь, что шум океана – самая прекрасная музыка, которую когда-либо сочинили. Темп прибоя, когда накатывает прилив, попадает в ритм с твоим дыханием, а шорох волн, разбивающихся о скалы, похож на шорох

щетки по малому барабану. Совсем как начальный рифф какой-нибудь великолепной джазовой мелодии. Иногда я стою на берегу, слушаю эти звуки и думаю, что из волн вот-вот поднимется Этель Уотерс и как запоет. Океан – личный оркестр Господа Бога. Мне его будет не хватать.

– Ну хорошо, допустим, ты прав и там внизу говорили именно о тебе. А ты бы не мог забыть, что они сказали? – Чичи присела на кровать рядом с отцом. – Мог бы ты остаться – ради меня?

– Ты во мне больше не нуждаешься, девочка.

– Нет, нуждаюсь.

– Послушай меня: время ничем никому не обязано. Что бы ни случилось, не отказывайся от музыки. Бейся за нее, как будто это твое дитя, твоя страна, твой спаситель. Никто тебе этого не скажет, но спасение – именно в работе. Пусть и в плохой – ты все же зарабатываешь на жизнь. Я это понял, когда потерял свою работу. Не зря так говорят – «потерять работу». Ты ходишь весь потерянный. Работа дает тебе занятие, но еще она помогает расти, даже если ты старик. Конечно, мне грустно расставаться с семьей, но наша студия... все это было новым, я учился, я только-только начал. В будущем предстоит столько, чего я уже не увижу, частью чего не стану, и как бы мне хотелось быть молодым, иметь здоровое сердце и возможность продолжать. Но вот что радует: все это есть у тебя.

– Без тебя будет неинтересно.

– Не будет, не будет. Помнишь, как раздосадован я был, когда Гиббс так и не поставил твою песню во время «Пляжного часа»? А потом подумал я о нем, с его ваксой в волосах, и мне стало его жалко. Он просто пытается держаться за свою работу, как все прочие. Ему хотелось бы вернуть прежние времена, так как ему мерещится, что тогда все было лучше, но это не так. Просто тогда он был молодым и времена казались счастливее, потому что у него был запал. С тех пор он мало чему научился – разве что обеими руками держаться за свой страх и охранять свою территорию. Его голос доносится до тысяч людей по всему побережью, он может пустить в эфир песню, и она станет шлягером, но он не слушает и не понимает.

– Чего не понимает?

– Что голоса этого столетия поднимутся из фабрик, от рабочих людей. Они не донесутся из ночных клубов Европы, как в моем

детстве. Довольно королей и королев с их вычурными коронами! Откровение явится от какого-нибудь парня из трущоб, который повидал всякое и будет знать, как об этом спеть, потому что он что-то чувствует. Гиббсу следовало посмотреть на меня и сказать себе: «Этот толстяк с пятнами машинного масла на штанах от вечно ломающегося грузовика, который он постоянно чинит, – этот человек знает что-то, чего не знаю я». Потому что, подумай он так на самом деле, оказался бы прав. Когда ищешь вдохновения, смотри на публику, которая нуждается во вдохновении. Именно эти люди кое-что знают – уж поверь мне, *знают*.

Чичи хотелось еще поговорить, но отец уснул и вскоре захрапел. Она осторожно поднялась с кровати и пошла закрывать окно, однако сначала высунулась наружу и поглядела на океан, освещенный луной. Луна сияла так ярко, что на мгновение девушке показалось, будто целая парусная флотилия направляется к пляжу Си-Айла, чтобы завоевать его, и на носах кораблей светятся масляные фонари. Но нет – это просто луна сверкала над водой.

Чичи затворила окно, чтобы не впускать в палату сырой воздух, и подошла к кровати, намереваясь погасить лампу, но, прежде чем нажать выключатель, поправила одеяло и посмотрела на лицо отца. Он уже не храпел и был очень бледен. Она перебежала на другую сторону кровати, надеясь, что дело просто в том, как падает свет. Девушку охватила паника. Она склонила голову на грудь отца и услышала лишь слабый стук, положила пальцы на шею – и едва нащупала вялый пульс. Выбежав в коридор, она стала громко звать на помощь.

Весь в холодном поту, Саверио проснулся в гостинице «Ричмонд Сквайр» в нескольких кварталах от отеля «Джефферсон». Он включил свет на прикроватном столике и не сразу вспомнил, в каком месте находится, в каком городе, какое нынче число, месяц и год и что ему снилось перед пробуждением.

У двери стоял его чемодан с переброшенным через него смокингом в дорожном чехле. Пиджак, брюки, носки, нижнее белье, ботинки и шляпа были аккуратно разложены в преддверии утра. Все выглядело ровно так, как он это оставил накануне вечером. Его начало трясти. Ему не нравилось быть одному.

Он вытряхнул последнюю сигарету из лежавшей на столике пачки, перекинул ноги через край кровати и чиркнул спичкой. Затем подошел к окну и толкнул раму вверх до отказа. Похоже, на улице было не меньше ста градусов по Фаренгейту, над городом дрожала влажная коралловая дымка. Саверио глубоко затянулся сигаретой, пытаясь успокоить нервы. Входило солнце – ярко-розовый светящийся мазок за Моньюмент-авеню. В гостинице было тихо, на улицах тоже. Автобус оркестра Рода Роккаразо уехал в три часа ночи – без него.

Перемены в жизни Саверио уже начались, и он решительно настроился их принять. Одна только проблема, об одном он горько сожалел.

Саверио наспех согласился изменить свое имя. Он не хотел его менять, и полученный результат ему не нравился, казался фальшивым. От «Тони Арма» разило не то нелегальным лотерейщиком из Южной Филадельфии, не то торгующим нитками вразнос перекупщиком из швейного квартала Нью-Йорка. Саверио даже не был уверен, что Тони Арма – подходящее имя для лирического певца, хотя оно, по крайней мере, действительно вменялось на афишу. Но туда вменялось и «Бозо»^[35], и «Бетти Буп»^[36]. А еще оно вменялось в те строчки газетной рекламы, где мелкими буквами перечислялись исполнители, и в каком-то смысле это было еще хуже.

Саверио вспомнил, как отец ему говорил, что шоу-бизнес не отстанет от него, пока не заберет все, – а теперь так и вышло. Шоу-бизнес отнял у Саверио имя и дал ему взамен что-то другое, как будто его происхождение, история и личность изначально ему не принадлежали.

Кто он теперь такой? Согласно собственноручно подписанному договору, он принадлежит оркестру Пола Годфри, но помимо этого, кто он, кроме как еще один никому не известный певец, которого можно легко заменить в любом городе, как спущенное колесо на гастрольном автобусе? Ему пришло в голову, что это просто очередной конвейер, только теперь в руках у него микрофон, а не гаечный ключ Генри Форда.

После завершения панихиды по Мариано Донателли, устроенной в церкви Святого Иосифа, дом покойного заполнился гостями с

похорон. Иные прибыли из самого Олбани, другие жили по соседству. Барбара следила за тем, чтобы подносы с едой не пустовали. Люсиль собирала тарелки и уносила их на кухню, где их спешили вымыть до появления очередной группы посетителей, зашедших выразить соболезнования. Еды вышло предостаточно: все доступные кухонные поверхности были уставлены подносами и лотками с маникотти^[37], тирамису, булочками, мясной нарезкой, салатами, сдобой и печеньем, приготовленными семьей Мариано или принесенными соседями.

Много говорили о судьбе. Чичи достаточно этого наслушалась, доливая в бокалы напитки и предлагая очередное блюдо. Девочки Донателли и их мать всегда были радушными хозяйками. Скорбящие покидали дом Мариано и Изотты, отведав вкусного угощения и выпив домашнего вина. Они вспоминали Четвертое июля – всего несколько дней назад, – когда все они точно так же собрались под этим же солнцем, в этом же саду, но для праздника, не для печали. До Чичи доносились обрывки их сетований. «Мариано выглядел *robusto*^[38]», – покачал головой один друг. «Помнишь, как он поднял тот бочонок, – сказал другой. – И еще фейерверк запускал для детишек». К ним присоединились и прочие: «Он был такой жизнерадостный. Такой молодой. Слишком молодой».

В тот день Чичи узнала значение слова «молодой». Если в день твоей смерти люди говорят, что ты умер слишком молодым, значит, таким ты и был. Больше никогда она не будет считать сорок один год старостью. Чичи пошла на кухню. Она обернула кухонным полотенцем ручку кофеварки эспрессо, стоявшей на плите, и разлила по чашечкам темную жидкость. Выглянув из кухонного окна, она понаблюдала за матерью. Окруженная подругами, та сидела за столом, затененным зонтом, а гости пытались вызвать у нее улыбку. Чичи видела, как Изотта вежливо делает вид, что ей смешно, слушая забавные истории о своем остроумном, искреннем, жизнерадостном муже, но дочь знала, что в этот день мать не была способна радоваться. Пройдет много времени, прежде чем Изотта снова сможет смеяться.

Чичи взяла поднос и заглянула к сестрам в гостиную, чтобы проверить, как там дела. Она передала Люсиль поднос с кофе. Та поняла намек и принялась обносить гостей.

– Девочки, вам нужно открывать свой ресторан, – прокомментировала миссис Бреннан, прихожанка их церкви.

– Я слишком быстро печатаю на пишущей машинке для этого, – возразила Люсиль.

Чичи выскользнула на улицу и пошла по дорожке. Ей нужно было побыть одной, пусть и всего несколько минут. Она хотела поразмыслить над тем, как продолжать жизнь, чего ей не довелось сделать в дни, последовавшие за смертью отца.

Она намеревалась спуститься к пляжу, но вместо этого, сама не зная как, очутилась на тропинке, ведущей в противоположном направлении, к гаражу. Девушка нашла ключ под ковриком у двери и отперла ее.

Лучи белого света вливались в окна и светлыми прямоугольниками падали на бетонный пол. Внутри невыносимо воняло краской: окрыленный посещением Саверио, Мариано недавно заново выкрасил стены. Чичи была уверена, что ее отец вовсе не намеревался умирать. Напротив, он грезил новыми планами – рекламировать студию и записывать песни не только своих дочерей, но и других исполнителей. Таков был его подход – грандиозные прожекты и большие планы на будущее. Мариано жил своей мечтой. Если бы только дочерям удалось сейчас ему уподобиться.

На пульте все оставалось так, как при отце. Его записи печатными буквами отмечали тональность и продолжительность последней песни, над которой они вместе работали. Чичи ее не закончила, но планировала это сделать как раз в тот день, когда Мариано попал в больницу. «Разве мы прежде не встречались» была лирической балладой – первой попыткой Чичи в этом жанре.

Чичи взяла отцовский карандаш. Резинка на конце была изжевана. Она посмотрела на следы от зубов, вспоминая его передние зубы, которые были немного крупнее прочих. Однажды отец пошутил: «Передние зубы у меня того же размера, что и ноги». Теперь, после его смерти, все, до чего он дотрагивался, стало реликвией, священным предметом, который следовало бережно хранить в доказательство того, что он когда-то жил, размышлял о всяком и прикидывал, как бы лучше сделать свою работу. Чичи спрятала карандаш в карман фартука. С кем ей теперь разговаривать о музыке? Кто станет делать заметки во время новых записей?

Девушка открыла дверь звукоизолированной кабины, затем включила свет и уселась на табурет перед пианино спиной к

клавишам. Вскоре неожиданно для себя она развернулась и опустила пальцы на прохладные костяшки, но играть не могла. Она сложила руки на коленях. Странно – обычно летом в кабине было нестерпимо жарко, но сегодня там было зябко, как в склепе.

В кабину вошла Барбара.

– Чич? – Она протянула сестре чашку кофе.

– Нет, спасибо.

– Выпей, – велела ей Барбара, держа чашку перед Чичи, пока та не взяла ее.

Чичи отпила кофе.

– Что мы будем делать без папы? – спросила она.

Барбара села на табурет рядом с сестрой.

– Как-нибудь справимся.

Именно это Чичи больше всего любила в своей старшей сестре – и терпеть не могла тоже. У нее на все был готов ответ.

– Я этого совершенно не ожидала. А ты?

Барбара покачала головой.

– Как справляется мама?

– Все плохо, Чич.

– Ну да, они ведь поженились, когда им было по восемнадцать, – сказала Чичи.

– Я говорю о ее делах. О доме.

– А что не так с домом?

– Долги.

– Но ведь дом полностью им принадлежит. Разве ты не помнишь? Па нам сказал три года назад.

– Ага, а потом он заложил дом, чтобы построить эту студию.

Чичи почувствовала, как накатывает дурнота.

– Ты о чем? – сдавленно проговорила она.

– Да, всю работу он проделал сам, – нетерпеливо сказала Барбара, – но пришлось ведь рассчитывать за доски, стекло, прочие материалы. Все это оборудование – оно дорого стоит, он не мог себе его позволить. И, чтобы оплатить, заложил дом.

Барбара говорила таким тоном, что Чичи кинулась защищать отца.

– У него были планы! Он собирался записывать здесь разные номера, – горячо воскликнула она.

– Но не записал.

– Просто не успел, не дожил. И он ведь все силы вкладывал в наши выступления.

Чичи вспомнила, сколько раз отец отвозил их с сестрами на конкурсы поиска талантов, как часто бросал все, чтобы съездить с ними на прослушивание на какой-нибудь радиостанции, и сколько часов в день проводил с ней вдвоем, когда она сочиняла новую песню. И еще дольше просиживал в студии, записывая эту песню снова и снова, проигрывая ее и переписывая заново, пока оба они не были довольны результатом.

– Он очень старался, – добавила она.

– Из нашего ансамбля не выходило ничего путного, – отрезала Барбара.

– Со временем вполне могло выйти. Мы ведь это обсуждали. Мы создавали общее дело с прицелом на годы работы в шоу-бизнесе.

Барбара устало посмотрела на сестру:

– Я знаю, что ты очень этого хотела. Но вашим планам не суждено было сбыться.

– Такие вещи не складываются за одну ночь. Нужно время. Нужно дождаться успеха.

– В большинстве случаев этого так никогда и не происходит.

Чичи не собиралась спорить со своей прагматичной сестрой. Сарказм Барбары был забавен на сцене, но в жизни быстро выводил из терпения. В ее мире не было места неудачам, а уж фантазиям – тем более. Она глядела на жизнь практично, руководствуясь правилами, которые ясно указывали, как все должно происходить.

Чичи сделала глоток крепкого черного кофе.

– Сколько денег он взял под залог?

– Папа обменял стоимость нашего дома на стоимость студии. Чарли уже пытается распродать звукозаписывающую аппаратуру.

– Эй! Даже не спросив меня?

– Ты к этой студии слишком привязана. И у нас мало времени. Продажа продвигается плохо, Чарли предлагают сущие гроши за оборудование. Папа переплатил за пульт, микрофоны, усилитель звука. От проигрывателя отказались даже радиостанции.

– Я ходила за оборудованием вместе с ним. Папа обращался в лучшие магазины города.

– И там его облапошили.

- Папа вовсе не был простофилей!
- Он пытался сделать тебя счастливой и потратил последние доллары, чтобы воплотить твою мечту.
- Нашу мечту.
- Ну да, всем нам нравилось петь, но вам с папой хотелось большего.
- И что в этом плохого?
- Ничего, если можешь себе это позволить.
- Мы ведь все работаем.
- Чичи, папа потерял работу, потому что слишком часто брал отгулы, чтобы помогать тебе с твоими музыкальными делами. Я это говорю не для того, чтобы тебя обидеть. Просто так оно и есть, и он вконец запутался. Думал, что «Скалка моей мамы» может стать шлягером, действительно в это верил. На прошлой неделе он забрал мамины деньги на хозяйство и обошел радиостанции, где заплатил, чтобы они пустили эту песню в эфир.
- Да нет же. Мы просто оставляли там пластинки, никаких денег.
- Он это делал у тебя за спиной, но платил, поверь мне. Чарли узнал, как обстояло дело, когда начал обзванивать радиостанции, пытаясь продать оборудование. На первой радиостанции проговорились, а дальше Чарли прикидывался, что готов заплатить, только бы там сыграли твою запись, и все по очереди раскололись.
- Чичи уронила голову на руки.
- И если мы хотим спасти дом для мамы, хотя нам вряд ли это удастся, придется пожертвовать всеми нашими сбережениями. Чарли ходит в банк и пересмотрит условия ипотеки.
- Ну уж нет! Я – его дочь.
- Банк лучше реагирует на мужчин. Пусть Чарли этим занимается.
- Слезы жгли глаза Чичи, но она их поспешно смахнула. Сейчас было время продемонстрировать силу, а не эмоции.
- Барбару тронули страдания сестры.
- Мне так жаль, что пришлось тебе обо всем этом рассказать, – проговорила она. – Ты старалась. И Па старался. Но наш ансамбль просто не был достаточно хорош.
- Слушатели решают, кто хорош, а кто нет.
- Чич, у нас нет никаких слушателей.
- Их нужно постепенно набирать.

Барбара не стала вступать в спор.

– Я хочу тебе сказать, чем каждая из нас может содействовать спасению дома. Лично я накопила сто восемьдесят два доллара. У Люсиль есть сто пятнадцать. У Ма отложено на черный день двести четыре доллара. Не знаю, сколько лежит у тебя...

– Конечно, я помогу, – быстро сказала Чичи. Ей хватило осмотрительности не называть конкретных цифр – она знала, что тогда Барбара станет настаивать на всей сумме. – Сколько мы должны банку?

– Около шести тысяч долларов.

– Но дом стоит всего две тысячи, и то если повезет найти покупателя. Какая там процентная ставка по кредиту?

– Восемь процентов.

– Но это же ужасные условия! – Чичи ушам своим не верила. – В моем банке всего три процента.

– Они заговорили ему зубы. Потому я и хочу, чтобы Чарли попытался объяснить им все и добиться понижения ставки. Они ведь попытаются взыскать заложенный дом. Они всегда так делают. И, надо признать, будут в своем праве. Папа несколько раз опаздывал с выплатами, в том числе в прошлом месяце.

Чичи вспомнила, как отец пытался поговорить с ней о финансах, но она была слишком занята сочинением песен. Теперь она страшно жалела, что не слушала его внимательнее.

– Он даже маме не сказал, – продолжала Барбара. – Она понятия ни о чем не имела. Его собственная жена! До самого конца он оставался милым и беспечным. И мы любили его таким и готовы были сделать для него все. И он бы сделал для нас все. Но ты должна понять: мы держались на плаву исключительно благодаря тому, что сами зарабатывали на фабрике.

Чичи почувствовала, как ей сдавило горло. Нарисованная сестрой картина будущего выглядела мрачнее некуда. Ее музыкальная карьера не состоится; все они продолжат гнуть спину на фабрике только ради того, чтобы не лишиться крыши над головой. Придется отпустить мечту о будущем, которую Чичи с отцом выпестовали вместе, – мечту, до которой было рукой подать.

– Послушай меня, Чичи, – продолжала Барбара. – Нам нужно жить скромно и вкалывать изо всех сил. Будем трудиться на фабрике,

как прежде, и брать побольше сдельной работы за добавочную плату. Сосредоточимся на том, чтобы сохранить наш дом. Всем нам придется чем-то пожертвовать. Мы с Чарли тихо обвенчаемся в ризнице в День труда, без громкой свадьбы и пышного платья.

– Но ты так мечтала о своей свадьбе!

– Это были просто мечты. Когда мы поженимся, Чарли переедет к нам, мы будем жить дома и платить маме за съем. – Она вздохнула. – Мы бы в любом случае снимали квартиру.

– Это тебе предстоит улаживать с мамой. Но не посылай Чарли в банк. Он не член нашей семьи. Я лично знакома с мистером Полли, управляющим банка.

– Откуда ты его знаешь?

– Папа нас познакомил.

– Но о закладной ты ничего не знала?

– Нет. Но теперь знаю и поговорю с ним. Позволь мне уладить это дело самой.

– Это плохая идея.

– Барбара, учти, я просто так не сдамся.

– Мне нужно посоветоваться с мамой.

– И с мамой я тоже готова бороться, – спокойно сказала Чичи.

Барбара сделала шаг назад.

– Я все здесь запру сама, – сказала Чичи, подходя к двери и распахивая ее перед сестрой. – Если это действительно конец нашей студии, то я хочу закрыть ее своими руками.

Чичи проштамповала свою хронометражную карту в вестибюле фабрики «Джерси Мисс Фэшнз», нахлобучила на голову широкополую соломенную шляпку и понеслась через дорогу к Национальному сберегательно-кредитному банку Нью-Джерси, чтобы успеть до закрытия в три часа. Когда она взбежала на крыльцо внушительного кирпичного здания, перепрыгивая через две ступеньки, и распахнула дверь, в ее распоряжении оставалось девятнадцать минут.

Ее рабочие туфли закрипели по отполированному мраморному полу, и тогда она пошла на цыпочках. Сколько бы клиентов ни находилось в банке одновременно, голоса присутствующих никогда не повышались выше шепота. Кроме банка, подобная тишина и почтение царили разве что в церкви и в городской библиотеке.

Чичи прошла к бюро управляющего за аркой из кованых орнаментальных завитков. Резной стол красного дерева был накрыт толстым стеклом. Раньше она находила это роскошное обрамление обнадеживающим, но теперь оно ее смущало.

– Мисс Донателли? – Седовласый мистер Полли дружелюбно улыбнулся. Он подождал, пока Чичи села на стул напротив него, и только тогда опустился на свой. – Я очень огорчился, услышав печальные вести о вашем отце.

– Можете себе представить, в каком мы состоянии. Просто убиты горем. – Чичи вынула из кармана носовой платок. – Моя мать овдовела, и мы остались на свете совсем одни.

– Чем я могу вам помочь?

Чичи подалась вперед:

– Первым делом я хочу пересмотреть ту никуда не годную кредитную ставку, которую вы повесили на моего отца. Восемь процентов, мистер Полли! Вы это серьезно, сэр?

– У него были долги, с которыми он хотел разделаться. Мы просто собрали всё вместе.

– Собрали и похоронили его под ними. Так нельзя. Я, конечно, не пытаюсь сказать, что вы поступили незаконно. Это ваш банк, вы можете назначить хоть двадцать процентов, и если клиент хочет получить заем и готов платить, сколько вы просите, сделка заключена и прибыль течет к вам рекой. Но мой отец был в отчаянии, когда на это подписывался. Сам не понимал, что делает.

Мистер Полли открыл папку:

– Ваш отец попросил шаровой кредит^[39]. Он был уверен, что бизнес, над развитием которого он работал, скоро пойдет в гору. Ради него он поставил на кон дом – самое ценное из того, чем он владел.

– Но он умер, и мы не можем продолжать в том же духе. Дом стоит всего две тысячи. А он вам должен шесть.

– Шесть тысяч пятьдесят долларов и семьдесят два цента.

– Понятно. Сэр, мой отец выплачивал этот заем уже год, а значит, он успел принести вам около пятисот долларов прибыли. Я хочу отменить текущий кредит и перезаключить договор. Я готова предоставить вам в качестве залога половину стоимости дома – наличными. И еще я хочу сменить ставку на два процента – такую сумму мы с матерью и сестрами осилим.

– Одного только дома недостаточно для залога, – спокойно сказал мистер Полли.

– Я предлагаю вам мои облигации государственного займа. Сегодня, по нынешнему курсу, они стоят тысячу сто семьдесят семь долларов и сорок три цента. Я храню их в вашем же банке. На руках у меня еще двести долларов наличными, которые я хочу добавить к общей сумме. Получается больше половины стоимости дома, причем, заметьте, наличными. Мне кажется, в данных обстоятельствах это чрезвычайно выгодная для вас сделка.

– Мне очень жаль, но мы вынуждены настаивать на изначальной кредитной ставке.

Чичи наклонилась вперед:

– Мистер Полли, прошу вас, обдумайте свое решение, обдумайте его хорошенько. Вот смотрите, я работаю чуть дальше по улице, в «Джерси Мисс Фэшнз». Думаю, вы в курсе, что большинство тамошних девушек не доверяют банку свои деньги. Как бы вам понравилось, если бы по всей фабрике – да и по городу – распространилась история о том, что вы ободрали как липку женщину, которую уважает весь Си-Айл, причем по кредиту, с которого вы уже получили недурную прибыль? Мне кажется, это выставляет банк в не очень выгодном свете. Возможно, вам стоит пообщаться с областным управляющим, спросить, что он может для меня сделать. Собственно, я прошу вас поговорить с ним сейчас, сэр.

Мистер Полли выглядел ошарашенным.

– Одну минуту, мисс Донателли. – Он поднялся, ушел во внутреннее помещение и закрыл за собой дверь.

Чичи так вспотела, что почувствовала, как пот течет по ее спине под рабочей блузкой. Если мистер Полли не согласится на ее предложение, запасного плана у нее нет. Мать лишится дома. Даже несмотря на работу дочерей, этот заем их задушит. Мистер Полли вернулся и снова сел за свое бюро.

– Мисс Донателли, банк согласен установить для вас кредитную ставку в два с половиной процента, но вам потребуется внести еще сто долларов наличными. Итак, облигации стоимостью в тысячу сто семьдесят семь долларов и сорок три цента плюс сто долларов наличными. При кредитной ставке в два с половиной процента

получается месячная выплата в шестьдесят два доллара пятьдесят центов, пока кредит не будет полностью выплачен.

Чичи быстро подсчитала в уме.

– Простите, мистер Полли, но у меня получается, что мы должны выплачивать сорок один доллар пятьдесят центов в месяц. Ведь сегодня я вношу полторы тысячи от суммы кредита.

– Месячный платеж вырос из-за пени за просрочку и комиссию за пересмотр договора.

Чичи уронила голову на грудь, закрыла лицо носовым платком и заплакала.

– Но нам это не по карману. Прошу вас, сэр, умоляю, отмените пеню и комиссию! Очень вас прошу! Конечно, я могла бы наскрести эти деньги, пройдя по фабрике с протянутой рукой, но, мне кажется, это произвело бы невыгодное для вас впечатление.

Мистер Полли снова удалился, попросив ее подождать. Девушка не отнимала платка от лица, пока не услышала, как за ним закрылась дверь, и только тогда убрала совершенно сухой платок. Чичи вовсе не лила слезы – она была в ярости. Услышав скрип открываемой двери, она снова закрыла лицо платком.

– Мисс Донателли?

– Да, сэр?

– Договорились. Месячная выплата установлена в размере сорока одного доллара и пятидесяти центов, а пеню и комиссию отменим.

Выйдя из банка, Чичи остановилась и пробежала глазами по страницам нового кредитного договора, затем аккуратно сложила его и убрала в конверт, а конверт спрятала в сумочку. Она свернула по направлению к дому и вдруг неожиданно для себя пустилась бежать, чтобы поскорее разделить с матерью и сестрами хорошие новости.

Коралловое солнце соскользнуло за горизонт. Наступили сизые сумерки, прорезавшие еще светлое небо темными полосками. Чичи быстро шла одна по кромке воды.

Ее мать оценила новость о пересмотре кредита, но не смогла охватить умом всей сложности операции, которую проделала Чичи. Барбара была довольна, но продолжала волноваться – как станет выживать семья? Люсиль обрадовалась, что сестре удалось спасти часть тех денег, которые она отложила себе на курсы секретарей; она

думала, что потеряла всё. Однако, по правде говоря, ни одна из женщин семьи Донателли не чувствовала удовлетворения. Победа над банком не возмещала ни потери Мариано, ни их разочарования в нем. Да, он был хорошим мужем и отцом, но также огорчил их своими вскрывшимися тайными деловыми махинациями. Одна только Чичи понимала, почему он это сделал, и только она могла от всего сердца простить отца за то, что он был мечтателем и всегда стремился к большему.

По дороге домой она думала об отце, о будущем, которое тот предвкушал для семьи, для студии звукозаписи и для ансамбля своих дочерей. Как усердно он трудился ради Чичи! После панихиды и похорон она вспоминала отца как друга, как единственного в ее жизни человека, который по-настоящему ее понимал и болел за нее. Она не могла представить себе мира без отца, но вот его не стало. Как и ожидалось, все было ужасно. Чичи села на крыльцо и разрыдалась. Он ушел, а она осталась жить – без его смеха, мудрости и мечтаний. Оставалось только оплакивать эту потерю.

Сквозь сетчатую дверь Чичи слышала голоса матери и сестер на кухне. Но она не вошла в дом, а отправилась в студию. Там она достала ключ из-под коврика и отперла дверь.

Чичи не в первый раз подивилась великолепной работе отца. Мариано постарался на славу, превращая шлакобетонную коробку в профессиональную студию. Ведь это он придумал построить студию в гараже, чтобы обеспечить как можно более чистый звук. Он изучил каждую деталь, и он же придирчиво выбрал строительные материалы, а затем кропотливо выполнил все строительные и отделочные работы собственными руками – как привык поступать всегда. Старомодный подход, итальянский. Настанет время – и настанет оно скоро, – и это небольшое святилище музыки, искусства, которому он поклонялся, будет разобрано и сдано в утиль.

Как быстро испарилось все, ради чего они трудились.

На побережье многие вдовы находили способ как-нибудь еще заработать. Одни сдавали свои пустующие гаражи рыбакам, которые держали там корзины для ловли крабов, лодки, весла и снасти, другие – мужчинам, которым нужно было где-то парковать свой рабочий транспорт. И сейчас Изотте с помощью дочерей придется найти новое применение гаражу. Цены за съём зависели от размера и

местонахождения. Учитывая, как близко к океану стоял их гараж, женщины Донателли могли рассчитывать на неплохую прибыль.

Это означало конец «Студии Д», никто не станет бороться за ее спасение. Чичи оказалась одна против всех. Но что касалось исполнения отцовской мечты о будущем шлягере – тут ей не требовались ни помощь сестер, ни их одобрение. Она могла продолжать добиваться этого в одиночку. Шлягер, записанный в память об отце, станет миссией Чичи. Она сочинит эту песню и найдет самого лучшего исполнителя, который споет ее и поднимет на вершину «Хит-парада».

И она не позволит сборщику металлолома, кредитору или скептически настроенной родне встать на ее пути.

Чичи Донателли бодро прошагала все двадцать кварталов от железнодорожного вокзала на 33-й улице на Среднем Манхэттене до ночного клуба с танцевальным залом «Музикале» на Западной 51-й улице и даже ни разу не остановилась передохнуть. Розовое утреннее небо над ее головой было густо затянуто низкими белыми тучами, а макушки небоскребов пронзали их, будто палочки – комки сахарной ваты. Ньюйоркцы держались за свои шляпы и застегивали пальто на все пуговицы. Начинался сезон студенов осенних ветров, из тех, что резко набрасываются из-за угла здания и завихряются под ногами.

Чичи шла по Девятой авеню мимо закопченных многоквартирных домов и подозрительных лавок, приказчики как раз выкатывали на улицу контейнеры с остатками затрапезной галантереи. Какой-то старик продавал ношенные шарфы и ремни, а двое ушлых братьев торговали вразнос швейными материалами, то есть лоскутами ткани и разрозненными катушками ниток. Это были образцы, стибренные у коммивояжеров из швейного квартала. Товар торопились сбыть по бросовой цене – окончательная распродажа, лебединая песня под аккомпанемент последнего вздоха Великой депрессии. Всему вот-вот предстояло измениться – по крайней мере, так казалось Чичи.

Девушка из Джерси уверенно пересекла широкий проспект и прошла мимо толпы рабочих, копошившихся вокруг открытого канализационного люка. Свист, которым они отреагировали на ее появление, затерялся в общей какофонии автомобильных клаксонов, трамвайного дребезжания и воя дальних сирен. Чичи ничего не слышала. Ее мысли витали далеко – она приехала по делу.

Чичи завернула за угол 52-й улицы, и сердце у нее упало. Похоже, каждая девушка из трех окрестных штатов, считавшая, что умеет петь, явилась сюда, чтобы побороться за место солистки при оркестре Пола

Годфри. Как правило, Чичи обходила стороной состязания такого рода, но на сей раз все выглядело слишком уж соблазнительно: победительница получала гарантированный шестимесячный контракт на гастроль с оркестром. А Чичи было необходимо прорваться на сцену. Вряд ли в Си-Айл-Сити ей представится подобный шанс.

Мечтавшие профессионально выступить со знаменитыми оркестрами девушки терпеливо ждали, одетые в свои лучшие шляпки, перчатки и пальто. Очередь нескончаемой лентой змеилась вокруг целого квартала. Под мышкой кандидатки держали папки с нотами – точно такие, как папка Чичи. Она заняла место в хвосте и оглядела улицу. На аллее Джаза располагались сплошь кабаре и клубы, повсюду афиши певцов и музыкантов из ее любимых ансамблей. Чичи охватило возбуждение при мысли о том, что исполнители, которыми она так восхищается, ступают по этим самым улицам и играют в этих самых залах, проходя внутрь под красными навесами и козырьками с лиловой неоновой подсветкой.

В начале квартала Чичи заметила энергичную миниатюрную блондинку примерно своих лет. Общаясь с конкурсантками, эта девушка то исчезала в очереди, то выныривала из нее, собирая анкеты. Время от времени она останавливалась, выдергивала девушку из хвоста и посылая ее напрямик в клуб.

– Что происходит? – спросила Чичи у стоявшей впереди соседки по очереди. – Вы не в курсе?

– Кто заполнил анкету, проходит вперед. Вы свою заполнили?

Чичи выудила из папки бумагу.

– Ага, – ответила она.

– Значит, у вас котелок варит, – одобрительно заметила соседка. – А у меня, похоже, нет. Думала, на месте заполню.

К ним обернулась девушка в бархатной шляпке-клош.

– Ничего страшного, – сказала она, – можно заполнить, когда войдете.

– Да мы до самого обеда туда не попадем, – посетовала первая девушка.

Стоя в очереди, Чичи мысленно повторяла подготовленную для прослушивания песню, время от времени бросая взгляд на часы. Когда энергичная блондинка наконец добралась и до нее, было уже полдесятого.

– Анкета есть?

Чичи приветливо улыбнулась и вручила ей свою анкету, бланк которой нашла в приложении к последнему воскресному выпуску «Ньюарк Стар-Леджер».

Блондинка изучила заполненные страницы.

– Почерк красивый. По методу Палмера. Монастырская школа?

– Еще бы. Монастырь Святого Иосифа.

– Пойдемте со мной. Я мисс Боумэн. Можете звать меня Ли.

Ли Боумэн была очень молода, но заправляла здесь всем и потому казалась более опытной и искушенной, чем томившиеся в очереди кандидатки. Несмотря на ангельское личико, голубые глаза и подстриженные в форме каре золотистые волосы с модной завивкой «Марсель», одета она была по-деловому: темно-синий костюм, такого же цвета туфли-лодочки, элегантная мужская шляпа-федора с синей лентой.

– А вы тоже у монашек учились? – спросила Чичи.

Ей пришлось почти бежать, чтобы поспеть за быстро шагавшей Ли.

– Ага, но здесь в радиусе десяти кварталов я единственная, кто в этом признается. Это ведь Таймс-сквер. Здесь набожность не в чести. На вашем месте я бы не останавливалась, не задерживалась и не глядела бы – не то они сделают то же самое. Продолжайте двигаться, и с вами не случится ничего плохого.

– Я хочу победить в конкурсе.

– Угу. – Ли выразительно оглядела очередь, не замедляя шаг.

– Я умею петь, – продолжала Чичи.

– И каждая из этих двухсот красоток – тоже. Что вы еще умеете делать?

– Я сочиняю песни.

– Вот это уже лучше.

– И на пианино играю.

– Хорошо играете?

– Очень. С пяти лет.

– Еще лучше. А с оркестром сыграть сумеете? Аккомпанировать на репетициях при необходимости? Мистер Годфри не любит, когда в оркестре женщины, считает, что их место у микрофона, но он не прочь

воспользоваться нашими способностями за кулисами при подготовке программы. Сможете играть наравне с ребятами?

– Мне кажется, смогу.

Ли наклонилась к ней. В ее голубых глазах сверкнула сталь.

– Скажи «да», сестренка.

– Да, – твердо сказала Чичи.

Ли распахнула служебную дверь, быстро миновала охранника и еще одну очередь из конкуренток, ожидавших прослушивания уже в коридоре. Не отставая от Ли, Чичи вскоре оказалась за кулисами. В глянцево-черном покрытии пола отражались желтые круги рабочего освещения. Девушки пробирались по закулисью, перепрыгивая через толстые кабели, пока не нашли укромное место, откуда можно было незаметно наблюдать за происходящим на сцене.

– Сделаем так, – прошептала Ли. – Я вас пропихну впереди очереди. Споете свою песню, что вы там подготовили, только, надеюсь, это не «Не найдется ли четвертака, брат?»^[41], а то я готова сама заплатить следующей девушке двадцать пять центов, только бы она этого не пела. Я отмечу вашу анкету в стопке, и дирижер – видите сморчка с кислой физиономией, в коричневом галстуке? – просмотрит ее еще прежде, чем вы споете для Пола Годфри. Мистер Годфри – вон тот красавчик в шляпе.

– Поняла.

– Я знаю, что им позарез нужен пианист для репетиций. А мистеру Годфри также требуется новый материал, так что, если ваши песни годятся... вы следите за ходом моей мысли? – Ли прищурилась, вглядываясь в зал.

– И вы это сделаете для меня?

– Когда мне было шесть лет, монахини из монастыря Святого Иосифа спасли меня от железных легких^[42]. Я страдала жуткой астмой, а они меня вылечили, так что я перед ними в долгу. – Ли пожала плечами: – Считайте, что я оплатила их благословение индульгенцией.

– Большое спасибо.

– Кроме того, сегодня я работаю здесь последний день, и мне бы хотелось получить свою зарплату. Вот я и стараюсь дать им ровно то, что им требуется.

– А откуда вы знаете, гожусь ли я на что-нибудь?

Ли посмотрела на Чичи.

– Это проще всего, – усмехнулась она. – Я просто прислушиваюсь к своей интуиции.

– Мисс Донателли?

– Я здесь! – отозвалась Чичи с галерки. Она прошла к оркестровой яме, где ее ожидали дирижер, мистер Годфри и секретарша последнего.

– Ноты у вас с собой? – спросила секретарша.

– Да, мэм. – Чичи вручила секретарше свои ноты, и та отнесла их пианисту, сидевшему за инструментом на сцене.

– Итак, что вы нам споете? – спросил дирижер, изучая Чичи с ног до головы так, как будто обмерял ее для корсета.

Мистер Годфри тоже быстро оглядел Чичи.

– Песню, которую я сочинила сама, – невозмутимо ответила девушка.

Лица дирижера и мистера Годфри приняли такое выражение, как будто им сообщили, что устрицы, которыми они лакомились в ресторане Говарда Джонсона на Западной 46-й, были несвежие.

– Если предпочитаете что-то стандартное, мне не трудно, – дипломатично добавила Чичи. – Но я написала много песен и подумала, вдруг вам будет интересно услышать одну из них.

– Окей, давайте.

– Или, может, лучше все-таки «Не найдется ли четвертака, брат?» – пошутила Чичи.

– Ну уж нет! – фыркнул дирижер и переглянулся с Годфри.

Тот улыбнулся.

Чичи поднялась на сцену и вынула из сумочки стеклянную банку, на три четверти наполненную разноцветным драже. Сумочку она положила на пианино.

– В быстром темпе, бодро, – негромко сказала она пианисту. На вид ему было лет семьдесят пять, и, похоже, он не чувствовал себя бодрым примерно с тех пор, как изобрели коттон-джин^[43]. – Я начну счет... и раз, два, три, четыре... – Чичи ритмично притопывала ногой.

Пианист заиграл ее мелодию, но темп был не тот. Чичи обошла пианино, склонилась над плечом старичка и что-то прошептала ему на ухо, встряхивая банку с драже особым образом, – это звучало как

маракасы, отбивавшие мягкую чечетку. Она еще раз подала знак пианисту. Казалось, плавный ритм обратил на себя внимание всех присутствовавших в зале, в том числе конкурсанток и тех, кто их судил.

– Эта песенка называется «Берег цветного драже», – сообщила Чичи, энергично тряся банкой и прогуливаясь взад-вперед по авансцене уверенной походкой опытной исполнительницы.

Пианист кивнул и подхватил ритм. Он пробренчал увертюру и наигрывал дальше, давая Чичи возможность перейти к вступлению. Она ему подмигнула. Теперь они понимали друг друга – а значит, были командой, что ощутимо облегчало ее задачу.

Чичи повернулась к зрителям:

– Если вы бывали на побережье в Джерси – да на любом побережье, от Мэна до Флориды, – или плыли на яхте вдоль известной яркой полосы по краю Мексиканского залива, а то и просто фланировали по пирсу на Хадсоне с видом на мусорную баржу, то вы поймете, о чем эта песня. Она о таком летнем дне, когда на пляже столько народу, что у продавца хот-догов заканчивается горчица, у девушек заканчивается кокосовое масло, а у местного силача заканчиваются пошлые шуточки, с которыми он подкатывает к вашей симпатичной сестренке. Словом, если вдруг пойдет дождь, никто не огорчится.

Она запела:

*На пляже, где по берегу рассыпано драже,
Дети плавают, а парни надоели всем уже.
Закатай штаны, подруга, и ступай гулять одна,
Здесь не водится любовь, только скука и тоска.*

*Народ лежит везде, песка не увидать,
На пляже, где драже, газировка нарасхват,
Хоть в океане плещется нагретая вода,
Никто не хочет плавать, а спешат они куда?*

*Да на пляж, где по берегу рассыпано драже,
Девочки ныряют, а парни в кураже.*

*Пора уж повзрослеть, не все им дурака валять,
Ведь я ищу любовь, а не причину горевать.*

Чичи завершила исполнение, встряхивая банку все тише и тише, пока шелест не смолк. Пианист выпрямился на табурете и одобрительно кивнул.

Чичи поблагодарила его и спустилась в зал. Когда она проходила мимо дирижера, тот встал.

– Весьма мило, – сказал он. – День нам предстоит долгий, далеко не уходите.

– Это можно устроить.

– Оставьте свои контактные данные мисс Боумэн.

Чичи взглянула на Пола Годфри, изучавшего какую-то нотную партитуру.

– Благодарю вас, мистер Годфри.

Годфри кивнул, не поднимая глаз. Чичи вышла из зала через заднюю дверь.

– А я справлюсь с эдакой прытью? – негромко проговорил Годфри.

– Есть в этом что-то очаровательное, – признал дирижер.

– Возможно – если любишь маленьких гепардов.

Чичи вышла на улицу. К хвосту кандидаток уже успели присоединиться новые поющие инженеру в ожидании прослушивания у Пола Годфри. Девушки были одна красивее другой, и Чичи с горечью подумала, что если они поют так же, как выглядят, то ее быстро предадут забвению. Стоя перед клубом и разглядывая входящих соперниц, Чичи ощущала, что ей демонстрируют, каковы ее шансы на эстрадный успех.

Собиравшая анкеты Ли Боумэн маячила где-то в середине квартала. Чичи сунула руку в сумочку и вытряхнула на ладонь несколько цветных драже. Сначала она подумала, что, наверное, не стоит съесть собственный ударный инструмент, а то вдруг ее позовут обратно и попросят спеть еще раз. Но острый голод пересилил и без того слабую надежду на победу в конкурсе, так что она стала класть в рот по одной конфетке.

На Таймс-сквер не было парков, а около клуба не поставили скамеек – во всяком случае, Чичи не удалось найти ни одной. Бросив взгляд на свои часы, она стала размышлять о словах дирижера. Он велел далеко не уходить, но куда же ей деваться? Она дошла до угла и оглядела Восьмую авеню направо и налево в поисках места, где можно будет подождать, пока мистер Годфри принимает решение. Внезапно у служебного входа «Музыкале» раздался многоголосый визг.

Конкурсантки покинули свои места в очереди и сгрудились вокруг кого-то у самой двери. Чичи пошла на визг. Она уже приблизилась к толпе и пыталась разглядеть, отчего шум, когда увидела, что их так привлекло – точнее, кто. Чичи узнала форму головы, линию носа, рисунок подбородка. Она поняла, что когда подберется поближе, узнает и руки.

Саверио Армандонада был окружен поклонницами, которые тискали и гладили его, будто новорожденного котенка. Продираясь сквозь ватагу девушек, он поднял руки в попытке защитить лицо. Неожиданно для себя Чичи тоже влилась в людской поток, расталкивая соседок, чтобы подобраться поближе к Саверио – не только потому, что она его знала, но и потому, что было таким облегчением встретить здесь знакомое лицо.

– То-ни! То-ни! – нараспев выкрикивали девушки.

– Возвращаемся в очередь, барышни! – строго произнесла где-то у нее за спиной Ли.

– Я знаю этого парня, мы с ним давние друзья, – объяснила Чичи.

– Пойдемте со мной. – Толкнув служебную дверь, Ли протащила Чичи обратно в клуб в обход поклонниц Тони.

Саверио нырнул в темный зал. Охранник захлопнул за ним служебную дверь, удерживая девушек снаружи, и проговорил с ухмылкой:

– А вы популярны!

Саверио пригладил волосы.

– Я бы не прочь быть немного менее популярным.

– Все так говорят, а потом жалеют, – парировал охранник.

Чичи вышла на свет.

– Саверио?

Тот прищурился, вглядываясь.

– Чич, это ты? Сколько лет, сколько зим! – Он ее по-дружески обнял.

– Когда это ты стал Тони? – спросила она.

– Когда ушел от Роккаразо. Как по-твоему, идет мне такое имя?

– Ничего, неплохо.

– Ты серьезно?

– «Тони» вполне годится, – одобрительно сказала Чичи. – Звучит по-итальянски.

– Ага. А как насчет «Арма»? Они укоротили мою фамилию.

– Да уж, покоцали от души. Это чтобы имя умещалось на афише?

– Или на спичечном коробке, – пошутил Тони. – А что ты тут делаешь?

– Я ходила утром на прослушивание в ваш ансамбль. Собиралась петь «Грозовую погоду»^[44], да вместо этого бросилась прямо в сердце урагана и исполнила «Берег цветного драже».

– Значит, ты дописала ту песню. А почему не «Скалку моей мамаше»?

– Я решила, что ее никогда не будут исполнять на публике без тебя. А что здесь делаешь ты?

– Я теперь пою в этом ансамбле.

Чичи улыбнулась:

– Вот так совпадение!

– А как твоя семья? – спросил Тони. – Как мать, как отец?

Улыбка сошла с лица Чичи.

– С моей матерью все в порядке, а отец умер. Это случилось внезапно.

– Мои соболезнования. Я не знал. Потрясающий он был человек.

Из клуба вышла секретарша. При виде Тони ее лицо смягчилось. Ей было около тридцати, и взгляд, который она на него бросила, искрился страстью.

– Мистер Арма? Мистер Годфри вас ожидает.

– Иду, Мэри Роуз. – Тони обернулся к Чичи: – Мне надо идти. Не исчезай, ладно? – Он чмокнул ее в щеку и ушел.

– Так вы действительно знакомы с Тони Армой, – заметила Ли, подходя к Чичи.

– Я бы не стала говорить, что знакома с кем-то, если бы это было не так.

– О, вы еще так честны и невинны, – вздохнула Ли. – Это пройдет.

– Думаю, у меня получится оставаться честной, – усмехнулась Чичи.

– Так, эти прослушивания растянутся допоздна, – деловито заявила Ли, вручая Чичи карточку. – Я вам заказала номер в гостинице «Лонгэйкр».

– Спасибо, Ли, но гостиница мне не по карману.

– Это ведь не за ваш счет. Номера забронировал мистер Годфри. Он вам велел подождать – значит, вам положена комната.

– Даже и не знаю... – засомневалась Чичи.

– Здесь все честно, никакого надувательства. Вы ведь попали в короткий список. Покажете эту карточку на стойке гостиницы. Если мистер Годфри пожелает вас снова увидеть, я позвоню и вы сможете немедленно к нему явиться. Но сейчас поезжайте туда, обустройтесь и отдохните.

– Что ж, это можно, – согласилась Чичи. – Спасибо. Но как же вы? Ли похлопала себя по заду:

– Сесть ему доведется не раньше чем после ужина.

Чичи спрятала карточку в сумку и подумала об отце. Тот часто рассуждал об ангелах, благословениях и мистических связях. Возможно, зная, насколько его дочь нуждалась в подобной подмоге, он прислал к ней Ли Боумэн. А Тони Арма? Она думала, что пройдут годы, прежде чем снова с ним увидится. Что ж, быть может, успех зависел лишь от удачи и правильно выбранного момента – например, от того, чтобы оказаться в том месте, где проводится конкурс, и тому подобное. Чичи начинала видеть проблески возможностей, которые открывались перед ней в музыкальном бизнесе. К тому же у нее было кое-что, что Мариано Донателли всегда призывал ее развивать, – связи.

Чичи выглянула из единственного окна в номере 317 гостиницы для дам «Лонгэйкр». Всего в каком-то футе от окна высилась кирпичная стена соседнего здания с огромным вентиляционным отверстием – так близко, что можно было дотянуться до него рукой. Чичи вглядывалась в тоннель между стенами, пока не сумела различить вдали квадратик серого неба.

Войдя в комнату, девушка сбросила туфли, расправила жакет на плечиках и повесила на прибитый к двери крючок. Шляпу она

положила на прикроватную тумбочку. Убранство одноместного номера состояло из двуспальной кровати, стула и стола. Она села на прямой жесткий стул и положила ноги на кровать.

Ни картин на стенах, ни даже зеркала, но эта по-спартански скромная комната отлично подходила Чичи – она представлялась ей чем-то вроде изолятора перед выходом в ослепительно прекрасное будущее. Услышав стук в дверь, она посмотрела на часы, подошла к двери и посмотрела в глазок.

– Кавателли? – неприятливо спросила за дверью немолодая женщина в домашнем халате и розовых бигуди. – Вас к телефону.

Чичи схватила ключ от номера и выбежала наружу. Женщина молча указала на телефон-автомат на стене в конце коридора. Снятая с рычага трубка раскачивалась на проводе.

– Долго не болтайте, я жду звонка, – буркнула женщина и захлопнула за собой дверь в собственный номер.

Чичи пустилась бежать по коридору, уверенная, что выиграла конкурс. На звонок она ответила, с трудом переводя дыхание.

– Чичи, это Тони, – донеслось из трубки.

Ей пришлось задуматься на секунду, прежде чем она вспомнила, какой это Тони.

– А, Саверио. Привет, – ответила она наконец.

– Да ты как будто разочарована?

– Вовсе нет, просто я ждала вестей от Ли.

– Оттуда пока ничего. Полу с командой осталось прослушать еще несколько девушек.

– Еще бы. Такое впечатление, что каждый район Нью-Йорка перевернули вверх тормашками, вытряхнули оттуда всех девушек лет двадцати и отправили на это прослушивание. У меня ничего не выйдет. Или все-таки?..

– Все не так уж безнадежно.

– Ты не девушка, тебе не понять.

– Давай сходим куда-нибудь? – предложил Тони. – Хоть отвлечешься немного.

Чичи окинула взглядом длинный коридор, представила, как сидит всю ночь в своем номере, и сердце ее упало.

– Давай, было бы здорово.

– Тогда я заеду за тобой через час.

Чичи тщательно расчесала волосы, глядя на свое отражение в окне. Слегка подкрасив губы, она расправила блузку под жакетом и проверила, ровно ли лежат швы на чулках. Затем посмотрела на часы и не без удивления поняла, что сердце отчего-то бешено колотится. Тогда она стала дышать медленно и глубоко, как делала всегда, если нужно было совладать с волнением.

Девушка спустилась с третьего этажа в вестибюль. Пристроив на колени свою дорогую шляпу-хомбург, Саверио сидел, расстегнув пальто, на одном из двух кресел с резной деревянной спинкой, развернутых к стойке регистрации, положив руки на подлокотники и с любопытством наблюдая за входящими и выходящими постоялицами гостиницы.

– Тони! – позвала Чичи. – Ох, к этому еще надо привыкнуть. А можно мне пока называть тебя Саверио?

– Давай ты всегда будешь называть меня Саверио?

На улице Чичи взяла Тони под руку. В чистом морозном воздухе табачный дым прохожих смешивался с дымом от затопленных печей и с духами нарядных дам. Когда они подошли к манхэттенскому «Даунбит-Клабу» на Западной 52-й улице, с хилого каштана у входа слетели три желтых листа. На тротуаре стояла грифельная доска, а на ней мелом было написано, что проданы все билеты на концерт трубача Сая Оливера^[45], который всю неделю выступает в Нью-Йорке исключительно в этом клубе.

Чичи наклонилась поближе к остекленной доске объявлений у спускавшейся к двери клуба лестницы и прочла прикрепленную там кнопками рецензию из «Нью-Йорк геральд трибьюн»:

Сай Оливер – негласный наследник великого Джимми Лансфорда. Его известные во всей стране и за границей аранжировки и исполнение джазовых мелодий с оркестрами примечательны сочетанием отсылок к прошлому с современным новаторским стилем, благодаря чему ни одно его выступление не обходится без аншлага.

Тони провел ее к столику у самой сцены.

– Так близко? – восхитилась Чичи.

– Сможешь разглядеть до мельчайших подробностей, как мистер Оливер дует в свою трубу. – Тони повернулся к официанту и заказал напитки.

– А где ты живешь? – спросила Чичи.

– На гастролях.

– То есть у тебя нет квартиры?

– Нет нужды.

– А куда ты деваешься, если выдалась, скажем, неделя отпуска?

Тони улыбнулся.

– Где-нибудь находится местечко.

Для таких, как Тони Арма, гастролирующих с известными эстрадными оркестрами, всегда отыщется очередная Глэдис Овербай. Зачем ему постоянный адрес, когда в его распоряжении то одна, то другая временная квартира. Чичи поняла, что он имеет в виду.

– А, ясно. – Она обернулась, заметила в глубине клуба Ли Боумэн и помахала ей.

Ли пробралась между столиками и подошла к ним.

– Ну что, какой вердикт? – спросил Тони.

– Не уверена, что хочу знать, – добавила Чичи. – Но вы все-таки скажите.

– Только не отчаивайтесь, – начала Ли.

– Ну все, это вступление к отказу, – сказала Чичи, глядя на Тони.

– Возможно. Если вы считаете, что оркестр Пола Годфри – единственный на свете ансамбль, – продолжала Ли.

– Меня не взяли. – Чичи закрыла лицо руками.

– Не взяли, – подтвердила Ли. – Выбрали симпатичную золотоволосую девушку из Иллинойса.

– Вот так всегда. Победительницы неизменно оказываются блондиночками из Иллинойса, – грустно усмехнулась Чичи. – Совсем как кукуруза.

– Смешно! – прыснула Ли. – Приберегите это для своего номера.

– Какого номера? Меня же не взяли.

– Слушайте свой концерт, а потом встретимся в кафе-автомате на углу 43-й и 9-й, – деловито велела Ли. – Возьмем чего-нибудь пожевать, и я вам расскажу, какое у меня для вас предложение. А сейчас мне надо познакомить мисс Иллинойс с графиком гастролей.

Ли ушла, а Чичи решила:

– Мне надо перекрасить волосы.

– Да тебе не пойдет, – возразил Тони.

– Ты-то откуда знаешь?

– Я один из немногих на свете мужчин, которые различают цвета, и вижу разницу между хорошей палитрой и плохой. Блондинкой ты бы смотрелась ужасно.

– Продолжай, я слушаю. – Чичи откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. – И постарайся говорить поубедительнее, а то я думаю о Хелен Форрест, Мари Хиллман Смит, Дине Шор, Марте Тилтон и Ните Лефтвич. Да, есть еще эта новая девушка из Кентукки, Розмари Клуни. И знаешь, в моем списке одни золотоволосые красотки.

– С твоими черными волосами и карими глазами ты так же очаровательна, как голубоглазая блондинка или зеленоглазая рыжая.

– Угу, да только нанимают сплошь блондинок и рыжих, а я брюнетка.

– Я говорю не о работе, а об эстетике, – отмахнулся Саверио.

Чичи отпила своего «Манхэттена».

– Ты, я вижу, много времени проводишь за изучением женщин, – заметила она.

– А еще я подбираю носки для тех ребят в оркестре, которые сами с этим не справляются.

– То есть когда ты разглядываешь женщин и сравниваешь их между собой, как образцы краски, то это просто работа?

– А твоя работа – упрекать меня в этом?

– В том, как ты ведешь себя с женщинами?

– Ну не о носках же речь.

– Женщины выстраиваются к тебе в очередь, как будто ты раздаешь карамельки, а они жить не могут без сахара.

– Это пройдет.

– Не скоро. Впрочем, что я понимаю в шоу-бизнесе? Я ведь думала, что отлично выступила. Я так старалась нынче утром.

– Им нужна была девушка, которая хорошо смотрится на сцене и исполняет стандартный репертуар.

– Я это тоже могу.

– Тебе бы это до смерти надоело. Сколько раз, по-твоему, у тебя получится спеть «Начни начинать»^[46], прежде чем захочется в ключья

разорвать ноты и выбросить их в окно?

– Столько, сколько велит мистер Годфри, – заверила Чичи.

В клубе притушили свет, и теперь в темноте посверкивали, как светлячки, лишь кончики зажженных сигарет. В этой темноте музыканты и вышли на сцену. Вскоре на эстраде затеплился золотистый отблеск. Круг света медленно расплывался, и вот уже все видели блестящую латунь в руках Сая Оливера. Он почтительно поднес трубу к губам и выдул невероятно щемящую душу ноту. Восторженные возгласы зрителей почти заглушили этот великолепный звук.

Сай оказался элегантным мужчиной с безупречными ногтями и лощеными манерами. У него была кожа цвета бронзы и модные тоненькие усики. Его костюм, сшитый на заказ из шерстяной материи густого шоколадного цвета с самой Сэвил-роу^[47], был прошит тоненькой серебристой нитью, что придавало ткани налет старины, как следы кисти на картинах эпохи Возрождения.

Музыканты принялись наяривать. Это был квартет, составленный из любимых оркестрантов Сая: скрипка, саксофон, пианино и ударные. Маэстро подал знак, лучшие инструментальщики «Коттон-Клаба»^[48] запустили «Окраинный блюз» и так раскочегарили публику, что сидевшие за столиками люди стали один за другим подниматься и танцевать, несмотря на тесноту. Клуб был невелик, но звук оказался громкий – Чичи даже подумала, не слышно ли исполнителей на улице. Труба Сая Оливера звучала ликующе, особенно для Чичи. Как-никак именно он вместе с другими чернокожими исполнителями некогда изобрел свинг, а теперь все хотели его исполнять, в том числе она сама, итальяночка с побережья. Пусть Пол Годфри и не предложил ей контракт – она верила, что принадлежит к этому миру. Сейчас было самое время начинать. Лучше музыка уже не станет. Чичи погрузилась в мелодию и почувствовала, как музыка укрепляет ее душу и заново зажигает ее решимость.

Чичи взяла Тони под руку на пути к кафе-автомату, где они должны были встретиться с Ли Боумэн.

– Там было... совсем как в церкви, – восхищенно проронила она.

– Ты права, вышло очень воодушевляюще.

– Спасибо, что сводил меня на концерт.

– С тобой приятно сходить куда угодно, Чичи.
– Верю на слово, уж ты-то на этих делах собаку съел.
– Подкальываешь?
– Вовсе нет. Я ценю мудрость и опыт во всех сферах жизни. Наверное, будь у меня брат, я бы больше знала об окружающем мире. – Чичи шутливо подтолкнула его локтем: – А ведь ты бы вполне мог быть моим братом. Хотя, конечно, в таком случае мы бы считали, что мне достался более удачный нос.
– Если вот это и есть отношения с сестрой, тогда спасибо, не надо, – поддразнил он, открывая перед ней дверь.
Ли помахала им из-за своего столика.
– Ну, как концерт? – спросила она.
– Великолепно, – ответила Чичи, снимая пальто и перчатки и усаживаясь рядом с Ли.
– Вот бы все бросить и просто ездить за Саем Оливером по всей стране, – посетовал Тони и тоже сел.
– Сай итальянцев не нанимает, – напомнила ему Ли.
– Да и у меня самого контракт с Полом Годфри, – уныло заключил Тони.
– А вот об этом я как раз хотела с тобой поговорить, Тони. Пол готов тебя отпустить, – мягко сказала Ли.
– Он расторгает договор? – удивился Тони. – Вот так нахальство!
– Мистер Годфри готовит театрализованное представление. Больше никаких соло перед микрофоном. Вместо танцевального оркестра – музыкальное шоу. Говорит, танцевальных нынче развелось слишком много и надо как-то выделиться среди них. Возможно, займется бурлеском и тому подобным.
– Да ты шутишь! – Тони выпрямился на стуле. – Обычно исполнители стремятся сбежать от братьев Мински^[49], а не скатиться обратно в этом направлении.
– Ну а теперь они сами к ним бегут. Это называется быстрые деньги. Кстати, с десяти часов утра в понедельник я официально перестану работать на Годфри и перейду на другую службу.
– Ли, неужели ты уволилась из солидарности со мной? – пошутил Тони. – Тогда позволь мне первым тебя поблагодарить.
– Ты будешь рад моему решению. У меня потрясающая новая работа. Теперь я музыкальный импресарио в агентстве Уильяма

Морриса. А значит, мне требуются клиенты, и я предлагаю контракт вам.

– Контракт – *нам*? – не поняла Чичи.

– Контракт – вам. Тони дал мне пластинку со «Скалкой моей мамаше», и я считаю, что это готовый шлягер. И слова забавные, и мелодия отличная. У нее есть все шансы хорошо продаваться. Но одной песни недостаточно. Вам нужно придумать себе амплуа.

– Какого рода амплуа? – спросила Чичи.

– Решите, кто вы такие – друзья, которые нравятся друг другу? Пара, которая прикидывается влюбленной, но постоянно ссорится? Просто кузены, которые выступают вместе? Решите, кем вы хотите быть, а я позабочусь об остальном.

– Без обид, но мне нравится петь соло, – сказал Тони.

– И можешь продолжать это делать. Ты, Тони, останешься солистом и будешь петь один, но когда на сцену выходят парень с девушкой и представляют подготовленный номер, все это продается куда лучше. Нынче всем хочется видеть пары. В клубах их ангажируют на ура, и оркестры тоже не прочь поживиться за счет моды на них. Состав пары не имеет значения – двое комиков, которые умеют петь, две женщины, изображающие сестер-певичек, мужчина и женщина – замужняя пара, поющая о своей совместной жизни, – что хотите. Придумайте сами. Да хоть братом и сестрой прикиньтесь, мне все равно. Чичи может сочинять песни и играть на пианино, а ты будешь петь. Или пишите песни вместе. Ты же всегда жаловался на материал, Тони, мол, тебе никогда не перепадают хорошие песни, вот и сядьте вместе, сочините себе материал сами и поглядите, как пойдет. А я позабочусь, чтобы ваши песни попали к кому надо. Как вышло со «Скалкой моей мамаше».

– То есть? – Чичи широко распахнула глаза.

– Я прошла по радиостанциям. Одна или другая наверняка пустят в эфир эту запись.

– Программа Годфри тебя вообще больше не интересует, что ли? – удивился Тони.

– Не особо. С популярной пластинкой мне удастся выбить для вас больше денег.

– Вечно дело в пластинке.

– Увы, так и есть. Как-то так выходит, что девушки, с которыми ты поешь, без тебя становятся куда успешнее, Тони, – а это кое о чем говорит. Тебе необходимо амплуа. И имеет смысл подготовить ровно то, что требуется публике. Продавать, что готовы купить.

– Похоже, Ли говорит, что ты во мне нуждаешься. – Чичи похлопала Саверио по руке.

– Ты только это и поняла из ее болтовни?

– Это не навсегда, – добавила Ли, – и вам вовсе нет нужды жениться, я имею в виду – для сцены. Но тебе, Тони, надо преодолеть нынешний критический этап, и я увидела выход в... банке цветного драже.

– А я увидела будущее, – сказала Чичи. – Сегодня у клуба девушки стаями слетались к Тони. – Чичи повернулась к нему: – У тебя уже есть поклонницы.

– Годфри тоже это знает, – сказала Ли, – но сейчас его больше заботит выживание ансамбля, а не личная популярность солиста. Он считает, что старшеклассницы – это временное.

– Вполне вероятно, – признал Тони. – Что будет, когда эти девочки вырастут?

– Замуж выйдут, – предположила Чичи.

– А на той стороне, – подхватила Ли, – их ожидает великолепное выступление команды из двоих, мужчины и женщины, которые вместе поют о доме, младенцах, семейном счастье и кухонных скалках. Послушайте меня – и окажетесь на самой вершине хит-парадов. А не послушаете, все о вас забудут в пользу очередного лирического певца посмазливее, который прибыл прямиком с автомобильного завода в Огайо.

– В Детройте, – поправил Тони.

– И оттуда тоже. Знаешь, с пути сбиваются, как раз когда пытаются вписаться. В этом великий парадокс шоу-бизнеса. Пытаешься понравиться всем, но на самом деле надо стремиться быть собой – и стучать по дереву. Когда силишься уложиться в заданную форму, приходится менять себя по обстоятельствам, и в результате состругиваешь с себя то одно, то другое, чтобы подойти под то, что популярно ровно сейчас. Но в процессе, бывает, отрезаешь от себя как раз лучшее, что у тебя есть, самые оригинальные стороны и черты – например, как особым образом вибрирует музыкальная фраза в

исполнении Тони Армы. Я о твоей манере тихонько напевать в самом конце баллады, как будто тебе только что пришла в голову эта мысль. Или одно слово, вставленное по-итальянски, которое показывает всем, кто тебя слушает по радио, что ты оттуда, с итальянского сапога, – и они тоже с сапога, а значит, ты принадлежишь им, и, богом клянусь, они купят каждую твою пластинку, потому что ты – один из них.

– Наши люди верны своим, – подтвердила Чичи.

– Нечего кроить одежду по кому-то другому, – сказала Ли. – Крои по себе и подчеркивай все, что делает тебя тем, кто ты есть, и выделяет тебя в толпе. Пытаться кому-то понравиться – это смерть для артиста. Пой то, что поешь, так, как ты привык это делать. И пой так, как пел на кухне у своей мамы. Что бы вы ни изображали на сцене вдвоем, пусть это касается их, тех людей, которые покупают пластинки, слушают радио и приходят, чтобы на вас посмотреть.

– Это люди, которым нужна передышка. – Тони зажег сигарету.

– Если вам удастся заставить людей вспомнить мгновение, которое имело для них значение, если музыка возродит для них времена, когда они были счастливы, то ваши пластинки будут продаваться. Тони, если ты сумеешь напомнить мужчинам, как это было, когда они впервые поцеловались с девушкой, получится шлягер. А если ты умный, то споешь им песню о маме и тогда станешь настоящей звездой. Гарантированно. Мама – королева всех сердец, и каждый год в мае у нее праздник^[50], к которому требуется песня. Подумай об этом.

– То есть нужно дать им то, чего они хотят, – тихо сказал Тони.

– Но дай им это так, как только ты можешь. Если будешь подражать Бингу Кросби, о Бинге они и станут говорить и о том, что лучше оригинала все равно никто не споет; они не будут говорить о Тони Арме и его новом звучании. Понимаешь, о чем я?

Тони и Чичи кивнули.

– Моя задача – подобрать вам подходящий ансамбль и гастроли, где вы сможете разрабатывать свой номер, а Тони будет исполнять соло самые яркие песни. Мне нравится вот этот новый оркестр. – Ли протянула Тони лист бумаги. – Они хотят обогатить свою программу комедийными номерами и мощными солистами. Уже гастролируют и, по слухам, пользуются бешеным успехом.

– SRO-Оркестр? – хмыкнул Тони. – Мечтать не вредно.

– Они тоже мечтали и, как видишь, домечтались. Дела у них неукоснительно идут в гору, – завершила его Ли.

ДЖИММИ АРЕНА И SRO-ОРКЕСТР

Миннеаполис/Сент-Пол/Дулут/Чизолм/Хиббинг:

подтверждено – ночной клуб «Валентини»

Элькарт/Саут-Бенд/Гэри: подтверждено – гостиница «Моррис», городской зал – подтверждено

Герни/центральный Чикаго/Милуоки: подтверждено – «Дрейк», Пфистер

Шампэйн/Урбана/Индианаполис: будет объявлено дополнительно

Янгстаун/Кливленд/Питтсбург/Дэйтон: подтверждено – «Джангл-Рум»

Лексингтон/Луисвилль/Бристоль, штат Виргиния/Ноксвилль, штат Теннесси: будет объявлено дополнительно

Нэшвилл: будет объявлено дополнительно

Флоуренс/Бирмингем/Мобайл: будет объявлено дополнительно

Нейплс/Сарасота/Майами/Бока-Рейтон/Палм-Бич: подтверждено – «Фонтенбло»

Аллентаун/Истон/Страудсбург: подтверждено – Маунт-Эйри Лодж, павильон «Сейлорз Лейк», подтверждено

Стэмфорд/Нью-Хейвен/Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк: подтверждено – Морской театр

Чичи изучила список городов.

– Сейчас они в Сент-Поле, штат Миннесота, – установила она. – Ничего себе.

– Чтобы успеть на этот поезд, придется побегать – он уже тронулся, – подтвердила Ли. – Но у вас получится.

– Я подумаю, – сказал Тони.

– Думай. Я страшно проголодалась. Ваша карьерная консультация совсем выбила меня из сил. Кто будет пирог?

– Пойду принесу, – поднялся Тони.

– Чичи, а мы давай возьмем кофе, – предложила Ли.

Они с Чичи направились к кофейному автомату. Каблуки Ли ритмично цокали по линолеуму.

– Это туфли для чечетки? – удивилась Чичи.

– Только набойки. Я их прикрепил на всю свою обувь.

– Значит, ты танцуешь чечетку?

– В нашей профессии все мы чечеточники. На самом деле я приклеила эти набойки, чтобы меня было слышно на подходе. Когда я вхожу в клуб, они слышат стук и все сразу стихает. Невеличке вроде меня приходится как-то заранее сообщать о своем прибытии, чтобы потом можно было свирепствовать вволю. А как еще добиваться выгодных условий и выжимать оплату для ансамбля? Пока владельцы клубов меня боятся, я буду получать условленные деньги. А если им меня не слышно, они уже не боятся. В тот день, когда они не услышат моих шагов, конверт из банка окажется пустым. И тогда я примусь за вязание и уеду к бабуле на резное крылечко в Саскуэханну в штате Пенсильвания. И стану, как пишут в финансовых газетах, нерелевантной.

Девушки поставили на столик три чашки кофе и уселись рядом с Тони.

– А у тебя случайно нет знакомого владельца студии звукозаписи, которого бы заинтересовало кое-какое оборудование? – спросила Чичи у Ли.

– А что у тебя есть?

– Весь набор: пульт, усилители, магнитофон, микрофоны.

– У меня есть друг на 48-й улице, он занимается подержанной аппаратурой.

– Тогда спроси у него, не нужна ли ему подержанная аппаратура в отличном состоянии.

– Неужели ты продаешь отцовскую студию? – спросил Тони.

– Ага. Интересуешься чем-нибудь?

– Не-а, мне свобода дороже. Но однажды, быть может, я открою собственную студию в доме на берегу океана, – улыбнулся Тони.

– Могу предложить выгодную цену, если купишь сейчас, – сказала Чичи.

– Первое правило бизнеса, Чичи, – погрозила ей пальцем Ли, – насильно ничего не продашь.

Чичи отпила кофе и с сомнением спросила:

– Слишком напористо?

Тони покачал головой:

– Поглядите на нее, всего день как приехала, а уже пристает к людям.

– За меня не волнуйтесь, я еще только раскачиваюсь, – заверила Чичи.

Чичи выложила всю свою одежду на двуспальную кровать в комнате, которую она делила дома с Люсиль.

– А у тебя достаточно нарядных платьев? – спросила сестра, изучая расписание гастролей. – Получается по выступлению каждый вечер.

– Я буду надевать одни и те же платья в разных городах и еще следовать маминому правилу: никогда не есть в вечернем платье, а воспринимать его как театральный костюм. Я даже потеть не буду. Это должно помочь им сохранить приличный вид.

– Мы можем шить тебе новые наряды и присылать туда, где ты будешь останавливаться.

– Спасибо, не надо. Не обижайся, но я ведь шью лучше вас всех. Днем буду шить, вечером выступать.

– Тогда возьми это с собой. – Люсиль вручила сестре отрез в пять ярдов роскошной изумрудно-зеленой тафты, аккуратно сложенный треугольником.

– Нет, это же твое. Ты его хранила для особого случая. Оставь себе.

– Я в обозримом будущем не собираюсь никуда, где это пригодится, – возразила Люсиль. – Бери, бери.

Сестра положила ткань на кровать Чичи.

Чичи сложила в чемодан белье в отдельных полотняных мешочках со своими вышитыми инициалами. Там же оказались две ночные сорочки – легкая ситцевая для лета и фланелевая для зимы. Она виртуозно сложила блузки, как научилась делать это на фабрике, – рукав, рукав, лист папиросной бумаги, перегнуть посередине. Блузки разделить листами папиросной бумаги. В гостинице встряхнуть и развесить. Чичи сможет их надевать, едва вынув из чемодана, без всякой глажки.

Барбара внесла в спальню корзину с продуктами и «Альманах фермера»^[51].

– Я все аккуратно уложила поплотней и завернула в два слоя бумаги, так что не протечет.

– Спасибо. Я как животное из зоопарка, мне необходимо питаться по расписанию.

Барбара присела на кровать и стала изучать страницы альманаха.

– Здесь написано, что в октябре в Индиане выпадет снег, – сообщила она.

– Возьми зимнюю обувь, – посоветовала Люсиль.

– Нет места.

– Найди – а то приедешь в Миннесоту, а там метель.

– Вы просто пытаетесь удержать меня здесь, да? – Чичи втиснула в чемодан теплые боты.

– Ты ведь терпеть не можешь снег, – пожала плечами Барбара.

– Значит, научусь его любить. Нельзя же каждый день выступать в Майами.

– Похоже, твои гастроли пройдут все больше по льду и снегу, сестренка.

– Но не до конца, – напомнила Чичи, показывая на южное турне в расписании.

– Так или иначе, все в итоге оказываются во Флориде, – пошутила Барбара.

В дверях появилась Изотта с коробкой в руках.

– Что это у тебя, Ма? – спросила Чичи.

– Просто возьми и положи в чемодан, – попросила ее мать.

Но Чичи сначала открыла коробку и извлекла оттуда нарядный вечерний палантин из тонкого светло-серого атласа с голубым отливом, с изящной вышивкой серебряной нитью. По краю шли бархатные розетки ручной работы.

– Ой, Ма, какая роскошь!

– Наденешь его со своим черным фаевым платьем и будешь выглядеть не хуже леди Астор. Это мне прислала из Тревизо кузина Франческа.

– Он такой элегантный. – Чичи поцеловала мать. – Спасибо!

Изотта примостилась на краю кровати Люсиль. Чичи застегнула чемодан и положила сверху шляпную коробку и сумочку.

– Велено было брать всего два места багажа – и у нас получилось! – Чичи гордо осмотрела свою поклажу, прежде чем тоже сесть. – Ну вот. Это все мое имущество. – Она оглядела комнату. – Хотя... – Девушка подошла к письменному столу, убрала пишущую машинку в футляр и застегнула крышку. Машинка встала у двери рядом с чемоданом.

– Но тогда у тебя три места, – заметила Люсиль.

– Ничего, все будет в порядке. Это ведь мой инструмент. У кого-то тромбон, а у меня – пишущая машинка.

Все Донателли сидели в молчании. Им впервые довелось передохнуть с утра, когда Чичи начала укладываться. В тишине раздавался лишь шорох страниц альманаха, которые перелистывала Барбара, увлеченная прогнозом погоды на зиму 1939 – весну 1940 года.

– Миссис Калца! – позвал с нижнего этажа стоявший под лестницей Чарли.

– Ты так еще и не привыкла к этому? – спросила у Барбары Чичи.

– Нет, – улыбнулась Барбара. – Так он кричит, когда хочет сказать: «Я голоден! Что у нас на ужин?». – Она встала, прошла к двери и громко ответила вниз: – Сейчас приду, милый!

– Замужество – это как трудиться в Управлении общественных работ^[52]. Привыкаешь читать дорожные знаки, – заметила Чичи.

Барбара рассмеялась.

– Потому что, ровно как в УОР, если уж записался, то вкалываешь до упора. Однажды ты сама это поймешь. – Она вынула из «Альманаха фермера» конверт и протянула его сестре: – Это тебе.

Чичи изучила пухлый конверт, прежде чем открыть его. Внутри оказалась открытка.

Куда бы ты ни уехала, здесь у нас всегда найдется для тебя место. Приятных путешествий, и пусть тебя сопровождают наши наилучшие пожелания!

Открытка была испещрена подписями ее товарок по фабрике «Джерси Мисс Фэшнз». Конверт распирало от банкнот.

– Но ведь так делают, только когда девушка выходит замуж, – тихо проговорила Чичи.

– Они знают, как много значит для тебя музыка, – сказала Люсиль. – Они хотели купить тебе подарок, но не могли решить, что тебе нужнее, так что велели передать – купи себе сама, что надо. Это Рита все организовала.

Чичи расплакалась и стала вытирать слезы рукавом. Она тяжело трудилась на той фабрике, но так же тяжело трудились все девушки, за каждой машинкой. Ее тронуло, что они проявили такую щедрость по отношению к ней, подарив ей деньги, которые, как она знала, пригодились бы и им самим.

Пряча конверт в сумочку, она вспоминала многочисленные обеденные перерывы, проведенные на крыльце церкви неподалеку от фабрики, где она делилась с подругами своими мечтами о том, как однажды бросит эту работу. Тогда же она сочиняла тексты песен и читала их девушкам. В течение многих лет сослуживицы оставались ее единственными слушательницами. Ей было грустно расставаться с лучшими женщинами, которых она когда-либо встречала. Они вместе выросли и пробивались в жизни, и, так же, как вышло с поколением ее матери, останься Чичи здесь, подруги с фабрики поддерживали бы ее до конца жизни, что бы ни ожидало их впереди.

Как правило, все девушки рано или поздно выходили замуж, и их фабричные подруги помогали им со свадьбой. Когда появлялись дети, женщины сидели с малышами друг дружки, водили их в школу, устраивали крестины, первое причастие, конфирмацию. Если нужно было сшить карнавальный костюм, испечь кекс, организовать праздник, подготовить поминки либо собрать пожертвования для местной школы или церкви, эти женщины брались за руки и трудились, чтобы сделать мир лучше и красивее для своих семей. И делали они это, отработав по сорок часов в неделю на фабрике. Солидарность с конвейера, порождавшая взаимную поддержку среди работниц, была великим достоинством фабричной жизни.

– Я напишу каждой из девушек, – пообещала Чичи.

– Им будет интересно все, что ты делаешь. – заверила ее мать.

– Ну, чем бы тебе хотелось заняться в свой последний вечер в Си-Айл-Сити? – спросила Барбара.

– Для американских горок слишком холодно, – пошутила Люсиль.

– Мы приготовили для тебя прощальный ужин. – Изотта обняла Чичи.

– А что там будет?

– Все, что ты любишь: брачоле^[53] с соусом и равиоли.

– Вещи пока не бери, – добавила Барбара. – Чарли утром снесет их вниз.

Мать и сестры оставили Чичи одну проверить багаж. Чичи села на кровать и в последний раз прошла по спискам, чтобы убедиться, что уложила все, что ей требовалось для гастролей. Заключив, что хорошо подготовилась к кочевой жизни, она пригладила волосы щеткой, натянула мокасины и спустилась на кухню ужинать.

Быстро сбежав по ступенькам, Чичи обнаружила, что первый этаж погружен в темноту.

– Ма, у нас, кажется, пробки вылетели! – крикнула она. – Принеси фонарик!

Внезапно все лампочки включились, и тут же со всех сторон – казалось, из каждого угла – десятки голосов закричали: «Сюрприз!» Внизу оказалась целая толпа народу.

От кухни до гостиной дом Донателли был заполнен женщинами с «Джерси Мисс Фэшнз». Рита надела на Чичи перевязь, где золотыми буквами было начертано *Buona Fortuna*^[54]. Ее окружили коллеги по фабрике.

Чичи обняла каждую, навсегда запоминая, кем та работала на фабричном конвейере. Восемь лет она провела, трудясь бок о бок с этими женщинами. Они поддержали ее во время многих испытаний, а она – их. Рита сидела слева от нее, обшивая петли для пуговиц; сестры Векьярелли гладили; сестры Пипино занимались отправкой товара; сестры Уоткинс были в бухгалтерии, а в конторе всеми любимая Лавиния Спадони выдавала в день полочки розовые чеки в голубых конвертах. Миссис Спадони была слишком хороша собой, чтобы сойти за Санта-Клауса, но, судя по радости, которую она доставляла работницам каждую пятницу, она вполне могла состязаться с Сантой. Одна за другой эти достойные женщины, ее любимые подруги, радовались удаче Чичи, радовались за нее еще больше, чем радовались бы за себя, больше даже, чем радовалась она сама – певица-песенница накануне великого прорыва в карьере. Окружавшие ее в тот вечер пятьдесят восемь женщин верили, что ее не может постичь неудача. Эта уверенность заставила Чичи желать успеха еще больше – ради них, в доказательство того, что не зря они так в нее верят.

До недавнего времени «Джерси Мисс Фэшнз» была всей жизнью Чичи; проведенные там годы определили ее характер. Девушки уверяли ее, что если что-то пойдет не так в музыкальной карьере, они с радостью примут ее обратно и ни разу даже не упомянут слово «свинг»; более того, из солидарности они выбросят свои радиоприемники и больше никогда в жизни не послушают Гарри Джеймса, Томми Дорси или Бенни Гудмена. Они изо всех сил старались донести до Чичи, что всегда найдут для нее место на фабрике рядом с собой и не станут задавать неудобных вопросов.

В тот вечер Чичи почувствовала, что любовь подруг, их гордость за ее достижения и их восхищение ее отважным решением рискнуть помогут ей преодолеть какие бы то ни было трудности в будущем. Впрочем, никто и не помышлял, будто что-то может пойти не так, – все они лишь предвкушали успех Чичи. Именно вера подруг в нее помогла девушке подняться выше конвейера и войти в новую жизнь; они отправили ее в полет на крыльях музыкальной мечты.

Еще до рассвета Чичи была одета и готова отправляться в дорогу. Оставалось достаточно времени, чтобы успеть на поезд в четыре часа утра, который отвезет ее в Нью-Йорк. Там ей предстояло пересесть на другой поезд до Саут-Бенда в штате Индиана, где она и встретится с ансамблем.

Обходя погруженные в темноту комнаты, она напонила себе, что здесь всегда останется ее дом, родной дом; когда ей понадобятся силы и отвага, достаточно будет вспомнить о нем. Она поцеловала на прощанье спящую Люсиль, затем прошла в спальню матери, поцеловала ее тоже и оставила на комодке конверт с деньгами. В комнате Барбары и Чарли она обняла сестру и поблагодарила ее за все. А потом настало время покинуть единственный дом, который у нее когда-либо был.

Чарли уже погрузил пишущую машинку, чемодан и шляпную коробку Чичи в свой автомобиль с откидным верхом. Она взяла сумочку с кухонного шкафа и вышла на улицу. Небо пока оставалось темным; она поежилась от холода, шагая по дорожке и в последний раз вдыхая запах моря. Под подошвами ее лучших туфель закрипел песок. Песок с пляжа Си-Айла постоянно оказывался у всех под ногами, и было трудно представить себя без него. Сколько раз за день

ни подметала Изотта, песку удавалось просочиться и на дорожку, и на крыльцо, и в дом. С самого детства песок неизменно присутствовал в жизни Чичи – не меньше, чем, например, макароны. Теперь ей будет его не доставать.

Чичи остановилась у калитки. Она мысленно прочла молитву Богородице и помолилась душе Мариано, чтобы душа отца с небес оберегала гнездо, которого семья едва не лишилась всего год назад. Мысль о том, что мать и сестры надежно укрыты за стенами отцовского дома, приносила ей некоторое утешение. Можно было сосредоточиться на предстоящей работе, зная, что в этом отношении их будущее обеспечено.

Добиться того, чтобы Чичи записывала собственные пластинки и выступала с известным оркестром, было в равной степени стремлением отца и собственной мечтой Чичи. Мариано не довелось увидеть день, когда она сделает этот шаг, но сейчас это не имело значения. Он поверил в нее, и уверенность, которую он вселил в свою среднюю дочь, останется с ней, куда бы ни занесли ее гастроли.

Чарли завел мотор и позвал:

– Чич, нам пора выдвигаться!

Она кивнула, закрыла за собой калитку и больше не оглядывалась. Чичи Донателли покинула дом, чтобы стать той, кем ей было суждено стать, – потому что большой мир мог предложить ей нечто, чего не могли ей дать самые близкие люди.

Когда Чарли и Чичи отъехали от дома, взошло солнце, обрамленное веером золотистых и сиреневых лучей, пробившихся сквозь мохнатые серые облака. Только гараж, в котором окрыленный большими надеждами отец некогда устроил студию звукозаписи, остался в тени, потому что Чичи увозила музыку с собой.

Джимми Арена сидел за пианино в репетиционном зале «Сайбург» в Саут-Бенде, штат Индиана, перебирая клавиши и что-то отмечая на нотной партитуре. Он был самым молодым в новом поколении руководителей биг-бэндов и твердо намеревался встряхнуть музыкальную сцену своим новаторским подходом.

Джимми нравилось устраивать эклектичные шоу, где инструментальные свинговые интерлюдии подлиннее пикантно перемежались комедийными сценками, выступлениями сестер-певичек

и танцевальными номерами. Близоруко прищурившись на ноты, он откинулся на стуле и раскачивался на его задних ножках, приподняв ступни, – в этом положении он походил на дрессированного тюленя, взгромоздившегося на цирковую тумбу. На носу маэстро сидели очки в роговой оправе. Его густые каштановые волосы были гладко зачесаны назад, а на локтях вельветового пиджака красовались декоративные кожаные заплаты. Общий образ напоминал загадочного профессора-оригинала, эдакого симпатичного философа, который еще и на саксофоне отлично играет.

Чичи стояла в дверях, переживая, будто школьница на пороге нового класса в первый день учебного года. Она поискала глазами единственное знакомое лицо – Саверио Армандонаду (Тони Арма, напомнила она себе), который и сам несколькими днями ранее присоединился к ансамблю в качестве нового солиста. Ли послала его вперед репетировать те песни, которые ему предстояло исполнять в одиночку. Чичи наняли как гвоздь оригинальной программы, и Ли устроила так, чтобы она могла приехать немного позже.

Чичи не нашла Тони в зале, хотя у ребят из оркестра был перерыв. Несколько музыкантов курили, другие настраивали инструменты, делали пометки в нотах, а еще двое заигрывали с хорошенькими танцовщицами, репетировавшими номер.

Когда режиссер-постановщик позвал оркестр обратно на репетицию, Чичи пробралась сквозь толпу и представилась ему.

– Танцовщица? Певица? Или что? – нетерпеливо гавкнул он, подавая оркестру и девушкам знак возвращаться на свои места.

– Я певица. И автор песен. Я исполняю шуточные песни и комические диалоги с Тони Армой.

– Ступайте в репетиционный зал А, вниз по коридору.

Чичи вышла из зала, с облегчением переводя дух. Она пошла вдоль коридора, заглядывая в каждую студию через окошки на дверях, и задержалась, увидев за одной из дверей шеренгу рослых и дюжих парней, пытавшихся выполнять балетные движения у станка. Чичи застыла, не в силах оторваться от их версии глубокого плие. Получалось неважно, и зрелище было презабавное.

– Чем могу быть полезен? – раздался у нее за спиной неприветливый мужской голос.

– Мне нужен зал А.

– Вам не сюда.

– А кто эти балерины?

– Это нападающие футбольной команды из Нотр-Дама. Тренер считает, что им не хватает грации.

– Ну и как?

– Получится – скажу.

Чичи продолжала свой путь по коридору, пока наконец не нашла зал А. Она постучала в дверь и с радостью, смешанной с облегчением, увидела, что ей открыл Тони.

– Добро пожаловать на гастроли, Чич. Как прошло путешествие?

– Дорога была длинная. – Она сняла шляпку и оглядела студию. – Но поезд мне понравился.

– Увы, дальше только автобусом.

– Ничего, справлюсь.

– У тебя ноты с собой? Джимми хочет, чтобы мы спели «Скалку моей мамаше» уже в Элькарте. У нас есть сутки на подготовку.

Чичи села за пианино, открыла папку и развернула ноты. Она немного побренчала, разогревая пальцы.

– Давай просто споем ее пару раз и тогда уже посмотрим, как оформить номер. Хорошо?

– Можно и так. – Тони встал у нее за спиной.

Чичи аккомпанировала, а Тони пел свою партию, когда в комнату ворвался режиссер-постановщик.

– Мы потеряли сестер Ратледж! Судя по всему, Синтия запустила в Джейн телефоном в гостинице «Моррис», и та ушла с гастролей.

– Лучше уж телефон, чем кухонная скалка, – проворчал Тони, не отрываясь от нот.

– А может, введем комедийный номер – мужской балет? – предложила Чичи.

– Что? Где я вам это возьму? – Режиссер вопросительно посмотрел на Тони: – Кто эта девчонка? – Он перевел взгляд на Чичи: – Ты чокнутая, что ли?

– Просто я только что видела нечто забавное. Куча парней, которые совершенно не умеют танцевать, но очень стараются. Послушайте. Оркестр играет что-то в этом роде, – она отбарабанила импровизацию на классический мотив, которая вдруг перешла в свинг. – Просто как идея для музыкального сопровождения. Берете

пару ребят из оркестра, и пусть танцуют балет – получится, конечно, ужасно, но зато, когда они перейдут на свинг, будет здорово. Такая забавная увертюра к чему-то еще, или можно продолжить в том же духе. Ну, я могу что-нибудь еще придумать, например. Если мистеру Арене понравится.

– Пойду поговорю с Джимми, – бросил режиссер, выходя из зала.

– На чем мы остановились? – спросила Чичи у Тони.

– На перекрестке богатства со славой, – пошутил Тони.

– Ты пой давай.

– Нет, я серьезно. – Он наклонился поближе к нотам через ее плечо. От ее волос веяло свежим ароматом мяты и ванили. – Значит, теперь ты называешь меня Тони?

– А разве на афише написано не так?

– Ну да, но мы ведь старые друзья.

– Послушай, я только что приехала. Не заигрывай со мной, итальянец. У меня вся одежда измята, и я проголодалась. Я вовсе не чувствую себя богатой и знаменитой. Хочу просто по возможности не потерять эту работу.

– Гляди, – Тони протянул ей телеграмму. – *СММ 67 в XII. WABC ее сыграло 7 раз за день. ЛБ.*

– Когда это произошло?

– Пока ты ехала в поезде.

Чичи низко склонила голову.

– Ты молишься, что ли? – удивился Тони.

– А тебе какая разница?

– Ты ведь молилась, чтобы сюда попасть. И попала. Дальше можно не молиться.

– Мне бы хотелось, чтобы здесь был мой папа.

– А, понимаю.

– А ты напишешь об этом своим родителям?

Тони уселся рядом с Чичи на банкетке у пианино.

– Давай договоримся: я не спрашиваю о твоих личных делах, а ты не спрашиваешь о моих.

– Глупости. Мы ведь знакомы с семьями друг друга.

– Я имею в виду, помимо взаимных приветов и прочих приятностей.

– Но почему? – спросила Чичи.

– Я не хочу о них говорить.

– Тогда с кем же ты поделишь радость, Саверио? – спросила Чичи, открывая ноты и устраивая их на подставке. – То есть, я хотела сказать, Тони?

Прежде чем он успел ответить, в комнату вошло танцевальное трио. Все девушки, профессиональные танцовщицы, были хороши собой, длинноноги и готовы на все.

– Нас прислал старина Тут, он что-то болтал о новом номере, – сообщила главная, Ширли.

– Секундочку, девушки. Вы мне можете понадобиться, чтобы *разделить мою радость*, – сказал Тони, выразительно глядя на Чичи, которая его проигнорировала.

Ширли нахмурилась:

– Это что, новый танец из Саут-Бенда? Странное название – «Раздели мою радость».

– Всё лучше, чем «Скользи, мой клещ»^[55] из Дулута, – пожала плечами Руби. – Ну, давайте, какие там па?

Чичи работала, распахнув настежь окно своего номера. Гостиница «Лора» в Элькарте, штат Индиана, была скромно обставлена, но содержалась в чистоте. Свежий ветерок пошевелил разложенную на столе бумажную клавиатуру, перелистнул страницы нотной тетради. Чичи решила, что пора собрать клавиатуру и отложить ее вместе с тетрадью. Она проголодалась, а день выдался утомительный.

Прежде чем семейство Донателли унаследовало пианино от одной из кузин Изотты, Чичи брала уроки дома у Кэтлин Суини на ее кабинетном «Стейнвее». Но дома она не могла заниматься, так как у Донателли тогда еще не было пианино. Тогда Мариано изготовил для дочери копию клавиатуры, нарисовав ее черной краской на толстой оберточной бумаге. Чичи научилась слышать ноты в уме, когда играла на бумажном пианино. Много лет спустя, начав сочинять песни и уже имея возможность сидеть за настоящим инструментом, она зачастую все же предпочитала делать это при помощи бумажных клавиш, чтобы не мешать семье своей игрой.

Чичи никогда еще не доводилось готовить на электроплите, но она решила попробовать сварить спагетти. Гастроли продлятся несколько

месяцев, и совершенно невозможно оставаться все это время без макарон.

На стойке регистрации ей одолжили кастрюлю, еще кое-какую утварь и большое блюдо. В собранной Барбарой корзине лежали основные продукты, которые не переводились в домашней кладовой Донателли: пачки сухих макарон, бутылка оливкового масла, консервированный домашний томатный соус, банки с маринованными перцами, флакончики со специями и травами, здоровенный кирпич зрелого пармезана, головка чеснока, бутылочка вина, жестяная коробка с печеньем и еще одна с крекерами в виде крендельков, которые при необходимости могли заменить хлеб, и пачка молотого кофе. Барбара обещала регулярно пополнять запасы и присылать новые продукты на пути следования оркестра.

Чичи дождалась, пока вода в кастрюле заклокотала, опустила макароны и сварила их почти до готовности, помешивая время от времени, а потом процедила, как смогла, при помощи шумовки и крышки от кастрюли. Дальше спагетти ненадолго вернулись в кастрюлю, а кастрюля – на огонь, чтобы испарилась остаточная влага. Затем Чичи переложила пышущие паром горячие макароны в миску, накрыла крышкой и занялась соусом. Она мелко нарезала зубчик чеснока и слегка обжарила на сковороде. Чеснок заплясал в горячем оливковом масле, и этот запах напомнил ей о доме. Залив чеснок томатным соусом из банки, она довела его до кипения, затем сняла сковороду с плиты. Чичи уже перемешивала макароны с соусом, когда в дверь постучали.

– Секундочку! – отозвалась Чичи и подбежала к двери. Не снимая цепочки, она приоткрыла дверь и выглянула наружу.

– Эй, это я, – слышался голос Тони. – Хочу тебя кое с кем познакомиться.

Чичи вытерла руки привезенным из дома кухонным полотенцем и сняла цепочку.

Тони ввел в комнату очень эффектную молодую женщину.

– Это Далила Энтвистл. Наша солистка, – пояснил он.

Далила была сероглазой шатенкой с бледной, будто подернутой золотистой пылью кожей. На ней было закрытое платье из лилового шелка с позолоченным пояском. Чичи очень понравилось ее чувство стиля.

– А откуда вы родом? – спросила Чичи.

– Есть такое милое местечко, Дорсет называется. В Англии. Недалеко от побережья. – Далила разговаривала с очаровательным британским акцентом.

– Я тоже! В смысле, я тоже из городка на побережье. В Нью-Джерси.

– И как они только здесь живут? – удивилась Далила. – Ведь в Индиане нет моря.

– Зато есть озера, – заметил Тони.

– Да ну тебя с твоими озерами! – шутливо отмахнулась Чичи. – Тони будет рекламировать вам Великие озера, но я сама решу, насколько они велики, когда увижу собственными глазами. Ребята, вы есть хотите?

– Страшно хочу, – признался Тони.

– А я вообще с ног валюсь от голода, – сказала Далила.

– Тогда несите тарелки, я настряпала достаточно.

– Вы уверены, что мы вас не стесним? – спросила Далила.

– Никакого стеснения, в компании есть веселее.

– Пахнет совсем как дома, – признал Тони.

– Это так здорово! – захлопала в ладоши Далила.

В дверь просунули головы пара ребят, игравших в оркестре на духовых.

– Кто это тут готовит? – полюбопытствовали они.

– А вы как думаете? – ухмыльнулась Чичи.

– Хватит на всех? – обеспокоенно спросил Тони.

– На всех всегда хватает, – рассмеялась Чичи. – И я могу приготовить еще.

– Бегом за тарелками, парни, – велел Тони.

По гостинице быстро распространился слух, что в номере 202 можно найти пожевать и вечеринку. Вскоре комната Чичи заполнилась кучей народа, жаждущего компании и домашней стряпни.

– Смотри, Чичи, – сказала вернувшаяся со стопкой тарелок Далила, – я принесла десерт. – Она поставила на стол жестяную коробку с шотландским песочным печеньем.

Танцевальное трио принесло масло и багет, Тони нашел у себя в комнате бутылку вина, а тромбонист Кэл дополнил трапезу банкой соленых цуккини и маленькой баночкой маринованных грибов.

Чичи наварила еще спагетти. Каждую макаронину поглощали с аппетитом. Стоя за плитой, она познакомилась с Мортм Лаком из Милуоки, игравшем на нескольких разных трубах, с Бобби-трубачом, Биллом-скрипачом и танцовщицами Ширли, Бесс и Руби. После ужина к ним присоединились еще несколько музыкантов – клавишные, ударные, виброфон.

– А я-то боялась, что мне будет одиноко, – посмеялась Чичи, полоща кастрюлю из-под макарон в крошечной раковине.

– О нет, эти ребята тебе понравятся. Они славные, – заверила ее миниатюрная танцовщица Руби.

– Правда, Джимми заставляет нас трудиться до седьмого пота, но что с того? – добавила Ширли, ослепительная блондинка.

Как раз когда Чичи уже начала сомневаться, станет ли она когда-нибудь частью коллектива, она ею стала. SRO-Оркестр развлекался. В углу у окна Тони и Далила были погружены в беседу, близко наклонившись друг к другу.

– Эти двое уже парочка, – кивнула в их сторону Руби.

– Да уж, – Чичи даже не удивилась. – Тони Арма у нас настоящий южный герой-любовник, пусть он и из Мичигана.

– Да они везде, – сухо заметила Ширли. – Но англичаночку лучше бы предупредить.

– Она справится, – отмахнулась Руби. – Это не первый ее дуэт.

На другом конце комнаты Морт крикнул:

– Эй, ребята! Тут по радио вас только что упомянули. Тони и Чичи... Кажется, называется «Сколько стоят гамаша»?

– «Скалка моей мамаша»! – поправила его Чичи.

– Ну чего ты хочешь, эфир же в Чикаго, далеко – не расслышать, – оправдывался Морт.

Вся компания собралась вокруг радио, чтобы послушать песню в исполнении Тони и Чичи. Далила и Тони тоже к ним присоединились. Чичи посмотрела на Тони и дружески кивнула ему, как партнер партнеру. В комнате стало тихо, и только песня с шипением и треском доносилась из небольшого радиоприемника, выкрученного на всю доступную ему громкость. Музыканты прикрыли глаза и подались вперед, сосредоточившись на мелодии. Бодрый ритм передался изящным танцовщицам. Девушки приплясывали, согнув колени и

бесшумно прищелкивая пальцами, пока голос ведущего не разрушил чары:

– Вы слушали «Скалку моей мамы». Эта шуточная песенка покорила Восточное побережье, а сейчас шествует по Великим озерам и Среднему Западу. Прелесть в ритме свинга – такова песня в исполнении Тони и Кики.

– Чичи, – проворчала Руби.

– Этот шлягер в шуточном жанре, – продолжал ведущий, – идет в гору в хит-парадах и уже вышел на шестьдесят седьмое место. Запись произведена на «Студии Д» в Си-Айл-Сити, штат Нью-Джерси.

Чичи надеялась, что ее отец, где бы он ни был, слышал эти слова.

Тони обвил рукой талию Далилы. Второй рукой он приобнял Чичи за плечи.

– У нас получилось, Чич! Неплохо звучит.

– Да, вполне, – вежливо согласилась Чичи.

Но на самом деле она не была довольна. Пока песня играла в эфире, Чичи только и делала, что подмечала недостатки. Будь у нее возможность, она бы многое изменила в том исполнении – теперь, обкатав песню на гастролях, она это понимала. Оставалось надеяться, что песня окажется достаточно хорошей, чтобы привести к следующему шансу продвинуться, но это был шоу-бизнес, и Чичи не особо ожидала поблажек. Если новый шанс и появится, то лишь благодаря везению, причем крупному, а его могла им предоставить только судьба.

Чичи посмотрела на часы. 4:30. Ей не спалось. Вместо того чтобы все же попытаться уснуть, она зажгла ночник. Подобная бессонница означала, что в голове начинает зарождаться новая песня. Поэтому она поставила на плиту кофеварку, разложила бумажную клавиатуру и приготовила нотную тетрадь. Затем набросила ночной халат и туго завязала пояс.

Чичи приоткрыла окно и, к своему удивлению, обнаружила на подоконнике снег – густой, как мыльные хлопья для стирки «Айвори», лежавшие в ее багаже. Получалось, любимый Барбарой «Альманах фермера» не обманул. Надо будет написать сестре, что ее прогноз погоды сбился. Чичи взяла с наружного подоконника бутылочку сливок, встряхнула ее и налила немного в чашку.

Комнату заполнил запах свежего кофе. Куда бы судьба ни заносила Чичи, кофейный аромат всегда превращал это место в дом. Она налила дымящуюся темную жидкость поверх сливок и размешала, развернула сверток с оставленной с вечера горбушкой багета и положила ее на тарелку. Усевшись на стул, девушка расстелила на коленях салфетку, намазала хлеб маслом и обмакнула его в горячий кофе со сливками.

Здесь, в Элькарте, штат Индиана, в старом пансионе для приезжих, в чистом, скромно обставленном номере, где для создания уюта в ее распоряжении было не более чем окно, электроплита, кровать, стул и стол, имея лишь самый простой завтрак, Чичи чувствовала себя совершенно счастливой. Счастливее она еще никогда не была в жизни. Впереди ожидало много часов работы. Ей предстояло провести день, занимаясь творчеством – сочиняя песню, которая, хотелось надеяться, окажется хорошей. Все, что ей требовалось, это карандаш и бумага. Остальное зародится в ней самой, в ее обновленном за ночь воображении. Она хорошо отдохнула, выспалась и была готова снова творить. Эти тихие предрассветные часы, когда весь мир еще спит, для писателей просто подарок.

В окне вырисовывался Элькарт, рельефно вырезанный на гладких полях Северной Индианы, такой прекрасный, что щемило сердце. Землю припорошило белым, а путаница старых дорог лежала на этом сверкающем фоне голубой ажурной сеткой. С неба падали будто крохотные алмазные кинжалы, в утреннем свете казавшиеся пурпурно-лиловыми, как королевские одежды. Вид за окном подал Чичи идею, и она начала писать:

*Бедная Далила, знает ли она?
Доедены консервы и казна пуста,
Бедная Далила, куда ни гляди —
Закончились принцы, лягушек пруд пруди.*

Чичи наиграла мелодию на своем пианино из оберточной бумаги, затем записала ноты в тетради. Сунув карандаш за ухо, она снова сыграла на беззвучных клавишах. Припев она тихо напевала *а капелла* – слова сами приходили одно за другим.

*Знает королева цену себе,
Даже если муж ее – вовсе не король.
Пусть бросит она дом, семью и друзей,
Если ей так хочется, решать ей одной.
Жизнь свою по ветру пустит – ну и что?*

Руки Чичи задержались над клавиатурой, пока не придумались слова:

И плакать ей тоже никто не запретит.

Она торжествующе вскинула руки, затем снова дотронулась до нарисованных клавиш и допела:

*Что же поделать, такова жизнь,
Если ты влюбилась в полного осла.*

Чичи перечла текст и только тогда поняла, о ком она это написала. Она стерла имя «Далила» и заменила его на «Мария».

6

1941–1942

Dolcemente^[56]

Чичи взяла «Чикаго трибьюн» со стойки регистрации отеля «Дрейк», открыла газету и листала ее, пока не нашла рецензию на выступление своего ансамбля в «Дэнни Галлоуэй представляет», новом ночном клубе у озера.

Джимми Арена влетел в Чикаго со своим SRO-Оркестром на струнах скрипки и проехался на метро на тяге лучших духовых, которые мы здесь видели с тех пор, как Гай Ломбардо^[57] весной побывал у нас на гастролях. Примечательны очаровательная Далила Энтвистл и комедийная зарисовка с балеринами на деревянных духовых и характерной певицей Чьи-Чьи.

Чичи посмеялась написанию своего имени (похоже, не родился еще журналист, способный правильно его воспроизвести) и вырвала лист, чтобы отправить Люсиль, та добавит его к своей стопке газетных вырезок с рецензиями со всей страны. Когда у сестры найдется время, она наклеит их в альбом, который уже распирало от рецензий из каждого селения, способного соорудить хоть какое-то подобие сцены, – от джерсийского побережья до самого Феникса.

Джимми Арена и его SRO-Оркестр уже четыре раза продлевали свои первые гастроли, стартовавшие осенью 1939 года. То, что начиналось как трехмесячная программа выступлений, превратилось в поистине бесконечное турне. Ангажементы сыпались как из мешка, и ансамбль процветал. Если от них уходил трубач, немедленно появлялся другой, и так было со всеми музыкантами – ударниками, медными и деревянными духовыми, струнными. Однако, даже несмотря на замены и приток свежей энергии, постоянные разъезды начинали плохо отражаться на основном составе.

Чичи вдохновлялась опытом кочевой жизни и выступлений, чтобы в свободное время сочинять как можно больше песен, а когда не сочиняла и не выступала, шила. В начале этого года она даже написала Барбаре: «Не присылай продуктов, лучше отправь мне отрез тафты!»

Чичи сложила газету. Она направлялась к лифтам в глубине вестибюля, когда из одного из них вышла Далила Энтвистл. Одетая в пальто мягкого коричнево-рыжего оттенка, с бархатной шляпкой в тон и болтавшейся на запястье сумочкой, Далила смотрела прямо перед собой и дрожащими руками натягивала перчатки. За ней следовал носильщик с тележкой, на которой громоздился багаж солистки.

– Куда ты, Далила? – спросила Чичи.

– На восток. Буду ехать на восток, пока поезд не остановится на самом берегу Атлантического океана.

– Ты уходишь из ансамбля?

– Я не могу здесь оставаться.

– Что случилось?

– Спроси у мистера Армы.

– Что он такое сделал?

– А чего он только не делает с каждой встречной продавщицей, официанткой и старшекласницей?

– Мне очень жаль. Прости. – Чичи чувствовала, что ей следует извиниться за Тони. Как-никак на сцене она была его второй половиной.

– Мне и самой жаль, – вздохнула Далила. – Мне нравился оркестр. И ты мне тоже нравилась.

– Ты поешь как английский жаворонок, просто чудо что такое. Мне ужасно неловко, что так вышло. Могу ли я что-нибудь для тебя сделать? Хочешь взять ноты от своих песен?

– Оставь их себе. Никогда в жизни больше не стану петь твою «Марию». Хоть песня и прелестная. – Далила направилась было к двери, но вернулась. – Знаешь, все эти песни, которые ты пишешь...

– Да?

– Попробуй написать песню для тех, у кого сердце разбито. А то ты расхваливаешь счастье, но все это неправда.

Чичи проводила взглядом Далилу, пока та не исчезла в крутящейся двери отеля. Швейцар остановил такси на Мичиган-авеню, с помощью носильщика погрузил в него багаж Далилы и усадил ее в

автомобиль. Водитель захлопнул багажник, запрыгнул на свое место и выехал на дорогу.

Чичи была в ярости. Внезапный уход Далилы означал, что придется репетировать с новой солисткой, писать для нее новые песни и менять аранжировку старых по голосу и диапазону новой певицы, – и все это лишь потому, что Тони не может устоять перед девушками, неспособными устоять перед ним. Она целый год не затрагивала этой темы, но теперь будет вынуждена поговорить по душам со своим *paisano*^[58]. Должен же кто-то это сделать. Настало время Тони Арме наконец-то повзрослеть.

В дверь номера Чичи негромко постучали.

– Войдите, – сказала Чичи, мешая суп в кастрюльке.

– Ты занята? – В дверном проеме маячил Тони.

– Да, занята. Я вынуждена сочинять новую вводную песню, потому что Далила от нас ушла. – Чичи выудила из банки маринованный огурец и положила его на тарелку рядом с только что сделанным сэндвичем с маслом и ветчиной. – Молодец, Валентино!

Тони вошел в номер и закрыл за собой дверь.

– Она просто чересчур болезненно отреагировала.

– Ты так считаешь? – Чичи вручила ему салфетку и сделала знак садиться.

– Это истинная правда. – Он сел и накрыл салфеткой колени.

– Всегда виноват кто-то другой, да?

– Разве ты не на моей стороне?

– Уже нет.

Она протянула Тони тарелку с сэндвичем и огурцом.

– Это же твой ужин, – возразил он.

– Я не голодна. Бери и ешь. Тебе нужны силы, – скомандовала она и язвительно добавила: – Судя по всему.

Чичи сбросила открывалкой крышку с бутылки с холодной сарсапариллой^[59] и поставила ее на стол.

– Ты ужасно плохо со мной обращаешься, – пожаловался Тони, отпивая из бутылки.

– А ты ужасно глупо себя ведешь.

– Ты ранишь меня в самое сердце.

– До тебя вообще доходит, о чем речь? – Чичи разлила густой томатный суп по кружкам, разорвала пополам багет, протянула половину Тони и поставила суп на стол между ними.

– Ну ладно, признаю, я идиот, – согласился Тони.

– Хорошо, продолжай, – кивнула Чичи, отхлебнув супа.

– Вместо того чтобы сказать девушке, что между нами все кончено, я ей это показываю.

– Далила уж точно предпочла бы честный разговор, вместо того чтобы к ней выстроился целый кордебалет из разнообразных девиц, спешащих сообщить, что они были с ее парнем втайне от нее. Я не знаю, что именно ты натворил, но этим утром она проснулась униженной и растоптанной.

– Об этом я сожалею.

– Неужели? – Чичи сверлила его взглядом.

– Не смотри на меня так этими своими глазами.

– Других у меня нет.

– Далила хотела, чтобы мы поженились, – выдавил Тони.

– Она в тебя влюбилась, – покачала головой Чичи.

– Ну да, так она и сказала.

– Тогда она ни в чем не виновата.

– Наверное, нет, – согласился Тони. – Но я-то не был в нее влюблен.

– У твоей проблемы имеется очевидное решение, – заявила Чичи.

Тони наклонился вперед, с нетерпением ожидая услышать, что это за решение такое.

– Правда? – с надеждой спросил он.

– Не веди себя как влюбленный, когда это не так.

Он улыбнулся.

– Ну да, тогда все стало бы очень просто.

– Вот-вот. Правда, половина женщин, покупающих билеты на наши выступления, остались бы с разбитым сердцем. Как удачно, что мы ездим на автобусе.

– Я вовсе не такой подлец, – обиженно сказал Тони, отодвигая суп и пересаживаясь на диван. – Ну вот, снова эти глазищи. Тебя послушать – выходит, будто со мной что-то не так.

– Я уверена, что где-то существует планета, континент, страна, город, поселок или хотя бы столик в какой-нибудь забегаловке, где

люди вроде тебя и подобное поведение считаются допустимыми. Но это место – не Чикаго.

– Если ты дашь мне вставить хоть слово, то, возможно, сможешь мне помочь. Понимаешь, мне нужна помощь. – Тони откинулся на спинку дивана. – Со мной действительно что-то не так.

– Что именно?

– Я ничего не чувствую, – тихо признался он.

– Ничего?

– Ничегошеньки.

Чичи отставила свою кружку с супом, подошла к дивану и села рядом с Тони.

– Но ведь так будет не всегда, – мягко сказала она.

– Откуда ты знаешь?

– Кочевая жизнь подходит не всем. Тебе, например, не подходит.

Ты несчастлив.

– О счастье я даже не помышляю.

– А по мне, ты кучу времени проводишь в поисках счастья.

– А где еще его найти, как не в ком-то другом?

– Надо уяснить для себя, чего ты хочешь. И не надо мне говорить, что ты просто хочешь провести время с красивой девушкой. Этого недостаточно. Возможно, ты все не так понимаешь. Однажды ты войдешь в счастье, как в бар, и как только окажешься там, оно будет принадлежать тебе. Думай о счастье как о настоящем месте, как о сцене в пьесе. Ты знаешь, где дверь, где стулья, ты сам разместил окно и стол. На столе ваза с розами, в окно светит солнце. Как только ты туда войдешь, ты это поймешь, потому что сам создал это место в своем воображении, в своей душе. Если ты попробуешь представить себе все таким манером, то, возможно, поймешь, что для счастья тебе требуется дом с деревьями, двором и симпатичной женой, которая будет о тебе заботиться. Быть может, когда ты устроишься в этом месте, о котором мечтал, и у тебя будет все, что тебе требуется, чтобы чувствовать себя надежно и защищенно, ты перестанешь гоняться за юбками в поисках этого чувства. А если ты идешь на свидание с девушкой в поисках счастья и ожидаешь, что она возьмет и даст тебе это неведомое счастье, это не сделает тебя счастливым. Тебе нужно решить, что именно для тебя значит счастье, прежде чем пускаться на его поиски.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнула Чичи.

– Так-так, вы тут готовите? – Морт, лощеный саксофонист и флейтист-пикколо родом из Милуоки, выразительно потянул носом. – Да-да, точно готовите. – Его напوماженные черные волосы были зачесаны назад, развязанный галстук-бабочка висел по обе стороны белоснежного накрахмаленного воротничка. – В коридоре пахнет так, как будто вот-вот подадут первое.

– Суп мы уже съели, – виновато сказала Чичи.

– На, возьми остаток моего сэндвича, – протянул ему тарелку Тони.

Морт сел на диван и откусил.

– Вкуснятина, – заключил он.

Тони встал и натянул смокинг, который, придя к Чичи, снял.

– Постой минутку. Я хотела попросить тебя об одолжении, – сказала Чичи.

– Не уступай ей, Тони, дружище. Не делай этого. Здесь кроется ловушка, – поддразнил его Морт. – *Постой минутку* – эти два слова могут развязать войну или, по меньшей мере, заставить мужчину купить не ту шляпу.

Чичи его проигнорировала.

– Моя подруга Рита выходит замуж в Си-Айле в следующем месяце, – продолжала девушка. – Ты бы не мог пойти на свадьбу вместе со мной?

– Аж в Нью-Джерси? – состроил гримасу Морт.

– Я же не тебя прошу повезти меня туда аж из Милуоки, Морт.

– Даже если бы попросила, ничего бы не вышло, зайчик. На время отпуска меня ждет Бетти, а она аппетитная штучка.

– Я буду в Нью-Йорке, – сказал Тони.

– Совсем рядом с Джерси, – с надеждой сказала Чичи.

– А у тебя что, парня нет? – спросил Морт.

– У нее столько ухажеров, что она всё никак не может выбрать, – ухмыльнулся Тони. Это была их старая шутка.

– Ничего удивительного, – важно кивнул Морт. – Слушай, Чичи, ведь любой парень из оркестра готов проехать шесть-семь кварталов, только бы сопровождать тебя на эту свадьбу.

– Ну да, спасибо.

– Я просто хочу сказать, что ты можешь найти себе кого-то получше этого жлоба.

– Эй, я же отдал тебе свой сэндвич, – напомнил ему Тони.

– От этого я не перешел на твою сторону, а всего лишь наелся.

– Ах ты нахлебник!

– Я бы не стала тебя просить, будь у меня другой выход, – объяснила Чичи. – Но все знакомые парни ушли в армию. Кузен, с которым я обычно танцую, Никки Палермо, он из Хазлета, женился, и его жена Дианна не позволит ему кружиться с девушкой моложе семидесяти двух. Так что я потеряла своего партнера для линдихопа^[60].

– Какая трагедия! – Морт переглянулся с Тони и закатил глаза. – Ради бога, Тони, походи с этой девчонкой на свадьбу, не то она не отстанет со своими захватывающими рассказами о родичах в Пляже-на-Воде.

– Вон из моего номера, Морт. – Чичи показала на дверь.

– Пока, Чичи. За ветчину спасибо, – помахал рукой Морт, выходя из комнаты.

– Прости, но я не могу пойти с тобой на свадьбу, – сказал Тони, кладя тарелку в раковину. – Я пообещал Эрву Рейблу выступить в его новом клубе в Нижнем Манхэттене.

– Моя мать будет очень разочарована.

– Вот те самые слова, которые мечтает услышать каждый мужчина. – Тони развесил кухонное полотенце по краю раковины.

– Ну ведь так и есть, она действительно будет разочарована. Я ей сказала, что собираюсь тебя пригласить.

– А ты сама?

– Что – я сама?

– Ты разочарована, что у меня не получится приехать?

– Конечно. Мы бы здорово повеселились.

– Почему это?

– Это ведь итальянская свадьба. А ты итальянец. Ты же знаешь – веселее, чем на итальянской свадьбе, не бывает нигде. По крайней мере, я так считаю. Ладно, забудь. – И Чичи улыбнулась.

– Увидимся в клубе, – сказал Тони. – Запри за мной дверь, ладно?

Чичи заперла дверь. Она вымыла посуду в своей тесной раковине и переложила ее на сушилку. Затем проверила ногти. Несмотря на

воду, красный лак еще неплохо держался.

Чикаго – город важный. Чичи знала, что этим вечером Джимми Арена попросит ее выступить вместо Далилы, а значит, стоит надеть лучшее шифоновое платье. Надо будет его отутюжить и отпарить оборки на подоле. Это платье выглядело невыразительно, если не позволить ткани колыхаться. Кроме того, сегодня эффектный наряд на солистке имел особое значение. Требовалось приподнять настроение ансамбля. Каждый раз, когда Тони Арма разбивал сердце очередной девушки, взрывная волна затрагивала всех, кроме него самого.

В День святого Валентина 1942 года в павильоне на променаде в Си-Айл-Сити яблоку негде было упасть, когда только что обвенчанные мистер и миссис Дэвид Озелла вошли через барные двери и прошли под балдахином из цветочных букетов, которые держали над ними двенадцать подружек невесты, – в их роли выступали девушки из отделочного цеха «Джерси Мисс Фэшнз». Чичи была свидетельницей со стороны невесты.

Казалось, весь город собрался на «футбольную» свадьбу. Всё устроили чин чинном, как положено. Субботним утром, после венчания на торжественной мессе в церкви Святого Иосифа, на церковном крыльце сделали официальные фотографии. Это заняло довольно много времени – и Мильницки-Милликсы, и Озеллы были большими семьями. Зато уже успевшие сфотографироваться гости получили возможность заскочить до свадебного приема в дом Милликсов и полюбоваться на выставленные в столовой подарки.

Кузины Риты обносили гостей кофе и печеньем, а гости расхаживали по столовой, разглядывая все богатство – вязанные крючком салфеточки, простыни, обшитые кружевом ручной работы, салфетки под приборы, вышитые скатерти, столовые салфетки с монограммой, солидный набор кастрюль и сковородок, изящный фарфоровый чайный сервиз фирмы «Ленокс», тонкий фарфор, столовое серебро фирмы «Веджвуд», девять кувертов, в том числе один подаренный девушками с «Джерси Мисс Фэшнз», электротостер на четыре ломтика хлеба, миксер, пылесос фирмы «Электролюкс» и вставленное в рамку свадебное благословение от папы Пия X. У молодоженов было все необходимое для начала совместной жизни и приличного воскресного обеда.

Стоявшие возле двух корзин с горой сэндвичей парни спрашивали у каждого проходившего мимо гостя: «С ветчиной или с ростбифом?» Это племянники жениха получили задание раздавать сэндвичи, бросая их гостям согласно запросу, потому такая свадьба и называлась «футбольной».

Для приема дамы из церковной общины приготовили холодные закуски – итальянские салаты, копчености, фруктовый салат. В центре каждого столика вокруг танцпола стоял поднос с польским и итальянским печеньем – творение женщин из семей Мильницки и Озелла.

Музыку обеспечивали «Фил Коста и его Невероятный Биг-Бэнд» из Бетпейджа на Лонг-Айленде. Гости постепенно наполняли тарелки и садились на отведенные им места. Детей ожидали бочонки с березовым пивом, а для взрослых пиво было самое настоящее, также на каждом столе стояли кувшины с домашним вином. Украшенный масляным кремом белоснежный свадебный торт на семь коржей смотрелся истинным шедевром кондитерского искусства. На его макушке красовались миниатюрные фигурки невесты в кружевном платье и жениха в военной форме – намек на предстоящую Дэвиду службу в армии, которой предстояло начаться сразу после короткого медового месяца в Нью-Йорке.

Чичи отогнула целлофан на подносе и свистнула кокосовое печенье. К ней присоединились Барбара и Люсиль.

– Тибришь печенье, совсем как в прежние времена, – улыbnулась Люсиль, тоже угощаясь.

– Ты к нам надолго? – спросила Барбара.

– У меня неделя отпуска.

– И все?

– Люсиль, мне и с этим очень повезло.

– Просто мы тебя почти не видим. Ты каждый вечер уходишь на свидание с Джимом.

– А что тут удивительного? – сказала Барбара, откусывая печенье.

– Он от тебя прямо без ума, Чич, – продолжала Люсиль. – Он никогда еще не пытался по-настоящему добиться девушки, а тебя добивается. Мы на фабрике делали ставки на то, на ком он женится, – ставки так и лежат.

– Он интересный. Учился в колледже, разбирается в бизнесе. У нас с ним много общего, – признала Чичи.

– Просто ты и о сестрах вспоминай, нам ведь тоже хочется проводить с тобой время, – сказала Люсиль, отхлебнув березового пива. – Тебя, конечно, теперь везде крутят по радио, но не забывай, откуда ты родом.

– Не забуду. Я тебе все еще должна двенадцать долларов за ту тафту, – заверила ее Чичи, взяв еще одно печенье.

– Надеюсь, ты сможешь приехать домой, когда малыш родится, – сказала Барбара.

– Какой малыш?

– Ну не мой же! – вскинула руки Люсиль.

– У тебя будет ребенок? – Чичи с восторгом бросилась обнимать Барбару. – А когда ты узнала?

– Была у врача на прошлой неделе, – улыбнулась Барбара.

– Поздравляю! – Чичи вручила ей печенье: – Питайся!

ПеркуSSIONист ударил по барабану, возвещая начало первого танца. Фил Коста наклонился к микрофону:

– Приглашаю жениха и невесту для первого танца. Мистер и миссис Озелла, вперед, в будущее!

Со стороны гостей раздались одобрительные возгласы. Рита и Дэвид вышли на танцевальную площадку. Вскоре Чарли вывел Барбару, а стоявший по другую сторону танцпола парень Люсиль, Фрэнк Коммунале, протянул руку ей.

– Подаришь мне этот танец, Кьяра? – Положительно, Джим Ламарка был самым представительным мужчиной на всем джерсийском побережье, от Атлантик-Сити до Брилля. Высокий и стройный, с густой шевелюрой темных вьющихся волос – таких, как он, девушки с фабрики называли писаными красавцами.

– Подарю, Джим, – ответила Чичи.

Джим смахнул пальцем крошки печенья с ее верхней губы.

– Я уже атаковала подносы с печеньем, – объяснила Чичи.

– Я догадался, – улыбнулся Джим.

– Кокосовые не так уж часто встречаются.

– О да, они появляются только в особых случаях, – сказал Джим, целуя ее. – Это и мое любимое печенье. – Он обнял Чичи и легко закружил ее в танце.

Изотта наблюдала за тем, как ее дочери танцуют со своими молодыми людьми, и воспоминания о Мариано накрыли ее с головой.

– Нелегко тебе придется, – сказала кузина Джузи у нее за спиной. – И мужа рано потеряла, и вот уже дочери начинают жить собственной жизнью.

– Я за них рада.

– Какая мать не была бы рада? Но все равно ведь больно.

Джузи отпила вина, обмакнула в бокал печенье и откусила. Несколько капель вина упали на ее платье, красные, как кровь. Ее скроенное по фигуре платье-рубашка, расшитое золотыми пайетками, с широченными прозрачными рукавами-фонариками, переливалось на свету.

– Мне и правда очень не хватает Мариано, – сказала Изотта.

– Он был славный мужчина. И твои девочки тоже сделали неплохой выбор. У Чарли Калцы диплом младшего специалиста из бизнес-колледжа. Фрэнк Коммунале продает двери и окна – есть ли кто-нибудь, кому они не требуются? А твоя Чичи? Какая фантазия, какой талант! В ее сети попала добыча крупнее некуда – сам Джим Ламарка. За ним ведь все девушки охотятся, только зря. Шесть футов, не меньше, а погляди на лицо – вырезано из мрамора и отпечатано в латуни, как дверной молоток в Первом Национальном банке. Да еще и вежливый. Ты знала, что у него есть диплом по ведению бизнеса? Из Ратгерского университета. Причем ему вовсе не было нужды учиться, он будет работать в отцовских грузоперевозках. И я слышала, что он идет добровольцем в военную авиацию.

– Господи, Джузи, да ты выведала всю его подноготную.

– Надо изучать территорию, Изотта. Когда знаешь территорию, поездка проходит гладко. Не рискуешь нарваться на выбоины. Я правильно понимаю, что Чичи ходила на свидание с Джимом каждый вечер с тех пор, как приехала домой?

– Практически.

– Тогда предсказываю: в твоём будущем маячит кое-кто по фамилии Ламарка.

Оркестр перешел с вальса на линди-хоп. Переключаясь на новый танец, Чичи наклонилась к Джиму.

– Знаешь, если бы ты плохо танцевал, мне было бы куда легче уезжать в Калифорнию, – вздохнула она.

Джим рассмеялся.

– И это мое единственное качество, по которому ты будешь скучать?

Чичи взяла его за руку и увела с танцпола.

– Я слыхала, у тебя целый список качеств, да таких, о каких мечтают все девушки. Ты в курсе, что у нас на фабрике организовали тотализатор – гадают, кого ты выберешь в жены? Кто-то поставил даже на сестер Векьярелли. Говорят, не одна, так другая из них заполучит тебя, прежде чем ты отправишься в армию.

– Все они красавицы.

– Джина влюблена в тебя больше всех.

– Надо запомнить.

– Итальянец высокого роста такая же редкость, как красивый папа римский.

– Папе-то красота ни к чему, – рассмеялся Джим.

Он налил Чичи бокал вина, потом и себе. Они нашли свободный столик у выхода на променад.

– А ты долго еще думаешь гастролировать? – спросил Джим.

– А сколько лет ты будешь служить в военной авиации?

– Три года.

– Я останусь с ансамблем еще на три года. Мне бы хотелось рано или поздно начать писать песни для знаменитых певцов и ансамблей. Сейчас кочевая жизнь мне вполне подходит, но однажды может оказаться, что она перестала мне нравиться.

– Когда выйдешь замуж и появятся дети?

Чичи ненадолго задумалась.

– Никогда не знаешь, что тебе приготовила жизнь, – сказала она наконец.

– И правда, не знаешь, – согласился Джим. – Важно быть готовым ко всему.

– Это так.

– У тебя есть талант, и надо его использовать. Вероятно, ты до конца жизни будешь сочинять песни и исполнять их.

– Надеюсь.

– Это не слишком похоже на то, чем занимаюсь я или большинство людей. Мы поступаем на службу, чтобы зарабатывать себе на жизнь, или же трудимся на семейном предприятии. А у тебя... – Он поискал подходящее слово. – У тебя призвание.

– Наверное, да, но я воспринимаю все это практически. Кто-то ведь должен писать развлекательные песни, ну, ты знаешь, из тех, что исполняют на свадьбах.

– Вроде «Скалки моей мамы».

– Ага.

– Но даже эта песня по-своему тоже о семье. Мы оба принадлежим к народу, у которого вся жизнь сосредоточена вокруг кухонного стола. Вот об этом и речь. – Джим взял ее за руку.

– И почему только мы с тобой не начали встречаться прежде, чем я уехала? – спросила Чичи.

– Пару раз мы ходили на свидания, – напомнил он.

– Ты мне нравился.

– И ты – мне. – Он рассмеялся. – Но сейчас все иначе.

– Из-за войны?

– Или потому что мы стали старше, а наши желания меняются с годами.

– А чего хочешь ты? – спросила Чичи.

– Порядок желаний меняется каждый день, – усмехнулся он. – Для начала надо разгромить немцев. Моя мать переживает за наших родственников в Италии. Там плохо идут дела.

– Хорошо, предположим, мы выиграли войну и ты вернулся домой. Что дальше?

– Отец ожидает, что я начну работать в его фирме, и я могу это сделать – а могу и заняться чем-то другим. Меня интересует недвижимость.

– Меня тоже! Есть в Нью-Йорке один объект, на который я положила глаз. По-моему, это будет дальновидным вложением. Вообще, мне нравится копить в облигациях государственного займа, но хотелось бы расширить портфель инвестиций.

– Не уверен насчет Нью-Йорка. Мне кажется, со временем тамошний жилищный фонд станет все менее востребован.

– Возможно. Но приедем всегда нужно место для жилья. Например, гастролирующим музыкантам – я могла бы сдавать им эту

квартиру. Я хочу купить классическую шестикомнатную – две спальни и две ванные.

– Я вижу, ты уже все решила.

– Нужно думать о будущем. В «Джерси Мисс Фэшнз» работают в основном женщины. Помню, в день получки все обналичивали свои чеки и отдавали деньги мужу, если были замужем, или родителям, если еще жили дома. Иные клали деньги в банк, а некоторые прятали их под матрац, но никто не обсуждал, что с этими деньгами делать и как обеспечить свое будущее. Я никогда не слышала, чтобы женщина упоминала процентные ставки или ценные бумаги. Погляди, как вышло с моей мамой. Мужчины умирают, и часто – молодыми. Женщины остаются одни. Никто не готовит нас к этому. По мне, между мужчинами и женщинами есть только одно различие – кошелек. Когда мы, женщины, все-таки распоряжаемся деньгами, это полагается держать в тайне. Мы украдкой откладываем в копилку или на банковский счет. Как будто ответственное отношение к деньгам, которые ты сама же и заработала, – позор! Я считаю, что это бред. Я гастролирую с кучей мужчин, и мне надо уметь постоять за себя, когда я сочиняю песни, продвигаю их в концертную программу, исполняю их, записываю пластинки, – это постоянная борьба. И, поскольку у меня есть время, я заодно изучаю этих мужчин. И вот что я тебе скажу: вовсе не честолюбие или талант дают мужчинам преимущество над женщинами, а деньги. Так что вот моя философия: дамы, получите право распоряжаться деньгами – и сможете распоряжаться собственной жизнью.

– Кьяра, да ты только что подытожила полный курс бизнес-школы.

Чичи встала и протянула ему руку:

– Пошли, большой Джим. Надо же мне сжечь калории от всего этого печенья.

На танцполе Чичи прислонилась к груди Джима. Его рука легко и естественно лежала в ее руке, а потом он обнял ее крепче, и ей стало просто и спокойно. От его шеи пахло сандаловым деревом, и ей очень нравился этот аромат. Каждый раз, когда они расставались после очередного свидания, она ловила себя на том, что скучает по нему и жалеет, что у них так мало времени.

Чичи вовсе не планировала влюбляться, но понимала, что такие вещи случаются сами собой. А даже если бы ими и можно было управлять, ей бы этого не хотелось. Она закрыла глаза, наслаждаясь танцем, но вдруг по залу разнесся восторженный многоголосый визг, и люди ринулись к входу в павильон. Танцпол опустел – пары побежали посмотреть, в чем там дело.

– Что случилось? – спросила Чичи у Джима. – Неужели уже несут торт?

В зал вошла группа гостей, и в ее центре – Тони Арма, в смокинге, с развязанным галстуком-бабочкой; он явно наслаждался всеобщим вниманием. Гости замолкли, когда окружавшая Тони группа подтолкнула его вверх по ступенькам на эстраду под свет софитов, а приглашенный солист отдал микрофон более знаменитому коллеге. Несколько племянниц жениха, старшеклассницы из семьи Озелла, выбежали вперед, визжа:

– Тони! Мы обожаем слушать тебя по радио, Тони!

Тони в это время перемолвился парой слов с дирижером.

– Леди и джентльмены, – объявил дирижер. – У нас для вас сюрприз. Из самого Нью-Йорка к нам приехал... мистер Тони Арма!

Толпа встретила это объявление свистом и аплодисментами.

Тони наклонился к микрофону:

– Я хочу пожелать моей доброй знакомой Рите Мильнилки, отныне миссис Дэвид Озелла, всего самого лучшего. Дэвид, ты взял в жены умницу и красавицу, которая сделает тебя таким счастливым, что ты просто не будешь помнить себя от счастья. Поздравляю молодых, и да благословит их Бог. Я хотел бы спеть для вас, но мне понадобится помощь какой-нибудь местной девушки. Чичи Донателли, не присоединишься ли ко мне?

– Я его убью, – прошептала Чичи.

– Ступай, – сказал Джим. – У тебя отлично получится.

Гости, многие из которых приходились Чичи друзьями или родственниками, разразились одобрителем свистом и аплодисментами, пока она пробиралась к эстраде под шорох своего голубого платья из тафты. Тони галантно помог ей подняться на сцену.

– Ты же сказал, что у тебя концерт, – прошипела она, изображая улыбку.

– Песню ты знаешь, – только и сказал он.

Скрипач протянул Тони мандолину. Тони сыграл пару нот. Публика затихла. Тони забренчал прелестную мелодию, и павильон погрузился в тишину.

– Эта песня посвящается мистеру и миссис Озелла, – объявил в микрофон Тони.

Чичи прикрыла глаза, узнав вступление к «Когда я стану слишком старым, чтобы мечтать» – шлягеру, написанному Оскаром Хаммерстайном-вторым и Зигмундом Ромбергом. Большинству гостей песня тоже была знакома. Они одобрительно захлопали.

Чичи никогда еще не исполняла эту песню вместе с Тони. Зато ее спела по очереди каждая солистка, выступавшая с ним дуэтом, включая недавно покинувшую их Далилу Энтвистл, которой, по мнению Чичи, она удавалась лучше всех.

Тони запел, и Чичи, взяв на себя роль партнерши, присоединила свой голос к его. За ними постепенно вступил и оркестр: пианино, скрипка и перкуссия соединились в нежный звук, напоминавший очаровательную колыбельную из музыкальной шкатулки.

Голоса Тони и Чичи переплетались, будто золотая нить с серебряной: совершенно разные, спору нет, но у обоих голоса были глубокие, и тембр и тональность одного выгодно оттеняли второй. Звук мандолины Тони был безыскусны, но итальянцам старшего поколения вспомнились времена, когда они еще не покинули родину. Эта музыка ненадолго вернула их домой, в родные деревни на крутых каменистых холмах Южной Италии, среди зеленых полей Венето или у сапфирово-синего побережья Средиземного моря. Песня закончилась, и гости шумно выразили свое одобрение.

Тони попросил дирижера создать фон для следующей репризы кистью по малому барабану. Он подал Чичи знак, и они начали.

– Это твою платице ужасно шуршит, – сказал Тони.

Она раздраженно взглянула на него:

– *Платье*. Если оно доходит до пола, то называется платьем. А не платице.

– Прости.

– Ну ты и *gavone!*^[61] – громко сказала девушка и сложила пальцы в характерном жесте. Гости зашлись от смеха. – Неужто ни одна из твоих бесчисленных подружек не объяснила тебе, в чем разница? –

Чичи посмотрела в сторону зрителей и добавила: – Прошу прощения, монсеньор^[62].

Не обращая на нее внимания, Тони продолжил:

– Я хочу тебе кое-что сказать.

Чичи приложила ладонь к уху и заявила:

– Мне тебя не слышно, платье шуршит.

– Я не для того притащился из самого Нью-Йорка, чтобы ты меня учила дизайну одежды.

– Тогда зачем же ты приехал?

– Видишь ли, Чичи, есть одна песенка, которая все выше поднимается в хит-параде, а написала ее одна юная леди с этого самого побережья.

– О ком это ты, Тони?

– Это я о тебе. – Тони приложил ладонь ко лбу козырьком, ища кого-то глазами среди зрителей. – А где Барбара и Люсиль?

Сестры приблизились к сцене, подталкиваемые товарками с фабрики.

– Поднимайтесь сюда! – крикнула Чичи. – Дамы и господа, без репетиций и прочих проволочек представляю вам мою семью – «Сестер Донателли».

– Вместе с Тони Армой, – добавил Тони.

Толпа громко выразила свой восторг.

По знаку Тони оркестр заиграл «Скалку моей мамаше» в быстром темпе. Гости приготовились танцевать. Во время музыкальной интерлюдии Тони приобнял Чичи, отвернувшись от рамп.

– Они знают эту песню, – сказал он.

– Ее ведь здесь и записали впервые, – ответила Чичи.

– А как же тогда Бристоль в штате Виргиния? Там она тоже имела большой успех.

Квартет исполнил песню так же, как на пластинке, – четырехголосной гармонией, которая произвела мощный эффект. Исполнители поклонились под громкие аплодисменты зала.

Не замедляясь, оркестр заиграл бодрую польку. Павильон снова наполнился радостным возбуждением. Чичи, Люсиль, Барбара и Тони спустились со сцены и присоединились за столиком к другим итальянцам.

– Тони, это было великолепно! – воскликнула Изотта. – Чичи, *bella!*^[63]

Джим поцеловал Чичи в губы.

– Это было шикарно, – сказал он.

– Спасибо, – улыбнулась Чичи. – Тони, это Джим Ламарка.

Джим пожал Тони руку:

– Рад познакомиться.

– Не знал, что у нас бывают такие высокие парни, – пошутил Тони.

– Теперь знаете, – вежливо ответил Джим.

– Можно пригласить вас на этот танец, миссис Донателли? – Тони протянул руку Изотте.

– Конечно, – улыбнулась она, принимая руку Тони и следуя за ним на танцевальную площадку.

– Вы только поглядите, – сказала Люсиль, наблюдая вместе с сестрами, как мать танцует впервые со смерти отца. – А он ловкач!

– Ты даже не представляешь себе какой. – И Чичи потянула Джима на танцпол.

Чичи лавировала между столиками вместе с Джимом, приветствуя гостей так, будто это была ее свадьба. Потом оставила Джима за сигарами с ребятами из семьи Озелла.

У Тони не было свободной минуты – ему пришлось танцевать с каждой присутствовавшей женщиной. На свадьбе оказалось множество его поклонниц, которых нельзя было обделить вниманием, но он приглашал и тех женщин, что скромно стояли в сторонке, – вдов и жен ушедших воевать мужчин.

Чичи налила себе березового пива.

– Можешь и мне налить, Чич? – раздался за ее спиной голос Тони.

Он промокнул лоб носовым платком.

– Наверное, лучше всего вывести тебя на улицу и окатить из шланга.

Она отдала ему свою кружку пива и налила себе другую.

– Я тут просто погибаю! Без подмоги не обойтись. Здешние женщины явно изголодались по танцам.

– В этот вечер ты самый популярный в городе парень.

– Только потому, что идет война.

– Да нет, дело в тебе. У тебя врожденный талант покорять дамские сердца.

– Я стараюсь быть настоящим симпатягой.

– Ты и есть симпатяга.

– Тогда почему ты мне чуть голову не оторвала в Чикаго?

– Тогда ты получил по заслугам.

– Допустим. Но похвали же меня хоть немного. Сегодня я искупаю все свои грехи.

– Как идут дела в Нью-Йорке?

– Я одинок. А вот ты – нет.

Чичи посмотрела на Джима Ламарку, хохотавшего над чем-то вместе с братьями Озелла по другую сторону танцпола.

– Красавчик, правда? – удовлетворенно сказала она.

– Как скажешь, – буркнул Тони.

– Что такое? Неужели ревнуешь? С какой стати? Я думала, я у тебя уже в печенках сижу.

Чичи протянула Тони ломтик пиццы с анчоусами. Он жадно его съел. Она подала ему салфетку.

– Чич, ты моя лучшая подруга, – проникновенно начал Тони. – Я знаю, девушки не любят, когда им говорят подобное, – почему-то слово «подруга» относится только к девушкам, с которыми ты перешучиваешься на фабрике. Но для мужчины слова о дружбе означают наивысший почет, глубочайшее уважение.

Чичи потрогала лоб Тони:

– Жара нет. Значит, ты не умираешь.

– Перестань, я серьезно, – сказал Тони. Его лицо приобрело какое-то странное выражение.

– Что это ты пытаешься изобразить на физиономии? – удивилась Чичи.

– Иногда ты медленно соображаешь, – тихо произнес Тони.

– А разве это не со всеми случается?

– Конечно, но ты-то медленно соображаешь, только когда речь идет о тебе как о женщине.

– Что ты хочешь сказать?

– Я с тобой флиртую, а ты реагируешь так, будто я просто дурачусь.

– А разве это не одно и то же?

– Чичи, я близко принял к сердцу твои слова. Насчет Далилы. Насчет того, что я ей сделал.

– Ты ей изменял.

– Все было немного сложнее.

– «Сложнее» просто удобное слово, за которым ты прячешься, а на самом деле все было очень просто. Ты сказал Далиле, что любишь ее, а потом занимался любовью с другими девушками, хоть и любил Далилу. Так кто же виноват в том, что все стало сложно?

– А теперь ты назначила себя моим духовником.

– Я не хочу быть твоим духовником. Найди себе духовника, если он тебе требуется. Вон за столиком номер четыре сидит монсеньор Ниббио.

– Ребята в оркестре всё удивлялись, что у тебя нет парня. Наверное, надо рассказать им об этом твоём дылде.

– Ничего ты им не расскажешь. Нет, лучше расскажи им вот что: я там для того, чтобы трудиться. Делать свою работу. Получать за это деньги. Трудиться лучше. Получить больше денег за следующую работу. И так далее.

– Слушай, передохни немного.

– Ты никогда не замечал, что почему-то, когда любовь завяла, из ансамбля уходит именно девушка? В каждом договоре, который подписывает женщина, должно стоять примечание: «Сестренка, только не надо в него влюбляться. Когда все закончится, а это непременно случится, ты останешься с разбитым сердцем и без работы». А что же мужчина? Он продолжает турне, как будто ничего не произошло. Получает надбавку к жалованью и поднимается еще выше. Так что можешь передать ребятам: я никогда не буду этим «ничего не произошло» для какого-то там мужчины.

– Передать могу.

– Мне двадцать четыре года. Я не хочу терять время, путаясь с ударником. Или тромбонистом. Или солистом, если на то пошло.

– Никто же не говорит, что ты должна это делать.

– Тогда почему же они спрашивают? Сплетничают, как какие-то прачки. И этим я, кстати, оскорбляю всех прачек на свете. Им впору требовать извинений.

– Ребята просто любят поболтать.

– Фу.

– Они думают, что тебе нравлюсь я.

Тут Чичи рассердилась.

– Они думают, что если мы вместе работаем, то заодно крутим шашни?

– Не знаю. Наверное.

– Что «наверное»? Парень и девушка не могут просто посидеть в комнате с бумажным пианино и выйти с новой песней, должно быть что-то еще?

– Ну, это они так думают.

– Надеюсь, ты им все разъяснил.

– Конечно.

– Просто верх непрофессионализма предполагать, что мужчина и женщина не могут работать вместе, не вступая в связь. Не понимаю, как это им вообще пришло в голову, где они такое видели? Ах да. У тебя.

– Почему ты так злишься? – спокойно спросил Тони.

– Потому что ты не слушаешь!

– Тогда послушай вот это: я записался добровольцем.

– Что ты сделал?

– Записался добровольцем.

– На военную службу?

– В духовной семинарии мне бы все равно отказали, – пожал он плечами. – Я хочу принести пользу своей стране. Пора перестать крутиться как белка в колесе и сделать в жизни то, что по-настоящему имеет значение.

– Ты записался в армию! – Чичи была впечатлена.

– Не в армию, во флот. Ты всегда говорила, что в океане есть что-то особенное. И я думаю, ты права. Там я найду все ответы. – Тони наклонился к ее уху и прошептал: – По-моему, мне нужен океан.

– Кьяра? – Джим положил руки на плечи Чичи.

– Ты называешь ее Кьяра? – удивился Тони. – Подумать только.

– Это прелестное имя, – улыбнулся Джим.

– Конечно, – согласился Тони, смахивая крошки с лацкана Джима. Чичи подняла взгляд на Джима.

– Тони только что сказал мне, что записался во флот.

– Правда? – Джим протянул ему руку для рукопожатия. – А я в военной авиации.

- Думаю, мы сумеем выиграть эту заварушку, а?
- А куда мы денемся!
- Правда. Иначе знакомый нам мир перестанет существовать. А скажи мне, Джим, чем ты зарабатываешь на жизнь?
- Моя семья занимается грузоперевозками.
- И куда вы возите грузы? В Калифорнию? Техас?
- Нет, мы держимся Восточного побережья. Нью-Йорк, Пенсильвания, Коннектикут.
- Приятные места. Я выступал в горах Поконо. Там в лесах прекрасные отели. Например, гостиница «Маунт Эйри».
- Да, отличные.

Кузина Джузи прорвалась сквозь группу гостей и присоединилась к ним. Она только что заново припудрила лицо и подкрасила губы бордовой помадой. Это сочетание делало ее лицо похожим на портрет гуашью – сухой, но яркий.

– Саверио, ты потанцевал с каждой дамой на этой свадьбе, кроме меня, – пожаловалась она.

– С удовольствием, кузина Джузи. Кьяра, Джим, с вашего позволения.

Тони повел Джузи на танцпол. Садоводческий клуб Си-Айла в полном составе собрался вокруг них в кружок. Как член этого клуба Джузи поделилась кузенком с остальными, и в процессе этого своеобразного коллективного танца каждая дама из клуба прошла круг с певцом.

Чичи последовала за Джимом на танцпол. Он обнял ее, и они поплыли по павильону, сливаясь с ритмом и обгоняя время – по крайней мере, так им тогда казалось.

Джим обернул шелковый палантин Чичи вокруг ее плеч, и они вышли на ночной воздух. Последние гости рассаживались по своим автомобилям. Одни дамы бережно несли салфетки с кусочками свадебного торта, другие забирали с собой цветочные композиции с помоста, а третьи держали завернутые в кружевные салфеточки горсти печенья – остатки с подносов, – чтобы перекусить по дороге домой.

Стайка поклонниц Тони Армы собралась вокруг его взятого напрокат седана, в котором ему предстояло вернуться в Нью-Йорк. Отполированный, как лаковая туфля, черный четырехдверный

«бьюик» влажно поблескивал в свете уличных фонарей. Поставив ногу на подножку автомобиля и опираясь на открытую дверь, Тони, в лихо сдвинутой на один глаз фетровой шляпе, развлекал слушательниц последней на этот вечер историей из гастрольной жизни. Он снял с шеи развязанный галстук, свернул его улиткой, положил в карман и расстегнул верхнюю пуговицу парадной рубашки.

Чичи и Джим остановились.

– Спокойной ночи, Тони! – крикнула Чичи.

– Спокойной ночи, Чич. То есть Кьяра, – отозвался Тони. – Приятно было познакомиться, Дон.

Чичи хотела было поправить его, но Джим ее остановил.

– Не имеет значения, – тихо сказал он.

Джим проводил Чичи до крыльца ее дома, где под фонарем выписывала восьмерки ночная бабочка.

– Спасибо за еще один чудесный вечер, – подняла на него глаза Чичи.

– Было весело.

– Хочется думать.

– А ты разве не заметила?

Чичи взяла его под руку.

– С Тони вышло немного неловко, – призналась она.

– Он и вел себя немного неловко, Кьяра.

– Мне кажется, он почувствовал себя неуверенно рядом с тобой.

– Но почему? У него не было никаких причин – разве что ты ему нравишься, конечно.

– Мы просто друзья. И работаем вместе.

– Мне кажется, ему хочется большего, – сказал Джим.

– Меня он не интересуется.

– Ты уверена?

– Мне его жалко.

Джим взял Чичи за руку. Они сели на диван-качалку на крыльце.

– Жалость – вещь опасная, – доверительно проговорил он. – Когда жалеешь человека, это дает ему определенную власть над тобой. Он знает, что ты относишься к нему со снисхождением и потому ему сойдет с рук то, чего спускать нельзя.

– Он просто мой друг, а вовсе не мой парень. С ним рядом всегда есть женщина.

– Но ни одна не задерживается.

– Ну да, но это потому, что он не хранит им верность.

– Будь осторожна. Ты самая умная девушка из всех, кого я знаю.

Не позволяй ему тебя одурачить.

– Хорошо.

– Если бы время сейчас было другое и мне было что тебе предложить, я бы это сделал. Но у меня ничего нет. Я уйду в армию и не знаю, что меня ждет. Многие мои друзья скоропалительно женятся, но сам я не стал бы так поступать с женщиной, которой признался в любви. Я не стал бы так поступать с тобой.

– Понимаю и ценю это.

– Я считаю, что делать так неправильно. Если чувство настоящее, оно дождется нас по ту сторону этого испытания. – Джим встал и поднял Чичи за руки.

И поцеловал ее.

– Твое имя – Кьяра, и Кьяра^[64] – это ты. «Чичи» похоже на название приправы, то, что добавляешь в самом конце. А для меня ты – всё.

Толкнув дверь-вертушку, Чичи вошла в здание агентства по работе с талантами Уильяма Морриса на Шестой авеню в Нью-Йорке. Она поднялась лифтом на шестой этаж, надеясь, что к тому времени, когда двери лифта откроются в светло-зеленый вестибюль с бежевым диваном и столиком орехового дерева, она успеет принять решение, – или, быть может, его примет за нее импресарио.

Секретарша провела Чичи в офис Ли Боумэн, тесноватый, но со вкусом обставленный и даже наделенный окном. За спиной Ли глянцевые черно-белые фотокарточки всех музыкантов, которых она представляла, складывались в причудливый коллаж в стиле ар-деко. Чичи села на стул и сняла перчатки.

– Чичи, ты выглядишь как сама Венера. Судя по всему, гастроли тебя совсем не утомили. Свежа, будто полевой мак.

– Ты тоже хорошо выглядишь, Ли. Все эти сделки идут тебе на пользу.

– От них у меня кровь так и бежит по жилам. – Ли подтолкнула к Чичи конверт: – Вот чек за продажу оборудования из студии твоего отца. Я сделала все, что смогла.

Чичи открыла конверт. Выписанный на ее имя чек был на сумму тысяча двести семьдесят три доллара и сорок четыре цента.

– Поверить не могу, Ли.

– Что, недостаточно?

– Да нет, это очень много. Я не думала, что тебе удастся хоть что-то за все это выручить.

– Мой посредник продал оборудование одной студии на Лонг-Айленде. Переговоры тянулись бесконечно, но в итоге все получилось. Иногда мне даже начинает нравиться музыкальный бизнес. Случается, что люди действительно ведут себя порядочно.

– Для моей мамы это будет настоящее подспорье.

– А теперь поговорим о тебе, – сказала Ли. – Джимми очень не понравилось твое решение уволиться, но он отнесся к нему с пониманием. Ведь не может же он взять и выписать другого итальянца из какого-нибудь промышленного района на место Тони, чтобы составить дуэт с тобой.

– Я рада, что он понял.

– У меня есть для тебя кое-что новое, и я думаю, тебе подойдет моя идея. Мне известно, что ты не выносишь холода и снега.

– Терпеть не могу. Наверное, это значит, что от флоридской влажности я буду просто в восторге.

– Нет-нет, никакой влажности. Этот оркестр разъезжает строго по Западному побережью. Говорят, они классные. И платит руководительница хорошо. Ты о ней не слышала?

Ли показала Чичи оферту, озаглавленную «*Викки Флеминг и Сорок Каратов* – Только девушки! – Сирены свингуют!».

– Там только девушки?

– Такой подход не всегда работает. Хотя попадаются и отличные ансамбли – например, «Этель Смит, Международные Ритмичные Милашки». И девушки хорошие, и музыка отличная.

– Расскажи мне о Викки.

– Она преподавательница музыки. Дочь библиотекаря. Разбирается во всех жанрах музыки. Сказала, что ты можешь сочинять новые песни и исполнять их сама. Позволит тебе уезжать на записи.

Вообще, открыта к обсуждению. И у нее уже намечены гастролы на весь год. Погляди на список городов, и они всё добавляются.

Сан-Франциско – отель «Стэнфорд»

Портленд – «Эшби»

Сиэтл – «Корнинг»

Лос-Анджелес – «Голливудская столовая»

Кармел-бай-те-Си – клуб «Стардаст»

Сан-Диего – «Литтл Миллиз он те Бич», вилла «Маркиз»

Санта-Барбара – «Корнер-Клаб»

– Я могу взять этот ангажемент – или сделать перерыв в несколько месяцев и помочь сестре с малышом, его ждут перед Рождеством.

– Ты ведь знаешь, что говорят о младенцах? – наклонилась к ней Ли. – Они совершенно неотразимы после тридцати.

– Я тут положила глаз на собственного малыша. – Чичи достала из сумочки газетную вырезку и протянула ее Ли. – Можешь сходить со мной кое-куда? Это займет всего минут пятнадцать.

Ли пробежала вырезку глазами.

– Конечно, – кивнула она. – Как-никак мне положен обеденный перерыв.

Она потянулась под стол за своей сумочкой.

Чичи и Ли пешком дошли до Восточной 55-й улицы, угол Второй авеню. За дощатым забором, отгородившим стройку от тротуара, кипела работа: двадцатипятиэтажное краснокирпичное здание было почти закончено. Высокий кран поднимал к крыше подвесную площадку с кирпичами; перекинутые через блоки серебристые тросы раскачивались на фоне голубого неба, как нити марионеток. Стоявшие в строительных люльках каменщики клали кирпичи на внешние стены верхних этажей. На земле другие рабочие заливали цементом пешеходные дорожки, разравнивая вылитую из бетономешалки смесь в рамки, обрисовывающие вход в дом.

– Позволишь угостить тебя обедом? – спросила Чичи, останавливаясь на углу около тележки с печеным сладким картофелем, от которой шел густой аромат кленового сиропа и горящих дров. Из сетки на боку тележки продавец закинул щепок в свою квадратную

алюминиевую печку. Из трубы повалили клубы сизого дыма. Он завернул для Чичи две горячие картофелины прямо из кастрюли. Она передала одну Ли, затем заплатила тридцать центов.

– Значит, об этом здании речь, – сказала Ли, разглядывая строительную площадку.

– Я хочу приобрести недвижимость.

– Зачем покупать, когда можно снимать? Это ведь дешевле.

– Хочу владеть своим жильем. И еще я хочу, чтобы ты выступила посредницей.

– Как подставное лицо?

– Ага. У меня странное чувство насчет этого дома. Что-то вроде интуиции, – пояснила Чичи. – Я ведь вечно на гастролях и знаю множество музыкантов, которым нужно где-то жить, когда они здесь проездом. Если у меня будет квартира, я смогу сдавать ее на короткие сроки, и со временем она окупится. А впоследствии и сама при желании смогу здесь поселиться. Или, что еще лучше, выгодно перепродать.

Ли изучила газетное объявление о продаже квартир в новом доме. Если верить рекламной статье, жилищный комплекс «Мелодия» на углу Восточной 55-й улицы и Второй авеню обещал быть совершенно исключительным и неповторимым – настоящий оазис в сердце города, оснащенный современными бытовыми приборами, садом на крыше и собственной прачечной. Квартиры уже продавались, хотя строительство еще не завершилось.

– Я верю в знаки. «Мелодия», понимаешь? – Чичи подняла глаза, рассматривая здание до самых последних этажей и наслаждаясь его потенциалом.

– Какую будешь покупать, студию или двухкомнатную? – поинтересовалась Ли.

– Я хочу классическую шестикомнатную.

– Серьезные запросы. Хотя на «Скалке моей мамы» ты и правда отлично зарабатываешь, – прикинула Ли. – Ее исполняют на каждой свадьбе на Восточном побережье.

– По крайней мере, на свадьбах, которые играют в гаражах, – рассмеялась Чичи.

– Не думаю, что эти гонорары иссякнут в обозримом будущем, – сказала Ли. – Хорошо, я пойду к риелторам и посмотрю, что можно

сделать.

– Только больше полутора тысяч долларов не давай, – предупредила Чичи. – Студия стоит триста пятьдесят, двухкомнатная – пятьсот пятьдесят. Если окажется, что за классическую шестикомнатную просят две тысячи двести, то что-то у них странное в расчетах.

Ли наблюдала, как Чичи достала карандаш и стала писать цифры в блокнотике. Ли никогда еще не встречала музыкантов, которые бы разбирались в бизнесе не хуже, чем в своем искусстве, пока не познакомилась с Чичи.

– И гляди, чтобы квартира была в торце дома, на два угла, – добавила Чичи. – Так у меня будет солнце и с запада, и с востока.

– Надо признать, ты тут все досконально изучила.

– Я верю своей интуиции, Ли. Иногда мне кажется, что кроме нее, у меня больше ничего и нет.

Солнце в Калифорнии было оранжевое, широкие пляжи – белые, как яичная скорлупа, бурлящий голубой океан разбивался о берег серебристым прибоем под высоченными пальмами, а еще, к восторгу Чичи, там обнаружили маслянистые авокадо, лимонные деревья, сладкая клубника и гроздь крупного лилового винограда в неограниченном количестве. Стоял ноябрь, она гуляла по ярко-зеленым холмам, а ее сестры уже чистили от снега дорожки далеко на востоке. Несмотря на зиму, между зарослями шиповника полыхала стрелиция и вилась усеянная розовыми и пурпурными цветами бугенвиллея. Цветной кинематограф с его яркой палитрой не ограничивался голливудскими кинозалами – в любом саду на Западном побережье его было не меньше.

Чичи находила в Калифорнии один лишь недостаток: здесь она то и дело забывала, какой нынче месяц, поскольку в этой вечной жаре постоянно казалось, что на дворе июнь. Она чувствовала себя виноватой, что заполучила работу в столь приятной обстановке, когда большинство знакомых мужчин сражались на фронте, но, увидев, что ансамбль намеревался играть на множестве митингов по приобретению облигаций военного займа, немного успокоилась. Каждый помогал чем мог.

Пансион для приезжих Святой Риты в Охае, штат Калифорния, служил перевалочной базой для девичьего оркестра и напоминал монастырь настолько, что у некоторых участниц «Викки Флеминг и Сорока Каратов» начинали сдавать нервы. Гостиничный комплекс стоял на отшибе, но это было к лучшему – Чичи могла спокойно сочинять и репетировать песни, не отвлекаясь. В том году в Калифорнии начался наиболее творческий период ее жизни, когда она сочиняла музыку, писала тексты и оттачивала свои навыки лидера в качестве музыкального руководителя женского оркестра.

Ансамбль не привык многого ожидать от жилья. Девушки нередко селились в дешевых мотелях, где затхлый воздух номеров отдавал консервированной кукурузой, а намертво свалявшиеся матрасы могли сделать удобными разве что пара матчей с Джином Танни^[65]. Но в монастыре было чисто и безопасно. В цену входило право посещать утренние и вечерние молебны, от чего большинство дам вежливо отказались. Как выяснилось, мисс Флеминг тоже интересовало не спасение душ, а всего лишь экономия – так уж вышло, что именно монахини сдавали комнаты дешевле всех в округе. Это выгодная сделка, заявила она, и жить мы здесь будем припеваючи.

Вопреки названию, «Сорок Каратов» вовсе не состояли из сорока инструментов. В число сорок входили все: и музыканты, и певицы, и танцовщицы, и даже водитель автобуса. Подписав договор, Чичи получила пачку материалов, подготовленных для всех новых членов ансамбля. Среди расписания гастролей и прочих бумаг там обнаружилось следующее послание:

Законы гастролирующего женского ансамбля

Если ты гуляла с ним, я не стану.

Если ты была его женой – я не буду.

*Если нам с тобой понравится один и тот же парень,
бросим жребий и решим, кто достанется кому.*

Едва взглянув на эти правила, Чичи немедленно превратила их в гимн ансамбля, который девушки исполнили в финале первого же срежиссированного ею концерта. Прежде чем положить текст на музыку, она добавила еще одну строчку:

А кто девушку обидит, пусть горит в аду.

Однажды – прошла уже неделя жизни в Охае – Чичи забирала из вестибюля почту: посылку от родных и письмо. Она надеялась, что в посылке окажется банка домашнего томатного соуса от матери. Но, прежде чем открыть коробку, она распечатала конверт с письмом от некоего «Т. Армы».

1 ноября 1942

Дорогая Чич,

Ты бы глазам своим не поверила. Все совсем не так, как я себе представлял. Ты будешь рада услышать, что я часто молюсь. И еще я хорошенько поразмыслил о разном. Здесь только океан и больше ничего. Я много думаю.

С любовью, Саверио

Р. S. А с тем унылым дылдой из Ньюарка ты переписываешься?

5 ноября 1942

Дорогой Саверио,

Твои письма мало что говорят, приходится читать между строк. Судя по всему, ты так много молишься, что это занимает все твое свободное время, так что на письма остается всего ничего. Я не обижаюсь. Сама я никогда не служила на флоте США, так что понятия не имею о том, что тебе довелось там пережить. Тебе, должно быть, нелегко приходится. Я слежу за газетами и хожу в библиотеку, когда могу, но это мне удается не так часто, как хотелось бы.

Сейчас я живу в монастыре и репетирую с женским ансамблем. Дирижер – дама крайне своеобразная. Ее зовут Викки Флеминг, у нее рыжие волосы, и ей не то сорок, не то восемьдесят лет, я никак не разберу. Она сохраняет свежесть лица, умываясь пемзой, – да-да, камнем. Пемза

сдирает верхний слой кожи, а под ним кожа оказывается... даже не знаю, как сказать... такой прозрачной, что напоминает лягушачье брюшко. Мне кажется, молоджавый вид и тонкая кожа не стоят таких жертв, но она говорит, что когда я достигну ее возраста, то буду готова тереть кожу чем угодно, только бы стереть годы. Но все-таки прямо камнем? Да ладно, сестра! Это она постоянно так говорит – «сестра туда, сестра сюда», а мы ведь еще и в монастыре живем. Она нас настолько свела с ума, что некоторые из девочек уже и правда подумывают, не постричься ли в монахини.

Скучаю по тебе.

С любовью, Чич

P. S. Джим Ламарка – славный парень и танцует почти так же хорошо, как ты.

12 ноября 1942

Дорогая Чич,

Я прочел ребятам твое последнее письмо. Они сказали, это было лучше, чем кино с Хоупом и Кросби^[66]. Вот как громко они хохотали. Присылай еще смешных историй. Они нам пригодятся.

С любовью, Саверио

P. S. От твоего P. S. меня стошнило.

17 ноября 1942 (после концерта)

Дорогой Саверио,

Я просто потрясена твоим самокритическим анализом и глубокими умозаключениями в процессе службы на Дядю Сэма. Хоуп и Кросби – ты серьезно? Хоть рассказал бы ребятам, как сильно я похожа на Дороти Ламур. Ну ладно, вот тебе еще одна история. Викки добыла нам ангажемент

в одном клубе в Сан-Диего. Мы приехали, устроили все, порепетировали. Билеты были распроданы подчистую. Приезжаем мы выступать, владелец вот-вот откроет двери в зал и тут говорит: «Ну, раздевайтесь, дамочки». Джун говорит: «Что вы имеете в виду, сэр?» А он: «Вы ведь те девушки с ревю, которых я нанял?» Джун говорит: «Ну да». А он: «Так скидайте одежду». Тогда Джун ему: «Я сейчас легавых вызову», а он: «А я им покажу договор, и они вас посадят в кутузку за нарушение условий контракта». Как говорится, неожиданный поворот событий. В общем, оказалось, что нам надо было выступать в клубе в Сан-Обиспо – так, кажется, пишется, – а та, другая труппа поехала туда вместо нас, так что в итоге клуб Киуанис штата Калифорния получил гораздо более красочное зрелище, чем ожидал, но зато не услышал моей новой песни. На которую, кстати, вдохновил меня ты, мой старинный друг. Впрочем, не думаю, что зрители так уж пожалели о нашем отсутствии. Без сомнения, альтернатива была куда приятнее.

С любовью, Чич

P. S. Когда тошнит, надо полежать с холодным компрессом на лбу.

22 ноября 1942

*Дорогая Чич,
Пришли мне ту песню.*

С любовью, Саверио

P. S. Если я стану так делать, ребята с этой лоханки превратят меня в отбивную.

Скрестив руки на груди, Чичи стояла у пульта в студии звукозаписи Маччо в Санта-Монике. Она критически глядела на собственноручно записанные ноты, то стирая фразу из песни, то

добавляя паузу в проигрыш. В стеклянное окно кабинки было видно, как Шейла, Энни, Кристина и Дебора надели наушники и наклонились к микрофону, чтобы проверить громкость.

– Идете? – спросил инженер звукозаписи.

– Ага. Начнем сначала.

Чичи присоединилась к девушкам в кабинке и уселась за пианино.

В этот день в студии все напоминало ей об отце, и она никак не могла избавиться от окутывавшей ее грусти. Так случалось иногда – волна скорби накрывала ее с головой, когда она меньше всего этого ожидала. Обычно ей удавалось воспарить над своей печалью, как будто наблюдая за собой в полете над давними воспоминаниями, но в те дни, когда ей требовался отцовский совет, она снова и снова понимала, как сильно ей его не хватает.

– Поехали, девочки. Давайте доделаем припев. – Чичи натянула наушники, поправила микрофон и сыграла на пианино мелодию. Бархатные голоса квартета переплелись в гладком четырехголосном изложении:

*Мечтай о ней,
Мечтай, мечтай о ней,
Она ведь ждет,
Мечтай, мечтай о ней.*

Инженер проиграл запись, и девушки склонили головы, сосредоточенно прислушиваясь. Кристина, высокая брюнетка, уставилась в пол, изо всех сил сдерживая слезы. Дебора грызла ноготь, чтобы отвлечься, а Энни выудила из сумочки носовой платок.

– Вы как, девочки? – спросила Шейла. – Лично я совершенно расклеилась. – Она вытерла слезы рукавом. – Елки-палки. Ненавижу баллады.

У Кристины брат воевал в Бирме, муж Деборы – в Италии, отец Шейлы был на подлодке, а парень Энни проходил военную подготовку в Джорджии. Эта песня слишком уж близко касалась их всех.

– После первой фразы помеха, – сказала Чичи, вытирая глаза. – Давайте перепишем.

Тони работал в дизельном отсеке подводной лодки, подкручивая предохранительные болты при помощи гаечного ключа. Эта операция напомнила ему о годах, проведенных на заводе «Ривер Руж».

– Тебе письмо, Арма.

– Спасибо. – Тони взял пакет, сел и распечатал его.

Поздравляю с Днем благодарения!

26 ноября 1942

Дорогой Саверио,

Надеюсь, на твоей лоханке найдется проигрыватель.

Да здравствует президент Рузвельт!

С любовью, Чич

Тони пробирался по извилистым туннелям субмарины, бережно сжимая в руке пластинку на 78 оборотов. Он забрался в радиорубку по короткой лестнице, держась за нее свободной рукой. Барни Гилли, рядовой матрос из Биг-Стоун-Гэпа, штат Виргиния, отстукивал морзянку. Тони подождал, пока тот освободится.

– Ты бы мог это для меня проиграть, Барн? – спросил Тони.

– Почему бы и нет.

Барни снял с полки проигрыватель и вручил Тони наушники, которые тот немедленно надел, затем осторожно положил пластинку на проигрыватель и опустил иглу. Тони прикрыл глаза и сосредоточился.

Заметив выражение на лице Тони, Барни решил тоже послушать и подключил свои наушники.

Лишь океан – и мысли о тебе,

Лишь океан – один я на войне.

Твои глаза, и локоны, и губы...

А здесь лишь пена волн, побудки, трубы...

Мечтай о ней...

Мечтай, мечтай о ней.

Она ведь ждет —

Мечтай, мечтай о ней.

*На берегу – ни новостей, ни хлеба,
Лишь танцы до утра под патефон.
Я напишу ему, что не забыла,
В далекий синий пенный океан.*

*Мечтай о ней...
Мечтай, мечтай о ней.
Она ведь ждет —
Мечтай, мечтай о ней.*

Тони приподнял наушник.
– Еще раз? – попросил он.
– О да! – Барни опустил иглу. – Отличная мелодия.
Тони и Барни прикрыли глаза и снова прослушали песню.

5 декабря 1942

*Дорогая Чич,
Песня просто великолепная. Мне даже снова захотелось петь. На рождественской неделе я буду в Сан-Диего. Можешь приехать повидаться со мной? Это не просьба, а приказ.*

С любовью, Саверио

12 декабря 1942

*Дорогой Саверио,
Вот телефон отеля, где мы остановились: SAN-7866.
Он называется «Вилла маркиза». Да, мой милый старый друг, было бы здорово с тобой повидаться.*

С любовью, Чич

Р. С. Как насчет немного спеть? Мы с несколькими девушками выступаем в «Голливудской столовой». Можем

*возродить наши старые номера. Ребятам это понравится.
Да и девушкам тоже.*

Тони распечатал письмо Чичи, лежа в своей подвесной койке. Он прочел его, вернул в конверт, отложил, после чего, сцепив руки за головой, уставился на серый металлический потолок – жестяная оболочка, испещренная цепочками гвоздевых шляпок.

Потом взял конверт, вынул письмо и перечитал его. *Старый друг*, написала она. Тони поразмышлял над этими словами. Подобное описание в устах Чичи не выглядело особо многообещающим. Может, у нее все серьезно с этим Ламаркой. Может, в «Голливудской столовой» ему, Тони, дадут отставку. Может, парень, о котором она мечтает, вовсе не он. В океане ведь видимо-невидимо славных ребят из американского военного флота. Вот поворот-то будет, да еще и после всей этой военной заварушки. Типичное для Тони Армы невезение.

Чичи закопалась под одеяло в своей кровати в номере отеля «Вилла маркиза». Окна она оставила открытыми, чтобы впустить свежий океанский бриз с побережья Сан-Диего, – запах морской воды напоминал ей о доме. Она крепко спала и ей как раз снился Си-Айл, когда ее разбудил настойчивый стук в дверь.

Перед ней стояла в дверном проеме Викки Флеминг – лиловый атласный пеньюар, домашние туфли, на волосах сетка, на лице слой кольдкрема, которому оставался еще добрый час работы, прежде чем полностью впитаться в ее кожу.

– Тебе звонок с Восточного побережья. Кто бы это ни был, я хочу его убить. – Викки развернулась и прошелестела дальше по коридору в свою комнату. – И если бы не война, я бы и тебя убила заодно, – добавила она, перед тем как захлопнуть за собой дверь.

– Простите, мисс Флеминг, – сказала ей вслед Чичи, подходя к телефону.

– Извини, что я так рано звоню, – начала Ли.

– Надеюсь, оно стоит того, – проговорила Чичи, делая усилие, чтобы удержать глаза открытыми.

– О да, новость – лучше не бывает, – заверила ее Ли. – Дина Шор^[68] хочет записать твою «Мечтай о ней».

– Ты серьезно?

– Но ей нужны эксклюзивные права на запись. Может, мне поторговаться за квартиру побольше на 55-й улице? Мне кажется, теперь ты можешь себе позволить ту, что с круговой террасой.

– Нет, пусть остается классическая шестикомнатная. Поверить не могу. Сама Дина Шор!

– Я же тебе говорила, эта песня – готовый шлягер. Говорила! Ты поднялась на новый уровень, Чичи.

Чичи повесила трубку и вернулась в свой номер, где немедленно забралась обратно под одеяло. Уже опуская голову на подушку, она взглянула на будильник. 3:48. Чичи предвкушала, как расскажет Тони обо всем, надо будет написать ему сегодня же. Закрывая глаза, она мысленно проиграла мелодию, но теперь это больше не была просто милая песенка, написанная для друга и его приятелей на подводной лодке, и не очередная баллада в программе какого-то там концерта. У ее песни появилось то, о чем грезят все авторы: «Мечтай о ней» имела все шансы стать шлягером в исполнении неподражаемой знаменитой певицы. Чичи поверить не могла своей удаче.

Вдоль бульвара Кауэнга змеилась длиннющая очередь из мужчин и женщин в военной форме. Пока они ждали входа в «Голливудскую столовую», проезжавшие мимо водители поддерживали их сигналами клаксона. Время от времени из машины выпрыгивала бойкая барышня, целовала какого-нибудь солдата в знак признательности, мгновенно возвращалась в автомобиль и исчезала в ночи.

Когда двери «Столовой» наконец распахнулись, бойцов приветствовала голливудская старлетка Линда Дарнелл^[69]. Эта сногшибательная брюнетка выглядела совершенно очаровательно в своем красном шелковом коктейльном платье и шляпке в тон. Ночь затрещала от фотовспышек.

Чичи собрала вокруг себя квартет в уголке на кухне и просмотрела программу.

– Начнем с «Берега цветного драже». У кого драже?

Кристина погремела банками.

– Я дала оркестру ноты и велела им оставить нам добрых минут восемь на танцы. Делаем так. Расходимся в стороны и выбираем себе по парню в форме. Выводим его на танцпол, немного кружимся. Когда дело идет ко второму припеву, возвращаем ребят на место, поднимаемся на сцену и заканчиваем речитативом. Конферансье обещал устроить, чтобы Линда Дарнелл пригласила на танец какого-нибудь рядового, и в тот момент свет пригасят, а мы заведем «Мечтай о ней».

– А Тони пока не появился? – спросила Шейла. – И когда наконец придет Маргарет Уайтинг?^[70]

– Он не ответил на мое письмо, так что рассчитывать на него нельзя. – Чичи закусила губу. – Играем, что подготовили, и ждем Маргарет Уайтинг. Она сказала, что придет к половине десятого.

– И еще можно будет выступить с нашей пародией на «Сестер Босвелл» и «Сестер Эндрюс», если никто не придет нам на смену, – предложила Энни.

– Если понадобится растянуть время, это отличная идея, – согласилась Чичи.

Конферансье Корки Листер просунул голову в кухонную дверь.

– Девочки, ваш выход. Если вы поете так же хорошо, как смотрите, дело в шляпе.

Чичи с девушками последовали за ним на сцену. Под барабанную дробь Корки вышел в очерченный софитами круг.

– Дорогие военнослужащие! Только что с гастролей по Западному побережью, женский оркестр... – Одобрительный свист мужчин заглушил слова Корки, и он поднял голос: – Четверка изящных барышень... встречайте – квартет Викки Флеминг!

Чичи прошла к микрофону впереди остальных. Стоило им начать «Берег цветного драже», как танцевальная площадка запестрела парами. Когда Чичи и девушки стали отбивать ритм банками с разноцветным драже, толпа у барной стойки выразила свой восторг громкими возгласами; на мгновение Чичи перенеслась обратно в павильон в Си-Айл-Сити, во времена, когда в субботу вечером можно было просто беззаботно развлекаться. Эти ребята были достаточно взрослыми, чтобы помнить довоенные летние деньки, и достаточно юными, чтобы уповать на возвращение таких же беззаботных времен.

Как только девушки закончили песню, на сцену поднялась Маргарет Уайтинг. Она осторожно сняла шляпку, тронула кончиками пальцев свои белокурые локоны и поправила упавшие на лоб пряди.

– Девочки, вы сходите покурите, а я спою пару песен, – сказала она. – Возвращайтесь через пятнадцать, самое большее двадцать минут.

Никем не замеченный Тони Арма вошел в «Голливудскую столовую» через служебный вход. Он встал у стены, разглядывая открывшееся ему зрелище, затем снял форменную пилотку и засунул ее под мышку.

Оркестр играл недурно. Маргарет Уайтинг исполняла песню на бис. Она ему очень нравилась – у ее голоса был глубокий, густой, как мед, тембр, и она умела привнести в каждую песню что-то свое. Тони наблюдал за тем, как она очаровывает зрителей и, похоже, весьма при этом развлекается. Он страшно соскучился по выступлениям в клубах – больше, чем ожидал, уходя на военную службу. Кочевая жизнь, бесконечные переезды на автобусе и ночевки в паршивых гостиницах показали ему, что жизнь, посвященная шоу-бизнесу, далеко не вечный праздник, однако музыка не надоедала ему никогда. Музыка всегда приносила радость. Тони не хватало публики. Публика тоже ценила песни; музыка что-то для них значила.

«Столовая» была набита до отказа – наверняка в нарушение правил безопасности. Но кому какое дело до безопасности, когда столько из присутствующих привыкли рисковать жизнью в воздухе, под водой и на земле? По залу трудно было пройти пару шагов, какие уж тут танцы. Добровольные официантки сновали туда-сюда, поднимая над головой подносы с напитками и лавируя между зрителями, как саперы по минному полю. Ужин-фуршет подавали хорошенькие актрисы из голливудских студий. Девушки ловко набирали в тарелки картофельное пюре и запеченную индейку, как заправские подавальщицы из школьной столовой.

Чичи была одета в облегающее нежно-розовое атласное платье в пол, блестящее, как конфетная обертка.

– Вот так фигурка! – восхитился какой-то военный.

Тони обернулся, чтобы выдать наглецу пару теплых слов, но увидел, что тот выше званием.

Когда оркестр перешел на инструментальный проигрыш, Чичи спустилась со сцены и совершенно очаровала какого-то генерала армии, пригласив его на танец. Эта девушка – девчонка, которую Тони когда-то встретил на пляже, ставшая потом рабочей лошадкой ансамбля, – совершенно преобразилась за то время, что они не виделись. Она больше не была просто «комедийным номером» – у нее появились стиль и уверенность истинной солистки, и выглядела она достаточно элегантно, чтобы выйти на авансцену и удерживать внимание зрителей. Многих изменила война – в том числе, похоже, тех, кто остался дома.

Чичи вернула генерала к его столику, а девушки начали переход к «Мечтай о ней». Чичи присоединилась к стоявшему на сцене квартету. Линда Дарнелл вышла на середину танцпола, выбрала чистенького морского кадета, обвила руками его шею, прислонила голову к плечу и этим воплотила все его самые смелые мечты о том, каково держать в объятиях прекрасную женщину. Вот рассказов-то будет дома в Северной Каролине, когда он туда вернется.

Тони пробрался вдоль стены к самой сцене. Он был в военной форме, и никого не удивило, когда он забрался на эстраду. Чичи вглядывалась в публику, когда Тони подошел к ней сзади и обнял.

Чичи резко обернулась.

– Савви! – Она сжала его в объятиях. – Ты приехал!

– Ну и платье! – Его руки спустились ниже по ее спине.

Она сняла его руки со своей талии.

– Ты слишком долго пробыл на той подложке.

– Даже не напоминай. – Тони поцеловал ее в кончик носа. – Ну, будем выступать?

– Ты серьезно?

– Как ты собираешься растянуть программу на весь вечер?

Маргарет Уайтинг уже закончила свою часть.

– Так она еще вернется, споет пару песен.

– Из «Копакабаны»^[71] уже не вернется.

– То есть она уже уехала? – возмутилась Чичи.

– Так что делать-то будешь? – поторопил ее Тони.

– Не знаю. Ну, пока суд да дело, попрошу оркестр сыграть еще один танец.

– Да там со всех уже пот градом льет. Людям надо посидеть и отдохнуть. Генерал совсем упахался, он, кажется, станцевал со всеми девушками в зале. Без меня ты пропала, Чич.

– А у тебя есть идея?

– Что там у тебя в программе? – Тони прислонился к пианино.

Чичи просмотрела свои заметки:

– Можно выступить с репризой.

– С которой? – Тони притянул ее к себе, изучая бумаги через ее плечо.

Чичи высвободилась.

– Ту, где песок. Как бы мне не пришлось пристукнуть тебя колбаской с песком! Отпусти меня. Что это с тобой? Совсем обнаглел.

– Я так по тебе соскучился. – Тони уткнул лицо в ее шею.

– Мы здесь, чтобы развлекать военных.

– Я и есть военный.

– Видишь зал? Вот их всех надо развлечь.

– А обо мне кто позаботится?

– Давай подумаем об этом после концерта.

– Ты отказываешься дать мне надежду, ради которой стоит жить! – театрально воскликнул Тони.

Кристина, Шейла, Дебора и Энни поднялись на сцену по ступенькам и, присоединившись к Тони и Чичи, стали рыться в ридикюлях в поисках пудрениц.

– Я больше не в силах танцевать, – громко пожаловалась Шейла. – Правая нога совершенно онемела.

– Девочки, познакомьтесь, это Тони Арма, – представила его Чичи.

– О, так это и есть знаменитый Тони, – смерила его взглядом Шейла. – Мы о тебе наслышаны.

– Правда? – Это позабавило Тони.

– Шейла у нас любит пошутить. Не верь ни единому ее слову, – вмешалась Чичи.

– Ага, – продолжала Шейла. – Чичи нам рассказала, как однажды вы выступали в Янгстауне в «Джангл-Рум», Чичи переодевалась в спешке и забыла застегнуть молнию на платье, а ты прямо на сцене и застегнул.

– Как же, помню, – ухмыльнулся Тони.

– Чичи сказала, что вышло одновременно неловко и романтично.

– Прямо так она и сказала, Шейла? – уточнил Тони.

– Слово скаута. А в скаутах я добралась до самых кадетов.

– Охотно верю, – сказал Тони, не отрывая глаз от Чичи.

На сцену взбежал Корки Листер.

– Так, ребята, оркестр начал закругляться, дальше ваш выход.

– Дадим резервную программу, Чичи? – спросила Энни.

– Да, что мы дальше поем? – спросила Кристина, обмахиваясь в изнеможении. – Я так разгорячилась! Полейте меня сиропом и можете подавать с оладьями.

– Да, да, резервную программу. – Чичи явно волновалась. – Тони, ты стань туда. – Она указала на средний микрофон.

– Так что объявлять? – прошипел Корки с края сцены.

– Представь зрителям Тони Арму, – велела ему Чичи.

– А разве он здесь?

Тони показал пальцем на себя.

– Ага. Вот этот тощий парень в моряцких шмотках, – ухмыльнулся он.

– Простите, мистер Арма, без шевелюры я вас не признал, – извинился Корки.

Он прошел с микрофоном в середину танцпола, освобожденного от пар. Гости вернулись к своим столикам.

– Леди и джентльмены, у меня для вас большой сюрприз, – объявил Корки. – С самого Тихоокеанского фронта – о да, это он, наш любимый неаполитанец, наш Тони Арма!

Публика громко выразила свой восторг. Тони взял Чичи за руку и встал перед микрофоном. Он подал знак ударнику, и тот забарабанил фон для комического диалога.

– А как вам эта прекрасная итальянская девушка? – громко спросил Тони.

Мужчины оглушительно засвистели, явно одобряя внешность Чичи.

– Я ее нашел на пляже в Си-Айле, штат Нью-Джерси, ребята. Честное слово. Она мне сделала маникюр.

– Ничего подобного! – подыграла Чичи.

– Так и было. Ты сидела на кухонном полотенчике.

– На покрывале!

– Под навесом.

– Под зонтом!

– Я пригласил тебя пообедать.

Чичи изобразила отсутствие интереса.

– Я тебе ответила, что занята.

– Но я тебе не поверил.

– Я велела тебе пойти пересчитывать песчинки.

– А уж песка там было достаточно. Просто уйма. А идти-то мне некуда. Я был заморышем весом в девяносто восемь фунтов, и никто не хотел меня приютить. Так что я увязался за ней до самого дома.

Madone! Она мне приготовила макароны. Мы выпили домашнего вина. А когда дело дошло до десерта, я попросил подать канноли – вы ведь знаете, я люблю канноли. И она подошла к кухонному ящику.

– Ну да, там мы и держим канноли. – Чичи закатила глаза.

– Вовсе нет. Там она держит скалку.

– *Скалку моей мамаше*, – поправила Чичи. – Это такой кухонный инструмент.

– И в списках «Хит-парада» этот инструмент взобрался весьма высоко. Барышни, нам требуется ваша помощь, – обратился Тони к квартету.

Кристина, Энни, Дебора и Шейла окружили второй микрофон и поддержали голосами вступительные аккорды.

– Давай, ребята! – скомандовал оркестру Тони.

Оркестр взорвался бодрой, богатой духовыми аранжировкой «Скалки моей мамаше». Чичи и Тони завели свои партии, но их забавляла одна из медных труб – она играла в не совсем верной тональности, было в ней что-то развинченное, трясущееся, и каждый раз, когда трубач выдувал эти дрожащие ноты, Тони и Чичи хотелось смеяться. Они очень старались сдержаться, но странные звуки из трубы неизменно провоцировали их на неуместный смех. Чем больше они силились не рассмеяться, тем больше хихикали. Вскоре это уже не имело значения – веселье заразило девушек, оркестр и даже публику. Тони соскочил со сцены и встал у ее подножия, широко расставив руки, приглашая Чичи спрыгнуть в его объятия. Она выглядела смущенной, затем стала колебаться и наконец решилась после того, как весь зрительный зал стал подначивать ее прыгнуть. Тони поймал ее в воздухе, как брошенный ему букет. Он закружил ее, затем поставил на пол и шутливо изобразил боль в пояснице.

Чичи подала квартету знак спуститься в зал. Тони с девушками встали в ряд и стали кружиться на месте, изображая скалки. Вскоре к ним присоединилась Линда Дарнелл, и танцпол наполнился вертевшимися как скалки зрителями. Оркестр продолжал наигрывать мелодию, так как все веселились от души. Зрители и исполнители затерялись в музыке, забыв свои заботы и внешний мир.

Наконец оркестр плавно перешел на другую песню, и Тони обнял Чичи.

– Да что это с тобой сегодня? – удивилась она.

– Это настоящий шлягер!
– Ты ведешь себя как сумасшедший.
– А как мне себя вести?
– Не знаю, сам решай.
– Скажи, кем ты хочешь, чтобы я стал, и я стану.
– Просто будь собой.
– Это и есть я. И те письма, которые я тебе пишу, – это тоже я. А как насчет тебя?
– В тех письмах – я сама.
– Мне показалось, что ты как будто начала ко мне привязываться. Может, ты просто думала, что я могу в любой момент взлететь на воздух, ты никогда больше меня не увидишь, и потому немного осмелела.
– Вовсе нет, – солгала Чичи.
– Сомневаюсь, что ты показала бы эти письма Монсеньору Ниббио.
– Да, вряд ли.
– Значит, я прав. Шейла сказала, что ты обо мне говорила. А ты часто обо мне говоришь?
– Почти никогда.
– Я тебе не верю. – Тони крепко прижал ее к себе. – От тебя так приятно пахнет. Я страшно соскучился.
– Ты пьян, что ли?
Он рассмеялся.
– Нет.
– Ведешь себя как полоумный.
– Прости. Я подумал – мало ли. – Тони отодвинулся на почтительное расстояние, и они продолжили танец.
Чичи прильнула к нему и положила голову ему на плечо.
– Сав?
– Да?
– Помнишь, я всегда знала, что ты на подходе, а ты не понимал, как я догадалась? Например, когда я играла на пианино, сидя спиной к двери, а ты входил и спрашивал, откуда я знаю, что это ты?
– Ага.
– Все дело в твоей шее. Она пахнет по-особенному. Кедровым деревом, лимоном и английской кожей.

Выходит, Чичи об этом думала, – а значит, думала и о нем самом. Но он все еще не совсем ее понимал. Что у нее в голове? Чем все это кончится? Судя по всему, вполне могло оказаться, что она не испытывает к нему ни малейшего романтического интереса. Письма, которые она ему писала, были веселыми и занятными, а не слезливыми, обрызганными духами, с жирными отпечатками на помаженных губ, как письма, которые другие ребята получали от девушек из дому. Письма Чичи сочинялись с явным намерением помочь ему отвлечься, немного облегчить его ношу и рассмешить его. Такие письма пишут приятели – и не более того.

Чичи перестала двигаться в ритме музыки.

– Я наступил тебе на ногу? – спросил Тони.

Чичи отрицательно покачала головой. Она бережно взяла его лицо в свои руки и нежно поцеловала его в щеку, нос и губы. Будь это не поцелуи, а слова, они произносились бы шепотом. Она прижалась щекой к его щеке, но тут Тони притянул ее еще ближе к себе и на этот раз поцеловал ее сам.

Тони надеялся, что они с Чичи никогда не прервут этого поцелуя, но незадачливый трубач выдал очередную фальшивую ноту, и они, не выдержав, рассмеялись, хотя продолжали крепко обниматься. Вот ведь не повезло, что волшебство было разрушено, когда они столько времени только и делали, что создавали подобное волшебство для влюбленных в каждом клубе, танцевальном зале и гостинице на пути своего турне. Тони подозревал, что тот дурень с трубой испортил им весь настрой. А вдруг это знак свыше? Но ему не стоило волноваться. Ничего уже нельзя было испортить. Сердце Чичи принадлежало Тони, и он это знал.

Чичи складывала ноты в папку. Оркестранты паковали инструменты. Тони позировал для фото с военными, но не выпускал Чичи из поля зрения.

– Чичи, нам пора, – напомнила ей Шейла. – Водителю нужно вернуть машину к двум.

– Иду, – отозвалась Чичи, закутываясь в подаренный матерью палантин и беря сумочку.

– Эй, ты куда? – Тони поймал ее у самых дверей.

– Мне пора возвращаться.

– А вот и нет.
– Шоферу нужно вернуть машину.
– Я не приехал сюда за столько миль, чтобы спеть и потанцевать. Я притащился из такой дали, чтобы увидеться с тобой. Давай я доставлю тебя домой.
– В этом нет нужды.
– Послушай, что происходит? – тихо спросил озадаченный Тони.
– Мне пора возвращаться.
– А я сказал, что сам тебя отвезу. Чич, этот вечер изменил все. Отдай девушкам свои пожитки. Я приехал вон на том «паккарде», что стоит у входа.

Тони ждал на улице у «Голливудской столовой». Было уже поздно, и похолодало так, как это бывает в Лос-Анджелесе декабрьскими ночами. *Не Калифорния, а Вермонт какой-то*, подумал Тони, поднимая воротник бушлата, чтобы защититься от ветра. Затянувшись сигаретой в последний раз, он наблюдал, как Чичи отдавала Шейле свои ноты. Девушки о чем-то беседовали. Шейла перевела взгляд на Тони и его «паккард», затем обратно на Чичи. Тони уставился на Шейлу и молитвенно сложил руки – этот жест могла видеть только она, и он сработал. Чичи перешла дорогу и присоединилась к нему.

– Где ты достал этот драндулет? – спросила Чичи, забираясь в автомобиль, дверцу которого Тони открыл для нее.

– Хотелось бы мне, чтобы он был моим, – сказал он через пассажирское окно.

– Мне тоже, – улыбнулась она.

Тони обошел автомобиль и запрыгнул на место водителя.

– Я его одолжил, – пояснил он, заводя мотор.

– Шикарные у тебя знакомства, должно быть.

– Достаточно одного, – улыбнулся Тони. – А тебе обязательно всю дорогу сидеть в том углу? Такое ощущение, что я в Калифорнии, а ты – в Огайо.

– Мне нравится Огайо.

– Думаю, Калифорния тебе бы понравилась еще больше.

Чичи придвинулась поближе к нему.

– Тони, что происходит? – спросила она.

– Ничего.

– Что-то с тобой случилось на той подводной лодке.

– Что-то с тобой случилось на том танцполе.

– Но у меня-то есть уважительная причина, – сказала Чичи, вертя в пальцах жемчужные бусины на своем браслете. – Я просто увлеклась.

– Ты спросила, и я отвечу. Много чего случилось на подлодке. Я читал там твои письма.

– Я просто пыталась тебя развлечь.

– И тебе это удалось. А со временем я привык к твоим письмам, стал на них рассчитывать. Мне было необходимо получать от тебя вести. Я ждал почты с нетерпением. Когда приходило новое письмо, я перечитывал по порядку и все предыдущие. Как будто я голодал, а ты раздавала единственную пищу, способную меня насытить.

– Да ну, я же не Дороти Паркер^[72].

– Ты лучше, потому что обращаешься ко мне лично.

– Я уверена, что ты получаешь кучу писем от уймы девушек.

– Но те я читать не хочу.

– Но ведь получаешь, признайся.

– Знаешь, мои приятели иногда рассказывают о своей жизни до войны. И если их послушать, то мир тогда был безупречен, а сами они были счастливы и достигли всего, да только вот потом началась война и все испортила.

– А как считаешь ты?

– Я ненавижу войну. Это чудовищная вещь – наверное, наихудшее положение, в котором может оказаться человек. Но иногда мне кажется, что моя жизнь только тогда и началась, когда я попал на эту подводную лодку. Не знаю, как объяснить.

– Попробайся.

– Никогда прежде у меня не получалось хорошенько поразмышлять – так, как мне это удастся на флоте. Не то чтоб у меня стало больше свободного времени, просто я разумнее его использую. А как насчет тебя?

– Всё изменилось – и все. До войны я никогда ни о чем не переживала, а теперь постоянно волнуюсь то об этом, то о том. – Ее голос предательски задрожал.

– Ты плачешь? – спросил Тони. – Если плачешь, я хочу остановиться и хорошенько посмотреть. Никогда не видел тебя в

слезах. Вообще ни разу.

Чичи выудила из сумочки носовой платок.

– Я не собираюсь плакать, так что рули дальше.

– Точно?

– Просто я не хочу, чтобы с тобой случилось что-то плохое. – Она промокнула глаза.

– Да я и сам не хочу, чтобы со мной случилось что-то плохое.

– Хорошо.

– Но это не от меня зависит.

– Знаю. Ты не проголодался? Я ужасно голодна.

– Ты единственная знакомая мне девушка, способная поглощать обед на День благодарения между номерами и доесть его после выступления.

– А чего ты хотел? Я ведь итальянка.

– Не думаю, что где-то еще открыто, – заметил Тони.

– Давай найдем кафе и будем сидеть снаружи, пока оно не откроется к завтраку, – предложила Чичи.

– Ты серьезно?

– Этот твой «паккард» – он когда должен превратиться в тыкву?

– Завтра в обед.

– Значит, время у нас есть.

Чичи положила голову на плечо Тони, а он обнял ее за талию. Трасса расстилалась перед ними серой бархатистой лентой. Тони Арма ощущал такую благодарность мирозданию, что даже молиться не мог. У него была любимая девушка, с которой еще и поговорить можно, настоящий друг. И полный бак бензина в автомобиле, о котором он мечтал мальчишкой. У него было все, кроме времени, но будь у него еще и время, все казалось бы слишком уж невероятным.

Луна повисла над Тихим океаном, полускрытая редкими облаками, будто шифоновой вуалью. Чичи и Тони шли по пляжу Сан-Диего.

– Помнишь, как в детстве даже два дня казались длинными, как сто лет? – спросил Тони.

– Конечно.

– А последние двое суток – насколько длинными они тебе показались?

– Как десять минут.

– А для меня и вовсе как пять. Столько же времени, сколько тебе понадобилось, чтобы слопать ту стопку оладий.

– Даже не подумаю извиняться. – Чичи поцеловала его руку.

– Как твои домашние – мать, сестры? – поинтересовался Тони.

– С Барбарой и Чарли все хорошо. У их дочери Нэнси режутся зубки. Сестра говорит, она все грызет, хуже щенка. Мама занята – развлекается с внучкой. У Люсиль и того парня из семьи Коммунале все, похоже, серьезно.

– Рад за нее. Значит, девочки Донателли пристроены. Все, кроме одной.

– У меня свой путь. Я пишу песни, гастролирую и зарабатываю сорок долларов в неделю, жилье и питание включены. В шоу-бизнесе это тоже считается за «пристроена»!

Тони подобрал морскую ракушку и протянул ее Чичи.

Она взяла ракушку и подняла на него глаза.

– Спасибо, Саверио.

– Это всего лишь ракушка.

– Но она красивая, и ее дал мне ты.

– Только ты и моя мать еще называете меня Саверио.

– Мне это даже нравится. Всегда вспоминаю, каким ты был, когда звался просто Саверио.

– Тони – обычный выдуманный персонаж, – пожал плечами Тони.

– С Тони все отлично. Но Саверио – парень, который не вписывался в афишу. Важно помнить времена, когда ты куда-то не вписывался.

Чичи и Тони шли по кромке прибоья.

– А почему бы нам не пожениться, Чич?

– Ты с ума сошел, – мягко сказала она.

– Ну и что это за ответ?

– Хорошо, вот тебе ответ: давай не будем жениться.

– Мне больно это слышать!

– Ничего, пройдет, – заверила она.

– А ты-то откуда знаешь?

– Ты просто сейчас плохо соображаешь.

– Я много об этом думал, – возразил он.

– Ты несколько месяцев провел под водой, а там мыслится совсем иначе.

– Но я говорю искренне.

– Все дело в войне, – сказала Чичи. – Разумные здравомыслящие мужчины и приличные умные женщины женятся всего лишь потому, что уверены, будто мир вот-вот полетит к чертям, и им не хочется быть одинокими, когда это произойдет.

– Ты рисуешь очень мрачную картину.

– Дальше – хуже. Подумай о будущем. Война закончилась. Солдат возвращается, входит в дом, там его ждет жена, с которой он расписался в приступе паники, и вот они оба стоят и думают: «Что мы наделали?»

– Не знал, что ты такая романтичная.

– Надо же хоть одному из нас сохранять связь с реальностью.

– Уверена, что это ты написала все те любовные песни?

– Век большинства песен недолог – как и любовной связи. Было очень разумно с нашей стороны оставаться друзьями.

– Я не хочу быть твоим другом. Я хочу быть твоим мужем. Я никого раньше не просил выйти за меня замуж.

– Ну и зря. Я тебе не подхожу.

– Как ты можешь так говорить?

– Потому что ты мне не подходишь.

– Почему это?

– Ты вечно гуляешь то с одной, то с другой.

– Но они ничего для меня не значили.

Чичи поразмыслила над его словами и заключила:

– Знаешь, когда ты так говоришь, все выглядит еще хуже. Создается впечатление, что ты их просто используешь.

– А может, это они используют меня.

– Это никоим образом не делает тебя порядочнее.

– Да ты суший ангел.

– Нечего вовлекать меня в свою мелодраму. Каждый раз, когда ты это делаешь, – а так было не раз и не два – я вынуждена подставить брошенным тобой девушкам с разбитым сердцем плечо для рыданий и дать носовой платок. Знаешь, скольких платочков, обшитых ирландским кружевом, я лишилась из-за тебя? А на одном даже были вышиты крестиком слова «Будь здорова!». Один из моих любимых.

– Я куплю тебе новый платочек.
– Суть не в этом. Некоторые вещи невозможно заменить.
– Например?
– Например, женское достоинство.
– Я всегда буду относиться к тебе с уважением, Чич. Разве я хоть раз поступил иначе?
– Что ж, правда.
– Так что можешь на это рассчитывать.
Но Чичи оставалась непоколебимой.
– Ты влюблена в кого-то другого, да? – осенило Тони. – В этого Дика Ламарку.
– Его зовут Джим. И нет, не влюблена.
– Тогда в чем дело?
– Я верю в нормальные помолвки.
– Но теперь ведь война!
– Это не имеет значения. Когда у девушки есть время, она может спокойно подумать. А размышление может спасти от будущих сердечных страданий.
– Разве ты все еще не знаешь, какие у тебя чувства? Не наразмышлялась достаточно?
– Будь это так, мне бы не требовалась нормальная помолвка.
– Просто ты не думала обо мне так, как я думал о тебе.
– Не знаю, Сав.
– Я неправильно прочел знаки.
– Я вообще никогда не хотела выходить замуж. А мне не раз предлагали.
– Ты делаешь только хуже.
– Ну да, меня звали замуж, а почему бы и нет? Думаешь, ты из нас единственный такой практичный? Я – рабочая лошадка в мире гарцующих пони. Но черты лица у меня неплохие, да и ноги приличные, такие не у каждой найдутся. Со мной весело, но, когда надо, я могу быть серьезной. И итальянец в данном случае в выигрышном положении, поскольку мать у него тоже итальянка, и он знает, что с женой-итальянкой ему обеспечена комфортная жизнь. Так что ты тут мало чем рискуешь. А вот я рискую всем, выходя за тебя замуж.

– Я ничего от тебя не скрывал, – сказал Тони. – Ты все обо мне знаешь. Ты была моим доверенным лицом.

– Что же удивляться, что я так устала.

– Ты меня любишь? – спросил он прямо.

Чичи подумала.

– Я понимаю то, что знаю, а если понимаю, то могу и полюбить. Но многого о тебе я не знаю.

– Это то, что узнаешь постепенно, с годами.

– Возможно. Но ты ведь то и дело исчезаешь.

– Ты же точно знаешь, где я. Я мичман в американском флоте.

– Я не имела в виду географически. Речь о тебе самом. Тебя периодически куда-то уносит мыслями. Я это заметила еще тогда, когда ты пришел к нам на обед в тот первый раз.

– Ты была одета в белый раздельный купальник, – присвистнул Тони, вспоминая. – Ну хорошо, я присвистнул, просто чтобы тебя рассмешить.

– Я помню, как мы ели макароны на заднем дворе, – продолжала Чичи. – Все болтали, ты тоже участвовал в разговоре – и вдруг исчез. Уставился вдаль и куда-то делся. И потом это не раз повторялось. И в компании, и когда мы были вдвоем. Сначала я думала, что тебе просто больше нечего сказать на определенную тему, но потом поняла, что дело в другом. На сцене с тобой такого не бывает. Только в жизни.

– То есть ты не выйдешь за меня замуж, потому что я иногда погружаюсь в мечтания?

– Нет. Я не выйду за тебя замуж, потому что... Ты не понимаешь, что такое серьезные отношения. Конечно, в браке важна любовь. Но требуется еще и смелость. А ты сидишь в своей подлодке, и тебе страшно. Ты знаешь, что в любое мгновение может произойти наихудшее, поэтому это твое предложение отчасти вызвано страхом, что все может вдруг закончиться, а еще – что ты вернешься домой, когда война завершится, и окажешься один. Ничто так не убеждает мужчину, как здорово ему будет с одной-единственной женщиной, как жизнь среди толпы мужчин. Только я, видишь ли, слушала все, что говорил мой отец, и была у него одна по-настоящему хорошая мысль, которой я всегда руководствуюсь.

– Какая же?

– Папа говорил: «Ты должна решить, что для тебя священно. Для каждого человека это разное. А когда решишь, надо посвятить свою жизнь служению тому, что для тебя важнее всего. Если ты так не сделаешь, твоя жизнь будет лишена смысла».

– На такое мне нетрудно ответить. Это ты. Ты для меня священна. Ты единственная женщина, на которой я хочу жениться. А если ты мне откажешь, я никогда не женюсь на другой.

Чичи посмотрела на Саверио. Он был такой худой, что даже затянутый на последнюю дырочку ремень на нем болтался. Такой тощий, что голубовато-зеленые вены на лбу вырисовывались, как дороги на карте. На флоте ему обрили голову, так что от роскошных кудрей и воспоминаний не осталось. Но без волос она будто бы впервые видела его по-настоящему. Она почти что проникала в его мысли до самой его сути и внезапно ощутила к нему глубокое сочувствие, какое прежде испытывала только к своему отцу.

– Брось, Чич. Я просто не принимаю твой отказ. Это безумие какое-то. Давай договоримся. Ты получишь свою помолвку, сколько бы тебе ни потребовалось времени. Я уйду в море, у тебя гастроли, а когда я вернусь, можем подождать еще, если тебе будет нужно. Хоть двадцать лет, мне все равно. Хочешь пышную свадьбу, хочешь скромную – я согласен на любую. Правда, если мы подождем двадцать лет, добрая часть твоих кузин постарше уже умрет, так что придется устроить свадьбу поскромнее. Без павильона, втиснем всех на ваш задний двор. Все, что хочешь, только бы в конце концов у алтаря меня ждала ты, готовая сказать «да».

Чичи почувствовала, что у нее закружилась голова.

– Я тебя слушаю, – сказала она.

– Я думаю, что для того, чтобы узнать тебя, все твои грани, понадобится время. Нам нужно больше времени. Но мне не нужно время, чтобы понять, что я люблю тебя больше, чем кого-либо еще, и что при одной мысли о том, чтобы прожить жизнь без тебя, я погружаюсь в такое отчаяние, какое даже описать не могу. Ты не можешь прожить свою жизнь одна или с другим мужчиной, потому что я не могу жить без тебя. Моя семья – это ты.

Для Чичи Донателли *семья* воплощала все самое главное. Именно сила семьи высвободила ее мечты, целеустремленность и

самосознание. Семья всегда будет для нее священна. Поддержка, которую отец оказал ее таланту, была настолько тесно сплетена с ее собственной верой в свои способности, что в сознании и сердце Чичи они были неразделимы. Семья означала, что Чичи никогда не остается одна, даже вдали от дома, на гастролях; что каменная стена защищает ее от беды и что та же стена удерживает в узком кругу радость, о которой узнают только те, кому Чичи доверяет и с кем ее объединяет общее прошлое. Следовательно, став для Тони его семьей, она может без колебаний согласиться на таинство брака, если поверит, что он чувствует то же самое.

– Не торопись, подумай хорошенько, – добавил Тони. – Если бы я мог, я ждал бы до скончания времен. – Он не шутил.

– Ладно, Сав. Ладно.

– Ты серьезно?

– Да.

– Ты не сдаешься, не просто сломалась, ты действительно хочешь, чтобы мы поженились?

– Да, я выйду за тебя замуж.

Тони достал из кармана коробочку, встал на колени перед Чичи и откинул крышку. В складках темно-синего бархата покоилось платиновое кольцо с сердечком, выложенным из мелких бриллиантов. Сердечко посверкивало в розовом свете лунных лучей.

– Если оно слишком броское, я могу его вернуть в магазин, – неуверенно сказал Тони.

Чичи сузила глаза.

– Давай сюда, – скомандовала она.

– Ох уж эти итальянские девушки! – вздохнул Саверио, поднимаясь с колен и надевая ей на палец кольцо.

– Это самое изысканное кольцо, которое я видела в жизни, – прошептала Чичи и процитировала слова песни: «В золотом кольце бриллиант блестит», обняла и поцеловала Саверио.

Тот закончил цитату:

– «Нас с тобой ничто уж не разлучит».

– Хорошие стихи, – сказала Чичи.

– Шуточная песня, – поддразнил ее Тони.

– Юмореска, – поправила она его.

Тони не выпускал ее из объятий. От ее кожи веяло первым днем лета.

– Ты так собираешься делать всю жизнь? – поинтересовался он. – Поправлять меня?

– Всего лишь когда ты будешь ошибаться. – Она поцеловала его руки. – Сав?

– Да?

– А ты будешь мне верен?

– Всего лишь вечно.

Чичи выпрямилась на водительском сиденье, осторожно и медленно ведя «паккард» по улицам Сан-Диего.

– Мне нельзя опаздывать, – волновался Тони.

Она прищурилась:

– Кажется, мне нужны очки.

– Нашла когда мне об этом говорить!

– Успокойся, мы уже почти доехали, – сказала она.

– До базы-то мы доедем, но как ты потом попадешь в тот свой монастырь?

Автомобиль дернулся.

– Как кенгуру, – беззаботно ответила Чичи. – Твою машину я верну на место, а за мной Шейла прислала нашего водителя. Все будет отлично.

Фары осветили табличку на сетчатом заборе, сообщавшую, что перед ними Ремонтная военно-морская база Сан-Диего.

– У нас получилось! – Чичи выжимала тормоза, пока автомобиль не остановился. Она повернула ключ в стояночное положение и выключила зажигание.

– Все еще хочешь «паккард»? – спросила она.

– Ход неплохой, но были и перебои. По-моему, тормозные колодки стерлись, – предположил Тони.

– Скажу автомеханикам, когда буду возвращать.

Чичи повернулась к Тони и оттянула у себя на шее золотую цепочку с медальоном. Она разомкнула замочек, надела цепочку на шею Тони и застегнула.

– Это чудодейственный медальон. Освященный. Пока ты его носишь, с тобой не случится ничего плохого.

– Со мной не случится ничего плохого, пока ты меня любишь, – ответил он.

Чичи нежно поцеловала жениха.

– Когда ты вернешься?

– Мое следующее увольнение через восемь месяцев. А потом кто знает.

– Если только война не закончится.

Тони улыбнулся.

– Вот об этом помолись отдельно, – сказал он.

– А ты знаешь, куда тебя посылают?

– Дно океана, оно и есть дно, куда ни направляйся.

– А каково оно, на дне?

– Работа на подводной лодке очень похожа на заводской конвейер.

Стараюсь много не думать. Но когда думаю, то все мысли только о тебе.

– А я буду думать о тебе. – Чичи опустила взгляд на свою руку. – Это самое прекрасное кольцо, что я видела в жизни. Спасибо.

– Оно тебе идет.

– Я его не заслуживаю.

– А я – тебя.

Тони поцеловал Чичи на прощанье. Он уже несколько месяцев не целовался и чуть было не позабыл, как необходимы для жизни поцелуи. Для него они были живительным воздухом и уж точно пищей – куда лучшей, чем еда. За столько лет знакомства с Чичи он узнал о ее губах все, ни разу до них не дотронувшись, он смотрел на них, когда она разговаривала, наблюдал, как она их закусывала, работая над новой песней, и поражался, как ей удавалось быстренько подкрасить их за кулисами, не глядя в зеркало, и все же не испортить рисунка. «Савви, у меня губы ровные?» – могла она спросить перед самым выходом на сцену. Иногда он большим пальцем подправлял контур – она любила форму бантика. В те времена все эти мелочи ничего не значили, но теперь он подумал, что вот они поженятся и однажды у них будут дети с такими же губами и улыбками.

– Завтра мне надо будет купить пачку благодарственных открыток, – сказала Чичи.

Тони привык к ее неожиданным заявлениям и решил ей подыграть.

– Зачем это?

– Разошлю их всем девушкам, которых ты целовал, пока не добрался для меня. Надо же их поблагодарить за тренировку.

– Оглянись, Чич.

Чичи поглядела сквозь лобовое стекло «паккарда». На улице мичманы прощались с женами и подругами. Пары рассеялись по дороге, как кусты перекасти-поле, и много же их было! Они появлялись из-за углов и из переулков, выходили из автомобилей, сходили с автобусов и выходили из тени у ворот базы под лучи восходящего солнца. Совсем как Тони и Чичи, они пытались выжать каждую секунду из прощания.

– Нет повода для грусти, – сказала Чичи. – Скоро ты вернешься домой, а к тому времени я спланирую нашу свадьбу и война закончится.

– Ты разве знакома с президентом Рузвельтом?

– Не-а. Да и зачем? Я верю в тебя.

Тони поцеловал ее в последний раз, прежде чем выйти из машины. Дверь громко скрипнула, когда он ее открыл, – ржавые петли требовалось смазать. Тони и Чичи рассмеялись, когда все перестали целоваться и обернулись в поисках источника ужасного скрежета.

– Пока ты еще не ушел...

– Да? – Тони наклонился к окну.

– На свете столько девушек. Вот мне и интересно – почему я?

– На свете столько парней – почему я?

– Потому что ты хороший человек.

– А ты лучший человек, которого я когда-либо знал, Чич. Вот почему.

Чичи проследила глазами, как жених вошел на базу следом за товарищами. Перед тем как переступить порог казармы, он обернулся в последний раз, помахал рукой, поцеловал медальон и спрятал его под рубашку.

Когда он исчез, Чичи поняла, что ее бьет дрожь. Никогда еще ей не было настолько страшно.

На базе Тони встал в очередь за формой. Также ему предоставлялся выбор подарка от Ассоциации американских клубов

жен моряков: книга, колода игральных карт или пачка писчей бумаги с конвертами и марками. Тони выбрал последнее.

Он собирался написать матери длинное письмо о Чичи. Мать наверняка помнит девушку из Си-Айла. Чичи ей тогда понравилась. Ему придется объяснить матери все, что он чувствует, а он нечасто это делал. Но на этот раз он понимал, как важно рассказать матери, что у него на сердце. Он объяснит ей, что хочет жениться на Чичи Донателли потому, что та его понимает.

Тони хотелось, чтобы после войны его определенно, наверняка ждало счастье. Он не знал, как справиться с мрачными мыслями, крутившимися у него в голове, единственный способ – мечтать о ком-то и чем-то. Он не мог ждать, пока это спасение снизойдет на него, ему нужно было быть уверенным в нем сейчас. Иногда на субмарине, когда он не мог уснуть, он воображал своих будущих детей и собственную семью. Но в то время сама мысль о том, что у него когда-нибудь будет своя семья, казалось нереальной, он часто ощущал себя забытым и потерянным, просто болтающимся без толку по погруженному в толщу океана судну.

И Чичи Тони тоже собирался написать. Он хотел объяснить ей разницу между тем, что значит для него любить и быть любимым по-настоящему, и развлечениями с девушками, просто чтобы на время забыть об одиночестве. Как выяснилось, секс, даже превосходный, лишь ненадолго помогал от тоски. Обычно это средство срабатывало, но теперь, когда он столкнулся с суровой правдой жизни, ему требовалось придать своим действиям более глубокий смысл. Тони не знал, переменил ли свое отношение ко всему из-за страха смерти или из страха кончить свои дни, как те престарелые исполнители, которые гастролируют до тех пор, пока уже не способны слышать оркестр и утешаться в объятиях готовых их приголубить женщин. Тони посмотрелся на подобную убогую жизнь и решил, что он до такого не дойдет.

Ему хотелось найти правильные слова, чтобы сказать Чичи, что та минута, когда он наконец-то сможет заняться с ней любовью, станет счастливейшей в его жизни. Чичи была единственной женщиной, которая постаралась его понять. Казалось странным признаваться в таком, учитывая, сколько связей с женщинами он имел в прошлом. Чичи не отвергала его, когда он делал глупости, она не заставляла его

мучительно стогать от стыда каждый раз, когда он проявлял человеческую слабость. Ее способность прощать была равной ее способности любить.

И вот поэтому Чичи Донателли досталось сверкающее сердечко.

*23 декабря 1942
Сан-Диего, Калифорния*

*Дорогие мистер и миссис Армандонада,
Надеюсь, мое письмо застанет вас в добром здравии.*

Пишу вам с большой радостью. Ваш сын Саверио попросил моей руки. Я приняла его предложение. Как вам известно, в настоящее время он служит на Тихоокеанском фронте мичманом американского военного флота. Нам удалось ненадолго увидеться, так как до конца войны я работаю в оркестре в Калифорнии.

Миссис Армандонада, я помню, как встретила с Вами и Вашей кузиной Джузи дома у моих родителей. Вы показались мне очень милой, и я часто вспоминала Вас с тех пор. Мистер Армандонада, я с нетерпением ожидаю знакомства с Вами. Судя по тому, что Вы вырастили такого чудесного сына, я уверена, что у него был лучший в мире отец. Желаю вам обоим самого счастливого Рождества.

С любовью,

Чичи Донателли, невеста Саверио

Р. С. Когда он возвращался на подводную лодку «Невада», я надела ему защитный медальон, освященный отцом Краузе из церкви Девы Марии Лоретанской.

8

1943–1944

Marziale^[73]

Лейтенант Тони Арма отдал свой первый приказ наполнить морской водой балластные цистерны подводной лодки «Невада» и немедленно почувствовал, как нарастает давление в ушах. Послышался лязг открывающихся решеток. Жужжание гребных винтов стало затухать, затем и вовсе прекратилось. Уши Тони отслеживали этапы погружения субмарины с той же точностью, что и стрелки индикаторов, за которыми он наблюдал на центральном посту. Он полагался на свои пять чувств не меньше, чем на данные аппаратуры и собственную сообразительность, точно так же, как его командиры доверялись гидролокатору, когда вели подводную лодку сквозь густые черные водоросли над океанским дном.

Переданная по цепочке команда многоголосым эхом раскатилась по главному корпусу субмарины. Заглох негромкий рокот двигателей, и наступила полная тишина. Субмарина погружалась на глубину. Это были уже третьи за день подобные учения. Изучив индикаторы давления, Тони начал заносить данные в бортовой журнал, когда лампочки на потолке внезапно моргнули и погасли. Обычно аварийное электроснабжение включалось через несколько секунд после отрубания электричества; Тони схватился обеими руками за ведущий вверх трап и стал ждать, когда снова зажжется свет, прислушиваясь, не будет ли нового приказа. Судя по звукам, отсеки главного корпуса начали автоматически запираются. Пока волноваться не стоило – все шло согласно стандартному алгоритму действий. Никаких сообщений не последовало, а вскоре пульт управления снова зажегся. Тони выдохнул с облегчением. Датчики на панели засветились, стрелки указателей начали крутиться. Не получив нового приказа, лейтенант продолжал следить за датчиками и ждать.

Судно немного покачнулось, затем как будто начало давать крен. Тони был уверен, что причиной не стал заданный ранее командиром подводной лодки самый малый ход. С утра морякам сообщили, что на этот день намечена учебная тревога, но в плане действий не упоминалась проверка защитных маневров во время операций с цистернами балласта.

Над головой послышались быстрые шаги. Хлопнул люк боевой рубки. Видимо, командир субмарины созвал к себе оперативную группу из главного корпуса, подумал Тони. Судя по лязгу, люк закрыли и задраили. На трапе внутри рубки зашуршали шаги поднимавшихся по нему людей.

Тони смахнул со лба пот. Сделалось невыносимо душно. Он так вспотел, что ничего не мог различить вокруг. Охлаждавшие аппаратуру вентиляторы отключились, когда вырубился свет, но так и не включились заново. Субмарина раскалилась, как печка, – еще бы, это ведь была стальная коробка, заключенная в железный панцирь. Без вентиляторов и циркуляции воздуха температура быстро поднималась.

Тони достал из-за пояса карманный фонарик и взгляделся в странно подергивающиеся стрелки на датчиках. Наверху снова послышался топот, и вдруг подводная лодка резко наклонилась вперед. Тони уронил фонарик.

Корпус резко накренился, и державшегося за трап Тони крутануло так, что он распластался спиной на пульте управления. Субмарина выровнялась. Тони упал на колени. Он пошарил по полу в поисках фонарика. К счастью, тот покатился к нему сам. Тони схватил фонарик и принялся светить вокруг себя. Если бы был сигнал бедствия, замигали бы аварийные лампы. Но ничего не мигало. Он решил, что надо бы, наверное, подняться в рубку, присоединиться к остальным ребятам. Но вместо этого принялся действовать по протоколу: еще раз изучил все индикаторы, продсвечивая себе фонариком, сравнил их показания с записями в бортовом журнале, после чего стал ждать дальнейших приказаний.

Тони выглянул в коридор, и сердце у него екнуло. Там маячила одинокая фигура – неподвижная и чем-то напоминавшая призрак. Тони пошарил по ней фонариком. Это был его приятель Барни, очень бледный, на лице застыл ужас.

– Они нас достали, – тихо проговорил Барни.

Сокрушительный удар отдался гулом в ушах обоих моряков. Субмарина закачалась из стороны в сторону. За скрежетом раздираемой стали послышался глухой рокот – это железная оболочка лодки пришла в соприкосновение с огненным шаром. Последовала серия толчков, как при землетрясении, – казалось, океанское дно раскрылось и заглатывает субмарину. А когда тряска прекратилась, через дыру во внешнем корпусе хлынула вода. Мигнула и погасла панель управления – короткое замыкание. Тотчас зашипела аварийная система, потом перешла на негромкий гул, поддерживаемая запасным генератором. Судно погрузилось в полную тьму, лишь выходы из отсеков подсвечивались помаргивающими аварийными лампочками.

И тогда в самом сердце подводной лодки раздался оглушительный взрыв. Корпус судна крутанулся вдоль оси. Взрывная волна от вражеской торпеды швырнула Тони и Барни через центральный отсек в кромешную бездну.

Дома в Си-Айле Чичи свернулась калачиком на диване под боком у матери. Барбара сидела неподалеку за швейной машиной, а малышка Нэнси ползала в манеже.

– Ты здесь хочешь сыграть свадьбу? – спросила Барбара.

Как давно уже заметила Чичи, Барбаре непременно нужно было покритиковать любое ее решение, от важных до самых незначительных.

– Я хочу, чтобы у нас была традиционная свадьба на берегу, – сказала Чичи. – Футбольная свадьба, с оркестром, сэндвичами, танцами до рассвета и горой печенья на подносах. Настоящая итальянская *festa*^[74].

– А Тони чего хочет?

– Он согласен на все, что выберу я.

– Все они так говорят поначалу. И все в ажуре до того самого момента, когда ты перестаешь с ним соглашаться. – Барбара перекусила нитку и проверила шов на занавеске, которую шила. – Но как только выходишь за него замуж, решения начинает принимать он один.

– Браки бывают разные.

– Ага. – Барбара выровняла край занавески и протолкнула его под лапку швейной машины. – Каждая порция макарон тоже разная, но в

итоге это все равно макароны.

– Мне надо бы написать его родителям и предложить им остановиться у нас, когда они приедут на свадьбу, – сказала Изотта.

– А где их размещать? Тут и так яблоку негде упасть, – возразила Барбара. – Вот у Джузи есть место. Правда, тогда придется пригласить всю эту шайку Фьерабраччо.

– Действительно, – задумалась Изотта.

– Лучше пусть живут у Джузи, – сказала Чичи. – Савви не очень-то ладит с отцом.

– Но ведь ко времени свадьбы они уже разберутся между собой? – сказала Изотта.

– Тони наотрез отказывается это обсуждать.

– Он, видимо, из такой итальянской семьи, где принято враждовать до самой смерти, – предположила Барбара.

– Как эти Фьерабраччо?

– Ага, вот именно. – Барбара выключила швейную машинку. – Как поспорятся, перестают разговаривать друг с другом навсегда. До могилы.

– Его мать очень милая. Неужели отец так ужасен? Она ведь с ним уживается, – сказала Чичи.

– Скоро все узнаешь сама, – вздохнула Изотта, поднимая на руки внучку. – Мне бы хотелось, чтобы ты как можно скорее поговорила со священником.

– Если тебе надо, чтобы именно он тебя венчал, то договаривайся о торжественной утренней мессе, – посоветовала Барбара. – К обеду отец Розалия уже в дрова.

– А дрова красные или белые? – пошутила Чичи.

– Солодовые.

Зазвонил телефон. Чичи подняла трубку, ответила, затем замолчала, слушая собеседника.

– Да, я Кьяра Донателли, – сказала она наконец.

– Должно быть, выиграла окорок, – сказала Барбара. – Я написала ее крестильное имя на билете для церковной лотереи.

Чичи положила трубку и оперлась о спинку стула, чтобы не упасть.

– Кто звонил? – спросила Барбара.

– В субмарину Тони попала торпеда. Он пропал без вести.

Чичи схватила пальто и направилась к двери.

Барбара поднялась было, чтобы пойти за ней, но Изотта остановила дочь:

– Оставь ее.

Чичи была дрожь. Она поплотнее завернулась в пальто и посмотрела на свою руку. Помолвочное кольцо выглядело тусклым – день выдался очень пасмурным. Девушка постаралась не принять это за знак свыше. Да нет, наверняка это ничего не значило, просто солнце прочно спряталось за густыми ноябрьскими тучами. Она натянула перчатки и направилась к пляжу.

С утесов свисали спутанные лозы с повисшими на них водорослями. А дальше на побережье было пусто, сколько видел глаз. Чичи пошла вдоль кромки прибоя, там, где серая поверхность океана отражала мрачное небо.

Атлантические волны тихо накатывали белыми фалдами. Она представила себе бурный тихоокеанский прибой, каким его показывали в выпусках новостей, и ощутила всю даль расстояния между собой и Тони. Она ничего не могла для него сделать и чувствовала себя совершенно бесполезной.

Чичи попыталась вообразить себе мир без него. А ведь следовало быть готовой к подобному. Подруги, у которых парни тоже воевали, советовали ей трезво глядеть фактам в лицо, но к самому худшему она не подготовилась. С отчаянием, знакомым только тем, кто вынужден торговаться со Всевышним, Чичи устроила себе настоящее испытание совести.

Я откажусь от всего, только бы он вернулся ко мне.

Этим *всем* было ее честолюбие, и оно же было ее грехом. Она подпитывала свои творческие планы при помощи хитрости, уловок и упорства, отодвигая на задний план и любовь, и дружбу, и брак. И что это, как не эгоизм? Она носила кольцо Тони Армы, но знала, что кольцо это было залогом их будущего сотрудничества не меньше, чем шаг по направлению к церковному таинству. То, в чем Чичи сейчас себя обвиняла, прежде было осознанно принятым решением. В биг-бэндах выживали лишь женщины, связанные с главным мужчиной оркестра, и женщины, взвалившие на себя роль матери и секретарши.

Чичи же хотела выстроить свою жизнь по собственному сценарию. Но вот настал час испытания.

Я никогда не хотела замуж, и вот теперь у меня отняли будущее замужество, потому что я не ценила его и недостаточно любила Тони. Работа всегда была важнее, именно она всегда была для меня главным. Не стань Тони частью моей мечты, я не была бы с ним помолвлена.

Я думала, что мы станем путешествовать по всему свету, писать песни, исполнять их и записывать одну пластинку за другой. Пластинки будут складываться стопками, как pizzelle^[75], столбик за столбиком, сотни пластинок. Шлягеры, шлягеры, шлягеры. Песни будут рождаться ночью, репетироваться днем, а на следующий вечер уже исполняться с полным оркестром. Мы только и будем делать, что создавать новую музыку и наслаждаться процессом. Это станет нашим вариантом фабричной жизни, но вместо того, чтобы шить блузки и собирать автомобили, мы будем писать о желаниях и мечтах людей, которые работали на тех конвейерах, а я буду класть эти слова на музыку. Мы проследили нити этих историй в наших семьях, у стола, вокруг которого мы собирались, и в любви, которая соединила нас, как обложка – книгу.

Но я пожадничала.

Женщин, которые хотят слишком многого, наказывают за честолюбие одиночеством на всю жизнь, в то время как мужчина, стремящийся к успеху, вознаграждается. Лишь война может потребовать от него отдать свою жизнь взамен жизней других. А от женщины ожидается, что она откажется от всего за привилегию любить одного-единственного мужчину.

Она сложила руки, склонила голову и закрыла глаза.

Я отдаю все – мою карьеру, устремления, будущее – в обмен на его жизнь.

Чичи услышала, как с утесов ее зовет Барбара. Сестра махала ей скрещенными над головой руками – этому сигналу SOS их научили родители для использования на пляже. Значит, есть новости. Барбара заскользила вниз по склону, Чичи побежала навстречу.

– Он у них! Тони нашелся! – крикнула Барбара.

– Он у япошек?

– Нет, нет, в больнице. В Морском госпитале Сан-Диего.

– Как он? Что они сказали? Расскажи мне все! – Чичи схватила сестру за лацканы пальто.

– Я попыталась выудить из медсестры всю информацию, какую смогла. Мы знаем, что он жив и был прооперирован.

– Он спасся! Он спасся! – Чичи начала по-настоящему осознавать новости. – Мне надо к нему. – Чичи взяла Барбару под руку, и они зашагали домой. – Я должна все исправить.

Для поездки в экспрессе «Супер-Чиф» из Чикаго в Лос-Анджелес Ли Боумэн надела свой лучший клюквенного цвета шерстяной костюм. Она укладывалась в спешке и взяла лишь небольшой багаж, но по опыту сопровождения гастролирующих оркестров знала, что брат стоит побольше блузок, чулок и белья, а не таскать за собой тяжелые юбки, жакеты и платья. Шляпу она не стала паковать, а просто надела, ей очень шла эта тирольская шляпка сочно-розового цвета с клюквенно-алой лентой.

Напротив Ли сидела Чичи в своем лучшем наряде – сером костюме из шелка букле с длинным жакетом и прямой юбкой. Шляпка, итальянская федора черного фетра, лежала у нее на коленях, темные волосы волнами струились по плечам.

– Сообщи Викки Флеминг, что я не вернусь в оркестр, – сказала Чичи.

– А тебе не кажется, что рановато принимать такое решение? – удивилась Ли.

– Нет у меня сейчас настроения для гастролей.

– Ты волнуешься о том, в каком состоянии мы найдем Тони?

– Чем ближе подъезжаем, тем больше волнуюсь.

– Я тоже, – призналась Ли.

– Мой кузен с Лонг-Айленда потерял во Франции ногу, – сказала Чичи. – Теперь он заново учится ходить.

– Гони от себя такие мысли.

– Знаешь, о чем я думаю?

– О чем же?

– О том, *что* я могу сказать ему или сделать для него, чтобы хоть как-то помочь.

– Ты тут помочь не можешь, – вздохнула Ли. – И никто не может.

– Но в этом и состоит моя роль в его жизни.

– Тогда быстренько найди себе новую роль, потому что быть ангелом невозможно. Даже я не позволила бы тебе подписать договор на такой ангажемент, несмотря на десятипроцентную комиссию.

– В каком бы он ни был состоянии, как бы ужасно все ни оказалось и что бы это ни значило для будущего, я все приму. Я о нем позабочусь. Мы поженимся, и я заберу его домой.

– Ты сделана из доброго теста, Чичи. Ему повезло – а уж я-то насмотрелась в шоу-бизнесе на самых разных жен. Мало кто подпишется на такую жизнь с закрытыми глазами.

– Я подписываюсь.

– А что если с ним все в порядке?

– Я в долгу перед Господом Богом.

– Как и все мы.

– Я с Ним кое о чем договорилась.

– А, знакомо. – Ли посмотрела в окно.

– Ты должна мне помочь стать обычной традиционной женой.

– Ты можешь быть любой, какой пожелаешь. Есть жены, которые сидят дома, заботятся обо всем, а о гастролях и слышать не хотят. «Ты только кошелек домой приноси, милый, а я уж обеспечу тебе теплый очаг и горячий ужин». Другие присматривают за домом и детьми, да еще и время от времени приезжают на концерт то там то тут, потом приходят за кулисы и жмутся по углам, будто поклонницы, и не знают, что сказать. Ты только подумай, там ее муж, а она молчит!

– Это вроде клуба, Ли. Я-то знаю все детали, потому что я в нем состою. Но если ты не в ансамбле, ты – чужой. Что ж удивляться, что жены чувствуют себя не в своей тарелке.

– Жена ничего не говорит, потому что не думает, будто имеет на это право. Это *его* мир, и она понимает, что для нее там места нет. Но иногда встречаются и девушки вроде тебя, у которых мечты такие же смелые, как у мужчин.

– И что же с ними случается?

– Умные женщины никогда не прекращают работать.

– Это ты как импресарио пытаешься уговорить меня не бросать турне?

– Нет. Но чем-то заниматься тебе нужно. Ты как раз набираешь обороты. – Ли открыла сумочку: – Смотри, «Биллборд» не позабыл о тебе и Тони.

Из всех тогдашних дуэтов именно Тони и Чичи вносили в довоенные хит-парады музыкальность в сочетании с юмором. Их этнический материал – фейерверки в кухонной раковине, перец чили в соусе маринара – обладает поистине взрывными свойствами, и мы с нетерпением ждем, что же они нам состряпают после победы. Сама Донателли к тому же первоклассная песенница. Баллада «Мечтай о ней» в аранжировке и исполнении Дины Шор немедленно вошла в золотой фонд. Эта песня переживет время, определив при этом свою эпоху, – одна великолепная нота за другой.

– Я годами пыталась добиться, чтобы вас хотя бы упомянули в этом журнале, и вот наконец-то они меня услышали.

– Я не хочу бросать, Ли.

– Может оказаться, что и выбора нет. Если он не сможет работать, тебе придется его содержать.

– Конечно, я позабочусь и о наших финансах. Это не проблема. В каком бы он ни был состоянии, я выхожу его и буду продолжать сочинять.

– Вот и славно, а то Дина хочет еще твоих песен, да поскорее.

Временное отделение Морского госпиталя Сан-Диего для лечения американских военнопленных обоих полов, раненных на Тихоокеанском фронте, расположилось в помещении склада недалеко от доков. Младшим медицинским персоналом мастерски управляли монахини ирландского ордена Бедных Служанок Господних.

Ли и Чичи удивленно переглянулись, шагая по импровизированному госпиталю. Для палат территорию размером с футбольное поле просто разгородили белыми холщовыми шторами, висевшими на сложной системе балок и столбов. Чичи это зрелище напомнило о той общей палате, куда некогда положили ее отца в Нью-Джерси. Правда, здесь монахинь, ухаживавших за ранеными, было, похоже, больше, чем собственно пациентов.

Чичи взяла Ли под руку, и они отправились искать койку Тони. Это оказалось нелегко. Они уже полчаса шагали вдоль и поперек рядов. Номера секций постоянно менялись, и поэтому было трудно ориентироваться. Ли, с ее крепкими нервами – она вполне могла бы

стать медсестрой, – то и дело заглядывала за шторы. Чичи была в этом смысле ее полной противоположностью: при взгляде на увечья и страдания ее охватывала слабость; она уже чувствовала, как начинают подкашиваться ноги.

– Ты справишься, – подбодрила ее Ли.

Чичи шла по проходу, не спуская глаз с прикрепленных к шторам картонкам с именами раненых.

– Вот здесь! – воскликнула она вдруг. – Он в секции 1028.

Ли схватила ее за руку.

– Я подожду тут. Запомни, что бы там ни было, оставайся веселой. Подними ему настроение.

Чичи помедлила. За шторой ее могло ожидать что угодно, и ей стало страшно. Военно-морской флот так и не объяснил толком, что случилось с Тони. Она представила себе худшее и приготовилась принять, что их будущая совместная жизнь может очень сильно отличаться от той, которую она воображала. И тогда девушка поклялась себе, что в каком бы состоянии ни нашла жениха, она станет заботиться о нем до конца его жизни.

Чичи отдернула штору и вступила в импровизированную палату. Тони сидел на своей койке – нос забинтован поверх шины, темно-каштановые волосы отросли так, что уже снова начинали виться. Он читал газету, но уронил ее, увидев Чичи.

Чичи кинулась к нему.

– Что с тобой произошло? – воскликнула она, обнимая и прижимая его к себе.

– Нас подбили. – Тони нежно ее поцеловал. – Но знаешь, в чем хорошая новость?

– В чем же? – Чичи уселась на кровать рядом с ним.

– Мы не потеряли ни одного человека из экипажа. Это просто чудо. Торпеда ударила по нашей лоханке так, что распорол внешний корпус, но во внутренний не проникла. Второй взрыв – это вообще много шума из ничего: торпеда едва задела нас боком, но все же разорвала балластные цистерны. Грохотало, как при конце света. Но все мы, пятьдесят пять человек, благополучно выбрались на поверхность. Правда, я не в лучшем состоянии. Вот это, – он показал на свой нос, – да еще и сильный приступ клаустрофобии.

– Из-за того, что столько месяцев провел под водой?

– Меня накрыло в ту ночь, когда по нам врезали. Прямо как волной, и как раз перед первой торпедой. Я начал потеть, думал, у меня жар. Конечно, я был напуган, все мы испугались. Но это случилось потому, что я вдруг почувствовал, что заперт. Видимо, узнаю наверняка, только когда вернусь на субмарину.

Она взяла его лицо в свои руки.

– А тут что у тебя случилось?

– Я сломал нос, когда обо что-то ударился, и потерял сознание. Нас с моим приятелем Барни нашли несколькими часами позже. Каким-то образом мы оказались в кормовом отсеке, на противоположном конце подлодки. Понятия не имеем, как мы туда попали. Есть версия, что второй взрыв просто отбросил нас дальше по коридору.

– А как твой друг?

– Барни досталось куда больше, чем мне, его измолотило в клочья. Он в госпитале в Лос-Анджелесе. Обе ноги сломаны, и бедро в придачу.

– Кто оперировал твой нос?

– Его здесь же и вправили.

– Ох, Сав!

– А ведь многие певцы делают себе операцию на носу, – ухмыльнулся он. – Ну, во всяком случае, итальянцы.

– Но тебе-то она была ни к чему.

– Это ты просто говоришь из вежливости. А вот Ли считала, что мне не мешало бы подправить нос, но потом перестала об этом упоминать, когда я сказал, что даже не подумаю.

– Ой, а она ведь тоже здесь! – вспомнила Чичи. – Стоит снаружи. Ли! – позвала она.

Ли просунула голову в щель между шторами:

– Тони, как ты?

– Суди сама! – Он показал на забинтованное лицо. – Я сделал это ради тебя одной. Теперь-то я буду красавчиком.

– Мои новены [\[76\]](#) добились своего.

– И все это бесплатно, за счет Дяди Сэма, – добавил Тони.

– У вас шлягер, ребята. – Ли достала из сумочки журнал «Биллборд» и отдала его Тони. – Вы в хит-парадах со своей «Скалкой моей мамаше». Ну, восторгайся!

Тони сложил руки.

– Лучше я отложу радость до конца войны. Молись, чтобы мы из всего этого выбрались живыми, ладно?

– Непременно, – заверила его Ли. – И глазом не успеешь моргнуть, как вернешься на сцену с новой программой, оркестром по высшему разряду, да еще и новехоньким носом.

– А вдруг нос стал хуже?

– Да куда уж хуже.

– Наш импресарио – просто гений поддержки! – Тони посмотрел на Чичи, и они рассмеялись.

– Твое лицо – твое богатство, Тони, – пояснила Ли. – Ну, как минимум значительная доля богатства. И шнобель занимает с треть вышеупомянутого лица. Так что если, когда они снимут бинты, мы увидим нос в форме артишока, если окажется, что здешний Пилюлькин тебе его испортил, я знаю отличного хирурга в Скрэнтоне, штат Пенсильвания, который сделает тебе нос не хуже, чем у Тайрона Пауэра^[77].

– Вот как? – За спиной у Ли вырос капитан Делож, оперировавший Тони хирург. – Лейтенант, вы уже подумываете, как бы переделать свой нос?

– Нет, сэр. Это просто мой импресарио так считает.

– Давайте-ка сначала посмотрим, что у нас получилось, а потом уж решим, требуется ли вам этот коновал из Скрэнтонна.

– Простите, доктор, – смутилась Ли.

– Ко мне положено обращаться «капитан Делож».

Капитан разбинтовал лицо Тони. Открылся небольшой отек и легкие ссадины на щеках.

– Отличный нос, прямой. Назовем эту модель «Роберт Тейлор»^[78].

Чичи изучила произведение искусства.

– Спасибо вам, доктор, – сказала она.

– Даже лучше, чем у Тайрона Пауэра! – восхитилась Ли.

– Да дайте же мне зеркало, наконец! – потребовал Тони.

Чичи протянула Тони свою пудреницу с зеркальцем. Он изучил свой новый нос.

– Недурно, капитан, – заключил он. – Весьма недурно. Благодарю вас.

Новый нос Тони Армы был изящнее оригинала. Прямой, даже точеный, совсем не похожий на картошку, он идеально подходил остальным чертам лица.

Появилась сестра милосердия и приложила по сторонам нового носа Тони небольшие компрессы со льдом. Чичи вызвалась придерживать компрессы, и сестра перешла к другим пациентам.

– По-моему, дорабатывать тут нечего, – заключил доктор Делож, уходя. – Можете сдать свой билет в Скрэнтон.

– Да я если и хотел бы, не смог бы поехать в Скрэнтон, – вздохнул Тони, беря с алюминиевой тумбочки на колесиках распечатанный конверт и протягивая его Чичи. – Приказ уже получен.

Чичи прочла письмо.

– Еще шесть месяцев службы. – Она передала письмо Ли.

– Ты этот новый нос береги, Тони. В Голливуде для твоей физиономии уже приготовлено место, – сказала Ли.

– Серьезно? – рассмеялся Тони.

– Она над этим работает, – заверила его Чичи.

– Но как только я скину форму, первым делом не съемки, а женитьба. Правда, Чич?

– Я вся твоя, Сав, – сказала Чичи, и сейчас это было правдой больше, чем когда-либо прежде.

Чичи сошла с автобуса М-3 у Парк-авеню и посмотрела на часы – не опоздала. Дойдя до угла Восточной 55-й улицы и Второй авеню, она задрала голову и восхищенно уставилась на только что достроенный многоквартирный дом, который смотрелся не хуже, чем на рекламном проспекте. Жилой комплекс «Мелодия» сразу обращал на себя внимание и производил впечатление. Построенное в современном стиле здание выделялось среди соседних высоток постарше – клюквенно-красный кирпичный фасад, сверкающие окна с отполированными черными рамами, яркая маркиза в темно-зеленую и белую полосу над парадным входом, ведущим в роскошный мраморный вестибюль. О да, певица-песенница была довольна своим первым вложением в недвижимость.

Чичи заметила, что из-под маркизы ей машет рукой Клэр Джаннаморе.

– Мисс Донателли! – Подтянутая элегантная Клэр, пятидесятилетняя дизайнер интерьеров из универмага Олтмана, занималась отделкой квартиры, общаясь с Чичи на расстоянии, пока та гастролировала по Западному побережью. – Я просто сгораю от нетерпения показать вам квартиру.

– Ваши эскизы были потрясающие. А мне очень хочется наконец посмотреть на что-то красивое, – призналась Чичи, пока они поднимались лифтом на десятый этаж. – Порой мне кажется, что эта война никогда не закончится.

– Закончится, – пообещала Клэр. – И когда это произойдет, глядите в оба. Мир, который мы знали, изменится.

– Разве он уже не изменился?

– Вы себе даже не представляете насколько. Я объезжаю с зарубежными клиентами магазины-салоны по всей стране – Даллас, Сан-Франциско, Новый Орлеан. Когда наши ребята покончат с Гитлером, а они это непременно сделают, пойдет поток новых предприятий. Столько всего нужно заново построить. От этого выиграют все, от фермера и меховщика до нас с вами. Люди хотят снова ощутить счастье. Танцевать, ужинать в ресторанах, наряжаться.

– И украшать свои дома, – добавила Чичи.

– Конечно. Но вы, юная леди, поступили мудро. Вы занялись этим в самом начале и получили выгодную цену. Надеюсь, вам понравится, как я все там устроила. – Клэр вручила Чичи ключ от квартиры. – 10 К, мадам. К – как Кьяра.

Чичи посмотрела на свою руку в белой перчатке, сжимавшую позолоченный ключ.

– Ну, чего же вы ждете? – поторопила ее Клэр.

– Впервые такое бывает лишь раз в жизни. – Чичи дотронулась до двери рукой. – Все, что я накопила с тех пор, как начала писать песни и отправилась на гастроли, вложено в эту квартиру. Для меня это больше чем инвестиция.

– Надеюсь, вы сочтете это достойным вознаграждением за весь ваш тяжкий труд.

Чичи повернула ключ в замке и открыла дверь в свою свежееотделанную шестикомнатную квартиру. Она вошла в прихожую, обклеенную обоями с ярким узором из темно-зеленых листьев таро на лавандовом фоне. С потолка свисала люстра из хрустальных подвесок

простой формы, отбрасывавшая радужные розетки света на пол из белого мрамора с золотыми прожилками.

Гостиная, с ее нежно-лиловыми стенами, элегантной мебелью эпохи Регентства, обитой изумрудным бархатом, и вышитым шерстью индийским ковром ярких цветов, была оазисом покоя. В эркере стояли белое лакированное пианино, стол и стул. Чичи побренчала по клавишам, прежде чем перейти в белоснежную кухню.

В столовой Клэр развесила ярко-желтые шелковые шторы и поставила стол и стулья красного дерева, которые эффектно выделялись на фоне стен, выкрашенных в глубокий сиреневый цвет. Чичи последовала за Клэр в спальню по коридору, вдоль которого Клэр придумала установить книжные стеллажи.

Уютная, как кокон, главная спальня убаюкивала спокойными бледно-розовыми тонами. Спальня для гостей была задумана в серых оттенках. В облицованных белым мрамором ванных зеркальная стена от пола до потолка отражала крупный рисунок на обоях: фиговые листья в главной ванной, папоротник в гостевой. Таким образом, лиственный узор из прихожей повторялся во всей квартире.

– Я использовала в вашем доме самые качественные материалы, какие только нашла. Ткани должны вас пережить. Позвольте бархату от Шумахера постепенно протереться, и на нем выступит своеобразная патина. Пусть шелка от Скаламандра изменяют свой блеск по мере того, как солнце перекачивается по небу и наступает ночь.

Чичи повертелась на месте, чтобы не упустить ничего.

– Клэр, спасибо вам! Ровно то, чего я хотела. У этой квартиры свой характер.

– И все это ваше. А жениху вы рассказали?

– Расскажу, когда он вернется домой.

– Как вы думаете, ему понравится?

– А куда он денется.

Чичи уселась на удобный диван и поглядела из окна вниз, на Вторую авеню. Она находила что-то успокаивающее в зрелище людной улицы. Можно было оставаться частью городской жизни и при этом уединяться в созданном для нее руками Клэр оазисе.

Обсуждая обустройство квартиры, Чичи подумала и о комфорте для Тони, однако не просила жениха помочь с покупкой квартиры или поучаствовать в тратах на отделку. Ли считала, что Чичи вложила

лишь свои собственные деньги потому, что ей было необходимо полностью владеть этой квартирой, если вдруг с Тони что-то случится. Но решение Чичи не имело ничего общего с этой мыслью, здесь действовала совсем другая логика.

Кьяра Донателли не собиралась полагаться на чью-либо финансовую поддержку. У нее были собственные счета, ценные бумаги и инвестиции в недвижимость. Она создала компанию «Студия Д», чтобы купить квартиру, зная, что при попытке купить ее на свое имя столкнулась бы с непреодолимыми препятствиями, хотя юридические ограничения на право женщин владеть недвижимостью и банковскими счетами были ослаблены на время войны. И она сполна воспользовалась более мягкими законами.

Право владения своей интеллектуальной собственностью Чичи воспринимала не менее серьезно, чем недвижимость. Авторские права на все ее песни принадлежали ей одной, и это хранилось отдельно от инвестиций. Одно портфолио ценных бумаг лежало в «Банкерс Траст Компани», другое – в нью-йоркском банке «Чейз Манхэттен». Еще один собственный счет у нее был в Си-Айл-Сити, помимо общего с матерью счета в том же банке. Время от времени, когда требовалось снять крупную сумму, счета могли несколько скукожиться, но для Чичи в приоритете были не траты, а пополнение сбережений.

Разъезжая по гастролям, Чичи научилась большему, чем сочинению песен, аранжировке и артистическому мастерству, – она внимательно наблюдала за финансовыми сторонами шоу-бизнеса, за подготовкой программ, кассовыми сборами и злоупотреблениями. Она утешала других песенников, когда их гонорары таяли как лед в руках жадных администраторов. Артисты зачастую разбазаривали свои деньги на пороки, азартные игры, безответственных родственников и друзей-шаромыжников. Видала она и приступы понедельничных грабежей, когда после четырех представлений, данных в выходные, к артисту подкатывал близкий друг или родственник, позарез нуждающийся в деньгах. Такой проситель прекрасно знал, что у исполнителя полные карманы после каторжных выходных. И нередко артист, валившийся с ног от усталости, оставался еще и на бобах.

К тому же Чичи насмотрелась на Тони во время гастролей. Она знала, что финансы – не его сильная сторона, и понимала, что когда

они поженятся, семейным бюджетом, бухгалтерией, налогами и сбережениями предстоит заниматься ей.

Тони посылал сигналы новому контрольно-диспетчерскому пункту на Перл-Харборе, сидя в радиорубке подводной лодки «Калифорния» недалеко от Гонолулу, когда дежурный положил ему на стол письмо. Обратный адрес на конверте гласил: «Барни Гилли. Биг-Стоун-Гэп, Виргиния». Тони извлек из конверта листок и плоский пакетик из папиросной бумаги.

День Святого Валентина, 1944

Тони, дружище,

Надеюсь, мое письмо застанет тебя здоровым и счастливым. Как твой нос? Одним из преимуществ моей недолгой канцелярской работы на Дядю Сэма в Сан-Диего, прежде чем я получил почетную отставку, было анатомирование «Невады». Старушку списали в утиль и уже начали плавить. Твой кореш Эдсель Форд расчленил ее и железной дорогой отправил в Дирборн, штат Мичиган. Похоже, сталь, которую япошки разорвали в клочья, кое-чего все же стоит. Кто знает, однажды может оказаться, что ты рулишь нашей бывшей лоханкой, когда из нее наклепают автомобилей. Вот так насмешка судьбы! Наш Дядя Сэм бережлив. Боже, храни Америку!

Но прежде, чем подлодку пустили в расход, из нее вытряхнули все содержимое. У тех, кто этим занимался, должно быть, глаз как у орла, ибо – гляди, что они обнаружили в штурманской рубке. Твоя золотая цепочка, к сожалению, пропала, но амулет цел. Не знаю, как эти штуки называются у вас, католиков, но твой друг-баптист возвращает ее законному владельцу.

Искренне твой

Барни Гилли, отставной полковник ВМС США

Р. С. Я открыл ювелирную лавку. Заходи в гости при случае! Эта новая золотая цепочка – мой тебе подарок.

Тони бережно развернул папиросную бумагу. К нему вернулся чудотворный медальон, который Чичи ему подарила в тот вечер, когда согласилась стать его женой. Вещица выглядела немного побитой, это правда, но защитить защитила, как Чичи и обещала. А теперь медальон снова с ним. Застегивая на шее блестящую новую цепочку, Тони перекрестился и понадеялся, что и в следующий раз Божья Матерь оградит его от бед.

В студии Б на радиостанции WJZ Чичи подбирала на пианино мелодию, негромко напевая рекламный куплет. Перед ней стояла коробка стирального порошка «Дас», и время от времени Чичи поднимала на нее глаза.

Самая популярная в штате сочинительница рекламных куплетов выпрямилась на табурете и уставилась на клавиши, мрачно сдвинув брови. Ей хотелось писать песни о жизни, а писать о стиральном порошке было трудно. Она порылась в сумке в поисках яблока, нашла – крепкое, зеленое, сорта «грэнни смит», – встала и подошла к окну. Глядя в окно, она до блеска отполировала яблоко о свой большой отложной воротник.

На Западной 42-й улице была автомобильная пробка, а дождь сыпался потоком серебристых кинжалов на Средний Манхэттен. Из-за обильных ливней переполненные уличные водостоки превратились в быстрые серые речки, через которые пешеходы перепрыгивали, аки горные козы. Дождь не мешал Чичи, он так же предвещал весну, как налитые почки на макушках деревьев в Брайант-парке, качавшихся туда-сюда на фоне неба нежно-зелеными волнами.

– Ну так что, готов куплет для мистера Кинга? – Энн Мамм Мара просмотрела листы с нотами в лотках. – Прости, не хотела тебя испугать.

Чичи в последний раз откусила от яблока.

– Просто я задумалась.

– Надеюсь, о стиральном порошке «Дас», потому что я не вижу здесь ничего нового, Чичи.

Ирландка Энн была сногшибательной блондинкой с голубыми глазами и отлично смотрелась в своем наряде, состоявшем из свитера с юбкой, выдержанных в приглушенных желто-розовых тонах – цвет соленой тянучки. Впрочем, хотя Энн и одевалась как конфетка, отделом рекламных куплетов она руководила, что твой генерал. Еще ни разу она не срывала сроков готовности к эфиру.

– Готово, Энн, не волнуйся. Сейчас спою тебе. Называется «Дас! Если любишь его».

Руки Чичи запорхали по клавишам. Наигрывая мелодию, она запела:

*Да-с! если любишь его,
Да-с! стирай хорошо,
Стирай его вещи в «Дас»-порошке,
И будет он верен только тебе!*

ГАРМОНИЯ, ПОХОЖЕ НА КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН: *Дас, Дас, Дас!*

*Да-с! так и надо,
Да-с! так всегда,
Да-с, если любишь,
Надейся на «Дас»!*

– Забавно. Ему понравится. Давай текст, – по обыкновению отрывисто сказала Энн.

– А почему ты знаешь, что ему понравится?

– На время Великого поста мистер Кинг решил отказаться от привычки отвергать хорошие куплеты.

– Ничего себе. Тогда он, может, выдаст мне премию?

– Не думаю. От прибавок к жалованью он тоже отказался на время поста.

– А что, если по случаю поста я откажусь от этого места?

Энн села на табурет рядом с Чичи.

– Даже и не думай! Ты в нашем стойле лучший автор. Я добуду тебе прибавку, если это тебя удержит. Много не выйдет, но хоть что-то.

– Дело не в деньгах.

– А в чем же? Как я могу помочь?

– У меня пропало ощущение, что я управляю своей жизнью.

– В каком смысле?

– Я никогда не хотела замуж.

– Почему?

– Замужество представлялось мне невыгодной сделкой.

Энн рассмеялась.

– Ну да, во многих смыслах так и есть, – признала она.

– Тогда почему же мы на это идем?

– А ты разве не хочешь детей?

– Наверное, хочу.

– Брак – это таинство. Стремиться к благодати – хорошо, тебе так не кажется? – сказала Энн.

– Конечно.

– Чичи, сомнения бывают у каждой женщины. А мы с тобой не знаем мира без войны. От этого все кажется непрочным. Мы ведь просто сидим и ждем. Ребята ушли, а мы остались работать и стоять на страже. Забавно, ведь и это выражение, по сути, относится к войне. Мы тоже на войне, хоть она и не называется так. Мы боремся за свое будущее и при этом понятия не имеем, каким оно окажется. Отсюда и твои сомнения. Дело не в твоём женихе, а в неизвестности, в нестойкости всего вокруг нас. Дело во всем прочем, кроме него самого.

– Ты так думаешь?

– Любовь способна на многое, но она не может сделать так, чтобы плохое перестало происходить. Или чтобы война скорее закончилась. И твой страх она тоже не способна подавить. Ты его любишь?

– Да.

– Это все, что у тебя есть. Тебе придется каким-то образом сделать так, чтобы этого было достаточно.

Энн сняла ноты новой песенки Чичи с подставки и переложила в свою папку.

– Знаешь, что сказала бы моя мама? – добавила она. – Она бы посоветовала тебе сходить к священнику.

– Все матери такое говорят.

– Вот поэтому матери всегда будут на земле. – Энн поднялась на ноги. – И священники тоже.

Хотя на рабочей неделе Чичи всегда ночевала в своей нью-йоркской квартире в «Мелодии», каждую пятницу вечером, как только удавалось освободиться, она садилась на поезд в Си-Айл-Сити. Побережье помогало ей восстановить силы, и к тому времени, когда в понедельник утром она возвращалась в Нью-Йорк, она была готова снова общаться с рекламщиками на радиостанции и сочинять песни о консервированном бефстроганове и долгоиграющих лампочках.

– Когда ты обратно в город? – спросил священник.

– Сегодня вечером, семичасовым поездом.

Чичи примостилась на жестком стуле напротив сидевшего за своим письменным столом священника в приходском бюро. Отец Джон Рауш изучал церковный календарь. Он был летним священником церкви Святого Иосифа. Филадельфийская епархия присылала его каждый раз, когда постоянные священники прихода уезжали в отпуск или уединялись для духовных упражнений. Семье Донателли нравился отец Джон Рауш; он часто приглашал свою сестру Мэриан, талантливую певицу с колоратурным сопрано, петь вместе с ним на мессе. Музыкальное трио сестер оценило этот дуэт сестры с братом.

– Похоже, 1945 год быстро заполняется. Отец Шонесси отметил недавно, что церковь свободна для двух венчаний в любую субботу ноября. Это оставляет нам достаточно времени, чтобы напечатать оглашение в приходском бюллетене.

– Тогда займите для нас первые две субботы, – сказала Чичи. – Я напишу Тони и попрошу выбрать, какую именно.

– А когда у него заканчивается служба? – спросил священник.

– Как только его отпустит флотское начальство.

– Тогда, может быть, лучше подождать с календарем. – Он закрыл его. – В любом случае с этим лучше справится ваш постоянный священник. Давай поговорим о делах. Ты слышала новую запись Эллы Фицджеральд?

– Ну и как вам?

– Бьет прямо в яблочко.

Отец Рауш встал и подошел к комоду. Он откинул крышку патефона и опустил иглу на пластинку. Из трубы полился медоточивый

голос великой певицы, а вскоре к ней присоединился квартет с роскошными бархатными голосами.

– Это она с «Дельта Ритм Бойз», – пояснил он.

Чичи прикрыла глаза, вслушиваясь. Когда песня закончилась, она одобрительно кивнула.

– А когда ты возвращаешься на гастроли? – спросил священник.

– Я не возвращаюсь, святой отец.

– Будешь выступать в местном радиусе?

– Вряд ли.

– Если позволишь спросить, почему?

– Я выхожу замуж.

– Давая тебе супруга, Господь Бог не отнимает у тебя таланта.

– Если это так, Ему стоит пересмотреть устройство этого мира и заодно изменить мужчин.

– Ты ведь добилась успеха, Чичи. В чем сложность? Что у тебя не получается?

– Я заключила сделку с Богом. Пообещала бросить гастроли, если Он сделает так, чтобы Тони вернулся домой.

– Глупо.

– Ну спасибо, святой отец!

– Да я тебя дразню. Всем нам случается в отчаянии заключать сделки с Богом. Но Он вовсе не заставляет нас расплачиваться по счетам. Иначе я бы сейчас рыбачил в Монтане.

– Все не так просто.

– У тебя с Тони семейный бизнес. Это то же самое, что у семейства Ламарка с их грузоперевозками, у Фаикко с мясной лавкой и у Казелла с рестораном. Вы оба пишете и поете песни. Зачем же рушить успешное дело?

В то утро, когда Чичи уезжала из Нью-Йорка в Чикаго, чтобы оттуда пересесть на поезд до Лос-Анджелеса, в городе шел снег. От Тони прилетела телеграмма – ему неожиданно дали трехдневное увольнение в Сан-Диего по случаю праздников, а за телеграммой последовал и билет туда-обратно для Чичи.

Поезд въехал в Пенсильванию, а Чичи стала вспоминать свою предыдущую поездку по тому же маршруту, с той же целью. Снег кружился на фоне неба, опускаясь на поля, покрывая замерзшие

сугробы, которые из окна быстрого поезда казались плитами белого с серыми прожилками мрамора. Она поискала в сумочке ручку и чистую бумагу, не нашла бумаги и достала конверт с обратным билетом. На обороте конверта она написала:

*Зима наступает, а ты не со мной,
Без тебя мне так зябко и грустно одной.*

Чичи посмотрела на только что записанное двестише и в недоумении откинулась в кресле. Да что же это с ней такое? Она ведь едет к Тони – тогда почему ей так грустно?

Из-под авторучки полились слова:

*Зима наступает, и ты далеко,
Но ты же вернешься, мне светло и легко.*

*Поезд бежит по рельсам вперед.
Моя любовь никогда не умрет.*

*Зима наступает, грустно вокруг,
Но мы скоро обнимемся, мой милый друг.*

Поезд въехал на лос-анджелесский вокзал. Тони уже ждал на перроне. Стоило Чичи выглянуть в окно и увидеть его, в кипенно-белой морской форме, как ее разом покинули все сомнения насчет их совместного будущего. Точно так же случалось в былые времена, когда перед выступлением они выходили из своих гримерок и вместе шли сквозь кулисы на сцену, под лучи софитов. Каким-то образом само присутствие этого человека всегда придавало ей уверенности.

Следом за остальными пассажирами Чичи пробралась по коридору вагона и сошла с поезда. Носильщик как раз раскладывал на перроне багаж. Лавируя между бросившимися за своими вещами людьми, она выхватила свой чемодан и повернулась к тому месту на перроне, где заметила Тони из окна купе. Его там не было. На секунду она даже усомнилась, что вообще его видела. Девушка повернулась в сторону вокзального здания, но внезапно ее талию обвили руки.

Это Тони протиснулся сквозь толпу. Он приподнял ее и поцеловал. Она уронила чемодан, а он прижал ее к себе.

– Я еще в Элькарте, в Индиане, знал, что вы в итоге будете вместе, – заявил внезапно выросший на перроне Морт Лак. – Все дело в консервированном супе.

– Морт! – взвизгнула Чичи, отпуская Тони и обнимая их старинного друга. – А ты-то что здесь делаешь?

– У меня медовый месяц, – сообщил он.

– У нас медовый месяц! – поправил его женский голос. – Я Бетти, жена Морта. – Блондинка со сногшибательной фигурой и незабываемыми аквамариновыми глазами, Бетти с легкостью могла бы выиграть любой конкурс красоты. – Или миссис Лак.

– Правда, солидно звучит? – гордо спросил Морт.

– Они увидали меня на перроне, – пояснил Тони. – Потому я и опоздал.

– Весь такой ослепительный в белом, – подколот старого друга Морт.

– Насколько я припоминаю, Морти, ты и сам любил, когда у тебя рубашки отбелены и накрахмалены.

– Верно припоминаете, лейтенант. И хотите верьте, ребята, хотите нет, но вот эта мадам управляется с паровым утюгом не хуже, чем Луи Армстронг – с трубой. Мы поженились в Чикаго. Мать Бетти тут прислала нам чемодан, доверху набитый кольцами болонской колбасы и печеньем.

– А почему вы проводите медовый месяц в Калифорнии? – поинтересовался Тони.

– Дайте угадаю, – сказала Чичи. – Сам Луис Майер^[79] предлагает Бетти контракт.

Бетти рассмеялась.

– Даже если предложит, я не клюну.

– У моей жены планы поразмашистее, – пояснил Морт. – Она будет заниматься расширением нашей семьи. Собирается укомплектовать первую линию футбольной команды университета Висконсин-Мэдисон. Если начать прямо сегодня, мы успеем родить восемь-десять сыновей, и к сезону 1962 года они уже выйдут на поле.

– Потому что ты настолько выдающийся спортсмен? – Тони недоверчиво покачал головой.

– Я-то нет, зато она... Я женился на девушке, которую будут рады взять в команду по любому виду зимнего спорта. При этом она еще и поет.

– Со всем этим покончено, – без сожаления сказала Бетти.

– И я тоже со всем этим покончил, ребята. – Морт поцеловал новоиспеченную жену в щеку. – В то лето, когда я еще не переметнулся к Джимми Арене, Бетти выступала с оркестром, а я трубил в одном небольшом ансамбле в Чикаго. Она шла в магазин за шляпкой, а я же в шляпках разбираюсь, вот и увязался за ней. И поглядите на нас сейчас. У нее есть соломенная шляпка от самого мистера Джона^[80], а у меня есть она.

– Не понимаю я, – сказала Чичи. – Ты ведь отличный музыкант, Морт.

– И буду и дальше рад при случае помузицировать у костра. Слушайте, мы ушли с арены. Мой дядя предложил мне работу в своем лесопилочном бизнесе, и я намерен согласиться. Мы возвращаемся домой в Милуоки и будем развлекаться по-старинному. Ну, вы знаете – кататься на санях, ходить на лыжах, варить домашние тянучки.

– Ладно, ладно, Морт, но если мне вдруг понадобится саксофонист... – предупредил Тони.

– ...я дам тебе телефонные номера троих лучших парней, которых я знаю, – закончил Морт.

– Значит, все серьезно?

– Стал бы я шутить, когда речь о музыке? – Он притянул Бетти поближе к себе.

– Значит, у тебя уже все распланировано? – спросил Тони.

– Ну, прямо так я бы не сказал, братишка. Но вот что я знаю точно: жизнь – довольно простая штука. И не надо ее усложнять. Захотите с нами поужинать – вот, я тут записал телефон нашей гостиницы.

Тони раздвинул шторы на окне в гостиничном номере Чичи.

– Так, все, устроили тебя. Я зайду за тобой утром.

Он повернулся, чтобы уйти, но Чичи затянула его обратно в комнату и нежно поцеловала в щеку, шею и ухо.

– Я хочу, чтобы ты остался, – прошептала она.

– Мы не женаты, – прошептал он в ответ.

Чичи отступила на шаг и покачала головой:

– Мне все равно!

– А мне нет.

– С каких пор ты стал таким святошей?

– С тобой я хочу начать с чистого листа.

– Так, может, для меня это и есть чистый лист, – нетерпеливо сказала Чичи. – Нынче ночью. С любимым мужчиной. Я ведь ношу твое кольцо, Сав. Помнишь его? – Она помахала рукой с бриллиантовым сердечком.

– Наша совместная жизнь начнется, когда нас обвенчает священник.

– С чего ты вдруг ударился в религию?

– Не знаю никого, кто побывал бы на войне и не сделал то же самое.

Чичи присела на кровать.

– Это ужасно.

– Я ведь тебя не отвергаю.

– А как еще это можно назвать?

– Я хотел бы остаться.

– Энтузиазм так и брызжет.

Тони рассмеялся.

– Сделай это для меня, – сказал он уже серьезнее. – Я хочу, чтобы все было правильно.

– Да правильнее уже некуда. Я похожа на калифорнийский апельсин, который забыли сорвать. Когда едешь среди апельсиновых садов, их можно учуять уже с автотрассы, и они такие спелые, что если их тем же утром не сорвать, они испортятся. Так и со мной. Я жду, жду... и уже перезрела. Время идет, я наливаюсь соками и тяжелею, и ветка меня уже почти не держит. Она клонится все ниже и ниже и готова сломаться. А я так созрела, что однажды упаду на землю и взорвусь.

– Это смешно, Чич.

– Животик надорвать можно.

– Я хочу поступить с тобой правильно. Окажи мне честь – позволь мне это сделать.

– А тебе-то в этом какая выгода?

– Я вовсе не горжусь тем, как жил прежде. У меня было время подумать.

– Пока ты плавал подальше от женщин? Они ведь так отвлекают от мыслей?

– Ну да. И я подумал о том, каким мужчиной был, и о том, каким хочу стать. Чич, я не был верен ни одной девушке. Ни одной. Только тебе. Я перестал дурачиться и взглянул на вещи серьезно, когда ты согласилась. Я хочу стать тебе хорошим мужем.

– Я за тобой следить не собираюсь, – пообещала она.

– Тебе и не придется следить за мной, в этом не будет нужды. Я стану твоей тенью. Понимаешь, я хочу, чтобы у тебя было все, с чем ты выросла, все твои традиции. Я хочу, чтобы у тебя была футбольная свадьба, живой оркестр, белая фата, а после венчания и мессы пусть все проходят через гостиную твоей матери и глазают на выставленные там свадебные подарки, как на распродаже в универмаге «Гимбелс». Такие вещи не кажутся важными, пока их у тебя не отнимут. Я знаю, каково это – когда с тобой порывают. В итоге я стал обломком на волнах, водорослями, которые обматываются вокруг перископа, так что ничего не видно.

– Все это больше не имеет для меня значения, – сказала Чичи.

– Но ты ведь так долго ждала.

– Когда тебя демобилизуют, мне будет почти тридцать лет. Тридцать! Скольким еще мы должны пожертвовать ради этой войны? Моя мать родила нас троих, прежде чем ей исполнилось двадцать пять. Я пропустила годы и годы счастья. Я уже и так везде опоздала.

– И это говорит девушка, которая вообще не хотела выходить замуж. Дело в атаке на мою субмарину?

– Речь не о том, что я боюсь тебя потерять. Я боюсь, что так никогда и не начну жить. Время нам не принадлежит. Ты говоришь – надо подождать, а я тебе говорю, что ты не знаешь, будешь ли ты еще там, по ту сторону ожидания. И теперь кажется, что все правила принадлежат другому времени, когда люди жили в безопасности и знали, что наутро снова увидят друг друга.

– Вот что я тебе скажу. Обдумай это до утра. И если завтра ты все еще захочешь, чтобы мы поженились без всей той суматохи, которая была бы в Джерси, то мы немедленно поженимся здесь же. У нас на базе всегда готов капеллан. Я его знаю, он славный малый и

обвенчает нас. Но если в тебе все-таки победит итальянка и ты решишь, что жить не можешь без подносов с печеньем, *la boost*^[81] и чечетки твоей кухни Джузи под *Toot Toot Tootsie*, тогда мы подождем. Но что бы мы ни решили, мы проведем ночь вместе, только когда ты будешь моей женой.

Чичи проводила его до дверей.

– Ладно, окей, понимаю. Договорились, лейтенант. – Она протянула ему руку.

Когда он взял ее руку, она притянула его к себе и вместо рукопожатия поцеловала в губы.

Войдя в казарму, Тони разделся, аккуратно повесил форму, чтобы она не измялась, и сел писать письмо матери. Но вместо этого рука вывела:

*С ней можно смеяться,
Можно шутить,
А можно и просто
Поговорить.*

*На ней я женюсь,
Приведу ее в дом,
И мы навсегда
Будем вдвоем.*

Пока Тони работал с Чичи, он не писал текстов к песням – иногда, правда, предлагал ей заменить то или иное слово, но дальше этого его сочинительские способности не распространялись. Но то, что он сам придумал стихи для песни, доказало ему кое-что – эта мысль не давала ему покоя уже несколько лет. Девушка, на которой ему предстояло жениться, сделает его лучше во всех отношениях. Они так сильно, так глубоко любят друг друга, что он сумеет остаться ей верным. А ее непревзойденный талант так обширен, что вдохновит и его самого на творчество. Поистине, они с Чичи были настоящей парой.

Тони лег на койку. Сказать по правде, он и сам не хотел больше ждать.

На следующее утро, когда Тони постучался к Чичи, она открыла дверь, уже одетая в желтое шифоновое платье, шляпка подобрана в тон. В руках она держала букет ромашек.

Это зрелище чуть не сбило его с ног.

– Ты выглядишь как ломтик солнца!

– Ага, все такое желтое. – Чичи помахала ромашками. – Мне их дала тетенька со стойки регистратуры, она их свистнула из ресторана.

– Значит, ты приняла решение.

– Да. Я хочу, чтобы мы поженились нынче же утром.

– Пойду позвоню капеллану.

– Не надо, я уже пригласила католического священника.

– Так это же затянется на несколько недель, – возразил Тони.

– Вовсе нет, я все ему объяснила. Да и бумаги, справленные в церкви Святого Иосифа, у меня с собой, тебе же нужно было их всего лишь подписать, и его это вполне удовлетворило. Вдобавок он, похоже, величайший поклонник Дины Шор по эту сторону Мемфиса. «Мечтай о ней» стала для него песней года.

– Хочешь сказать, мое будущее в руках Дины Шор?

– А какая разница? Идет война. Надо брать от жизни что дают. Мы уже и фольгу собираем на нужды фронта, на моих шелковых чулках больше дорожек, чем пробежек у Джо Ди Маджо^[82], и, судя по всему, Дина Шор имеет больше веса в глазах святой римско-католической церкви, чем верные сыны и дочери вышеупомянутой церкви.

– А как же твоя семья?

– Они будут рады за меня. Знаешь, теперь, когда папы не стало, мне уже не так уж и важно закатить пышную свадьбу. Если он не может повести меня к алтарю, не надо мне ничего эдакого. Барбара тоже так думала, вот и я.

– Эй, ребята! – Морт толкнул дверь номера, которую Тони забыл закрыть. – К вам можно?

– Доброе утро, влюбленные пташки, – улыбнулась Бетти. Она была в небесно-голубом шелковом платье и несла в руках корзинку розовых тубероз.

Тони вопросительно посмотрел на Чичи:

– Это что, наши свидетели?

Чичи покраснела.

– Ну как ты могла? – пожурил ее Тони и повернулся к Морту: – Прости, что отвлекаем вас от медового месяца.

– Мы готовы на все, только бы помочь влюбленным соединиться.

– Есть только одна проблема, – сказала Чичи.

– Мы евреи, – пожал плечами Морт. – Но, судя по всему, поскольку идет война, священник решил посмотреть на это сквозь пальцы.

– Если это поможет, у меня одна бабушка принадлежит к Научной Церкви Христа, – добавила Бетти.

– Милая, это как чайная ложечка соленой воды против всего Тихого океана, – покачал головой Морт. – Как бы далеко твоя бабуля ни отошла от Дома Давидова, мы все равно остаемся евреями.

– А мне кажется, что слово «христианская» должно хоть немного помочь, – настаивала Бетти.

– Отец Куадрелло сказал, что все в порядке. Морт и Бетти просто заменяют наших настоящих свидетелей, так что я назвала Барбару и Чарли, просто чтобы все поскорее уладить, и святой отец поговорил с ними по телефону.

Морт посмотрел на часы:

– Нам пора выдвигаться в путь. Отец Кадриль не станет ждать нас до вечера.

– Не Кадриль, а Куадрелло, – поправила его Бетти. – Давай без дурачеств, Морт. Не надо злить священника. Эти ребята хотят пожениться, и будет ужасно, если все развалится из-за тебя.

– Но-но, следите за своим тоном, миссис Лак, – погрозил ей пальцем Морт. – А то меня вмиг ославят как подкаблучника.

– Слишком поздно, дружище, – хлопнул его по спине Тони, и вся компания отправилась в часовню.

Чичи и Тони стояли в ризнице перед отцом Куадрелло. Позади маячили Бетти и Морт. Церковник читал священные обеты. Он произносил молитвы на латыни, что повергло Морта в полное замешательство. Бетти бросила на мужа выразительный взгляд, призывая вести себя прилично.

В тесной ризнице витал застарелый аромат ладана и роз. Яркое солнце лилось сквозь оконные витражи – триптих, изображавший

святую Анну, святую Маргариту и святую Елизавету, – окрашивая комнату коралловым светом. Отполированная мраморная крестильница пустовала, но уже своим наличием напоминала молодоженам, что однажды у них будут дети – ведь отныне они семья.

Принесенную Бетти корзинку тубероз возложили к подножию статуи Богородицы. Ранее Тони купил два золотых обручальных кольца у одного торговца вразнос, порекомендованного флотским капелланом. Кольцо Тони оказалось тесным, а кольцо Чичи – слишком широким, но подогнать их по размеру и выгравировать слова и даты можно было позже. Как напомнил им священник, с этого только начинается долгий путь подлаживания друг под друга.

И вот святой отец провозгласил их мужем и женой. В этот миг и муж и жена не сомневались, что их любовь продлится до конца их дней. А когда Тони и Чичи поцеловались, то убедились, что унесут эту любовь с собой в вечность. Они желали обрести ту уверенность и защиту, которую дает жизнь в паре, – ведь они знали, что понимают друг друга. Они верили, что брак – это фундамент, на котором они смогут возвести свою жизнь, семью и музыку. Стоя перед священником, свидетелями и Богом, Тони и Чичи поклялись поддерживать друг друга во всех испытаниях, какие принесет им судьба. А уж о всем прочем, как им казалось, позаботится любовь.

Бухта на пляже Малибу была окружена с трех сторон внушительными скалами высотой в несколько этажей. Эти стены составляли грот, посередине которого лежала поляна белоснежного песка, а рядом зелено-голубые волны дикого Тихого океана бились о берег, рассыпаясь изумрудными брызгами при ударе о камень. Внутри бухты горная порода напоминала стекающие по свече капли воска – так отполировало время складки серебристого и серого камня.

Тони помог Чичи спуститься к потайному пляжу по каменистой тропке. Держась за руки, они подошли к самой кромке воды. Чичи поразила безмятежность этого места.

– Сюда русалки приплывают молиться, – сказала она, обнимая мужа.

– Ты счастлива, что вышла за меня?

– Зависит...

– От чего именно?

– От того, счастлив ли ты.

Он поцеловал ее.

– Не исключено, что я более чем счастлив, – признался он.

– Мне, наверное, стоит почаще надевать желтое.

– Дело не в платье, Чич, хотя ты действительно выглядела красавицей – да ты всегда красавица. Я более чем счастлив, потому что наконец-то нашел покой, а такое бывает, только когда приходит понимание, где твое место в этом мире. И могу тебе точно сказать, что 14 ноября 1944 года я наконец-то знаю, где мое место.

– Гляди не забывай дату нашей свадьбы.

– Не забуду. Этот день – первый за все двадцать семь лет моей жизни, когда я почувствовал себя дома. И все это благодаря тебе.

– Да я ведь еще ни занавесок не повесила, ни макарон тебе не приготовила.

– Я знаю, что ты умеешь готовить. Ты единственная знакомая мне девушка, которая путешествует с собственным кругом пармезана.

Ступни Чичи провалились глубоко в песок. Ей нравилось, когда накатывал прилив и пенистый край волны подбегал к ней, затем отступал. Она не двигалась с места, и с каждой приливной волной ее ноги оказывались все глубже в прохладном песке.

На пляже не было никого, кроме мистера и миссис Армы. Чичи родилась и выросла на берегу океана, и муж дал ей то, в чем она нуждалась больше всего, – ненасытное, беспокойное бурление океана и привычный ковер из песка. Она подумала с благодарностью, что Тони сам все знал и ей не пришлось просить его об этом.

А для ее мужа калифорнийское побережье оказалось настоящим сказочным краем. Ребенком он представлял себе волшебное место, где дождь идет редко, снег не падает никогда, а солнце не исчезает даже зимой. Их детские мечты соединились, как песок и морская вода.

Тони расстелил на песке покрывало и потянулся к Чичи. Вскоре годы, которые они провели, изучая друг друга, вылились в поцелуи, и их тела соединились так же естественно, как некогда сливались их голоса. Когда Тони нежно ее обнимал, Чичи казалось, что она плывет по воздуху и только его руки удерживают ее у земли. Тони видел в ее глазах отражение облаков, невесомыми шифоновыми складками пробежавших над их головами.

Он прижал ее крепче к себе, и ему почудилось, что прибор уносит из-под них его прошлое, омраченное сожалениями и стыдом. Если кому-то на целом свете и было по силам изменить Тони, то лишь Чичи. Он хотел начать все заново, заново крестить себя и получить право прикоснуться к святыне. Заслуживал ли он ее? Тони не был в этом уверен. Но никогда еще он не подступал так близко к тому, чтобы оказаться достойным всего лучшего, что только могла предложить ему жизнь.

Что до Чичи, то любовь подарила ей исполнение самой заветной мечты, и тем не менее, даже испытывая наслаждение, она почувствовала укол грусти. Она дождалась этой минуты, все, казалось, было правильно, однако ее не покидали сожаления. Своего мужа она знала хорошо, и поэтому для нее было естественным отныне принадлежать ему. Но от мысли, как долго им пришлось ждать, на душе становилось горько. Каким-то образом, несмотря на все счастье, которое она ощутила в это мгновение, его было недостаточно. В первый – но далеко не в последний раз – Чичи поняла, что не может доверять собственным чувствам.

Время коварно вело себя с Тони с Чичи. Казалось, оно не проходит постепенно, а несется вскачь, а то и вовсе испаряется. Каждый раз, когда в прошлом они приближались к совместному счастью, нечто или некто – то, на что они не могли повлиять, – разлучало их. Не стоило прикидываться, будто у них есть гарантия, что они останутся вместе еще на много лет. Уж она-то знала, что за подобное не поручится никто. Она видела, как с ее родителями произошло самое ужасное.

Тони не сомневался в своей молодой жене. Он знал ее семью и понимал ее моральные принципы. Ее клятва в верности была дана ему навечно.

Чичи показалось, что в день их свадьбы его губы были сладкими, но и солоноватыми, как от слез.

Diminuendo^[83]

25 декабря 1944

Дорогая миссис Армандонада,

Поскольку в это Рождество, моя милая Чич, я один, без тебя, я решил выкатить полную фамилию, ведь теперь она и твоя, что подтверждается печатью и штампом штата Калифорния, так что можешь свободно ею пользоваться. Надеюсь, мой подарок добрался до тебя в целости и сохранности и понравился тебе. Мне так легко делать для тебя покупки, милая. Нужно просто что-то сверкающее – потому что ты и сама вся сверкаешь. Я думал, мне будет легче вернуться к этой работе после того, как мы поженимся, но все стало только хуже. Все, чего я хочу, это оказаться дома с тобой.

Мне не терпится увидеть, что ты там придумала для нас двоих. Ты говорила, что для меня это будет сюрпризом. Воспоминания о наших проведенных вместе ночах помогают мне справиться со здешней скукой и рутинной. Окончание войны похоже на окончание любого другого мероприятия, у которого когда-то были четко рассчитанные детали и масштаб. По мере сворачивания детали отлетают, остаются лишь сломанные части – ни починить, ни перепродать. Разве что отдать в металлолом и расплавить.

Все мы грустим и хандрим, так как жалеем о потерянном времени и о наших павших братьях. А когда мужчины чувствуют себя бессильными перед тем, чего им

не превозмочь, они зачастую отказываются прощать и начинают бить себя кулаком в грудь.

Я люблю тебя, моя драгоценная жена.

Савви

Стоя у зеркала в дамской комнате на радиостанции WJZ, Чичи поправила висевшую на шее цепочку с изящным кулоном в форме бриллиантовой капельки – Тони прислал его на Рождество – и пригладила воротник белой блузки. Затем наклонилась поближе к зеркалу, проверила, не застряло ли что-нибудь в зубах, и вышла в коридор.

– Давай, ты же не хочешь ее пропустить! – Энн Мамм Мара ждала Чичи за дверью.

– Мы ведь даже не знаем, собирается ли она ее петь, – заметила Чичи, спеша по коридору рядом с ней.

– Но если споет, можешь себе представить? На всю страну!

Когда они завернули за угол по направлению к студии звукозаписи, Энн и вовсе побежала. Чичи остановилась, заметив певицу в стеклянной кабине. Та напоминала букетик желтых георгинов.

Дина Шор стояла перед студийным микрофоном. Ее белокурые волосы были собраны в гладкий пучок, кожа будто мерцала, несмотря на слабое освещение. Певица уже всюду трудилась, засунув руки глубоко в карманы юбки золотистого бархата, – юбка была в тирольском стиле, широкая, сборчатая, туго затянутая на талии завязанным в узел пояском. Шею оттенял накрахмаленный воротничок-стойка белой блузки, свет лампы у подставки с нотами отражался в розовых жемчужинах на короткой нитке бус.

– Она выглядит сногшибательно, – сказала Энн. – Иди поздоровайся.

– Лучше нам ее не беспокоить.

– Ты написала для нее шлягер. Сейчас не время для скромности.

Энн распахнула дверь в студию и подала Чичи знак следовать за ней. *Давай же*, показала Энн головой.

– Простите, мисс Шор, – проговорила она. – Позвольте представить вам Кьяру Донателли, автора песни «Мечтай о ней».

Дина улыбнулась:

– Я без ума от вашей песни, Кьяра.

Чичи была уверена, что никогда еще не видела улыбки прекраснее и зубов белее.

– Моя песня тоже без ума от вас, – ответила она.

– Я хотела бы начать сегодняшней концерт с нее – посвятить ее нашим солдатам. Думаю, так мы продадим уйму облигаций военного займа. Как вам кажется?

Чичи кивнула. Она вспотела и чувствовала слабость. Это заметила Энн. И Дина тоже. Инженер звукозаписи заволновался.

– Принести вам воды? – спросила у нее Дина. – Вам, наверное, лучше сесть.

– Со мной все в порядке.

– Она изнывает от жажды. – Энн налила Чичи стакан воды. – Понимаете, она ждет ребенка.

– Поздравляю! – воскликнула Дина. – Какая чудесная новость.

– Я тоже так думаю, – сказала Чичи.

– А кем работает ваш муж?

– Мой муж певец. Тони Арма. Но сейчас он служит во флоте, на Тихоокеанском фронте.

– А когда вы ждете маленького?

– Летом.

– Это просто чудесно!

– Мисс Шор, начинаем отсчет перед выходом в эфир, – напомнил ей инженер.

– Удачи, мисс Шор. – Энн схватила Чичи за руку и вытянула ее из студии.

– Спасибо! – успела крикнуть Чичи, прежде чем дверь захлопнулась.

Розария подкрутила рычаги радиоприемника, чтобы поймать волну филиала WJZ в Детройте, передающего «Шоу Дины Шор». После девяти вечера была надежда поймать более четкий сигнал.

– Папа! *Andiamo!*^[84] – крикнула Розария мужу. – Поторопись же!

Она услышала скрип ножек кухонного стула по полу, затем шаги мужа по направлению к гостиной. Он уселся на диван, как раз когда ведущий объявил Дину Шор.

– Сегодня я спою песню, которую просто обожаю, – донеслось из радиоприемника. – Она называется «Мечтай о ней». И еще я хочу поделиться с вами хорошей новостью – ведь в наше время это такая редкость. Автор этой и других песен Кьяра Донателли, супруга певца Тони Армы, ждет ребенка. Тони служит в американских ВМС. Я уверена, что и Кьяра, и Тони очень обрадуются, если вы купите облигации военного займа для детей в ваших семьях. Я-то точно куплю. А пока – почему бы нам немного не помечтать?

И Дина запела. Розария посмотрела на мужа:

– У нас будет внук!

– *Va bene*. – Леоне встал.

– *Va bene?* Это все, что ты можешь сказать? Леоне, пора исправить эту глупость.

Леоне вышел из комнаты и двинулся вверх по лестнице.

– Я правильно расслышала – Дина Шор только что объявила на весь мир, что я в положении? – Чичи недоверчиво посмотрела на звуковые колонки в коридоре WJZ.

– Именно.

– А Тони пока не в курсе. Я только сегодня отправила ему письмо.

– Ну кому еще сообщать мужчине, что он будет отцом, как не Дине Шор?

– Даже не знаю. А как насчет матери его ребенка?

– Может, он слушает «Шоу Розмари Клуни», – утешила ее Энн. – И наконец, всегда можно послать телеграмму «Вестерн-Юнион».

В мандариновом небе над калифорнийскими холмами ослепительно сияло белое солнце. Встречая рассвет на верхней палубе подводной лодки «Каролина», Тони закурил первую за утро сигарету. Как-то там Чичи, подумал он, как она себя чувствует? Он облокотился на ограждение палубы. Тони полюбил Калифорнию. Он никогда не уставал от острова Каталина, от виноградников и гор на севере штата, от метелей на озере Арроухед и от ночных клубов Голливуда. Но как убедить любимую женщину, дочь Джерси, покинуть восток и переехать на запад?

– Лейтенант Арма? – Курсант вручил Тони телеграмму.

Поздравляю, папа, – прочел он. – Девочки, близнецы: Розария 5.1, Изотта 4.9. Мама безумно счастлива.

Вообще он редко помнил даты, но в семье Арма седьмое июля имело особое значение. Почти ровно семь лет назад он познакомился с Чичи Донателли; в игре в карты (а с тех пор, как он поступил на флот, играть он стал куда лучше) цифра «семь» имела большое значение. При мысли о такой удаче его глаза застлали слезы. Он стал отцом. *Gemelli!*^[85] В старину итальянцы считали рождение близнецов знаком удачи. Благодарность – и многие другие чувства – захлестнули его, и он бросился к люку, чтобы спуститься вниз и позвонить жене, матери его детей.

Стояла поздняя осень, и пустующие поля на мичиганских фермах походили на ржавую жечь. Листья давно слетели с деревьев, оставив после себя нагие серые ветви, которые тянулись к небу, как корявые пальцы. Кукурузу убрали, сено скосили; голые холмы замерли в ожидании снега.

Чичи, ее мать и близнецы удобно устроились в поезде из Филадельфии в Детройт – на первой остановке малышки посетили одну бабушку, теперь ехали ко второй. Поезд катил по сельской местности, дети спали, а их мать погрузилась в мысли. Виды за окном вполне могли бы быть страницами альбома со снимками из времен, когда она гастролировала с оркестрами. Железнодорожные вокзалы, автостанции и дорожные знаки напомнили ей о местах, где ей довелось побывать, и клубах, где она выступала. Но не успела она соскучиться по своей прежней жизни, как кондуктор объявил, что поезд подходит к станции Эвергрин-Парк в Детройте.

– Вон она стоит, Ма. Я ее помню. – Чичи помахала свекрови из окна подходившего к перрону поезда.

– Не так уж много времени прошло, – заметила мать.

– Целых семь лет. А люди ведь меняются.

– Но не настолько быстро. Если не считать малышей. В их случае время просто летит, сама увидишь, – произнесла Изотта.

– Я всего лишь хочу, чтобы они оставались малышами до тех пор, пока их сможет увидеть отец.

– Знаешь, Чичи, я считала, что чистое безумие тащить младенцев через полстраны, но они отлично себя вели. Спали почти всю дорогу.

– Это все поезд. Он так уютно покачивался, совсем как люлька, вот они и засыпали.

Изотта взяла на руки маленькую Розу и пошла по коридору вагона следом за Чичи, которая несла крошку Санни. Носильщик выложил их багаж на перрон, затем помог дамам спуститься.

Розария побежала к ним навстречу.

– Ах, какие они красавицы! – воскликнула она. – Розария прямо розочка, а Изотта... она...

– Всегда сердится, – прошептала Чичи. – Но, поскольку ей досталась внешность Хеди Ламарр^[86], она может себе позволить иметь тяжелый характер. В этом мире ей открыты все дороги.

Леоне Армандонада задержался у входа на станцию. Чичи ожидала увидеть высокого мужчину – вероятно, потому, что образ отца занимал столько места в прошлом ее мужа, – но он оказался типичным пожилым итальянцем, крепким и кряжистым, как вагонетка, с мощными широкими плечами.

– Это и есть мой свекр? – спросила она у Розарии.

– Да, это он, – подтвердила та.

– Пойдемте, девочки, пора познакомиться с нашим *Nonno*^[87], – сказала Изотта.

– Синьор Армандонада, – сказала невестка, – зовите меня Чичи.

– *Vuon giorno*^[88], Кьяра. – Он снял шляпу и коротко поклонился.

Эта церемонность удивила Чичи.

– Или, конечно, можете звать меня Кьяра. А это моя мать, миссис Донателли. И позвольте представить вам ваших внучек, Розарию и Изотту. Мы зовем их Розу и Санни, но вы можете называть полными именами, если предпочитаете.

Леоне наклонился к внучкам и пристально посмотрел сначала на одну, потом на другую. Они уставились на дедушку и расплакались.

– Простите, – сказала Чичи.

– Леоне, да ты их напугал, – пожурила жена. – Что ты такого сделал?

– Нет-нет, вы не виноваты, синьор, – поспешила заверить его Чичи. – Просто они проголодались.

Изотта бросила взгляд на дочь, следуя за Леоне и Розарией к их автомобилю. Леоне придержал заднюю дверь. Чичи села на заднее сиденье с одной дочерью. Мать присоединилась к ней со второй.

– Синьор Армандонада? – обратилась к нему Чичи.
– *Si?*
– *Grazie*, – сказала Чичи, и он затворил дверь.
– Похоже, он хочет, чтобы я называла его «мистер Армандонада», – шепнула матери Чичи.

– Значит, это и есть любимый десерт Саверио? – спросила Чичи у свекрови. – *Ciambella*, не так ли?

– Именно. В детстве он сгорал от нетерпения, ожидая лета. Мы вместе шли собирать черешню, а потом возвращались домой, и я готовила ему все свежее. Но теперь я консервирую черешню, так что можно готовить *ciambella* круглый год. Когда ты поедешь домой, я упакую для тебя ящик консервированной черешни. Итак, сначала берешь три пинты черешни без косточек, разрезанной на половинки.

Чичи ложкой достала черешню из банки, а Розария продолжала:

– Поставь черешню на огонь с чашкой сахара и соком одного лимона и пусть медленно готовится, пока не выделится сок. А пока ты занимаешься черешней, я начну готовить тесто для пряников. Так мы их называем. Некоторые зовут это кексом, другие – пончиком. Берешь три чашки муки, чашку сахара, два яйца, один желток, столовую ложку пекарского порошка. Все это нужно просеять вместе. Добавляешь ложечку ванили, а еще чашку холодного масла, нарезанного кубиками. Кладешь масло в просеянные ингредиенты. И цедру одного лимона тоже туда.

Чичи опустила руки в миску и стала замешивать тесто.

– Как у меня получается? – спросила она.

– Продолжай, не останавливайся. Тесто должно быть не слишком гладкое, – сказала Розария, вынимая из шкафа противень и смазывая его маслом. – А теперь берем тесто и укладываем его кольцом. Мы это называем обручальным кольцом.

Чичи выложила тесто кольцом. Розария немного исправила его форму.

– Простите, – смущенно сказала Чичи, – у меня неважно вышло.

– Ничего, еще успеешь научиться. А теперь выпекаем двадцать минут в горячей духовке до золотистого цвета.

Леоне вошел на кухню с заднего крыльца, неся в руках большой пакет из толстой бумаги, доверху наполненный артишоками. Он

поставил пакет на стол.

– Насколько я понимаю, на ужин я буду готовить артишоки, – вздохнула Розария.

– Я умею их готовить, – сказала Чичи.

– Да нет, не беспокойся, я справлюсь, – улыбнулась Розария.

– Пусть их приготовит Кьяра, – постановил Леоне.

– Я могу сама, мама, – заверила ее Чичи. – Ступайте отдыхать.

Мне поможет *Nonno*.

Розария рассмеялась.

– Что тут смешного? – спросил Леоне.

– Да просто ты – и на кухне. – Розария сняла передник и направилась вверх. – Ты – и готовка!

– Я что-то не то сказала, *Nonno*? – спросила Чичи.

– Нет.

Чичи перебрала артишоки, выбирая для ужина самые крепкие. Леоне сел за стол и наблюдал за ней. Чичи с матерью и детьми гостили у них уже почти неделю, но свекр еще ни разу не завел с ней разговор сам и не задал ни одного вопроса.

– Как вам ваши внучки? – спросила она у Леоне, неся артишоки к кухонной раковине.

– *Bella, bella*, – покивал Леоне.

– Надеюсь, вы сможете однажды навестить нас в Нью-Джерси.

– Мне надо работать.

– Понимаю. Но, быть может, однажды в будущем, когда вы будете свободны? – Чичи стала чистить артишоки, отрезая длинные хвостики. – Саверио скоро вернется домой и снова будет гастролировать.

– Ты зовешь его Саверио?

– Когда мы познакомились, это и было его имя.

– Так звали моего отца, – сказал Леоне.

– Хорошее, сильное имя. Мне оно нравится.

– А когда же он стал Тони?

– Это имя ему дал руководитель одного оркестра.

Леоне скривился, не скрывая отвращения:

– Дурацкое имя.

– Возможно, но зато хорошо запоминающееся. – Чичи постаралась сказать это так, чтобы не прозвучало, будто она

оправдывается.

Она разложила артишоки на противне, долила около дюйма воды и поставила противень в духовку, чтобы артишоки приготовились на пару.

– Люди ведут себя просто как стадо овец, – продолжал Леоне. – Запоминают то, что проще, а не то, что важно.

– Иногда это действительно так, – дипломатично согласилась Чичи.

– Это всегда так. Мне стыдно, что мой сын отказался от своего имени.

Чичи вытерла руки о передник и села за стол рядом с Леоне.

– Наверное, вам трудно было это принять, – сказала она.

– Он свободен поступать как желает.

– В шоу-бизнесе это случается. Наши итальянские имена слишком сложны в написании и произношении.

– Но Фрэнк Синатра не изменил своего имени. Отказался, и все тут. Он носит то имя, с которым родился. Он гордится своей семьей. Своим краем. Своим происхождением. А мой сын – нет.

– Но ваш сын гордится своей семьей и тем, что он итальянец. Он ведь только об этом и поет. Это он и есть.

– Если бы он гордился своим именем, то не стал бы певцом, – отрезал Леоне.

– Почему вы так думаете? – удивилась Чичи.

Леоне пожал плечами:

– Да ты только погляди на мир шоу-бизнеса. Сплошные азартные игры, гангстеры, шантрапа, подпольные бары, притоны. Это не порядочные люди, и порядочные люди в такие места не ходят.

– Не уверена, что вы правы, синьор. Вашему сыну довелось выступать и перед кардиналами. – Чичи встала, чтобы подобрать ингредиенты для начинки артишоков. – Возможно, вам стоит поговорить с ним об этом.

– Он со мной не разговаривает.

– Почему?

– Это мой дом. Я построил его своими руками. В этих стенах я живу по определенному порядку. И ожидаю, чтобы мой сын жил так, как я его воспитал.

– Саверио хороший человек, папа. Он много работает, и он человек нравственный. У него благородный характер. Он вовсе не один из тех, кого вы назвали как часть шоу-бизнеса; он сам себе хозяин.

– Был бы сам себе хозяин, не менял бы своего имени.

Леоне встал из-за стола и вышел во двор. Чичи проследила глазами, как он шел по садовой тропинке. Ее свекр явно был человеком другой эпохи. Чичи решила, что необходимо найти способ заставить его жить в настоящем – ради его сына и ради их детей.

Хэллоуин, 1945

Дорогой супруг,

Мы с мамой поехали поездом в Детройт. Твои отец с матерью встретили нас на станции. Мы гостили у них неделю. Твоя мать приготовила ciambella (ты обрадуешься – она и меня научила ее готовить для тебя!). Она очень поладила с близнецами. Моя мама тоже помогала, так что я неплохо отдохнула.

Твой отец был очень добр ко мне и ласков с внуками. Я понимаю, для тебя это большой вопрос, и не знаю, что именно произошло, кроме той ссоры, когда тебе было всего шестнадцать, но он вовсе не какой-то людоед. Он показался мне очень славным. Много говорил о тебе. У них хранятся пластинки с твоими записями, вырезки из газет и твои фотографии. Ради наших девочек, у которых всего один живой дед, мне бы хотелось, чтобы вы помирились. Вокруг скоро тоже наступит мир, так пусть же он будет и в нашей семье. Я люблю тебя всем сердцем и хочу, чтобы счастье заполняло всю твою жизнь, до самых краев.

Твоя жена

Известие о том, что Чичи отвезла малышей к его отцу, прежде чем он сам увидел своих детей, привело Тони в ярость. Он поверить не мог, что она посмела это сделать, не спросив его позволения и даже не поинтересовавшись его мнением.

Он вынул из конверта фотографии дочерей и переложил их в бумажник, а письмо Чичи разорвал.

Тони заказал себе пиво в «Якоре», баре у пирса в Сан-Диего, куда моряки обычно заходили по выходным. Он стоял, облокотившись на барную стойку, когда почувствовал знакомый запах духов – гардения, припомнил он, – и обернулся. Женщина лет двадцати пяти, с длинными темными волосами, стояла за его спиной с бокалом в руке.

– Простите, – сказала она. – Я приняла вас за парня, которого жду.

– А он где?

– Опаздывает.

– Ну и дурак, – бросил Тони, отпивая пиво.

– Вы так считаете? – улыбнулась она.

– Не стоило ему оставлять вас одну, – заметил он.

Женщина снова улыбнулась и скользнула на высокий табурет рядом с Тони. Она приподняла со стойки его левую руку и всмотрелась.

– Э, да вы женаты, – разочарованно проронила она.

– Меня зовут Тони.

– Джоан.

– Приятно познакомиться, Джоан.

Тони заплатил за свою выпивку и встал.

– Вы куда? – удивилась Джоан.

– От греха подальше.

– О, это дело сложное. Поближе – куда проще, – проронила она, отворачиваясь от него.

Тони направился к двери, но в эту минуту в музыкальном автомате заиграла пластинка. Сквозь душный воздух, пропитанный сигаретным дымом и вонью разлитого пива, прорвался голос Джимми Дорси, поющего *Blue Champagne*. Тони не смог устоять перед этой песней. Он вернулся к барной стойке, обнял брюнетку за талию и, приподняв, поставил на пол и увлек в танец.

Они ритмично покачивались в такт музыке, и тогда Тони притянул ее поближе к себе и зарылся рукой в ее волосы. Ее одуряющий запах заполнил его до краев. Она прижалась к нему, и он унесся мыслями к тому, что могло бы быть дальше. Ее платье было не то шелковым, не то атласным – одна из тех тканей, которые скользят под пальцами, как

голая кожа. Тони провел ладонями по ее спине. Она ответила на это прикосновение, поцеловав его в шею. Потом она что-то прошептала ему на ухо, но он как раз представлял себе песню, ноты на нотной записи, мысленно записывая каждую по мере исполнения. Он увидел себя на сцене в сопровождении биг-бэнда.

Тони почувствовал, как ее руки пробираются под его брезентовую куртку. Она поцеловала его в ухо и дотронулась губами до его щеки.

Отодвинувшись от нее, он пробежал ладонями по ее предплечьям, затем взял ее за руки и вернул их ей, как будто они вышли из-под контроля и едва не натворили бед. Вальс еще далеко не закончился, но Тони уже не хотел танцевать.

Он вышел на улицу. Ночной воздух Сан-Диего ощутимо остыл. Тони направился в сторону базы, дрожа от холода и все убыстряя шаг. Ему хотелось поскорее оказаться в казарме. Срок его службы заканчивался через несколько недель, все бумаги уже были подписаны, он даже купил билет. Тони предстояло вернуться домой, к жене. Он впервые увидит своих дочерей. Он их даже ни разу не видел, а чуть было не совершил ошибку, которая бы роковым образом затронула их жизни. От этой мысли ему стало противно. Он был так зол на Чичи, что не мог преодолеть своей обиды на нее. Было бы так просто причинить ей боль.

Тони почувствовал, как ему сдавило грудь. Через миг его бросило в жар. Он остановился, прислонился к стене и попытался выровнять дыхание, хватая воздух ртом, затем прикрыл на мгновение глаза, чтобы успокоить нервы. Дышать стало легче. Значит, это не сердечный приступ. Когда он открыл глаза, то вспомнил, что уже однажды пережил подобное – на подводной лодке. Это была клаустрофобия. Стены теснили его.

Чичи не была единственной невестой военного времени, стоявшей у вокзала Пенн, чтобы встретить с поезда возвращавшегося с войны солдата. Тысячи женщин заполнили улицы Среднего Манхэттена в ожидании эшелонов. Многие пришли целыми семьями. Чичи видела, как одни молодые матери несут на руках младенцев, другие собирают вокруг себя детей постарше. Пошел снег, и Чичи нашла убежище в палатке на углу, где продавались рождественские елки. Ей столько нужно было сказать Тони! И еще она хотела услышать все

подробности о том, как закончилась его служба. После рождения близнецов она почти перестала с ним переписываться. Ее охватило волнение. Она потянулась к карману, достала пудреницу и проверила, все ли в порядке с лицом. Но вот у выхода из вокзала показался Тони со своей брезентовой сумкой. Она пробралась через толпу и обняла его.

– Добро пожаловать домой! – воскликнула она.

– Ты одна?

– Малышки у мамы, на побережье.

– Так чего мы еще ждем? Пошли.

Тони и Чичи сели на автобус, шедший в направлении Нью-Джерси. В дороге Тони отмалчивался, но ведь автобус был битком набит, и нельзя было ожидать, что он пустится в откровения в присутствии стольких людей. Чичи взяла его под руку и дожидаться не могла, когда они наконец будут дома и он познакомится с дочерьми.

Вложив свою ладонь в его, она склонила голову ему на плечо. Она немало об этом читала, слышала она и рассказы других жен военных и знала, что не стоит многого от него сейчас ожидать. Женщины, к которым мужья возвращались с войны, должны проявить терпение, пока мужчины привыкают к новой домашней жизни после фронта. Тони так холоден – что ж, ничего удивительного. Чичи потянулась к нему и поцеловала в щеку. Он спал.

Чичи, Барбара и Люсиль загодя развесили электрические гирлянды на деревьях перед домом и на переднем крыльце, а в рождественский венок на двери добавили несколько бумажных флажков США. В доме стояла высокая голубая ель, усеянная сверкающими украшениями, – близнецы праздновали Рождество впервые в жизни. Изотта с дочерьми приготовили закуски для шведского стола, и дом был полон родственников и друзей семьи. Семейство Донателли возобновило свои довоенные праздники.

Гости приветствовали появление Тони радостными криками, овациями и хлопаньем пробок, открывая бутылки шампанского, но он не обратил на них внимания.

– Где мои дочери? – крикнул он, заглушая шум.

Барбара поднесла к нему Розы, а Люсиль – Санни. Тони смотрел на своих малышей, которым было уже почти по полгода, то на одну, то

на другую, восторгаясь ими, изучая их личики, их улыбки. Мгновение – и он уже качал на руках обеих дочерей.

– Правда, они красавицы? – сказал он.

Чичи выудила из кармана носовой платок.

– Они так выросли. Жаль, что тебе не удалось их повидать, когда они были совсем маленькими.

– Они мои, – сказал он. – Мои девочки.

Он поцеловал малюток по очереди и прижал к груди.

– Отца всегда узнаешь и никогда не забываешь, – сказала Чичи, поправляя платьице Санни.

Тони застыл.

– Сыплешь соль на рану, да? – прошипел он.

– Нет, милый, ничего подобного. Я ведь о тебе говорю. Не о твоём отце. О тебе. – На лице Чичи читалось страдание.

– Значит, поэтому ты отвезла моих детей к нему, прежде чем я сам их повидал? – бросил он и с девочками на руках ушел наверх.

Празднику, устроенному для него, в его честь, предстояло продолжаться в отсутствие виновника торжества.

Чичи была совершенно раздавлена, но даже вида не подала. Тони так устал, да и в дороге провел несколько дней.

– Что это с ним? – тихо спросила Барбара.

– Не начинай, Барб.

– Он всегда думает только о себе, Чич. Ни мысли о том, каково пришлось тебе.

Чичи ополоснула последнюю кастрюлю и поставила ее на сушилку.

– Иди спать, Ма.

– Ты уверена? – Артрит у Изотты снова обострился, руки отчаянно ныли.

Она поцеловала Чичи, пожелав ей спокойной ночи, развязала передник и ушла в свою новую спальню.

Чичи пристроила небольшую квартирку к задворкам родного дома, чтобы мать могла поселиться там и не была больше вынуждена ходить вверх-вниз по лестнице. Барбара с семьей устроились в том же квартале, а Люсиль и Фрэнк жили неподалеку, в Оушн-Сити, откуда при необходимости можно было быстро добраться до матери. Все это

было частью сюрприза, который Чичи подготовила для Тони. Она собиралась торжественно продемонстрировать ему манхэттенскую квартиру, но также убедить его, что девочкам необходим свежий воздух и морские купания и что семья может жить на два дома. Ли устраивала Тони ангажемент в ночном клубе на Манхэттене – это будет концерт по случаю возвращения на сцену. Словом, жена сделала все, чтобы переход мужа с военной службы нанад в шоу-бизнес прошел как можно более гладко.

Чичи поднялась по лестнице, гася по пути свет. В коридоре валялась сумка Тони. Она отнесла ее в спальню. Кровать была несмята, ровно такая, как ее оставили утром. На письменном столе стояла украшенная специально для Тони живая елочка, увешанная вещицами из их общего прошлого.

Чичи прошла по коридору к детской и открыла дверь. Малышки спали в своих колыбельках, а их отец уснул рядом на полу, подложив под голову стопку чистых подгузников из комода. Чичи наклонилась к мирно сопевшим детям. Ее мать взяла на себя завтрашнее раннее кормление, чтобы позволить Чичи с Тони как следует выспаться, но теперь это уже не имело значения. Чичи встала на колени рядом с мужем и осторожно разбудила его, нежно обняв.

– Ты дома, Савви, – сказала она.

Он открыл глаза.

– Я знаю, ты на меня сердишься. Мы можем поговорить об этом завтра. Но сегодня тебе надо выспаться в собственной кровати. С малышками все в порядке. Пойдем со мной.

Тони собирался воспротивиться, но понял, что у него нет на это сил. Он последовал за Чичи по коридору в спальню, сел на край кровати и развязал шнурки. Чичи встала на колени и помогла ему. Она сняла с него ботинки и носки, расстегнула и стянула с него рубашку – сначала один рукав, потом другой – и освободила его от ремня. Когда он лег на кровать, она сняла с него и брюки.

Чичи убрала покрывало, Тони забрался под одеяло и утонул в мягкой теплой постели. Он соскучился по этим шелковистым простыням и пуховым подушкам, по аромату ванили и розы и по жене, но не собирался это признавать. Его обида на Чичи пустила глубокие корни. Тони казалось, что он окружен высокими стенами, такими же

непроницаемыми, как годами росшие в запустении побеги дикого плюща, крепко оплетающие старинный палаццо.

– Нужно что-нибудь? – спросила Чичи, подтыкая вокруг него одеяло.

– Славно, – пробормотал он.

Вскоре ее муж уснул. Не такую рождественскую встречу она планировала. Обида Тони была глубока, и, казалось, ничего не могло ее развеять, ни дети, ни даже Рождество.

Стоя в прихожей квартиры 1 С жилищного комплекса «Мелодия», Тони огляделся и одобрительно присвистнул.

– Значит, вот куда ушли роялти за «Мечтай о ней»?

– И еще в пристройку в Си-Айле.

– Тебе так много заплатили? – спросил он, обходя квартиру. – Это потрясающе, Чич.

– Я сочла, что она нам всегда пригодится. У нас ведь здесь дела.

– Стильно. Очень стильно. – Тони открыл дверцы шкафов, заглянул под кухонную раковину. – Отличная работа.

– Мы использовали лучшие материалы. Не хотелось бы снова всем этим заниматься.

– Не думаю, что придется, милая.

Чичи улыбнулась. За все недели, что минули с возвращения Тони домой, он впервые назвал ее ласковым словом. Все это время Чичи не пыталась развеять его мрачное настроение. Но постепенно, мало-помалу она пробивалась к нему сквозь его обиду, продвигалась вперед – и именно потому, что не давила на него.

– Все здесь устроено ради комфорта. После выступления в ночном клубе тебе не придется добираться домой на поезде. Можно просто прийти в квартиру и отдохнуть.

В гостиной Тони сел на стул и закурил сигарету.

– Ты уже что-нибудь тут сочинила?

Чичи пододвинула к нему пепельницу.

– Пока нет, – ответила она.

– Я гляжу, все готово для творчества. Тут тебе и пианино, и стол может послужить как письменный.

– Этот стол я велела изготовить из папиного пульта управления, который прежде стоял у него в гараже.

– Ничего себе.

– Ага. Надеюсь, в нем сохранилось былое волшебство.

– У тебя затык, да? – спросил Тони.

– Я, наверное, просто страшно устала, – сказала Чичи. Она посмотрела на свои руки и добавила: – С тех пор как ты вернулся, это первый раз, когда ты хоть что-то спросил обо мне. Три слова: «У тебя затык».

– Неправда!

– Как скажешь, Сав.

– Ты мне не веришь.

– Просто не помню, чтобы ты хоть раз меня спросил обо мне самой.

– Я пытаюсь вернуться к прежней жизни. Ты хорошо выглядишь. Ты все устроила. С детьми все в порядке. На что тебе еще и я? Compliments отпустить?

Чичи попыталась не взорваться.

– Мне нужно, чтобы ты был моим партнером.

– Ах, партнером. Но ведь слово «партнер» предполагает положение на равных. Или я не прав? Если тебе нужен мужчина, который просто кивает и во всем с тобой соглашается, то уволь, это не я. Но именно так ты ко мне относишься. Сама принимаешь все решения и ждешь, что я стану хлопать в ладоши, как та игрушечная обезьянка наших девочек, которая ударяет в литавры и стучит зубами, когда щелкаешь ее по темени.

– Я постаралась устроить все получше сама, потому что знала, как много ты пережил на флоте. Не для того чтобы тебя исключить, а напротив – чтобы облегчить твою жизнь.

– Но написать-то мне о квартире ты могла?

Чичи поразмыслила об этом. Авторские права на песню принадлежали ей одной, так что деньги тоже были ее собственные. Но ведь теперь они с Тони женаты, и, значит, теперь все ее заработки – их общие деньги. Он передал ей все свои счета, с его стороны секретов в этом смысле не было, так почему же она скрыла от него квартиру? Она потому не сказала ему о покупке квартиры, что ей и в голову не пришло, будто надо просить у него разрешения.

Но вместо этой правды она проговорила:

– Просто я хотела сделать тебе сюрприз, но была не права. Однако поверь, я действительно всего лишь пытаюсь сделать тебя счастливым. Прости меня.

В это ветреное январское утро над Манхэттеном нависали низкие тучи, похожие на выдавший виды байковый навес. Чичи посмотрела в окно с дивана. Ее муж затушил сигарету, встал со стула и сел рядом с ней.

– Я никогда прежде не был в браке, – сказал он.

– Я тоже.

– А теперь, когда я вернулся, ты могла бы мне говорить обо всяком? Не обо всем, просто самое главное.

– Я ведь сделала это не для того, чтобы тебя огорчить. Я хочу, чтобы ты мной гордился.

– Я всегда тобой горжусь. Ты хорошая мать, Чич.

– Вот только жена никудышная?

– Я бы так не сказал. У меня пока была только одна жена, и с ней все в порядке.

– Не подумываешь обменять ее на другую, получше?

– С чего бы я стал это делать? – Тони обнял ее и притянул к себе.

Он поцеловал Чичи, и вскоре все их проблемы отступили, или так им показалось – ведь они забыли о своих сложностях ровно на столько времени, чтобы вспомнить, что значат друг для друга. Тони поднял жену на руки, отнес в спальню и бережно уложил на кровать. Она стала развязывать его галстук, а он расстегнул пуговицы ее платья.

– Мне нравится эта комната, Чич.

– Я волновалась за цвет, – сказала она, целуя его. – Не слишком девчачий?

– Вовсе нет, совсем как внутри ракушки.

Она притянула его к себе на белое бархатное покрывало.

– Мне это не приходило в голову.

– У тебя все всегда связано с океаном, – улыбнулся Тони. На улице розовые солнечные лучи начали пробиваться сквозь туман. – Даже когда ты об этом совсем не думаешь.

Ли Боумэн распахнула стеклянные двери, ведущие к стойке у входа в агентство Уильяма Морриса, и радостно обняла Тони.

– Хорошо выглядишь, солдат!

– Все позади. Пора возвращать меня на сцену.

Тони проследовал за Ли в зал для совещаний. Как только они вошли, на ноги поднялась целая команда агентов. Тони по очереди пожал руки семерым мужчинам – все как один в темно-синих шерстяных костюмах, белых рубашках с запонками и черных шелковых галстуках.

– А что, у Хайрама на Восточной 5-й улице была распродажа?

– Почему вы спрашиваете? – спросил старший из агентов.

– Вы все одеты одинаково. Я, знаете ли, по горло сыт людьми в форме.

Агент слегка улыбнулся.

– Мы поработаем над этим.

– Я Генри Райш, – представился самый молодой из семерых. – Возглавляю команду, представляющую ваши интересы в нашем агентстве.

Лощеный Генри выглядел так, как будто только что окончил колледж. У него была широкая улыбка и лукавые карие глаза.

– Вы возглавляете мою команду? Я даже не знал, что у меня есть команда.

– Теперь есть, и мы надеемся, что вы останетесь довольны планом, который мы для вас составили. Вашим основным представителем по-прежнему останется мисс Боумэн, но мы тоже хотели бы предложить на ваше рассмотрение кое-какие идеи.

Ли кивнула.

– Мы считаем, что можно расширить границы вашего таланта, – продолжал Генри. – Вы великолепный певец с колоссальным гастрольным опытом, но нам хотелось бы, чтобы вы повысили ставки и проехали с большим турне по Южной Америке, некоторым регионам Европы и крупнейшим городам США. Хорошо бы завершить это турне в Голливуде, поскольку мы полагаем, что у вас есть будущее в кинематографе.

– Правда? – удивился Тони.

– Несомненно, сэр. В наши дни музыкальные фильмы – основной источник барышей главных киностудий. Им требуются известные певцы, записавшие пластинки с шлягерами. То есть вы, – заверил его Генри.

– А еще ты фотогеничный, – добавила Ли.

– И сколько примерно продлится это турне? – спросил Тони.

– Если делать все как следует, то по нашим подсчетам оно может занять года три.

Тони откинулся на стуле, не скрывая удивления.

– Звучит устрашающе, но дело вот в чем, – ответил Генри. – Концерты подпитывают продажи пластинок. Если мы укрепим базу ваших поклонников в Аргентине, Перу, Венесуэле, всей Южной Америке – выступать будете в больших залах при шикарных гостиницах – и организуем запись пластинки на испанском, вы взлетите в первые пять процентов международных продаж, рядом с ведущими исполнителями. А успех в Южной Америке улучшит продажи в Европе – и так далее. Когда вы вернетесь домой, мы устроим вам роль в кино, поклонники обеспечат успех фильма, и для вас откроются небывалые новые перспективы.

Тони зажег сигарету.

– А какие ожидаются сборы?

– Оплата будет по высшему разряду, все расходы покрываются, жилье категории люкс – все как положено. Место в рейтинге «Биллборда» очень ценится за границей. А чем дальше даты, на которые мы можем запланировать концерты, чем продолжительнее турне, тем все сложится успешнее. И тем больше вы заработаете.

– Мне это нравится.

Генри посмотрел на Ли.

– Наша команда беспокоилась, что вы, возможно, предпочтете остаться в Нью-Йорке, – проговорил он.

– Нью-Йорк никуда не денется, – сказал Тони. – Я всегда могу вернуться домой. Можете начинать планировать турне, Генри.

Ли удивилась.

Тони откинулся на спинку стула и закурил очередную сигарету. Он расквитался с Чичи, приняв самостоятельное решение и не посоветовавшись с ней, но в ту минуту он думал не об этом. Его невероятно окрылило известие, что его ждут на другом континенте с раскрытыми объятиями.

Сидя на ступеньках заднего крыльца своего дома в Си-Айл-Сити, Чичи разбирала пачку писем, полученных от агентства Уильяма

Морриса. Южноамериканское турне Тони удалось организовать очень быстро, и к марту он уже отправился в путь.

Она пролистала подшивку рецензий. Статьи были написаны по-испански, но фотографии говорили сами за себя. Одетый в сшитый на заказ смокинг Тони стоял, держа в одной руке бокал просекко, а в другой сигарету, среди сценических декораций в стиле ар-деко, окруженный сногшибательными девицами из кордебалета. На головах у танцовщиц красовались страусовые перья, а вот ниже шеи на них было надето куда меньше. Если честно, их костюмы вообще мало что прикрывали.

Зазвонил телефон, и Чичи прошла на кухню.

– Спасибо за вырезки, Ли. Я особенно оценила ту, где Тони позирует с цирковыми лошадками.

– Ты насчет Рио? Да там просто карнавал или что-то в этом роде. Не обращай внимания.

– Сомневаюсь, что мой муж способен последовать твоему совету.

– Не беспокойся о нем. Где он еще найдет такую чудесную девушку, как ты?

– Ну, на сцене «Канделоры» в Сан-Пауло ему явно предоставлен широкий выбор.

– Давай-ка подумаем о чем-то другом, ладно? – попыталась перевести разговор Ли.

– Не откажусь. Что ты можешь мне предложить?

– Есть одна новая певица, молодая, очень милая, зовут Дайанн Кэрролл. Ей нужна баллада – хочет спеть что-то совершенно душераздирающее в «Латинском квартале»^[89]. И сразу же записать. В ее дебютном альбоме как раз осталось место.

– Ты обратилась к кому надо.

– Всегда так поступаю.

– Дай мне время подумать – посмотрим, что я сумею сварганить. И обещаю не упоминать своих трехлетних близняшек, которые добрались до мамочкиного козьдкрема и размазали его по стенам гостиной.

– Да, этот сюжет скорее подойдет для шуточной песни.

– Я уже и название придумала. «Мамочка наклюкалась, у мамочки нервы».

Чичи положила трубку. Малышки спали, их бабушка ушла в магазин, так что у Чичи было время поработать.

С окончания войны Тони провел на гастролях с перерывами почти три года. Его жизнь в полную силу вернулась в старое русло, а вот жизнь Чичи мало походила на ту, что была до замужества. И именно это ее так расстраивало. У нее изменилось все – от режима сна до места жительства и окружности талии. Ей бы радоваться, что она жена Тони и мать его детей, – так, по крайней мере, считало большинство окружающих. Однако Чичи чувствовала, как день за днем, капля за каплей исчезает та женщина, которой она была до встречи с Тони Армой.

Чичи порылась за стеллажом со специями и достала свой блокнот и ручку. Она открыла блокнот, перелистнула страницы с аккуратно записанными печатными буквами текстами песен, сочиненными четыре года назад, и печально вздохнула. Красивый почерк тоже куда-то делся. Став домохозяйкой, она пожертвовала даже чистописанием.

Она записала:

*Люблю тебя, но я одна,
Люблю, но дети подросли.
Кто мы такие, когда дом опустел?
Кто я такая, когда в сердце дыра?
Хочешь остаться – так не уходи.
Но если уйдешь, не моя в том вина.
Мама сказала: легко не бывает,
Сплошные обиды, боль и борьба.
И книжки о том же вечно твердят.
Но хочешь остаться – так не уходи,
А если уйдешь, то сам виноват.*

Выскочив из такси на углу Пятой авеню и 8-й улицы, Чичи едва не понеслась вприпрыжку. Она опаздывала. Розы и Санни надо было попасть на празднование пятилетия их кузины Нэнси в Си-Айл-Сити, но Барбара не пришла за ними вовремя, и из-за этого Чичи, в свою очередь, упустила свой поезд в Нью-Йорк.

Чичи сердилась еще и потому, что надеялась утром сделать прическу в парикмахерской, но на это уже не оставалось времени – почему-то с некоторых пор времени не оставалось ни на что, – так что ей пришлось самой поспешно уложить волосы. Но она не позволила им толком высохнуть, и во влажном уличном воздухе ее густые локоны совсем потеряли форму. А ей так хотелось показаться на глаза Тони красивой. В итоге она плюнула и завязала волосы в конский хвост.

Чичи пробралась в студию звукозаписи «Декка» на Восточной 8-й улице в Гринвич-Виллидж. За стеклянной перегородкой Тони исполнял «Бонус, бонус» – это была новая песня, которую она написала специально для него.

Акомпанировавший ему небольшой джазовый оркестр вовсю втянулся в ритм свинга. Она опустила голову, вслушиваясь, пока музыканты играли припев. Звукоинженер велел Тони спеть все сначала. Тони обернулся, когда закончил, и увидел Чичи в контрольной комнате.

Он поманил ее к себе и поцеловал в щеку.

– Ну как тебе? – спросил он.

– Мне кажется, припев можно оживить. Привет, ребята! – поздоровалась она с музыкантами. – Давайте так: когда доходите до первого «Бонус, бонус», Тони поет соло, а на повторе вступаете вы. Гармонизируйте, если получается. Если нет, не гармонизируйте – просто придайте песне энергичный, веселый заряд.

Тони посмотрел на ансамбль:

– Давайте попробуем.

Чичи заняла свое место в контрольной комнате.

– А ты, похоже, знаешь, о чем говоришь, сестренка, – одобрительно сказал звукоинженер, поглаживая свою козлиную бородку.

– Еще бы. Ведь это я ее написала.

Тони спел всю песню. Когда дело дошло до припева, они с оркестром выполнили указания Чичи. Чичи снова склонила голову, вслушиваясь.

– Получается, – заключила она.

– Заходи в любое время, – сказал звукоинженер. – Может, есть еще идеи?

– Этой песне требуется рев саксофона. Здешний кларнет недотягивает, он просто теряется.

– Вито и на саксофоне умеет.

– Тогда вели ему достать саксофон и дуть.

Чичи нажала кнопку на консоли, чтобы обратиться к мужу.

– Тони, здесь необходимо несколько уровней. Мы убираем кларнет и вводим саксофон. Я хочу, чтобы вы с ребятами снова исполнили песню так, как будто играете на улице для прохожих, но на этот раз, Тони, удерживай слово «бонус» на проигрыше сколько сможешь и как можно выше. Следуй за саксофоном и дай ему подбросить тебя, а дальше ты поешь и перекрываешь его. Ясно?

– Ясно. – Тони затушил сигарету.

– Начнем сначала.

Чичи скрестила руки на груди и наклонила голову, приготовившись слушать.

Тони наблюдал за женой сквозь стекло. Именно поэтому она и была ему необходима: когда речь шла о его работе, она неизменно доводила все до совершенства.

Чичи откинулась на стуле и положила ноги на стол Ли Боумэн, чтобы рассмешить подругу.

– Вот так себя ведут авторы шлягеров из первой десятки «Биллборда» – когда мы начинаем загребать бонусы к гонорарам, мы переселяемся к вам. Можешь в это поверить? Еще один шлягер!

– Я уже придумала продолжение, – сказала Ли. – «Детки, детки».

– Неплохая мысль.

– Тони должен появиться с минутой на минуту. – Ли поглядела на часы. – Расскажешь ему новости сама.

– Ему больше нравится, когда это говоришь ты, так торжественнее.

– Какие у вас планы на сегодня? Заставь его угостить тебя обедом в хорошем ресторане.

– Мы записаны на прием в «Самсонз».

– А, ну да. Пора решить этот вопрос.

– Для того я и пришла.

Переговорное устройство Ли тренькнуло, и голос секретарши сообщил:

– Мистер Арма в вестибюле.

– Увидимся позже. – Чичи схватила сумочку, натянула перчатки и спустилась по ступенькам в вестибюль.

Когда она вышла из дверей, Тони нервно мерил пол шагами.

– Пошли, зайчик. – Он схватил Чичи за руку и остановил такси. – Мы не опаздываем?

– Будем как раз вовремя. Тони, а ты заметил, что с тех пор, как у нас родились девочки, мы никогда никуда не успеваем?

– Да, заметил.

– А почему так получается?

– Не знаю. Может, просто больше дел?

– Или нам никуда не хочется идти.

– Тоже возможно. – Голос Тони прозвучал озабоченно.

– С тобой все в порядке?

– Что-то я не уверен насчет этой затеи.

– Тогда давай все отменим.

– Да нет, нельзя. Генри ведь сказал, что нужно заняться этим немедленно.

Чичи и Тони вышли из такси у дома номер 537 на Пятой авеню. Подъезд казался утопленным между роскошными парадными двух больших магазинов.

– Нелегко найти, – прокомментировал Тони, входя в двери следом за Чичи.

– Никакой огласки, – сказала Чичи, входя в лифт. – Третий этаж.

Тони нажал на кнопку.

Выйдя из лифта, они ступили на отполированный венецианский пол. Перед ними была солидная дверь орехового дерева с латунной табличкой «Самсонз, Пятая авеню». За дверью их немедленно встретили и провели в приемную, обставленную в мрачноватых серых, коричневых и лиловых тонах.

– Совсем как в том банке, где мы брали ипотеку, – прошептала Чичи.

После недолгого ожидания их провели в кабинет. Тони и Чичи уселись за большим отполированным столом вишневого дерева. Стулья были из того же материала. На столе лежали две толстые книги, а на обшитых деревянными панелями стенах висели картины со сценами охоты в колониальной Виргинии.

К ним присоединился пожилой усатый мужчина с коротко подстриженными седыми волосами, в белом халате и с галстуком-бабочкой.

– Я Сай Уормфлэш, ваш консультант по вопросам волос. Чем могу служить?

– Все очень просто, Сай, – сказал Тони. – У меня редеют волосы, и мне требуется накладка.

Сай поднялся на ноги.

– Вы позволите взглянуть?

– Конечно.

Уормфлэш пристально изучил волосы и кожу головы Тони, уделяя особое внимание залысинам, поредевшим участкам и ранней седине, затем отошел на пару шагов, чтобы оценить пропорции головы. Он достал несколько карточек и сделал на них кое-какие заметки. Затем снова сел и повернулся лицом к клиенту.

– Итак, вот что вас ожидает, мистер Арма. К пятидесяти двум сформируется лобная лысина. В свою очередь, лысина на макушке быстро расползется, и уже к сорока годам в верхней части головы ничего не останется. Сколько вам лет?

– Тридцать три.

– Тогда поправка: макушка обнажится уже к тридцати восьми.

– Как все происходит, сэр? – спросила Чичи.

– Выбираем прическу. Вашему мужу я бы порекомендовал косой пробор и легкую курчавость, тогда это хорошо впишется в кудри на затылке. Я хорошо умею имитировать волосы клиентов. У вашего мужа они тонкие, но густые. Дальше выбираем сетку. Я измеряю голову. Изготавливаю модель головы. Вам когда-нибудь делали шляпу на заказ?

– Да.

– Вот здесь нечто похожее. Со временем вы стареете, седеете, в конце концов волосы станут совсем белыми – ну да, это ведь накладка, – но у нас хранятся размеры вашей головы, они-то никогда не меняются. Я покупаю натуральные волосы отличного качества в Греции и Италии. В последнее время мне нравятся польские волосы, но они обычно жесткие и прямые – по крайней мере, то, что мне предлагали. А я предпочитаю работать с волосами в их естественном состоянии.

– А как надевают накладку?

– При помощи клея. Если вы способны наклеить в альбом свою фотографию, то для вас не составит труда надеть на голову накладку. И вообще не волнуйтесь об этом. Если бы вы знали, сколько звезд Голливуда здесь побывало, вы бы просто упали. Как я часто говорю, это всего лишь волосы, но, если уж это всего лишь волосы, почему бы не изготовить лучшие из волос для лучшего из результатов? Вы хотите хорошо выглядеть, я хочу хорошо выглядеть, кто нас осудит? Ну, разве я не прав?

Чичи задернула шторы в номере 903 отеля «Вальдорф-Астория». Она уже приняла ванну, нарисовала губы и тщательно расчесала волосы. Мягкий гостиничный банный халат ласкал ее кожу.

Развязав пояс и сбросив халат на пол, она изучила в зеркале свое тело. Талия, увы, немного раздалась после рождения близнецов, но в целом фигура вполне недурная, а ноги и вовсе в полном порядке.

Она надела обновку – ночную сорочку из кремового шифона и пеньюар того же цвета. Чичи хотела выглядеть соблазнительной, чтобы привлечь внимание Тони. Ожидая его прибытия, она прибрала в комнате, повесила в гардероб его одежду. Договор с «Самсонз» на накладку она положила в свою сумочку.

В номер ворвался Тони.

– Получилось, Чич, получилось! – Он приподнял ее и закружил. – Мне дали роль. Я там еще и петь буду. Причем они сказали, что если студии понравится, они вставят и вторую песню.

– Милый, это чудесно!

– Съемки начинаются через неделю.

– Но ведь девочки только-только пошли в школу.

– Так переведем их в другую.

– Ты так думаешь? – спросила Чичи.

– А почему бы и нет? Тебе ведь очень понравилась Калифорния.

– Действительно. И знаешь что? Мы хотим быть там, где будешь ты. И это намного лучше, чем бесконечные гастроли. Ты сможешь записывать пластинки, время от времени выступать. Не станем больше жить на чемоданах.

Тони только теперь, казалось, заметил пеньюар Чичи.

– Ты ждешь гостей?

– Ты поспел прежде Уильяма Холдена.

– Экий я везучий. – Тони ее поцеловал. – А что, тебе нравится Уильям Холден?

– Да я просто пытаюсь вызвать твою ревность.

– Почему это?

– Чтобы ты меня лучше помнил.

– Я бы ни за что не смог тебя забыть.

– Вот тогда и начинаются проблемы, Савви, – сказала Чичи, целуя его. – Когда ты меня забываешь.

– Напомни-ка мне, что мы вообще здесь делаем?

– Просто перемена обстановки.

– Но у нас ведь есть своя квартира. Господи, да мы можем пойти туда пешком.

Чичи огорчилась – муж портил все волшебство. Она так тщательно запланировала этот маленький отпуск, а он обдаёт ее холодом. Наконец она сдалась.

– Номер был бесплатный, Савви.

– Я постоянно в гостиничных номерах.

– Но я-то нет.

Тони посмотрел на жену и понял, что она давно нуждалась в перемене.

– Иди сюда. – Он обнял ее. – Прости меня. Иногда я такой недогадливый.

Он наклонился и выключил ночник. Чичи расстегнула его рубашку. Их губы встретились, и они улыбнулись друг другу сквозь поцелуй.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал Тони.

– Что каждый раз, когда мы целуемся, мы начинаем все сначала?

– Каждый поцелуй – это шанс снова влюбиться.

– Мне нравится, как это звучит. Как строчка из песни.

– Утром запишешь. Сейчас мы заняты.

Тони взял жену на руки и уложил ее на кровать. Звезды над Нью-Йорком пробивались сквозь синюю ночь, мерцая как жемчужины, а Тони и Чичи начали все сначала.

Изотта принесла внукам блюдо с дольками яблока и кусочками сыра. Розы и Санни потянулись к угощению, но Чичи метнула на них

строгий взгляд.

– Что надо сказать, девочки?

– Спасибо, *Nonna!*

Девочки подвинулись на диване, освобождая место для бабушки.

– Все это так увлекательно! – сказала бабушка.

– Моего папу покажут по телевизору! – крикнула Санни.

– Это и мой папа! – заорала Роза.

– Прекратите вопли, мы ведь хотим услышать, как папа будет петь, – приструнила их мать.

– А нам разрешили не ложиться до девяти! – похвасталась бабушке Санни.

– Как только папа споет, немедленно в постель, – отрезала мать.

На небольшом экране телевизора появился Тони и запел «Бонус, бонус». Его полосатый черно-белый галстук так выделялся на груди, что словно вибрировал. Чичи бы ни за что не позволила ему надеть такой галстук.

– Папочка странно выглядит, – сказала одна из близняшек.

– Почему у него волосы дыбом? – подхватила другая.

Чичи наклонилась поближе к экрану.

– Разве?

– Они, наверное, наложили помаду для волос, – безапелляционно заявила Санни. – Вот и взяли слишком много. Выглядит как начес.

– Не начес! – возразила ей сестра.

– Вот увидишь, завтра в школе Моника Гибсон наверняка скажет, что наш папа сделал начес.

– Объясните Монике, что это невозможно, у него недостаточно густые волосы для такого. Ну все, бегом в постель. И зубы почистите, – скомандовала Чичи.

– Мама, а Роза не берет зубную пасту! – наябедничала Санни.

– У меня от нее рот горит, – объяснила Роза.

– Нельзя без зубной пасты, иначе на зубах будут черные точки, – напомнила им Чичи.

– Я прослежу, – предложила бабушка.

Как только Изотта и девочки ушли наверх, Чичи позвонила Тони в студию.

– Ты был великолепен, милый.

– Правда так думаешь?

– Все было тип-топ. Безупречно.
– Они со мной спорили из-за рубашки и галстука, – пожаловался он.

– Скажи им, чтобы в следующий раз отправили тебя в костюмерную, если им не нравится, как ты одеваешься.

– Скажу.

– Я по тебе скучаю, Сав, – сказала она, надеясь на ответ в том же духе.

– Я по тебе тоже.

Но правда ли это, подумала Чичи, и если да, то насколько?

– У меня новости, – тихо проговорила она.

– Дай угадаю. Ты прикупила еще акций «Дженерал Электрик»?

– Я снова в положении.

Что бы Тони ни ожидал от нее услышать, такое никак не приходило ему в голову.

– Ты уверена?

– Я была сегодня у врача. Да, это совершенно точно.

– Мне надо было оставить чаевые пожирнее в «Вальдорфе», – хохотнул Тони.

– Ты рад?

– В восторге. Если ты захочешь сотню младенцев, я сто раз обрадуюсь.

– Сав, я больше не могу жить вдали от тебя, да еще и ожидая нового малыша. Я просто не могу продолжать делать все одна.

– Да и мне тоже нелегко.

– Я знаю. Ты столько всего пропускаешь.

– Учítывая, как у меня идут дела на телевидении и в кино, думаю, вам надо переезжать сюда, в Калифорнию.

– Ох, Сав...

– Это ведь не навсегда. И тебе нравится Калифорния. Помнишь? Именно здесь началась наша история.

– Тамошнее солнце я действительно люблю.

– Ну так что, мне подыскивать дом?

– Видимо, да.

Несколько минут спустя они закончили разговор. Чичи уставилась на телефон. В душе ее происходило что-то странное. Все чаще и чаще она неожиданно для самой себя соглашалась со всем, чего хотел ее

муж, только бы не ссориться. Похоже, обсуждение какого бы то ни было вопроса предполагало не обмен мнениями, а выслушивание мнения Тони и выполнение его решений. Возможно, она мудро поступала, избегая конфликтов. Тони нуждался в отдушине, в месте, где его неизменно любили бы и поддерживали, не критикуя. А может быть, она изо всех сил держалась за то, что у них было, потому что знала – едва она разожмет пальцы, пусть и на мгновение, та жизнь, которую она построила для своей семьи, улетит от нее навсегда, безвозвратно, как бумажные змеи, которые ее дочери запускали на побережье. Именно так она воспринимала свой брак в последнее время. Он превратился в хрупкий, ярко раскрашенный ромб из рисовой бумаги, который плывет по воздуху, гонимый переменчивым ветром, и привязан к земле лишь ее силой воли и крепко зажатой в кулаке бечевкой, которая не выдержит, как бы крепко она в нее ни вцепилась.

10

Калифорнийские годы

Pizzicato^[90]

Тони въехал на круговую подъездную аллею дома номер 1001, Хаммингберд-Лейн в Толука-Лейк, и припарковался у входа в гостеприимно выглядящий дом в георгианском стиле.

– Ну как вам, девочки? – Тони выключил зажигание. – Вопрос касается и тебя, мамочка.

– Потрясающе! – Чичи подняла на лоб солнечные очки, чтобы получше разглядеть их новое жилище. Дом с белыми стенами и ставнями лакричного цвета на фоне голубого неба.

– Он весь твой. Не у тебя одной в этой семье есть нюх на выгодную сделку в сфере недвижимости!

– Да я же никогда и не говорила, что я одна в этом разбираюсь, Сав, – возразила Чичи. Открыв дверь автомобиля, она повернулась и вытянула ноги. – Мои ступни выглядят так, как будто я купила новые туфли и забыла вынуть их из упаковки. Так и хожу в обувных коробках.

Она недоверчиво покачала головой. За эту беременность она уже успела набрать больше веса, чем когда ждала близнецов, а ведь шел всего лишь второй триместр.

Санни ехала на спине отца, а Рози уцепилась за его бедро. Так они и добрались до входной двери. Тони широко растворил дверь и поставил девочек в прихожей.

– А бассейн тут есть? – поинтересовалась Санни. – Моника Гибсон говорит, что в Калифорнии в каждом доме бассейн.

– Пойди и поищи его сама, – сказал Тони, указывая на задний двор.

Девочки побежали туда.

– Осторожнее! – крикнул он им вслед.

Чичи вошла за ним в дом, зачарованно осматриваясь.

Из прихожей вела вверх двухпролетная лестница. Слева на первом этаже располагалась просторная гостиная, а справа – большая музыкальная комната. И там и там тянувшиеся во всю стену окна выходили на бескрайнюю зелень. На отполированных до блеска сосновых половицах плясали солнечные блики.

– Так как тебе, милая?

– Великолепно. – Она поцеловала мужа. – Нам лучше пойти на поиски нашего зверинца.

Чичи и Тони пересекли первый этаж, оказались на светлой, залитой солнцем кухне с элегантной черно-белой отделкой и оттуда прошли на террасу. На подпорках, составлявших стены веранды, полыхали ярко-желтые, розовые и лиловые гроздья пышно цветущей бугенвиллеи. В центре веранды – двухъярусный фонтанчик, на котором три вручную вырезанных херувимчика держали каждый по амфоре. Из амфор в чашу фонтана лилась вода.

– Вот так и выглядит Италия? – спросила Чичи.

– Именно. Но, в отличие от Италии, все это – твое.

Сразу за верандой был устроен бассейн. Своими неровными очертаниями он напоминал настоящий пруд и был окружен красиво разбросанными природными валунами. Девочки уже карабкались по ним. Высокие пальмы очерчивали границы усадьбы.

– Настоящий оазис, правда? Уверен, здесь ты не будешь скучать по зиме. – Тони обнял Чичи. – Ну, как я справился?

– Это правда может стать нашим домом.

– И это все, что имеет значение. Я хочу, чтобы мои девочки были счастливы.

Рози и Санни сползли с валунов и понеслись к лужайке. Под увитой виноградником беседкой росли высокие лимоны в терракотовых горшках. Чичи сорвала спелый лимон.

– Думаю, Калифорния мне очень понравится, – проговорила она.

Чичи повесила последние игрушки на рождественскую елку, поставленную в гостиной их дома в Калифорнии. Клавиши игрушки в форме миниатюрного рояля были усыпаны блестками. Его ей в детстве подарила мать. Чичи выключила свет и зажгла электрическую гирлянду из больших круглых шаров красного, голубого и зеленого цвета. Дерево смотрелось великолепно – высокая пахучая голубая ель

из Северной Калифорнии, украшенная стеклянными игрушками из Нью-Джерси и серебристой мишурой. Елка напомнила Чичи о Рождестве дома, в Си-Айле.

Она очень скучала по родному дому, по сестрам и матери. Она вспомнила блузочную фабрику. Когда работница с конвейера была в положении, все прочие женщины поддерживали ее, давали советы. Чичи была уверена, что так скучает по дому именно потому, что беременна. Она утешила себя мыслью, что скоро будет слишком занята, чтобы грустить.

Малышу предстояло родиться через несколько недель. Каждый раз, когда она думала о том, каково ей будет рожать его одной, без мужа, ее охватывало беспокойство. Получив роль в фильме, Тони провел последние несколько месяцев на съемках в Неваде. Он даже не увидел, как дом в Толука-Лейке оброс мебелью, коврами, шторами. Кухонные занавески Чичи сшила сама.

Занятая девочками и делами, Чичи трудилась не покладая рук, но боль от разлуки с мужем и ностальгия по прежней жизни только усиливались по мере приближения праздников. Она сомневалась в том, что ей принесет будущее, и ощущала себя застывшей во времени, как будто застряла в толще воды посреди обширного океана – достаточно близко к поверхности, чтобы видеть дневной свет, но не в силах доплыть до берега, потому что запуталась в густых водорослях и не может от них освободиться.

Послышалось звяканье ключа во входной двери, и в прихожую вошел Тони, нагруженный красиво перевязанными подарками. В костюме итальянского покроя из синей шерсти с шелком и белой рубашке, с небесно-голубым галстуком и надвинутой на лоб шляпой-борсалино, сейчас он смотрелся еще большим красавцем, чем когда-либо, – ни дать ни взять звезда, сошедшая со страниц «Современных экранов». Чичи разрыдалась.

Тони подошел к ней.

– Что случилось, милая?

– Просто я так по тебе соскучилась, – выдавила она, обнимая его.

– На Рождество хочется, чтобы тебя окружала семья, близкие, правда? Уверен, что ты теперь ужасно скучаешь по сестрам и матери.

– Я никогда еще не праздновала Рождество без них. Даже когда гастролировала, я всегда находила способ попасть домой.

– Помню то Рождество, когда ты потребовала, чтобы автобус оставил тебя в Питтсбурге. Мы тогда только отыграли концерт в «Джангл-Инн» в Янгстауне. Ты решила поймать автобус до портового квартала и успеть на рождественскую мессу в полночь.

– И я успела, просто чудом.

– Чич, иногда приходится устраивать так, чтобы родной дом сам к тебе пришел.

– Сюрприз!

Входная дверь резко распахнулась. Как во сне – только все выглядело поразительно настоящим – к Чичи кинулись мать и сестры. Следом вошли Чарли и Фрэнк с детьми – Нэнси, Майклом и Кьярой. Услышав детские голоса в прихожей, Рози и Санни сбежали по лестнице, чтобы приветствовать кузенов. Тони сгреб близнецов в охапку и поцеловал.

– Быть может, не стоило устраивать такой сюрприз женщине в интересном положении, – пошутила Барбара, оглядывая фигуру сестры.

Чичи посмотрела на Тони, и тот подмигнул ей. В это мгновение она забыла все бесконечные месяцы одиночества. Было видно, что Тони не меньше нее самой скучает по их прежней жизни и по семье. И как он только догадался? Тони Арме всегда удавалось подарить ей ровно то, в чем она нуждалась.

– Вот-вот покажут Тони! – крикнула из гостиной Люсиль. – Стив Аллен объявил, что он выступает следующим.

Чичи, Барбара и Изотта присоединились к остальным, уже сидевшим в гостиной.

– А вот и папа! – воскликнула Санни. Зрители в студии зааплодировали, а оркестр передачи «Сегодня вечером» заиграл, сопровождая шаги ее отца к микрофону на середине сцены.

Барбара прищурилась, вглядываясь в телеэкран.

– Что это у него с волосами? – спросила она.

– Это помада, – ответила Санни. – На телевидении любят, когда волосы пышно лежат.

Тони запел:

*Люби меня! – так
Сказала она.
Люби меня! – так
Ответил ей он.
И поженились они по любви.
Но любовь не оплатит счета.
Любовь не намажешь на хлеб.
И от страха в темной ночи
Любовь не укроет тебя.
Ты дома одна, а где бродит он?
Ты-то верна, а верен ли он?
Если не верен, зачем такой муж?
Но с верным мужчиной жизнь хороша,
Твое сердце поет, ликует душа.
Вот что важнее всего,
А прочее – бонус, бонус,
Бонус, бонус.*

Барбара собрала тарелки, Люсиль вымыла их, а Изотта вытерла. Чичи сидела, положив отекавшие ноги на кухонный табурет.

– Ручаюсь, что если подсчитать все время, которое мы проводим, накрывая на стол, собирая со стола и моя посуду, – сказала она, – из этого сложится половина жизни.

– А чем нам еще заниматься? – весело спросила Изотта. – Надо же семье питаться. Обеденный стол – сердце нашего дома, а значит, кто-то должен готовить, прибирать и мыть посуду.

– Три приема пищи в день, и так пока не умрем, – вздохнула Люсиль.

– Мы сделали карьеру в мытье посуды, – пошутила Барбара.

– Хотелось бы думать, что я сделала карьеру в сочинительстве, – мечтательно проговорила Чичи.

– Так и есть! – Барбара убрала в кухонный шкаф стопку десертных тарелок. – Или, если угодно, она у тебя была и снова будет.

– Эта твоя песня, «Бонус, бонус», – настоящий шлягер, – добавила Люсиль, доливая в раковину горячую воду.

– На девяносто шестой позиции в «Биллборде», – гордо сказала Чичи. – Но после «Шоу Аллена» пойдет вверх, вот увидите.

– А Саверио много времени проводит дома? – спросила Барбара.

– Не особо.

– Жуть. Трудно тебе, должно быть, приходится, – прокомментировала Люсиль. – А тебе не удалось завести здесь друзей?

– Пока еще не успела.

Барбара села за стол рядом с Чичи.

– Тони ведь и дальше будет постоянно в разъездах. Почему бы тебе с детьми не вернуться домой, будете снова жить рядом с нами в Нью-Джерси?

– Когда он подписал контракт на роль, он еще не знал, что придется так часто и надолго уезжать на съемки. Думал, что днем будет работать в студийных павильонах здесь, в городе, и возвращаться домой к ужину. Но, как часто случается, все оказалось совсем иначе. Жизнь идет ровно так же, как если бы он был на гастролях, с той лишь разницей, что он больше времени проводит в одном месте, а не переезжает каждый день в другой город. Честно говоря, мало что изменилось, просто теперь мы живем здесь, вот и все.

– Мы беспокоимся о тебе, – сказала Барбара. – Сидишь здесь совсем одна – и ради чего? У тебя ведь тоже раньше была карьера. Это твою песню передавали сегодня вечером по национальному телевидению. Стиву Аллену следовало это упомянуть.

– Мне тоже так показалось, – призналась Люсиль. – Я не хотела ничего говорить, но вообще Тони стоило объявить, что это ты ее написала. Твои заслуги вечно проходят незамеченными.

Чичи не хотелось спорить с сестрами.

– Пойдемте на воздух, – предложила она. – Я то и дело перегреваюсь, будто «кадиллак» кузины Джузи.

Женщины Донателли присоединились к сидевшим на веранде мужчинам.

– Вот это настоящая жизнь, Люсиль, – мечтательно произнес Фрэнк, дымя сигарой.

– Не вздумай привыкать, мистер Мечтатель, – возразила жена. – Когда вернемся домой, придется тебе поорудовать лопатой для снега.

На веранде зазвонил телефон, и Чичи подняла трубку.

– Ты гляди! – восхитился Чарли. – У них даже телефон на улице имеется.

Тони рассмеялся.

– Это потому что дождей нет. Я даже тебя могу оставить здесь на ночь, и с тобой все будет в порядке, – пошутил он.

– Милый, это твоя мать, – тихо сказала Чичи.

Тони взял трубку и говорил с Розарией, пока остальные отдыхали у бассейна. Когда Тони наконец снова присоединился к ним, Чичи уже разливала последние за вечер напитки.

– Все в порядке? – спросила Чичи.

– Мама желает вам всем счастливого Рождества, – объявил Тони.

– С Рождеством, Детройт! – воскликнул Чарли, поднимая бокал и глядя на Тони и Чичи.

Чичи забралась к мужу в постель. Он лежал на спине с широко открытыми глазами.

– Что сказала твоя мать?

– Отец очень болен – совсем плох. Мне нужно немедленно ехать домой, или я больше никогда его не увижу.

– Ох, Сав...

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Чичи выразительно взглянула на свой живот.

– Посмотри на меня, какие теперь путешествия? Поеду, когда родится малыш. А ты поезжай. Все будет хорошо.

– Когда он родится, будет уже слишком поздно.

– Значит, тебе придется отправиться одному. У тебя все получится. Ты сможешь встретиться с ним лицом к лицу.

Тони повернулся на бок и уснул, а Чичи еще долго лежала без сна, представляя себе, как хорошо пройдет встреча Саверио и Леоне. Они смогут наконец исправить свои испорченные отношения. Леоне скажет сыну, что гордится им. Их старинная вражда завершится миром, и этой долгой войне настанет конец.

Сойдя с самолета в международном аэропорту Детройта, Тони Арма почувствовал дурноту. Его нога ни разу не ступала в родной дом с тех пор, как он покинул его, еще нося имя Саверио Армандонада. Он не виделся с отцом с Рождественского сочельника 1932 года, хотя

порой, если Тони звонил матери, а трубку поднимал отец, тот спрашивал, как здоровье сына. Годы шли, и постепенно появились признаки, что отношение Леоне к сыну изменилось.

Ли Боумэн заказала ему автомобиль с шофером, чтобы отвезти его из аэропорта к родителям, а потом обратно в аэропорт – нужно было еще успеть на самолет в Нью-Йорк, где его ждали в телевизионной студии. Рейтинг песни «Бонус, бонус» медленно, но неуклонно шел вверх, выпустившая пластинку фирма желала подстегнуть продажи, и для этого Тони было предписано почаще появляться на телевидении и давать концерты.

– Мама! – Тони обнял мать на крыльце дома.

Розария выглядела совершенно вымотанной. Шутка ли – ухаживать за старым упрямым, который в жизни не пропускал работы по болезни. Тони огляделся. Краску на наружных стенах дома не мешало освежить. Только этот признак и показывал внешнему миру, что Леоне Армандонада заболел. А больше почти ничего не изменилось.

Розария пригласила его войти в дом. Тони переступил порог и закрыл глаза. Запах *braciole* с базиликом, булькавших на плите в ароматном соусе из томатов, сливочного масла и чеснока, на мгновение вернул его в детство.

Леоне сидел на стуле в гостиной с закутанными одеялом ногами. Тони поразила неожиданная худоба отца. Как и мать, тот сильно постарел. Конечно, эти перемены указывали и на то, как изменилась жизнь самого Тони и как много прошло лет, но сейчас при виде отца его вдруг охватила тоска по всему, что они потеряли, и по тому, что было возможно, сумей они в свое время помириться.

– Я буду на кухне, – сказала Розария, выходя из комнаты.

– Папа! – Тони протянул отцу руку. – Как ты себя чувствуешь?

Леоне взял руку сына. Тони заметил, что даже рукопожатие отца, прежде такое крепкое, стало вялым. Его охватило сочувствие к нынешнему положению отца, к его утраченным здоровью и силе. Болезнь отняла у Леоне его главные достоинства. Где тот человек, который был способен одной рукой поднять своего взрослого сына и перенести его в кузов грузовика, как сверток с пончиками? Блудный сын понял, что отец умирает.

Тони сел рядом с отцом.

– Мама говорит, что тебе нездоровится.

– Я болен, – хрипло проговорил отец. Не осталось и следа от его бывшего голоса, глубокого баса, способного проинструктировать целую команду стеклодувов или парой слов растоптать энтузиазм сына.

Тони перевел взгляд на руки отца. Теперь они казались ему маленькими.

– А доктор что говорит?

– Рак.

– Мне очень жаль, папа.

– Зачем ты приехал? – спросил Леоне, отводя глаза.

– Мама попросила. Да я и сам хотел приехать.

Леоне приподнял бровь и смерил сына взглядом – от ботинок из кожи аллигатора до самой макушки. Он с подозрением прищурился на пышную шевелюру Тони, но ничего не сказал. Вскоре к ним присоединилась Розария.

– Папа, – сказал Тони, – мне кажется, нам пора стать добрее друг к другу. Пришло время.

– Ты не считаешь отца своего.

– Ну что ты, Па, – мягко проговорил Тони.

– Почему ты проявил непочтение ко мне и переименовал имя?

– Это же шоу-бизнес. Я просто взял сценический псевдоним.

– Фрэнк Синатра своего не менял. Он не прячется за чужим именем.

– Ладно. – Тони покачал головой и посмотрел на мать.

– И мне не нравится, что я нахожу в газетах, – продолжал Леоне. – Ты путаешься с женщинами. У тебя славная жена и дети, а ты путаешься с другими.

– Не стоит верить... – начал Тони, но отец прервал его:

– Я читал в газетах. Там написано, что ты ухлестываешь за женщинами. За стерлядками.

– Старлетками, – поправил его Тони.

– Ты ведь женат. Что тебе делать в ночных клубах?

– В ночных клубах я выступаю, Па.

– Лучше бы сидел дома и заботился о жене и детях.

– Я забочусь о своей семье!

– Быть мужчиной – это больше чем просто оплачивать счета. Ты живешь одной жизнью в мюзик-холле, а другой – дома. Однажды ты за

это поплатишься. Нельзя иметь все, Саверио. Нельзя иметь и жену, и подружку, потому что одна из них потребует от тебя верности. Вот тогда у тебя появятся проблемы. А может быть, они у тебя уже есть, кто тебя знает. Я не растил своего сына неверным. Ты обманываешь свою жену своим телом. Это дурно. – Леоне осуждающе показал на сына пальцем. – Ты дурной, негодный человек.

Тони решил, что с него хватит. Можно было поспорить с отцом, но они с ним по-прежнему выступали в разных весовых категориях. На стороне отца выстроились все десять заповедей. Кроме того, у сына отсутствовала отцовская нетерпимость, и поэтому он не сумел бы обороняться должным образом.

– Ладно, Па. Мне пора.

Выходя, он подал матери знак, и та присоединилась к нему на кухне.

– Мне не стоило приезжать. Я его только огорчаю.

– Он рад, что ты приехал.

– Я не могу больше это слушать. Он совсем не изменился.

– У твоего отца сложный характер. Ты молодой, ты можешь уступить.

– А что, если я не хочу уступать? Что, если я не прочь иметь отца, который любит меня таким, какой я есть, а не каким ему хочется меня видеть? Знаешь, Ма, ты свой выбор сделала и живешь с этим. Тебе нет нужды самой за ним ухаживать, но ты это делаешь. Однако ты всегда можешь поселиться с нами, мы с Чичи были бы тебе очень рады.

– Я не могу его покинуть.

– Что ж, не стану в очередной раз просить тебя найти в себе смелость постоять за себя.

Тони Арма поцеловал мать.

– А с ним ты не попрощаешься?

Тони не ответил. Вместо этого он покинул родной дом через кухонную дверь и вышел на улицу по боковой дорожке, будто истопник, загрузивший уголь в котел отопления, или сантехник, который проверяет трубы, или соседский мальчишка, который ждет своего медяка за чистку снега. Тони ушел из отцовского дома в последний раз в жизни.

– Я позвонила в отель на озере Тахо, попросила их разыскать Тони и сообщить ему о новорожденном, – объяснила Ли.

– Спасибо.

Чичи откинулась на подушку в больнице «Сидар» в Лос-Анджелесе. Из окна своей залитой солнцем палаты она видела небо, отягощенное пучками серых туч, что было странно для обычно сухого калифорнийского января. Похоже, дело шло к дождю.

– Ты слышала, что младенцы приносят удачу? – спросила Ли в телефонной трубке.

Чичи обняла сына.

– И правда, так говорят.

– Так вот, «Бонус» вышел уже на одиннадцатую позицию в рейтингах «Биллборда». Поздравляю! Как только доберусь до Тони, отправлю его домой к тебе.

Новорожденный сын вцепился Чичи в указательный палец. Этот малыш был совсем другим, чем близнецы, – во всяком случае, на ее переживания он реагировал иначе. Еще во время беременности, когда она порой бывала чем-то огорчена, он слегка толкался, как будто напоминая матери, что она не одинока. А сейчас, выйдя на свет божий, сын держался за нее, показывая, что понимает, как он ей нужен. Конечно, Тони рад сыну, но прибавление в семействе напомнит ему, что теперь надо обеспечивать еще одного ребенка. Он снова станет гастролировать без устали, чтобы заработать везде, где только можно.

Положив трубку, Чичи посмотрела на лежащего у нее на руках младенца.

– Я многого жду от тебя, малыш, – проговорила она. – Ты должен свести нас всех вместе. Ну как, возьмешься?

Этот розовый комочек в нежно-голубом одеяльце был копией отца: пухлые губки, черные реснички, кудрявые волосики.

– Будем надеяться, что твои кудри тебя не покинут и тебе не придется ходить к «Самсонз» на Пятой авеню, – улыбнулась мать.

Не открывая глаз, младенец выпростал ручку из спального конверта, раскрыл кулачок и пошевелил пальцами – совсем как пианист, разминающий руку перед началом игры.

– Так вот зачем ты появился на свет. Ты будешь заниматься музыкой. Хорошо, малыш, мамочка тебя научит всему, что нужно.

Чичи спрятала кулачок младенца обратно под одеяльце. Ее сын был в безопасности, в тепле, окруженный любовью – три главных дара, которые каждая мать приносит ребенку при рождении и которые обещает обеспечить ему на всю жизнь, чем бы ни пришлось ради этого пожертвовать.

В тот январский день Чичи своевольно сделала ему еще один подарок, не посоветовавшись с мужем. Больничная администрация не могла больше ждать; к тому же Чичи хотелось преподнести мужу сюрприз. Чичи дала сыну имя Леоне Мариано Армандонада. По итальянскому обычаю, старшего сына в семье называли в честь деда по отцу. Однако Чичи была уверена, что больше детей у них не будет, и наделила сына также именем своего отца – это был последний шанс почтить его память таким образом.

Еще Чичи подумывала, не наречь ли сына Саверио, но догадалась, что мужу это, вероятно, не понравится. Они несколько раз пытались обсуждать имя для будущего малыша, но Тони то и дело отвлекала работа, и было непонятно, чего он хочет. Тони нравилось имя Черил, если родится девочка, но теперь женские имена уже не имели значения. Во время этой беременности Чичи Тони провел в дороге столько времени, что она вообще понятия не имела, о чем он думает и чего хочет.

Казалось бы, естественной реакцией на успех должна быть радость, но в семье Арма вместо этого началась паника – лихорадочные попытки не дать этому успеху ускользнуть. Тони соглашался на каждый концерт в ночном клубе, на любую роль в кинофильмах. Он присылал Чичи сценарии в преддверии съемок, но больше не прислушивался к ее мнению о работе сценаристов. Ее беспокоило, что Тони слишком торопился стать кинозвездой и слишком мало заботился о том, чтобы стать хорошим актером.

Чичи надеялась, что с появлением малыша все изменится. Какой же мужчина не хочет сына? Леоне Мариано Арма может стать тем катализатором, который воссоединит их в одну семью и навсегда вернет Тони к ней домой.

Чичи повернулась в постели и посмотрела на часы. Три часа ночи – пора кормить малыша. Она перекинула ноги через край кровати,

сунула ноги в домашние туфли, встала и направилась по коридору в детскую.

И замерла в дверях, увидев, что Тони держит на руках сына и целует его. Малыш блаженно ворковал в объятиях отца. Чичи ликовала. Столько времени колесивший по дорогам муж наконец-то вернулся. Она почувствовала, что теперь все на своих местах.

Чичи обвила руками мужа и сына. Тони бережно положил младенца в колыбельку, затем обернулся, чтобы поцеловать и крепко обнять жену. Он долго ее не отпускал, а она обмякла в его руках, позволяя ему поддерживать ее.

– Ты подарила мне сына, Чич.

– Неужто ты плачешь, Сав?

– Каждый мужчина мечтает о сыне.

– Он хороший мальчик. И вылитый ты.

– Ты так думаешь?

– Я так подумала в тот самый миг, когда тот взвинченный доктор положил его мне на руки.

– А как девочки?

– Всем заправляют. Они в восторге, что дома теперь есть младенец.

– Придется мне вернуться домой и позаботиться, чтобы они не помыкали моим сыном.

– Правда? Вернешься?

Чичи взяла Тони за руку, и они перешли в комнату напротив – спальню близнецов. У Санни и Розы была двухъярусная кровать, но они предпочли вместе свернуться калачиком на нижней, окружив себя всеми своими мягкими игрушками. Тони недоуменно покачал головой. Он встал на колени и поцеловал каждую из дочек, затем спустился на кухню следом за Чичи.

Пока для малыша грелась бутылка с молоком, Чичи приготовила мужу бутерброд.

– Ну так что, как назовем младенца? – спросил он. – Мне бы хотелось что-то простое. Например, Ник. Хорошее, сильное имя.

– Я не назвала его Ником, милый, – тихо сказала Чичи.

Обычно она руководствовалась его желаниями, ведь он был главой семьи. Так ее воспитали. Но в этом случае она не могла наречь сына просто так, в честь никого. Нельзя было забывать о традициях.

– А как же ты его назвала? – как бы невзначай спросил он.

– Я очень хотела дождаться тебя. Я так старалась. И Ли пыталась до тебя добраться. Но я не знала, когда же ты приедешь домой, и меня не хотели выпускать из больницы, пока я не дам мальчику имя, – объяснила она.

– Ну хорошо, так какое же ты выбрала?

– Леоне Мариано Арма.

– Мы не назовем сына в честь моего отца.

– Но, Сав...

– Нет, ни за что на свете. Он со мной не разговаривает. Мне не нужно в доме и в жизни постоянное напоминание об этом.

– Постоянное напоминание? Да ты здесь едва показываешься!

Тони бросил взгляд вокруг себя, как будто здесь, в кухне, ожидал поддержки от зрительного зала.

– Я так и знал. Я предвидел, что так случится. Сначала ты едешь в Детройт, живешь у них, дружишь с ними, а потом он настраивает тебя против меня!

– Я не дурочка какая-то, которую можно взять и настроить. Я и сама способна разобраться в людях и в том, как обстоят дела.

– Так вот, я тоже в этом разбираюсь, – отрезал Тони. – И я хочу, чтобы ты переименовала имя моего сына.

Подобное самомнение возмутило Чичи.

– Не буду.

– Перемени, или я сделаю это сам.

– Нашего сына нарекли в честь его дедушек. Вопрос закрыт.

– Я хочу, чтобы у него было собственное имя, которое принадлежит ему одному.

– Знаешь что? Я бы, возможно, и согласилась позволить тебе назвать его Ником, если бы хоть на секунду поверила, что ты проведешь с ним достаточно времени, чтобы успеть к нему обратиться по этому имени. Но тебя ведь здесь не будет. И знаешь, что еще? Я хочу это сделать ради твоих отца и матери. Они заслуживают уважения.

– После того, что отец со мной сделал? Нет уж!

– Пора бы уже его простить, Сав.

– Ты просто не понимаешь. У тебя какой-то заскок на эту тему. Так вот, Чич, приготовься, потому что у меня тоже есть заскок, и он

касается этого имени. Я его не потерплю.

– Поверить не могу, что ты, итальянец, не согласен со мной в этом вопросе! – воскликнула Чичи. – Это ведь наша традиция. В этом все мы.

– В этом вся *ты*. А для меня этот человек больше ничего не значит. И если бы ты проявляла ко мне уважение – в моем собственном доме, – ты бы ни за что не пошла против моей воли и не назвала бы моего сына в его честь.

Тони отодвинул тарелку с бутербродом, встал и вышел из кухни. Чичи выбросила бутерброд, схватила бутылочку с молоком и поднялась в спальню, чтобы продолжить спор с Тони, но его там не было.

Леоне крепко спал в своей колыбели. Она поставила бутылочку на ночной столик, вернулась в коридор и приоткрыла дверь в комнату для гостей. Тони лежал на кровати.

– Так ты здесь собираешься ночевать?

– Перемени его имя, Чичи.

Чичи закрыла дверь, вернулась в детскую, взяла на руки малыша, осторожно его разбудила и покормила из бутылочки, как поступала каждую ночь в отсутствие Тони и как будет продолжать делать, когда он снова уедет. Она села в кресло-качалку, держа на руках продолжавшего сосать Леоне. Ну и дела. В те немногие вечера, когда Тони был дома, вся семья ходила на цыпочках, чтобы он мог отдохнуть. О детях заботилась она, она вела дом. Она же оплачивала счета. Собственно, она делала все – вот только не пела и не сочиняла песни. Этим она пожертвовала ради того, чтобы у ее мужа был *свой* голос, *своя* карьера, *своя* жизнь. Державшая бутылочку рука задрожала. Не такую жизнь она планировала для себя и не на такую жизнь соглашалась, выходя замуж за Тони Арму. Что-то здесь требовалось изменить. Но, когда она укладывала Леоне обратно в колыбельку, ее пронзила страшная мысль. Было слишком поздно. Пока она надеялась, вдруг что-нибудь да изменится, что-то уже изменилось.

Наутро Чичи разбудил плывший по дому запах бекона и маслянистых оладий. Она заглянула в детскую. Леоне еще спал. Тогда она спустилась на кухню и, стоя в дверях, стала наблюдать, как Тони

готовит близнецам завтрак. Девочки уже надели школьную форму. Тони подбросил оладью на сковороде, и девочки завизжали от смеха.

– В этой форме вы такие красивые, девочки, – сказала Чичи.

– Папа не велел тебя будить, – пояснила Санни.

– Какой папа хороший.

– Ты выглядишь уставшей, Ма, – заметила Рози, заливая оладьи кленовым сиропом.

Чичи бросила взгляд на свой старый купальный халат. А волосы, наверное, выглядят как мочало, огорченно подумала она. Еще бы ей не устать. Еще бы ей не выглядеть ужасно. Она не спала ночами, а днем отдыхать было некогда. Конечно, у девиц из кордебалета в Лейк-Тахо не было темных кругов под глазами и лишних килограммов после беременности.

– Что вам собрать на обед? – спросила она у девочек.

– Папа нам уже собрал, – сообщила Рози, хватая жестяной судок.

– Пошли, девочки, пора на автобус, – сказал Тони.

– Проводи их до конца аллеи, – напомнила мужу Чичи и поцеловала дочерей.

– Я в курсе, – ответил Тони.

Тони вывел девочек на улицу. Чичи пожевала ломтик бекона, выглянула в окно, наблюдая, как девочки забираются в автобус. За рулем сидела Дайси Стергилл, женщина среднего возраста с тугим перманентом и неприветливой улыбкой. Перед тем как закрыть дверь автобуса, она успела пофлиртовать с Тони. Даже водитель школьного автобуса попыталась закадрить Тони Арму.

Когда Тони вернулся, Чичи мыла посуду после завтрака.

– Оставь, я помою, – сказал Тони.

– Ладно, – ответила Чичи, бросила мочалку в раковину и вышла из кухни.

Тони окликнул ее.

– Мне надо к малышу, – бросила она.

– Называй его как хочешь, – сказал он.

– Как великодушно с твоей стороны, учитывая, что я назвала его в честь твоего отца.

Зазвонил телефон. Чичи взяла трубку.

– Доброе утро, мама. Да, он здесь. – Она протянула трубку Тони: – Это твоя мать.

– *Ciao*, мама... Да... Да. Я приеду. – Он положил трубку.

– Все в порядке? – спросила Чичи.

– Мой отец умер.

Тони ошарашенно опустился на стул. У него было совершенно потерянное лицо, как будто он утратил самого себя, а не кого-то близкого.

– Поехали в Детройт, – скомандовала Чичи.

– А как же дети?

– Их тоже возьмем. Пойдем наверх. Тебе надо отдохнуть. А я уложу вещи.

Чичи повела мужа по лестнице наверх и уложила его в постель.

Пройдя по коридору, она вошла в детскую и взяла из колыбельки малыша Леоне. Она принесла сына в спальню и положила его рядом с мужем. Тони обнял ребенка.

– Леоне, – пробормотал он.

И когда он впервые произнес вслух имя сына, по его щеке скатилась слеза, но Тони поспешно ее утер.

Чичи и Тони пробрались на свои места в актовом зале начальной школы Толука-Лейка. С мест, предназначенных для шестого класса, к ним обернулась и помахала рукой Розы. Сидевшая рядом с ней Санни облегченно вздохнула: она была уверена, что родители пропустят дебют ее братишки. В зрительном зале не оставалось свободных мест, все кресла были заняты родителями и прочими родственниками звезд школьного концерта.

Алый бархатный занавес на сцене пополз вверх, и на авансцену выступила девочка лет шести с тугими белокурыми косичками.

– Леди и джентльмены, встречайте! – объявила она. – Леоне Арма и его духовой оркестр!

Пятилетний Леоне был одет в белую рубашку с галстуком-бабочкой и синие брюки. Он направил трубу вверх и сыграл безупречное глоссандо, которое, казалось, развеяло облака на небе. Санни и Розы вскочили, поддерживая брата. Зал зааплодировал. Чичи схватила Тони за руку.

– У него талант, – гордо прошептал Тони.

Чичи наблюдала за тем, как наслаждается Тони, глядя на сына. Она подалась к нему и поцеловала.

– А это за что? – удивился Тони.

– Просто так. Я тебя люблю.

Тони поднес к губам ее руку, поцеловал и не выпускал до конца концерта. Забавно, подумала Чичи. Она знала Тони с юности, вышла за него замуж, родила ему троих детей, и за все это время она никогда еще не чувствовала себя ближе к нему, чем в эту минуту.

Чичи читала газету, опустив ноги в бассейн, когда зазвонил телефон.

– Чич, мне ужасно жаль, что именно мне приходится рассказывать тебе об этом, – начала Барбара. – Но помнишь, я говорила, что Чарли обычно заходит пропустить кружку пива в «О’Херли» на Б-стрит по дороге домой? Так вот, туда заходит один парень, репортер из «Ньюарк Стар-Леджер».

– Ага. И что? – Чичи глянула на часы. Похоже, в Джерси сестра встала ни свет ни заря ради этого звонка. – Барб, это что-то важное?

– Чарли сказал, что этот репортер хватил немного лишнего и рассказал ему кое-что. Завтра это будет в газете. Тони собирается подать на развод.

– Да это всего лишь газетная утка, – заверила ее Чичи.

– Я просто пытаюсь помочь тебе сохранить лицо.

– Ты о моем лице так заботишься или о своем? Со мной все хорошо. Мне отлично живется.

– Не принимай меня в штыки. Какое еще отлично живется? Ты несчастна. Тони никогда нет дома. Ты сама тащишь на себе все. Разве ты не видишь, что происходит? Ты обеспечила Тони такую жизнь, при которой он делает все, что хочет, и ни перед кем не отчитывается. Ему можно шляться везде, как неженатому, а ты сидишь дома, занятая делами и семьей. Это неправильно. Куда смотрит Ли Боумэн?

– Ли видит, что происходит.

– И что она предпринимает?

– Она его импресарио, а не духовник.

– А разве она не твой импресарио тоже? Кто заботится о тебе и твоих интересах? – спросила Барбара.

И правда, Ли изначально была их общим импресарио, они ведь подписали с ней договор, и она представляла их интересы как дуэта. Но по мере того, как забота о детях поглощала все больше времени

Чичи, былой дуэт получал все меньше внимания Ли. Зато она много занималась Тони. Все работало на Тони Арму – певца, актера, артиста эстрады. *Тони и Чичи* больше не было названием их дуэта, а всего лишь словами, вытисненными золотом на рождественских открытках, которые они рассылали.

– Духовник ему как раз бы пригодился, – продолжала Барбара. – Тони понятия не имеет о том, как обеспечить твои потребности и как заботиться о твоём благосостоянии.

– И что же, по-твоему, мне требуется?

– Для начала – супружеская верность.

– А кому она не нужна? – сказала Чичи без тени иронии.

– У тебя ведь дети, подумай о них! Они прекрасно понимают, что происходит. Слышат каждый телефонный разговор. А в школе одноклассники расскажут им все, о чем ты умолчала. И им не нравится то, что они узнают о своих родителях. Это им вредит.

– Ты ведь считаешь, что у нас с тобой был слабохарактерный отец, а гляди, какими мы выросли. С моими детьми тоже все будет в порядке.

– Наш папа не был практичным, но, по крайней мере, его хобби заключалось не в женщинах.

– Да не могу я отогнать всех женщин от моего мужа. Это часть его работы. Он харизматичный, поет как ангел. И каждый день, с утра до ночи, окружен красотками. Когда я была молода, мне казалось, что на него охотятся женщины постарше, опытные, искушенные, а теперь я сама стала старше, зато они молоденькие, свежие, на все готовые и по-прежнему бегают за ним. Я ничего не могу с этим поделать.

– Но Тони-то может все это исправить.

– Я вышла замуж за певца, ему нужно продавать пластинки.

– Но нет никакой необходимости предавать ради этого жену. Он забывает о тебе каждый раз, когда снимается в очередном второсортном фильме или отправляется на гастроли.

– Барбара, ты мне не помогаешь. Я хорошо знакома с кочевой жизнью гастролеров. Она совсем не такая, как ты себе представляешь. Это тяжелая жизнь. И одинокая.

– Почему ты его защищаешь, когда он выставляет тебя душой?

– Разве? А может, он выставляет душой тебя, Люсиль и всех прочих моих родственников, потому что мы живем жизнью, которую

вам трудно понять? Действительно ли ты беспокоишься обо мне или скорее о себе и о том, как это отразится на твоём имидже и святости того, что дорого лично тебе? Может, тебя волнует, что ты выглядишь двоюродной дурой, потому что ты – сестра жены Тони Армы, и жена эта понятия ни о чем не имеет?

– Я беспокоюсь о тебе. – В голосе Барбары послышались слезы. – Я беспокоюсь о тебе всю твою жизнь. Ты никогда не продумываешь до конца. Просто прешь напролом и надеешься на лучшее. Так вот, о чем бы ты теперь ни думала, подумай хорошенько!

– С чего ты взяла, что меня нужно опекать? Я отлично справляюсь сама.

– Ну, значит, я все неправильно поняла.

– Дело не в правильно – неправильно. Так не бывает. Дело в том, чтобы справляться с тем, что есть. Я по-своему разберусь с этой мерзкой историей вдвоем с моим мужем. И с детьми я тоже справлюсь. А тебя прошу продолжать жить своей обычной жизнью, как если бы ты не знала, что мой муж развлекается с русалкой из Восточного Чикаго, Индиана, после двух субботних концертов и трех стаканов виски. И если он соберется со мной разводиться, с этим я тоже справлюсь.

– Хочешь, скажу, как ее зовут?

– Барбара, увидимся в Джерси после эфира на «Шоу Эда Салливана»^[91]. До свидания.

Чичи положила трубку.

Зачем Барбаре или кому-либо еще сообщать ей имя любовницы мужа? Она и сама достаточно знала о Тэмми Твайфорд, соблазнительной сирене с чарующим контральто. Эта певица-танцовщица раскинула свои сети вокруг Тони Армы и, по слухам, добилась-таки своего. Чичи знала об их отношениях все: когда они впервые встретились наедине, в каких гостиницах они продолжали проводить время, какие подарки он ей дарил, чтобы удержать, в том числе серьги с сапфирами и бриллиантами, которые так эффектно сочетались с ее золотисто-рыжими волосами. Снова эти рыжие волосы, да что ж такое! Тони просто не мог перед ними устоять.

Настало время поговорить с мужем. Если эта история добралась даже до Барбары и до колонки Уолтера Уинчелла, невозможно продолжать закрывать на нее глаза. Чичи не могла рассчитывать, что

все просто закончится и выгорит, как свеча у алтаря святой Терезы в церкви Беспреданной Помощи, куда она ходила зажигать свечи, когда чувствовала, что ее совсем захлестнуло отчаяние.

Мисс Твайфорд носила чрезвычайно стойкие духи – дорогие, завлекающие, французские. Три ингредиента, из которых была состряпана бомба, запустившая кризис среднего возраста у Тони Армы. Бомба, рассчитанная на то, чтобы уничтожить все, над чем он трудился, все, что они с Чичи построили вместе.

Чичи стала готовиться к переезду еще прежде, чем окончательно подтвердились слухи о Тэмми Твайфорд. План был такой: сказать Тони, что она переезжает с детьми в Нью-Джерси, потому что ей необходимо снова жить рядом с семьей. Детям вредно быть так далеко от бабушки, тетюшек, дядюшек и кузенов с кузинами. К тому же, по мере того как дети становились старше, Чичи стала снова находить время для сочинения песен. Она скучала по творческой жизни, а для нее это означало Нью-Йорк и все, что он мог ей предложить.

Чичи понравилось жить в Калифорнии, и к погоде трудно было придраться, однако, несмотря на все свои усилия, она так никогда и не почувствовала себя там дома. Тони перевез семью на запад, чтобы жить вместе с ней, пока он снимался в кино. Идея была отличная, да только на самом деле все вышло иначе. Съёмки увозили Тони далеко от дома, и это случалось все чаще и тянулось дольше. Порой проходили целые недели, когда Тони и Чичи не могли толком поговорить, если он снимался в каком-то недоступном месте. Время шло, и Чичи больно было видеть, сколько Тони пропускает из происходящего дома, но еще больше она страдала, понимая, сколько недополучают дети. Это была не жизнь, а режим ожидания жизни. В юности Чичи показала себя смелой и решительной, но теперь ей пришлось бы долго копаться в себе, чтобы возродить эти качества. Она поняла, что выбора нет. Нужно было заботиться о детях, и настало время приступить к переменам.

Отвезя детей в школу, Чичи вернулась домой и стала нетерпеливо мерить шагами кухню. Она ждала, когда офисные работники на Восточном побережье вернутся с обеденного перерыва, – тогда можно будет начать звонить. Первый звонок был адресован Ли Боумэн, женщине, которой они с Тони были обязаны карьерой.

– Ли, мне нужна работа.

– Я знаю одну труппу варьете, которой требуется автор песен. Могу устроить тебе собеседование. В прошлый раз они наняли женщину, так что, возможно, наймут и в этот раз. Им нужен кто-то молодой, но ты такая талантливая, что, я думаю, можно поторговаться насчет возраста.

– Мне сорок лет, Ли. У меня муж и дети, от этого никуда не деться. Я бы предпочла работу в офисе, с четким расписанием.

– А что, вы с Тони переезжаете обратно на восток?

– Я переезжаю обратно на восток. Вместе с детьми. – Голос Чичи прервался. – Насчет Тони не знаю.

– Мне очень жаль.

– Я не могла скрыть этого от тебя.

– Я надеялась, что он угомонится, – мягко сказала Ли.

– Возможно, однажды так и будет. Но пока что мне надо думать о детях. И я хочу жить поближе к матери и сестрам.

– Понимаю. Слушай, Чич, я все хотела тебе сказать, – Ли понизила голос, – я собираюсь уйти от Уильяма Морриса и открыть собственное агентство. Хочу быть сама себе хозяйкой, в бутике, а не в корпорации. Сама находить клиентов и работать с ними. И это будут очень тщательно отобранные клиенты. А то давеча ансамбль Рэя Кониффа меня чуть на больничную койку не загнал.

– Да уж. А как могу тебе помочь я?

– Пока не знаю, дай мне подумать.

– Ли, я серьезно. Квартиру в «Мелодии» я пока оставляю за собой. Значит, жилье у меня есть. И я много чего умею. Я могла бы помогать в студии, когда твои клиенты записывают пластинки.

– У меня в обороте несколько оркестров, пара-другая сольных исполнителей – и Тони. Хочешь, я перестану с ним работать?

– Ох нет, ни за что.

– Ты по-прежнему ему предана?

– Он ведь отец моих детей. И, честно говоря, если ты будешь продолжать представлять его интересы, я, по крайней мере, смогу держать под контролем его дела. Он в этих вещах совершенно не разбирается. И если он бросит меня и женится на ней... – Произнеся эти слова вслух, Чичи осознала, насколько вероятен подобный поворот

событий, и это заставило ее взять быка за рога. – Мне надо не натворить глупостей.

– Понимаю, – ответила Ли. – Знаешь, Чичи, мне всегда нравилась в тебе эта черта. Ты натура творческая, но при этом практичная. Может, Тони и болван в том, что касается женщин, но зато ты будешь привязана к его финансовым делам до конца жизни. Нельзя позволять себе расклеиваться.

– Я и не позволю. И еще – в моем отношении к нему дети должны видеть только хорошее.

– Давай встретимся, когда ты сюда вернешься. Скажешь, если я как-то могу помочь с переездом.

– Договорились.

– С тобой все будет хорошо, Чичи, я уверена. Я это поняла в тот день, когда увидела тебя на сцене с банкой драже в руках.

11

1957–1965

Teneramente^[92]

Было воскресенье, сочельник, и над Нью-Йорком кружился снег. Ловко лавируя, Ли Боумэн протащила Тони и Чичи сквозь толпы пешеходов, провела их в двери театра Эда Салливана и доставила за кулисы как раз вовремя для репетиции перед прямым эфиром – праздничное шоу 1957 года должны были транслировать по национальному телевидению.

Оркестр Тони Армы вернулся домой после продолжительного турне по Западу, завершившегося месяцем выступлений в Лас-Вегасе. Чичи предвкушала, как они всей семьей проведут вместе праздники. Она собиралась поговорить с мужем по душам – об их совместном будущем, о ее собственных перспективах, о детях. Но, как обычно, шоу-бизнес был важнее всего, и Тони Арма не мог упустить такого шанса.

В душную студию то и дело врывались порывы ледяного ветра из подпертой табуретом служебной двери. В воздухе смешались сигаретный дым, аромат свежесваренного кофе и резкий запах бальзама от простуды. Артисты, которым предстояло этим вечером выступать в «Шоу Эда Салливана», ждали за кулисами, разогреваясь, поправляя сценические костюмы и нанося грим перед репетицией. Прогон шел в порядке, предусмотренном программой, – певцы, жонглеры, комики и музыканты. Все они соперничали за минуту с самим маэстро. Эд Салливан, режиссер этого действия, ловко управлял своим шоу, пропуская исполнителей одного за другим, будто железнодорожных пассажиров через турникет в час пик. Он был невозмутимым, энергичным и решительным машинистом за штурвалом этого экспресса.

Рабочие сцены выкатили рождественский реквизит – усыпанные синтетическим снегом искусственные елки. Сверху спустились

разрисованные полярными пейзажами декорации. Осветители направили лучи золотистого, розового и белого света на исполнителей, а телекамеры заняли свои места перед началом репетиции.

Тони, Ли и Чичи пробирались между собравшимися за кулисами артистами. Рослые молодцы из «Гли-Клаба» Университета Нотр-Дам в черных визитках спокойно стояли у стены, источая мощные пары одеколона «Виталис» и повторяя свой вокализ. Неподалеку от них жонглеры-тарелочники из Национального цирка Австрии удерживали на длинных палках фарфоровые тарелки, их коллеги-гимнасты кувыркались по-дельфиньи, а другие жонглеры высоко подбрасывали кегли. Слегка раздвинув закулисный занавес, Тони замороженно наблюдал за репетирующим на сцене Бобби Дарином^[93] с ансамблем – они, казалось, не замечали царившего вокруг переполоха.

– Как уверенно он держится! – восхищенно заметил Тони.

– Дальше мы уже сами займемся мистером Армой, – сказал режиссер-постановщик. – Ноты у вас с собой?

Чичи вручила ему папку.

– Удачи, Сав! – Чичи быстро поцеловала мужа.

– Это просто чудо, – сказала Ли, провожая глазами уходивших за занавес Тони и режиссера. – Тони наконец-то попал к Салливану. Я сто лет пытаюсь выбить для него выступление на этом шоу.

– А откуда мы сможем посмотреть? – спросила Чичи.

– Сейчас узнаю. Подожди меня здесь.

Ли исчезла, зато вошла Тэмми Твайфорд, типичная двадцатичетырехлетняя красотка среднезападного разлива – курносая, глаза светло-карие, волосы цвета спелой вишни. Она была облачена в шифоновое ярко-розовое вечернее платье, усыпанное стразовыми подвесками. Чичи будто ударили под дых. Впрочем, удивляться было нечему – она ведь знала, что Тэмми еще до Вегаса стала главной певицей в оркестре Тони Армы. Хотя Тони и не говорил, что Тэмми будет выступать вместе с ним на телевидении, Чичи следовало самой догадаться. Она воспользовалась случаем, чтобы с ног до головы разглядеть свою соперницу. Чичи глубоко засунула руки в карманы своего вечернего пальто из черного бархата, к которому она надела на голову ободок из того же материала. Ободок украшала полученная от Тони на День матери аметистовая брошка. Словом, Чичи чувствовала себя вполне уверенно.

– Мисс Твайфорд? – обратилась она к девушке.

– Да?

– Я жена Тони. Говорят, вы гастролируете вместе с его оркестром.

И в южной части турне нынешней зимой тоже планируете участвовать?

На лице Тэмми отразилась паника.

– О да, и я просто в восторге, – выдавила она.

– В восторге от предстоящей работы или от моего мужа?

Хоть Тэмми Твайфорд и была на пятнадцать лет моложе Чичи, ни опыта, ни хитрости ей было не занимать.

– Разве на такое можно дать неправильный ответ? – парировала она.

– Ну конечно, можно, Тэмми. Не стройте из себя дурочку. Объясните мне, что происходит?

– У мужа своего спросите.

– А что именно мне у него спрашивать?

Тэмми пожала плечами.

– Вот как. – Чичи сделала глубокий вдох. – Значит, так: давно все это тянется?

– Больше года, – сказала Тэмми.

Барбара прислала Чичи целую пачку статей о Тони и Тэмми, которые она вырвала из журналов, найденных в салонах красоты, больничных приемных и других местах, где женщины обычно долго ждали. Там рассказывалось о том, как Тони и Тэмми то появились вместе за столом у того или иного голливудского продюсера, то развлекались в ночном клубе в Лас-Вегасе, то были замечены во время турне в городах вроде Чикаго, где ночевали в шикарных местах вроде отеля «Дрейк». Чичи уже достаточно измучила себя этой информацией. Она продемонстрировала прочитанное мужу, но тот вполне правдоподобно заявил, что это все просто деловые встречи и что уж Чичи больше, чем какая-либо иная женщина, должна бы это понимать. Но Тони не был женщиной, он не понимал, какие здесь замешаны чувства, – вероятно, он и Тэмми не понимал. Зато Чичи прекрасно понимала. Она понимала Тэмми вплоть до самой Глэдис Овербай.

– Вы в него влюблены? – спросила Чичи.

– Да.

– В таком случае, Тэмми, нам надо что-то решать, не так ли?

– То есть?

– Это не может так продолжаться.

Тэмми поджала губки.

– Вы правы. В этом виде так продолжаться не может.

– Как вам кажется, могли бы вы от него отказаться?

Тэмми опустила глаза, разглядывая свои затянутые в перчатки руки.

– А с чего бы? – спросила она.

– Он женат.

– Но он уже столько лет был вашим. С вас уже хватит, – дерзко заявила Тэмми.

– Мы говорим не о катании на карусели. Не всем полагается круг на деревянной лошадке просто потому, что им тоже хочется.

– У нас все не так. Он меня любит!

– А вы-то что знаете о любви?

– Много чего.

– Послушайте. Мы с Тони построили вместе совместную жизнь. У нас дети. Трое. Вот что я вам советую. Будьте оригинальной, создайте себе собственную жизнь с собственным мужчиной. Найдите себе хорошего парня, трудитесь вместе, вложите в это время, годы и создайте себе собственный дом и семью, вместо того чтобы разрушать мою!

Видимо, Чичи неосознанно повысила голос, так как Тэмми резко развернулась и ушла, раздраженно вскинув руки в розовых перчатках. Занавес раздвинулся, и за кулисы прошел Тони. Он направился к Тэмми, но та внезапно залилась слезами и убежала в гримерку.

– Что ты наделала? – Тони угрожающе навис над Чичи.

– Что я наделала? – возмутилась Чичи.

Она замолчала, пристально глядя на мужа, и внезапно увидела то, чего раньше не замечала. Молодой человек, в которого она когда-то влюбилась, превратился в мужчину средних лет, отца троих детей, да только сам этого так и не понял. Чичи сделала все, чтобы он смог оставаться молодым и заниматься карьерой так, как будто со времен отеля «Кронеккер» ничего не изменилось. А с какой стати чему-нибудь меняться, если она сама постаралась, чтобы не менялось ничего? Ей даже пришло в голову, не сыграла ли и она сама какую-то роль в его

измене, но недавнее столкновение с соперницей настроило ее на воинственный лад. О нет, Чичи больше не чувствовала себя в ответе за его действия и не собиралась оправдывать его прегрешения. Разве она не заботилась, причем отлично, об их доме, детях и счетах? Разве она не пожертвовала ради него всем? Почему она должна закрывать глаза на его неспособность держать себя в руках и его слабость к женскому полу? Нет уж, это не ее проблема.

– Знаешь что, Тони? Катись ты к черту!

Подошла Ли, пропустившая появление Тэмми и ссору.

– Чичи, пойдем, – помахала она голубыми билетами. – Я добыла нам места в первом ряду.

– Если это не места на поезд в Си-Айл, они меня не интересуют.

Чичи развернулась и направилась к служебной двери. Едва выйдя на холод, она затерялась в толпе пешеходов, спешивших по Бродвею за праздничными покупками, и разрыдалась.

Чичи села на крыльцо родного дома в Си-Айле и вдохнула свежий воздух, подняла воротник пальто. Она договорилась с Люсиль, чтобы та взяла детей к себе на весь день. Вскоре к дому подъехал Тони. Чичи внимательно изучала его, пока он шел по дорожке. Он был в шляпе-федоре, шерстяном пальто и обернутом вокруг шеи шелковом шарфе, которого она раньше не видела, – видимо, подарок Тэмми.

– Мы ведь могли встретиться на городской квартире, – сказал Тони.

– Нет, не могли.

– Да я уже понял. – Он снял солнечные очки и спрятал их в нагрудный карман пальто. – Ты не пригласишь меня войти?

– Мне необходим свежий воздух.

Он похлопал себя по карманам в поисках сигарет и спичек, нашел их, закурил.

– Ты устроила такой скандал на «Шоу Эда Салливана».

– Прошу прощения.

– Что с тобой происходит, Чич? Ты превратилась в истеричку. Ну что это такое? Подстерегаешь мою певицу за кулисами перед самыми съемками и обвиняешь ее в связи со мной?

– Да ладно тебе, Сав. Я знаю, что Тэмми Твайфорд твоя любовница. Она сама мне сказала, хотя в этом не было необходимости.

– И ты ей поверила?

– А почему бы мне не поверить?

– Я не хочу, чтобы что-нибудь повредило моей семейной жизни.

– Какой еще семейной жизни? Ах да. Речь о твоих фантазиях, где сплошь спагетти с тефтелями, походы на мессу, воскресный обед и ты поешь своим детям итальянские песни у камина под мандолину? Наши дети знают о мандолине только одно – что это тот запыленный инструмент, который годами валяется в кладовке. Они бы понятия не имели о своих детройтских дедушке с бабушкой, если бы я им не рассказала, они бы никогда у них не побывали, если бы я их не возила. А что до тебя, то я просто придумала тебя для них. Я создала этого призрачного папу, героя своих детей, потому что знаю, как много значит для семьи отец. И можешь не беспокоиться, я буду продолжать поддерживать эту иллюзию. Но твоей женой я больше не буду, Саверио. Я дам тебе развод.

– Я не хочу разводиться, Чич. Мы семья.

– Когда-то это слово имело силу, но тогда оно что-то для тебя значило.

– Семья значит для меня все. Так было всегда.

– Нет, это я и дети – семья. А ты просто кружишься вокруг нас, как планета-спутник. Мы хотим, чтобы ты жил с нами, дома, но ты выстроил себе другую жизнь, без нас. С другой женщиной. Помнишь, когда ты попросил моей руки, я сказала, что ты гуляешь со множеством девушек, а ты ответил, что они ничего для тебя не значат. И я тогда подумала – здорово, значит, я для него особенная, я не такая, как они. Но я ошиблась. Я была просто еще одной девушкой в бесконечном ряду.

– Но ты и правда была особенной. Ты и сейчас особенная. Зачем ты причиняешь мне боль?

– Я всего лишь пыталась не дать нам расстаться.

– Ты недостаточно сильно старалась. Зачем ты начала работать с Ли? Зачем вообще выходить на работу?

– Потому что в случае развода деньги будут пополам, а я не могу рассчитывать, что ты оплатишь детям колледж. Все трое умные, у них есть потенциал.

– Я свои обязательства выполню.

– Ох, Сав, да ты ведь никогда этого не делаешь. Как был принцем-белоручкой в тот день, когда мы познакомились, так и остался. Просто периодически менял одну девушку, которая гладила тебе рубашки, на другую, которая делала то же самое. Я терпела, потому что люблю тебя и потому что мы одной крови. Но будь честен сам с собой. Если бы не я, у нас бы даже лампочки некому было вкрутить.

– Ну давай, говори все самое жестокое, что в голову приходит. Унижай мое мужское достоинство.

– Можешь оставить свое достоинство при себе, оно тебе пригодится для следующей миссис Армы.

– Не будет никакой другой миссис Армы. Ты для меня все. Просто у меня была тяжелая жизнь, ты знала это с самого начала.

– Что, опять? Ты снова собираешься вытащить на свет божий эту слезливую историю? О бурлящей внутри обиде? О том, что ты не умеешь справляться с чувствами? О том, что отец выгнал тебя из дома в шестнадцать лет в морозную ночь перед Рождеством и поэтому ты не пропускаешь ни одной юбки? Мне надоели твои оправдания. Каждый раз ты сам делаешь выбор.

– И каждый раз выбираю неправильно, – признал Тони.

– И тем не менее никак не угомонишься. Выходит, ты либо дурак, либо негодяй. Выбирай.

– Ты знала, во что ввязываешься.

– Да ну? Правда знала? А мне вот кажется, что понятия не имела. Знала бы я, куда меня это заведет, я бы вообще пропустила этот автобус.

– В тебе говорит злость, – сказал он тихо.

Злость ли? – спросила она себя. Знай она тогда все, что знает теперь, выбрала бы она Тони? С самого начала их дружбы она сообразила, какие богатые возможности у их сотрудничества. Вместе они были творческой командой, силой. Она писала, он переписывал, он пел, она пела, они выступали, и это работало. Они понимали друг друга и так же хорошо считывали настроение публики. А когда у них появились дети, все было не так просто, как казалось на первый взгляд – мол, она осталась дома, а он уехал на гастроли; нет, куда сложнее. Он вернулся к жизни, которую вел, прежде чем встретил ее, а она стала женщиной, в которой перестала себя узнавать. Вот в чем состояла пропасть между ними – а на дне этой пропасти лежала

ответственность за их брак, которую Чичи взвалила на себя. Она отказалась от самой себя, от своего творческого «я», от самых смелых мечтаний, от самых потаенных желаний, от призвания – и все ради того, чтобы любить его. Что дал он ей взамен? Просто взял и погрузился в прошлое, туда, где его мечты еще не исполнились, в то время, когда он ее еще не любил.

– Чич, ты серьезно? Ты правда хочешь, чтобы я ушел?

– Я не верю в развод, Савви.

– Как добрая католичка.

– Которая вышла за доброго католика. Так, по крайней мере, мне казалось.

– Штампы, этикетки, и только. – Он затушил сигарету и немедленно зажег новую.

– Штампы не имеют значения, когда не живешь по правилам.

– Наверно, так и есть.

– Почему ты не можешь быть мне верен?

Тони пожал плечами:

– Да если бы я сам знал...

– Так узнай.

– Я скучаю без тебя.

– Перестань.

– Я не умею быть один, Чич.

– Я в курсе, – вздохнула Чичи. – Но эта девушка кое-что для тебя значит, да?

– Пожалуй, да, но не так, как ты. Но если ты меня бросишь, я уйду к ней.

– Ты серьезно?

Тони кивнул.

– Ты бросишь нас ради нее?

– Если ты меня окончательно выгонишь, то да.

– Выходит, выбирать мне? – Чичи вскинула руки над головой, как статуя атланта.

Он снова кивнул.

– То есть даже это решение ты взваливаешь на меня? Ну и наглость! Настоящая наглость. Ты хочешь, чтобы я удерживала нас вместе, но если я откажусь, то ждешь, чтобы я же все и закончила.

Тебе не хватает силы воли, чтобы уйти из этого брака и открыто предпочесть эту девушку мне и твоим детям?

– Нет. Не могу я.

– Но хочешь, чтобы это сделала я? Хотя каждый день на гастролях отдаешь предпочтение ей вместо меня? Угощаешь ее ужином в ресторане после концерта? Ведешь ее потом в свой номер? Занимаешь ей место рядом с собой в автобусе? Покупаешь ей норковую шубу? Осыпаешь ее драгоценностями? Представляешь ее новым музыкантам как свою девушку, хотя все они в курсе, что дома у тебя есть жена? Позволяешь Уолтеру Уинчеллу печатать в заголовке, что между тобой и супружницей все покончено? Все это значит, что ты предпочитаешь ее мне, и ты это прекрасно знаешь. Каждый раз, когда ты даешь ей почувствовать, что она для тебя особенная, когда ведешь ее куда-то и с гордостью представляешь другим, это еще одна обида, которую ты взваливаешь на меня, а после стольких лет у меня этих обид уже целые вагоны.

Тони сел на ступеньку. Чичи встала, шагнула к нему.

– Я еще не закончила. Теперь давай я тебе расскажу, как день за днем я выбираю тебя и почему я оставалась с тобой до сих пор. Я ведь думаю о твоих чувствах. Я не святая, но свою клятву тебе я сдержала, даже когда со мной заигрывали весьма симпатичные парни. Я лелею твоих детей, как драгоценные жемчужины, да они и есть драгоценные, и не жду, что ты меня за это поблагодаришь. Тебе не нужно беспокоиться о наших детях – пока они со мной, с ними не случится ничего плохого. Ты хотя бы представляешь себе, какой груз я сняла с твоих плеч? Способность освободить другого человека от беспокойства и страха за других – это величайшее доказательство любви, и я это делаю ради тебя. Еще я пытаюсь облегчить твою жизнь, потому что понимаю, каково тебе приходится. Я не жду совершенства, я просто надеюсь, что ты будешь стараться. И я тебе благодарна. Ты тяжело трудишься, и я знаю, что это за жизнь, потому что раньше была рядом с тобой, плечом к плечу, от репетиции до выступления, и мы вместе создавали музыку. Я знаю, как это, когда постоянно развлекаешь зрителей, и потому я всегда позволяла тебе отдохнуть, перезарядить батарейки и перегруппироваться.

– Ты была мне хорошей женой.

– Спасибо.

– А я не был хорошим мужем.

– Ты честен.

– Но я тебя люблю.

– Любовь – интересная штука, Сав. Сама по себе она ничего не способна исправить и не может заставить тебя поступить правильно, даже когда ты очень этого хочешь. Ты сам должен выбрать любовь впереди всего прочего, а любимого человека – впереди всех других. Взять хотя бы эту девушку. Она просто очередная ступенька на лестнице, ведущей туда, куда, как тебе кажется, ты направляешься. Ты ее не любишь. Ты ею владеешь. И ровно так же, как «паккард», ботинки из кожи аллигатора или те часы «Булова» с алмазными стрелками, о которых ты мечтаешь, однажды она выйдет из моды, сломается, износится или надоеет – а то и все вместе. Просто она еще об этом не догадывается. Сейчас она греется в лучах великого Тони. А когда ты оказываешь женщине внимание, ей чудится, что солнце с луной договорились появиться на небе одновременно и ослепить звезды. Я знаю, о чем говорю, потому что в свое время ощутила это сама. Я была совершенно заморожена, признаюсь. Я верила: то, какими мы были, то, что у нас было, – это навечно, это невозможно испортить. Вот душой-то я была, – присвистнула она.

– Ты зла на меня, и я понимаю почему.

– Это хорошо.

– Итак, какой будет приговор?

Чичи с трудом сдержала смех. Приговор! То есть сейчас идет суд и она – его судья. Но если это так, то где же присяжные и почему в столь важную минуту она стоит перед ним одна?

– Я хочу, чтобы ты ушел, Сав.

Тони загасил сигарету.

– Я не хочу, чтобы моих детей растил другой мужчина.

– Ну согласись, это уж не тебе решать.

Он кивнул, соглашаясь.

– Я всегда буду уважать отца моих детей, – сказала Чичи.

– А я буду всегда любить их мать.

Тони направился к своему автомобилю. Хруст песка у него под ногами напомнил ей о том дне, когда он впервые пришел к ним в гости, но эти картины прошлого успели поистрепаться и выцвести на солнце, совсем как вылинявшие навесы над окнами их прибрежного

дома. Много лет назад Чичи солгала мужу – один-единственный раз. Тогда она верила, что справится со всем, что бы им ни уготовила судьба. Она думала, что справится с обидой и болью от его измен, но со временем поняла, что это ей не под силу. Она не могла больше закрывать глаза на его измены, не могла находить им оправдание, хотя и понимала их причины, которые тоже были связаны с болью. Столько изменилось в их браке, столько открылось, что она уже не знала, осталась ли в ее сердце хоть капля любви к мужу. Она сомневалась – и потому знала, что настало время положить конец браку с Тони Армой.

Чичи припарковалась у бордюра перед школой Святого Иосифа. Не выходя из автомобиля, она помахала рукой стоявшей у крыльца монахине сестре Елизавете. Дети выскочили с заднего сиденья, сжимая в руках судки с обедом.

– Нам обязательно придется пойти на папину свадьбу? – спросила Розы.

– Сомневаюсь, что они устроят свадьбу, – сказала Чичи. – Они намерены сбежать под венец.

– Почему папа хочет сбежать? – удивился Леоне.

– Сбежать под венец – это просто такое выражение, – пояснила Санни. – Хлопаешь своими огромными ушами, а сам ничего не понимаешь.

– Тэмми Твайфорд – дурацкое имя, – заявила Санни. – Так могут звать пластмассовую куклу на распродаже в «Бене ФранкLINE»^[94].

Примерно это она и есть, подумала Чичи. Но она твердо решила никогда не говорить ничего дурного об отце своих детей и о его новой женщине.

– Санни, не смей плохо говорить о своем отце или о его новой жене. Никогда!

– Извини, – пробурчала Санни. – Но имя все равно идиотское.

– Не испытывай моего терпения, Санни.

Чичи вышла из машины поцеловать детей на прощанье.

– Папа нас любит, – заверила она их. – Все будет отлично. А теперь бегите. Желаю вам хорошо провести время!

Чичи снова помахала рукой монахине. У нее мелькнула мысль, не следует ли ей взбежать по ступенькам и объяснить сестре Елизавете, что происходит у них дома. Но ведь салезианки наверняка тоже читают

«Стар-Леджер». К чести Тони, надо было признать, что он подождал почти год, прежде чем позвонить бывшей жене и сообщить, что решил жениться снова – на той самой женщине, которая разрушила их брак.

На 1958 год у Чичи были другие планы. Она надеялась свозить детей в Детройт повидаться с бабушкой, а вместо этого им придется знакомиться с новоиспеченной мачехой, когда та заедет к ним с гастролей.

По крайней мере, Тони дал истории с Тэмми отстояться, как дешевому вину, и у Чичи было время подготовить детей – грех жаловаться. Чичи выехала со школьной стоянки, пообещав себе, что позже зайдет к сестре Елизавете и все объяснит. Пока что она сама едва была способна перевернуть этот поворот событий. А как объяснишь такое монахине?

Чичи стояла на тротуаре перед церковью Святого Иосифа с фотоаппаратом «Кодак-Брауни».

– Ну-ка, встаньте потеснее! – скомандовала она, посмотрела в видоискатель и нажала спуск.

Ветерок развевал фату ее племянницы Кьяры, первое причастие которой они праздновали. Девочка была одета в вышитое белым по белому батистовое платье с рукавами-фонариками, подпоясанное широкой белой атласной лентой.

– Сними еще раз, – попросила Люсиль. – Фату Кьяры ветром разметало.

– Сейчас поправлю, – сказала Изотта, занимаясь фатой.

Чичи сделала еще один снимок, и семейная группа разбрелась кто куда.

Рози и Санни подбежали к матери.

– Можно мы поедем на праздник вместе с тетей Люсиль?

– Если возьмете с собой брата – да.

– Ма, он как прикованное к ноге пушечное ядро, – мрачно пробормотала Санни.

– Нет, он ваш брат, – поправила Чичи. – И он берет с вас пример.

– Он приставучий.

– Девочки, вы всегда ходите парой. Представьте себе, каково ему.

– Тебе надо было родить еще одного мальчика, чтобы он не скучал, – бросила Санни и запрыгнула в машину Люсиль.

Чичи проследила взглядом за сыном, бегавшим вверх-вниз по церковному крыльцу вместе с кузинами.

– С ним все в порядке, Ма, – сказала Роза. – Я прослежу, чтобы он поехал с нами.

– Спасибо, моя хорошая.

Чичи направилась к своему автомобилю, вынимая из волос заколку-невидимку, на которой держалась кружевная мантилья. Она бережно сложила мантилью и хотела было спрятать ее в сумочку, но тут ее остановили:

– Здравствуй, Кьяра.

Чичи подняла глаза. У машины стоял Джим Ламарка.

– Джим! Как у тебя дела?

Он выглядел элегантно в своем темно-синем костюме с белым шелковым галстуком.

– Да так, потихоньку, – ответил он.

– Ужасно жаль было услышать печальные вести о твоей жене, – сказала Чичи. – Мама мне рассказала, и я думала тебе написать, но...

– У тебя своих горестей было достаточно, – договорил за нее Джим, хотя Чичи хотела сказать вовсе не это.

– Твое положение куда хуже, Джим. Твоя жена болела, и ты сам о ней заботился.

– Заботиться о ней было честью для меня. Она была мне хорошей женой.

– Все так и говорят. Прими мои искренние соболезнования.

– А ты-то как справляешься? – спросил он.

– Как видишь, я вернулась на побережье.

– Слышал об этом. Я говорил с твоей сестрой Барбарой на пикнике «Рыцарей Колумба»^[95].

– Тогда ты наверняка осведомлен до мельчайших подробностей. С детьми все хорошо. Тони гастролирует. По возможности заезжает к нам увидеться с детьми. Собственно, моя повседневная жизнь не особо изменилась, хотя я и развелась, а ведь я и помыслить не могла, что это когда-нибудь случится. Но так уж вышло.

– Знаешь, когда я вернулся с войны, мне казалось, что худшее в жизни я уже повидал, – сказал Джим. – Думал, уж дальше-то жизнь потечет гладко.

– Представляешь, я тоже так думала.

– Так что же случилось?

– Просто от нас ничего не зависит, Джим. Абсолютно ничего.

– Но это ведь совсем не обязательно должно быть так. – Джим сдвинул шляпу на затылок. – Старая дружба имеет значение. Важно наладить старые связи. Я думал о тебе, Кьяра.

Чичи подняла на него взгляд, заслоняя ладонью глаза от солнца. Барбара, Люсиль и все прочие ее знакомые женщины всегда считали Джима Ламарку самым красивым мужчиной в Джерси. Прошло двадцать лет, а это по-прежнему оставалось правдой.

– Надеюсь, ты обо мне думал что-то хорошее, – сказала она.

– Лучше некуда. Мне бы хотелось однажды сводить тебя на ужин.

Чичи прикрыла глаза на пару секунд, надеясь, что когда она их откроет, на дворе снова будет 1938 год, до ее встречи с Саверио, до войны, до того, как она стала мудрой и опытной.

– Джим, благодарю тебя за такое приятное приглашение, но я не готова. Надеюсь, ты понимаешь.

Джим кивнул.

– Да, конечно. Но ты оставишь мне надежду? – улыбнулся он.

– Знаешь, развод – странная штука. Важно не скрывать от себя правду. Несмотря на все, что произошло, я его по-прежнему люблю. – Чичи вдруг заметила, что нервно комкает в руке кружевную мантилью. – Прости.

– Никогда не извиняйся за то, что любишь кого-то, – сказал Джим. – Только ради этого и стоит жить.

Чичи приподнялась на цыпочках и поцеловала Джима Ламарку. Этот поцелуй напомнил ей, что у нее могла быть другая, лучшая, жизнь с мужчиной, который бы ее уважал и любил достаточно сильно, чтобы ни одна повстречавшаяся женщина не могла вскружить ему голову. Но судьба дала ей иное, и теперь Чичи казалось почти глупым снова этого добиваться, чтобы доказать, будто то, что не сбылось, еще может исполниться.

Джим открыл для нее дверцу автомобиля и помог сесть, затем захлопнул дверцу. Провожая взглядом его высокую фигуру, удаляющуюся по улице, она спросила себя, не совершает ли она снова ту же ошибку.

Люсиль стояла в гостиной Чичи у окна, выходящего на передний двор.

– Они приехали.

– Быстренько изобразите фальшивые улыбки, – скомандовала Барбара.

Люсиль не отрывала глаз от окна.

– Чич, эта Тэмми напялила очень тесные капри, а блузка так вообще лопается. Фу. Слушай, тетя, оделась бы ты по размеру, а?

Чичи сняла полиэтилен с блюда с сэндвичами.

– Нынче и мне все какое-то тесное, а я еще даже не пообедала.

– До сих пор не могу поверить, что ты ее пригласила, – покачала головой Барбара, раскладывая на подносе булочки для хот-догов.

– Просто мне не хочется быть типичной бывшей женой-мегерой. И я надеюсь, что мои сестры тоже будут с ней приветливы.

– Тогда мне понадобится добрая кружка «Бриоски», – заявила Люсиль. – Потому что, честно говоря, меня тошнит от одного ее вида.

– Но-но, без выходов! – осадила сестру Чичи. – Ведем себя прилично. Мы ведь сестры Донателли, дамы безупречные во всех отношениях.

Чичи взяла блюдо с сэндвичами, чтобы отнести его на задний двор, где был накрыт стол. В окно она видела, как ее бывший муж с новой женой направлялись туда же, обходя дом по мощеной дорожке. Ощущение было такое, как будто под окном проходила чья-то чужая жизнь.

– Пошли, – скомандовала Люсиль, берясь за тарелку с мясной нарезкой. – Обещаю быть пай-девочкой.

– И я, – сказала Барбара.

– Значит, дело только за мной, – ухмыльнулась Чичи.

Лето 1961 года выдалось одним из лучших в жизни Чичи. Дети были пристроены, ее мать не хворала, сестры с семьями жили неподалеку. Никаких ссор. Даже со стороны бывшего мужа все было мирно; гастролировавшая с Тони Тэмми Твайфорд хорошо относилась к детям. На пляже Си-Айла океан величественно раскинулся под сапфировым небом, а волны раскатывались, как рулоны сине-зеленого бархата.

Чичи поднялась на несколько шагов на утес и смотрела, как Тони играет с сыном. Леоне бегал по пляжу, а отец подавал в его сторону футбольный мяч, который мальчик отбивал обратно. Когда по утесу спустилась стайка друзей Леоне и присоединилась к ним, Леоне схватил мяч и рванул по пляжу вместе с ребятами. Но вдруг остановился и обернулся к отцу.

– Спасибо, Па! – крикнул он и убежал.

Чичи осторожно спустилась с утеса и направилась к Тони. Было ли дело в песке, в солнце, в небе или в жаре, но когда бы Чичи ни оказывалась на пляже вместе с Тони, уже не имело значения, в какой части света тот океан, – каким-то образом в такие мгновения Тони всегда принадлежал ей. Она отмахивалась от этого чувства, но оно не исчезало, а лишь зависало неподалеку, как низкие тучи над водой.

Тони смотрел на приближающуюся Чичи. Она шла босиком – обычно так и проводила большую часть лета, – в белом сарафане, с распущенными по плечам волосами.

– Я оставила твою жену с моими сестрами, – сообщила Чичи.

– Думаешь, она выйдет оттуда живой? – улыбнулся Тони.

– Кто знает.

– Ты отлично выглядишь, Чич, – искренне сказал Тони.

– Ну, как твои дела? Как Тэмми?

– Тэмми мне дорого обходится.

– Знаю, Савви. Я же вижу все счета.

– Разумно ли было позволить моей бывшей жене продолжать управлять моими делами?

«Да», – произнесли они в один голос и рассмеялись.

– Вот это здорово, – сказал он.

– Смеяться?

– Слышать, как меня называют Савви.

Чичи не знала, как реагировать. Казалось, в этот миг они были так близки, но разве могло быть иначе? Ведь они знали друг друга почти всю жизнь.

Тони обвел глазами пляж.

– С Леоне все в порядке, правда?

– У него славные друзья, и в школе он учится хорошо.

– Я имел в виду, справляется ли он без меня.

– Он мало что помнит из нашей прежней жизни, – сказала Чичи. – Во всяком случае, никогда об этом не говорит.

Судя по всему, эти слова причинили Тони боль.

– А девочки?

– Санни дуется, а Роза – святая.

– Так и должно быть с близнецами. – Тони пошевелил носком спортивного тапка лежавшие на песке ключья водорослей. – А ты с кем-нибудь встречаешься?

– Прекрати, Саверио! – отмела его вопрос Чичи. – Пойдем обратно в дом, мне нужна помощь с мороженым.

– Я знаю, у меня нет права спрашивать.

– Вот именно. Но если хочешь знать, то нет, не встречаюсь. Подумывала, но потом не стала.

– Кто-то интересный?

– Мне хотелось бы, чтобы у Леоне был брат. Близняшки всегда вдвоем, а он один.

– Я был единственным ребенком – и ничего.

Чичи обернулась к бывшему мужу и недоверчиво уставилась на него:

– Ничего? Да ты боролся с трудностями на каждом шагу.

– Ну и что, ну и борюсь. Это ведь не значит, что в итоге все не вышло отлично. С нашим сыном все будет хорошо, правда?

– Думаю, да. Знаешь, я ведь думала, что Леоне починит наш брак, – призналась Чичи. – Но его предназначение куда выше. Он починит весь наш мир. Он способен разговорить любого. Когда на детской площадке разревется малыш, он первый бежит к нему утешать. Никогда не видела ничего подобного. У него доброе сердце. Но все же он мальчик, и ему нужен отец.

– Я мог бы взять его к себе, – предложил Тони. – Уверен, Тэмми согласится.

– У тебя же сумасшедшее расписание. Может, просто станешь почаще к нему приезжать?

– Конечно. А как у Леоне с музыкой, занимается?

– Я учу его игре на пианино, но ему больше нравятся ударные. Я купила нам с девочками беруши.

– А на трубе он еще играет?

– Дудит, как архангел Гавриил в Судный день. Шумно у нас дома, что сказать.

– Мне не хватает этого шума.

– Вы с Тэмми что-нибудь запланировали на Рождество?

– Мы будем во Флориде, у меня концерт в «Фонтенбло».

– Недурно! А когда ты намерен повидаться с детьми?

– Перед отъездом туда. Я подумал, что можно на этот раз отпраздновать Рождество чуть раньше.

– А когда ты уезжаешь?

– Первого декабря.

– Ну какое же это Рождество, Савви. Это получается День благодарения.

Чичи заметила, что обсуждение расписаний всегда приводит его в смятение.

– Даже с этим я промахнулся, – виновато опустил голову Тони.

– Но все еще можно исправить. Просто скажи администрации отеля, что у тебя трое детей и тебе необходимо с ними увидеться на праздники.

– Я ведь для детей пытаюсь заработать денег. Сама знаешь.

– Знаю. Но ты же в курсе, я и сама неплохо зарабатываю песнями.

И есть еще инвестиции. Тебе совсем не обязательно вгонять себя в гроб работой.

– Ты не понимаешь.

– В чем дело, Саверио?

– Я не могу контролировать Тэмми. Она тратит все до последнего цента.

– Да, вот чем неудобны жены – они имеют право тратить все до последнего цента. Когда женишься, жена становится твоей кровной родственницей.

– И не говори.

– Так в законах написано.

– Детям в итоге не останется ничего.

Чичи поняла.

– А, вот оно что. Тогда это меня касается.

– Я хочу, чтобы ты занималась моими деньгами.

– С какой это стати?

– Потому что ты это делала, пока мы были женаты, и у тебя отлично получалось. Можешь отделить часть денег, чтобы обеспечить будущее наших детей. А этой девчонке определи ограниченный бюджет.

– Под девчонкой ты подразумеваешь Тэмми.

– Само собой.

– Она заявила в интервью Дороти Килгаллен, что вы с ней планируете детей.

– Не могу же я следить за всем, о чем она болтает с репортерами. Кроме того, у нас не может быть детей. Точнее, у меня не может быть.

– Как это не может? У тебя же трое детей от меня.

– После Леоне я сделал операцию.

Чичи почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Она опустилась на песок. Тони сел рядом.

– В чем дело, Чич?

– Зачем ты это сделал?

– У нас было достаточно детей, три – отличное число.

– Но мы с тобой ничего не обсудили.

– Ты была с утра до ночи занята с детьми. Я так и понял, что других ты не захочешь.

Чичи заплакала. Тони выудил из кармана носовой платок.

– Я столько всего натворил, но ты плачешь из-за такой малости?

– Это как будто окончание чего-то. Не знаю, как выразить. Словом, очень грустно.

– Я думал, ты обрадуешься. Есть наша семья, близняшки и Леоне, и всё, больше никаких детей.

Чичи удивилась собственной реакции не меньше, чем Тони.

– Сама не знаю, почему меня это так задело, – призналась она, подтягивая колени к груди. Вдруг ее пронзила мысль. – Постой-ка... А Тэмми ты ничего не сказал, да?

Тони покачал головой.

– Но она ведь твоя жена. Ей нужно знать.

Тони отвел глаза.

– Так неправильно, Сав.

Тони пожал плечами:

– У меня есть на то свои причины, уж поверь.

– Брак без доверия – это не брак. Разве ты еще не понял? Тебе нужно с кем-то поговорить. Я серьезно.

– С мозгоправом? Нет уж, спасибо. Да я же знаю все ответы, Чич. Просто они мне не нравятся. – Тони поднялся на ноги и протянул руку жене. Она встала рядом с ним. Он никак не мог заставить себя отпустить ее руку. – На этом пляже мы с тобой познакомились.

– Не на этом, Сав. Ты совершенно не ориентируешься в пространстве. Вон в той стороне, – показала она. – Видишь колесо обозрения?

– Да какая разница.

– Разница в доброй миле. Я подпилила тебе ногти и тем самым подпилила сук, на котором сидела.

– Ты забавная, – сказал он. – Самая забавная девушка из всех, кого я встречал. – Порыв ветра разметал волосы Чичи, челка закрыла ей глаза, и Тони ее поправил. – А ты правда так считаешь, ну, насчет «подпилила»? Потому что мне так не кажется.

Его пальцы задержались у нее на лице. Чичи подумала, что сейчас он ее поцелует, и сделала шаг назад.

– О нет. Нет-нет-нет. – Она решительно помотала головой. – Отойди, Савви.

Тони ухмыльнулся:

– А что?

– Сам отлично знаешь.

Когда Тони, Чичи и Леоне вернулись с пляжа, на заднем дворе никого не было.

– А где девочки? – спросила Чичи у Барбары.

– В доме, – ответила сестра. – Тэмми захотелось посмотреть их комнату.

Общую спальню Санни и Розы решили сделать в лилово-розовых тонах с узором «огурцы». По краю коротких занавесок вилась волнистая тесьма, на двуспальных кроватях лежали покрывала в пышных оборках, а в изголовье каждой была приторочена подушечка с монограммой владелицы.

Тэмми Твайфорд-Арма огляделась и стала изучать книги на этажерке Розы и Санни.

– Вы столько читаете! – заметила она.

- Чтение еще никому не повредило, – отрезала Рози.
- Наверное, так и есть, – миролюбиво согласилась с ней Тэмми.
- Приезжайте к нам как-нибудь в субботу, – предложила Санни. –

По субботам мы ходим в библиотеку, а там бывают интересные лекции.

- Вы меня приглашаете? – удивилась Тэмми.

Близнецы переглянулись.

- Конечно! – сказала наконец Санни.

- Тогда спасибо, Санни, дорогая! – благодарно улыбнулась Тэмми.

Вошла Люсиль и протянула племянницам по вазочке с мороженым.

– Тэмми, не хотите спуститься к бассейну? Мы там подали десерт. Тони вернулся с пляжа, и Леоне с ним. Чичи готовит сморы^[96].

– Звучит отлично. – Тэмми последовала за Люсиль вниз по лестнице.

Санни села на кровать и дождалась, пока шаги взрослых затихли.

– Ты видела, как невозмутимо ведет себя мама? Поверить не могу! А тетки?

– Надо же им как-то общаться, – сказала практичная Рози. – И они не хотят нас огорчать своими ссорами.

- А может, она им и правда понравилась.

– Даже и не думай. Все это только понарошку. А вот ты-то – поверить не могу, что тебе нравится эта особа, – проговорила Рози, не отрывая глаз от браслета, который плела из лент.

– Она ведь теперь папина жена, – пожалала плечами Санни, втыкая ложечку в мороженое. – Нельзя ее просто игнорировать. Надо вести себя приветливо.

– погоди, вот родит она ему кучу детей, и мы останемся не при делах. Посмотрим, как ты тогда запоешь.

– Не может такого случиться. Да и через пару лет мы все равно уедем в колледж, и тогда какая нам будет разница?

- Ты такая наивная.

- Семья – это навсегда.

– Сомневаюсь, что это относится к Тэмми. Она долго не продержится. Одна ее блузка чего стоит. Лифчик как будто сооружен из картонных колпаков с детского праздника. Мама ни за что бы такое не надела.

Санни пожала плечами:

– А может, стоило бы.

– Я бы не хотела, чтобы у меня была такая мать. И такой мачехи мне тоже не нужно.

– Хочешь не хочешь, но она у тебя уже есть, никуда не денешься, – отрезала Санни. – Я куда больше тебя знаю о разводе.

– Ты о чем вообще?

– Я читала акт о разводе. Ну, между мамой и папой.

– А что там написано? – спросила Рози. По голосу чувствовалось, что любопытство боролось в ней с нежеланием услышать неприятное.

– Мама получила полную опеку над нами. Мне кажется, она заставила папу отказаться от опеки, потому что это у него была подруга.

– Не хочу об этом разговаривать, – помотала головой Рози. – И если ты думаешь, что если подружишься с Тэмми, это тебя обезопасит, ошибаешься. Она от мамы избавилась, а от детей от первого брака избавиться еще проще.

– Не будет ничего подобного. Я стану притворяться, любезничать с ней. Когда захочу увидеться с папой, буду звонить ей, и она все устроит. А если мы станем обращаться с ней как с мусором, она не захочет нам помогать.

Рози задумалась.

– Что-то в этом есть, – признала она.

– Послушай меня, Рози. Мама нам ничего не позволит делать самим. Нам нужен папа. А она ведь полностью убрала его из нашей жизни. Вся наша надежда на то, что удастся как-то его туда вернуть.

– Мне бы не помешала помощь на кухне, – сказала Чичи, подходя к гардеробу девочек с охапкой чистой одежды. – О чем это вы тут шепчетесь? – Она развесила юбки и блузки и закрыла дверцы.

– Ни о чем! – поспешно воскликнули девочки хором.

Чичи присела на кровать к Санни.

– Вы пригласили Тэмми к себе, пообщались с ней. Это было мило с вашей стороны.

– Рада, что ты одобряешь, – буркнула Санни, открывая книгу и отворачиваясь от матери. Но, не в силах успокоиться, заговорила снова: – Как ты могла ей позволить увести папу? Она ведь даже не

такая уж красавица. И уж точно не умница. Как ты могла это допустить?

– Следи за тем, что болтаешь, Санни, – оборвала ее Чичи.

– Она же это не серьезно, мам, – вступилась за сестру Рози.

– Говори за себя, – бросила Санни.

– Просто мама не в курсе, что ты прочла акт о разводе и уже знаешь, что папе отказали в опеке, – продолжала Рози.

Чичи вздохнула.

– Санни, ну зачем совать нос в чужие дела? Ничего хорошего из этого никогда не выходит.

– Потому что ты нам никогда ничего не рассказываешь. Во всяком случае, ничего интересного, – запальчиво воскликнула Санни.

– Я ждала, пока вы подрастете.

– Нам по шестнадцать. Самое время.

– Прости, милая. Для меня все это тоже необычно.

– Это не оправдание, – проворчала Санни.

– Ты права. Это не оправдание. Но нахальство от тебя я тоже терпеть не намерена. Тебя учили относиться к старшим с уважением и вести себя прилично, и я не позволю, чтобы все это развалилось.

– Не позволишь? – резко обернулась Санни. – Да наши жизни уже развалились!

– Я так не думаю, Ма, – заверила мать Рози, возмущенно зыркнув на сестру. – С нами все в порядке.

– Мне бы хотелось, чтобы с моими девочками все было отлично, а не просто в порядке, – вздохнула Чичи.

– Почему папа вдруг стал таким?

Чичи помедлила, перед тем как ответить.

– У него очень нервная жизнь, – сказала она наконец.

– У Терри отец работает подрывником в карьере, добывает сланец, – сказала Санни. – Работать с динамитом в пещере – куда более нервное дело, чем распевать песенки о кухонных скалках.

– Хорошо, ты победила, – вскинула руки Чичи. – Ты и сама знаешь все ответы. Давай тогда ты будешь матерью, я буду дочерью, и ты станешь управлять миром?

– Уж я бы не стала поступать, как ты. Когда у меня будет семья, я не стану ее разрушать, как вы с папой. Зачем мы вообще вернулись в

Джерси? Зачем жить в Джерси, если можно жить в Калифорнии? Я скучаю по подругам и по школе. Хуже просто не бывает!

– Вот вырастешь, закончишь колледж и можешь переезжать в Калифорнию, если все еще будешь этого хотеть.

– Можешь не сомневаться, буду!

– Ты так грубо разговариваешь с мамой, – возмутилась Роза. – Разве ты не видишь? Мама тоже страдает.

– И вовсе она не страдает. Она выгнала папу из дома, и он убежал, как будто у него земля горела под ногами.

С Чичи было достаточно.

– Санни, я обычно терплю твои выходки, но всему есть предел. Мы с твоим отцом любили друг друга и продолжаем любить. Но ему хочется постоянно гастролировать, а гастроли – не место для семьи и детей. Попробуй хоть немного понять его и пожалеть меня. Где твое христианское милосердие? Деньги, которые я трачу на твое воспитание у салезианок, явно выброшены на ветер!

Чичи встала и вышла из комнаты.

– Злая ты, – сказала Роза сестре, доставая из тумбочки шоколадный батончик с арахисом.

– Она просто нелепа.

– Она ведь старается сделать как лучше.

Санни перевернулась на живот.

– Так пусть старается сильнее.

Роза откусила от батончика и открыла роман «Гигант» Эдны Фербер. Жуя шоколад, она быстро увлеклась историей семьи техасских нефтяных магнатов. Она вообще умела быстро отвлекаться от неприятных мыслей.

Санни повернулась лицом к стене и притворилась спящей. Так сестре не было видно, что она плачет.

Шли годы, и Чичи постепенно освоила искусство быть разведенной женой и матерью. Для этого ей пришлось стать первоклассной путешественницей. Когда предложения работы в Штатах иссякли, Тони переехал в Рим. В начале 1960-х Италия служила прибежищем для американских артистов, которым требовалось перезапустить карьеру. К поющим актерам вроде Тони Армы это тоже относилось.

Чичи выглянула в иллюминатор самолета компании «Пан-Ам», начинавшего снижение над Римом. Тринадцатилетний Леоне нервно вцепился в подлокотники. Чичи ободряюще улыбнулась сыну. Она знала, что скоро мальчик вступит в возраст, когда принято притворяться бесстрашными, и ценила эти последние месяцы его детства, когда он еще нуждался в ней.

– Ничего страшного не происходит, Леоне, – заверила она, натягивая перчатки.

– Как скажешь, Ма. – Леоне наклонился вперед и уставился перед собой. – По крайней мере, судя по гулу, все двигатели, похоже, работают. – У него были отцовские темные кудри и глаза, но профиль он унаследовал от Донателли, и Чичи это было приятно. – Ма, а почему папа снова женился?

– Понимаешь, после того как с Тэмми не сложилось, он поехал в Рим сниматься в кино. Ему было одиноко. Он подружился с одной актрисой, которая тоже там снималась. А со временем полюбил ее. Если тебе интересно, лично мне Дора Альфедена очень нравится.

– А если мне она не понравится?

– Я думаю, понравится. Но торопиться не надо, дай себе время.

– А почему папа постоянно женится?

– Это ты у него спроси.

– А ты тоже выйдешь замуж за кого-то другого?

– Вряд ли, – улыбнулась Чичи.

– А почему?

– Просто не хочется.

– Хорошо. – Леоне откинулся в кресле. – Хоть с твоим новым мужем не придется знакомиться, и на том спасибо.

– Давай-ка повторим правила. Ты будешь хорошо себя вести с новой мачехой. Будешь помогать бабушке Розарии и слушаться сестер.

– Ты мне велишь подчиняться всем на свете, кроме разве что папы римского, – пошутил Леоне.

– Папе римскому тоже.

– Где бы я ни был, я вечно оказываюсь единственным мужчиной среди кучи женщин. Почему так выходит?

– Неправда, ты ведь будешь с отцом.

– Очень условно. Он ведь то и дело сбегает под венец.

– Я понимаю, что тебе это кажется немного забавным, но для твоего отца важно, чтобы ты увидел, что у него серьезные отношения. Что он старается вести себя ответственно.

Самолет коснулся земли и покатил по взлетной полосе, подпрыгивая, пока баланс не выровнялся. Двигатели оглушительно ревели, а скрежет резиновых шин по асфальту отозвался в ушах пассажиров невыносимым визгом. Леоне еще крепче схватился за подлокотники.

– Уже почти все, Леоне. Это просто посадка.

Леоне боялся самолетов и быстрых автомобилей, и родители пытались бороться с этим страхом, заставляя его побольше путешествовать. Но вот наконец ему можно было с облегчением спуститься по металлическому трапу следом за матерью. В зоне прибытия их встречали Розы, Санни и бабушка Розария. Узнав в толпе шляпку матери, близнецы побежали к ней.

– Ма, ты прилетела! – воскликнула Санни, обнимая ее.

– *Ciao*, мама! Мы так рады, что ты здесь! – Розы тоже обняла мать. – погоди, вот увидишь квартиру! Она такая славная, мы ее обожаем.

– Это так, – согласилась Санни. – Мировая квартира!

Чичи остановилась и уставилась на девочек.

– А вы знаете, что вашего папу раньше называли «мировым неаполитанцем»? Забавное совпадение. Но дайте на вас посмотреть хорошенько. Вы такие элегантные! Настоящие студентки.

Розы была одета в сарафан и босоножки, а Санни – в длинную юбку и блузку в народном стиле. Обе явно открыли для себя римское золото, поскольку щеголяли блестящими серьгами-кольцами.

– Ну, рассказывайте, как учеба? – спросила Чичи.

– Сапиенца^[97] потрясающая. Занятия по искусству просто невероятные. Мы ходим на экскурсии в здания, которые расписывали Леонардо да Винчи, Микеланджело и Тьеполо, – похвасталась Санни.

– А у меня по бизнесу сплошь «отлично», – гордо сообщила Розы.

– Прекрасно, значит, однажды я вверю тебе всю нашу семейную бухгалтерию.

– А еще мы часто бываем на вечеринках, – добавила Санни.

– Ма, всем итальянским парням нужно только одно, – пожаловалась Розы.

– Да что ты маме рассказываешь, – толкнула сестру в бок Санни. – Как будто она сама не за такого же вышла!

– А как ваша *Nonna*?

– Ей тоже все здесь очень нравится. Не думаю, что она когда-нибудь уедет. И Доре она пришлась по душе. Смотри, Леоне, вон наша бабушка!

Леоне подбежал к бабушке Розарии и крепко ее обнял. Она ждала у выхода из терминала. Одетая просто, в черную льняную юбку и белую блузку, она, казалось, совсем не постарела с того дня, когда Чичи в последний раз ее видела перед переездом в Рим.

– Наш дом в Трастевере, – сообщила Санни. – Там живут все актрисы, кинозвезды и писатели. Ну, ты понимаешь, все модные люди.

– И мы туда отлично вписываемся, – добавила Роза.

– Похоже, девочки, вы здесь получаете самое разностороннее образование.

Чичи обняла бывшую свекровь и сказала:

– Вы выглядите настоящей красавицей, мама.

Розария силилась сдержать слезы.

– Ну что вы, мама! – пожурела ее Чичи.

– Мне просто так неудобно, – проговорила Розария, шаря в кармане в поисках носового платка. – Что ваша с Саверио совместная жизнь...

– Девочки, пойдите с Леоне за багажом, – скомандовала Чичи. – Он знает, какие сумки наши. А я пройду с бабушкой.

Чичи обняла Розарию одной рукой и опустилась на скамейку рядом с ней.

– Девочки говорят, что вам здесь очень нравится, – сказала она.

– Чичи, я снова у себя дома. Я вернулась туда, откуда все начиналось. Летом я уезжаю в Венето, но основную часть года я здесь, вместе с Саверио. Это чудесно.

– А Дора вам нравится?

– Она очень мила, – сказала Розария. – Но... третий брак, подумать только.

– Шоу-бизнес! – вскинула руки Чичи.

Розария вопросительно посмотрела на Чичи:

– Не понимаю.

– Мама, я ему не судья. Я хочу, чтобы Саверио был счастлив, со мной или без меня. Когда он счастлив и счастлива я, есть надежда, что дети тоже будут счастливы. А если все мы несчастны, они тоже будут несчастны.

– А вторая его жена куда делась?

– Тэмми хотела ребенка, а Савви сказал, что он с этим покончил.

– Мне он говорил другое.

– А мне – это.

– Мне он сказал, что совершил ошибку. Что у них не было ничего общего, – объяснила Розария.

– Ах, мама, можно иметь очень много общего с мужчиной, а в итоге он тебя все равно бросает.

– Понимаю. Мне так жаль, что тебя бросил именно мой сын.

Тони стоял на улице рядом со своим четырехдверным «мерседесом» – салон обит темно-синей кожей, сама машина канареечно-желтая. Он заключил сына в объятия и долго не отпускал.

– Ты настоящий великан, Леоне! Чем ты кормишь мальчика? – спросил он Чичи.

– Макаронами, чем же еще? – ответила Чичи, чмокая Тони в щеку. Все эти годы ей обычно удавалось определять градус их отношений по реакции Тони на ее поцелуй. Судя по его теперешнему поведению, он оставил прошлое позади и они снова добрые друзья.

Леоне, Розария и близнецы разместились на заднем сиденье «мерседеса», а Чичи Тони провел к переднему пассажирскому сиденью и открыл для нее дверцу. Чичи уставилась на его голову, прищурившись.

– Как тебе? – спросил он.

– Новая накладка?

– Ага. Есть тут в Риме одна контора. Они закупают волосы на Сицилии.

– Знаешь, Сав, эта куда лучше американской.

– Мне тоже так кажется! – восторженно воскликнул он. – Хорошо, что ты приехала, Чич.

Чичи сидела за столом на кухне напротив Доры Альфедены. Бывшая жена Тони восхищалась хорошим вкусом нынешней жены.

Квартира Тони и Доры была просторная, с высокими лепными потолками и тяжелыми монастырскими дверями. В декоре Дора предпочитала простоту и элегантность: нейтральные цвета, ткани с интересной текстурой, мягкие ковры.

Третья жена Тони обставила квартиру низкими кожаными креслами и мозаичными столиками; вместо стульев вдоль обеденного стола тянулись деревянные скамьи. Полы были собраны из полированной терракотовой плитки, а выкрашенные в цвет розового грейпфрута стены отражали палитру солнца, восходившего и садившегося над сложенными из песчаника стенами Вечного города.

Наделенная классическими римскими чертами миниатюрная брюнетка Дора, с орлиным носом, широко расставленными карими глазами и золотистой кожей, была просто создана для кинокамеры. Ее экранный успех объяснялся в большей степени актерским талантом, нежели внешними данными, но красавицей она была несомненной.

Чичи оценила ее теплое отношение к детям и к Розарии. Наверное, познакомься они не здесь и не сейчас, могли бы стать подругами. Чичи была уверена, что лучшей спутницы жизни Тони выбрать не мог.

– А это что, Кьяра? – спросила Дора, глядя вверх очков на Чичи и указывая на строчку в контракте.

Доре было, как и Чичи, примерно под пятьдесят, и она, в отличие от Тэмми, знала, как мыслят итальянцы. Она понимала Тони Арму и более философски относилась к его натуре, чем некогда Чичи.

– Здесь написано, сколько вы получите, если Тони умрет раньше вас, – объяснила Чичи.

– Это слишком много. – Дора сняла очки и положила их на стол.

– Нет, всего лишь справедливо. Да и вам важно знать, что о вашем будущем позаботились. Я хочу, чтобы вы хорошенько разобрались с его активами, потому что сам он никогда особо этим не интересовался.

– О да. Стоит ему что-то увидеть, сразу покупает. Как дитя малое.

– Об этом не беспокойтесь. У Тони есть вклады, ими занимаюсь я. Из этого ему выплачивается содержание. Деньги принадлежат ему, но они в моих руках. Он сам так пожелал. Но я хочу, чтобы вы поняли – теперь, когда вы его жена, это и ваши деньги тоже. Если вам когда-нибудь что-то понадобится или возникнут вопросы, просто позвоните или напишите мне, и я все объясню.

– А в случае развода я получаю вот столько? – Дора указала пальцем на другую строчку.

– Да.

– Но детей ведь не будет, зачем так много?

– Дора, все это основано на американских законах.

– Неудивительно, что там у вас постоянно разводятся.

– Ну да, – рассмеялась Чичи. – Какой смысл оставаться замужем?

– А как же вы? – наклонилась к ней Дора. – Есть ли рядом с вами симпатичный мужчина?

– Нет.

– Слишком заняты?

– Работа, дети – кручусь как белка в колесе.

– Лучше замедлить бег, а то потом может быть слишком поздно.

Чичи вынула из сумочки небольшой конверт и передала его Доре.

– Здесь написано, как со мной связаться. Если Леоне, Санни или Розы что-то нужно, позвоните мне. Вы приходите к Леоне мачехой, и я официально разрешаю вам воспитывать его наряду с Тони и со мной. Я не считаю, что детям надо позволять все, что им вздумается.

– Я с вами согласна, – улыбнулась Дора.

– Если Тони или вам что-нибудь понадобится, я смогу прислать вам денег в течение нескольких часов. И прошу вас, если Розарии что-то требуется, непременно дайте мне знать. Лечение, новое платье, билеты в Венето – не имеет значения. Что бы ей ни требовалось, чего бы она ни хотела, сразу сообщите мне. Она не должна испытывать нужду ни в чем.

Дора кивнула:

– Мама. Понимаю.

Стоя на площади Святого Петра, Чичи покрыла голову кружевной мантилей, натянула черные перчатки и вошла в собор. Эхо шагов по мозаичному полу звонко прокатилось внутри. От одного взгляда на такую высоту у нее едва не закружилась голова. Мимо гуськом тянулись туристы. Она снова посмотрела вверх, затем вокруг, разглядывая великолепные алтари, внушительные арки, сводчатые потолки и инкрустированный купол.

Чичи шла по центральному нефу, и лучи золотистого света пронзали ряды скамей, напоминая ей о церквях, которые она посещала

в юности в еще имевшие для нее тогда значение праздники. А теперь ей, разведенной женщине, больше не было места в католическом храме; закончившийся неудачей брак отлучил ее от всего прекрасного, что заключала в себе вера. Чичи честно призналась себе, что ей стыдно. Отойдя на шаг от фресок, изображавших истории святых, она с горечью подумала о тех минутах своей жизни, когда не оправдала ожиданий близких, не сделала для них всего, что было в ее силах. Гладкий мрамор скульптур напомнил ей, что терпение со временем являет миру правду, а в конце концов и красоту. Бронзовая отделка на дверях состояла из многослойной филигрании, и по замыслу художника эти переплетенные витки изображали отрицание Бога человеком. Куда бы Чичи ни взглянула, все твердило ей, что она недотянула и что ей здесь не место.

Замужество Кьяры Донателли оказалось неудачным, а ведь для католички это было не просто личное фиаско, но и духовное. Она могла привести тысячу причин, по которым ее брак распался, и ни одного аргумента в пользу его сохранения. И все же Чичи продолжала посещать мессу, хотя больше не причащалась. Она надеялась найти в церкви ответы – а может быть, и покой.

Одна в главнейшем храме своей религии, без детей, без бывшего мужа и бывшей свекрови, она бродила как чужая по родному дому веры, к которой принадлежала всю свою жизнь. О, как она любила папу Иоанна XXIII! Как американка итальянской крови, она хорошо понимала происхождение этого папы и историю его жизни. Он родился в многодетной семье бедного фермера у подножия итальянских Альп. Когда в 1958 году он стал понтификом, Чичи смогла почувствовать глубокую личную связь с католической церковью, ведь в ее главе теперь встал обычный священник из простых, а не принц благородных кровей. Но ничто из этого больше не имеет значения, думала она, гуляя по собору. Теперь она изгнана из своей церкви, отстранена от таинств, которые так высоко чтит. Когда завершился ее брак, закончились и отношения с верой ее предков. Вот еще одна вещь, которую у нее отнял Тони Арма, – и Чичи предстояло разобраться, почему она ему это позволила.

В бежевом летнем костюме, парадной рубашке в цветочек, аскоттском галстуке и кремовых мокасынах с кисточками, Тони стоял в

лучах софитов на сцене ночного клуба «Пещера сокровищ» в Неаполе, штат Флорида. К весне 1968 года ему стукнуло пятьдесят два. К этому времени поток предложений сниматься в итальянском кино иссяк, а большие гастролы с оркестром его имени пришлось отменить – билеты не продавались. Ли стала находить ему ангажементы в гостиницах, куда его приходили послушать люди, ностальгировавшие по музыке эпохи биг-бэндов.

Дора сидела за кулисами и читала «Коррьере делла сера», потягивая эспрессо. Ответственная, всегда готовая поддержать мужа Дора сопровождала Тони на гастролях и находила способы занять себя, пока муж давал по два концерта за вечер в малых залах роскошных отелей, рассыпанных вдоль флоридского побережья. Каждый раз, уловив слухом произнесенное Тони со сцены слово «жена», она откладывала свое занятие и прислушивалась. Оказывается, и для нее тоже Тони Арма оставался неразрешенной загадкой.

Тони направился к инструменту. Голубой луч прожектора проводил его до самого изгиба глянцево поблескивающего черного рояля «Стейнвей». Пианист вплеп в свою импровизацию перед началом исполнения первые аккорды новой баллады, которую Тони этим вечером вводил в программу.

– Знаете, за каждой песней кроется история, – начал Тони. – После моего развода со второй женой – кстати, очень милая девушка, у нас просто не сложилось – моя импресарио послала меня в Италию сниматься в фильмах жанра «спагетти-вестерн». И именно там я повстречался с настоящей красоткой, моей женой Дорой Альфеденой, известной в Италии актрисой. Она покорила мое сердце. А вы ведь знаете, у меня трое детей от другой потрясающей женщины, Чичи Донателли.

В клубе раздались редкие аплодисменты.

– У Тони и Чичи была хорошая карьера, – продолжал Тони. – Многие из песен, которые я записал на пластинки, сочинила именно Чичи. Когда в прошлом месяце моя прекрасная мама отошла в мир иной, то клянусь, мне казалось, что мир вокруг меня рушится. Мама была добрая, порядочная и настоящая красавица. Она жила в Риме вместе со мной и Дорой. И вот тогда я позвонил Чичи и за пару часов

сумел выразить свои мысли, и мы вместе написали эту песню. Мы назвали эту балладу *Rosaria il mio cuore*^[98].

*Сегодня словно свет не тот,
Красный померк, синий поблек,
И солнце будто гаснет...
Розария, душа моя Розария, сердце мое.*

*La luce nel mondo e cambiata oggi
I rossi erano opachi, i blu erano grigio
Il sole stesso sembrava svanire
Rosaria, il mio cuore, Rosaria, il mio cuore*

12

1978–1987

Inquieto^[99]

Двадцатишестилетний Леоне Арма вошел в гримерку матери за кулисами телепередачи «Сегодня вечером» с букетом подсолнухов и алых роз.

– Это тебе, Ма. Из лучшего цветочного магазина Бербанка. Ты выглядишь великолепно.

– Это неправда, но я притворюсь, что верю. И цветы тоже давай, – сказала Чичи.

Она сидела перед зеркалом в длинном пеньюаре.

– А где Па?

– Общается с продюсером, как его... Питер Лазалли, кажется?

– Все правильно, – подтвердил Леоне. Он и правда походил на молодого льва^[100]: роскошная темная кудрявая грива, материнские глаза и отцовский нос, каким он был до операции. А еще ему достался музыкальный талант обоих родителей. – Вот видишь, ты снова отлично вписываешься в мир шоу-бизнеса.

– Да нет. Я рада, что отошла от дел – от подобных мероприятий уж точно. Ничего не могу толком запомнить, голова как решето. Если повезет, то, по крайней мере, вспомню, в каком регистре петь. Надеюсь, я не обрушу рейтинги мистера Карсона. Пол-Америки включит передачу, увидит на экране старую каргу и немедленно переключится на Дика Каветта. – Чичи припудрила лицо. – И правильно сделают. Нечего тут видеть, кроме упадка цивилизации.

Леоне рассмеялся.

– Ма, просто будь самой собой. Ты забавнее любого комика.

– Ну да, Лео, как раз это любая женщина мечтает услышать.

– Мне нравятся женщины с чувством юмора.

Тони забарабанил по двери гримерки.

– Ты одета? – спросил он из-за двери.

– Заходи уже, – ответила Чичи, и Тони вошел.

– Привет, папа! – Леоне обнял отца.

– Итак, Чич, большую часть времени ты будешь справа. Они там клеят на пол розовую изоленту для тебя, черную для меня. А когда будем танцевать, не выходи за пределы синей ленты.

Тони подтянул шелковый пояс под черным смокингом и поправил кольцо на мизинце. Комнатка наполнилась запахом одеколона «Брют». Тони потел и источал одеколоновые пары.

Чичи посмотрела на него в зеркало.

– В танце вести будешь ты, тебе и следить за лентой.

– В танце ты всегда слишком расходишься. И вертишься. А когда ты вертишься, то размахиваешь конечностями, и в итоге рука или нога выйдут из кадра.

– Аллилуйя! Тогда пусть меня вырежут из кадра, да и вообще из передачи! – воскликнула Чичи, вскидывая руки жестом древнегреческой богини.

Тони переполошился.

– Слушай, не уходи, ты все испортишь!

– Леоне, подай отцу липучку. Он будто кувырчался в кошачьем лотке. – Чичи дала сыну ролик для чистки одежды.

– Я с кошечками больше не общаюсь, я ведь женат.

– А я сказала – кошачий лоток, а не кошечки. Попался! И не впервые. Впрочем, ничто уже не ново под солнцем.

– Ма, эту реплику надо бы вставить во время выступления, когда Джонни пригласит вас сесть на диван. Она гениальна.

– Еще неизвестно, пригласят ли нас на диван. – Тони поправил воротничок. – Если твоя мама допляшется до того, что выскочит из кадра, нас никогда сюда больше не позовут. Так что не стоит слишком надеяться.

– Нашел о чем беспокоиться. Лично я уже ни на что не надеюсь, – вздохнула Чичи, брызгая на свои волосы лаком «Аква Нет».

– Святые угодники, Чич! Мы тут все поумираем от рака легких из-за твоей брызгалки.

– Ты хочешь, чтобы с меня сыпались волосы, когда мы будем петь?

– Нет.

– Тогда просто не дыши. – Чичи снова окатила прическу лаком.

– А во что ты будешь одета? – спросил Тони.

– Это сюрприз, – отрезала Чичи.

– Но мы будем сочетаться?

– Сочетаться? Ты же в смокинге. Зачем нам сочетаться?

– Потому что раньше, когда мы выступали, наша одежда сочеталась. Зрители будут ожидать того же сегодня.

– Эти зрители за концерт не платят. Мы на телевидении. Сегодняшняя передача – вроде телемарафона, только сборы исключительно в твою пользу.

– У тебя какие-то проблемы, Чич, – сказал Тони. – Причем большие.

– С чего бы это, а?

– Послушайте, перестаньте! – твердо вмешался Леоне. – Подумайте об этой минуте. Подумайте, какой долгий путь вы прошли и чего добились. Это ведь так здорово. Вас покажут по телевизору в шоу Джонни Карсона, и вы исполните ту самую песню, с которой все началось. Так что уж, пожалуйста, постарайтесь радоваться! Жизнь такая короткая.

– Особенно когда ты стар, – отозвалась Чичи.

– Мы не старые! – возразил Тони.

Чичи посмотрела на бывшего мужа и почувствовала, что сочувствие к нему накрывает ее с головой, как гормональный прилив. Расплывшийся, в паричке, Тони был не просто стар – он мог сниматься в рекламе лекарства от старости.

– Хорошо, Тони, как скажешь.

– Я хочу, чтобы мои родители не ссорились, – продолжал Леоне. – Можете это устроить?

– Я могу, сынок, – сказал Тони.

– И я, – согласилась Чичи.

– Хорошо. Пойду разогреваться с оркестром. Ведите себя прилично. Папа, держись подальше от дивана, с него лезет ворс.

Тони начал нервно шагать по примерке.

– Не выходи за изоленту, Чич. Просто не выходи за изоленту. – Он хрустнул пальцами.

Чичи опустила тюбик с губной помадой.

– Ради бога, прекрати. Иначе я сниму туфлю, если только мне удастся стащить ее с ноги, и дам тебе по голове. Да останусь я за

лентой, останусь. Я вообще никогда не промахиваюсь.

Тони облегченно улыбнулся:

– Вот теперь мне спокойнее.

– А где Дора? – спросила Чичи.

– Дора не придет.

– Почему?

– Говорит, я заставляю ее нервничать. Ни с того ни с сего вдруг оказывается, что я раздражаю людей.

– Готова присоединиться к ее клубу.

– Ну да, мероприятие как раз в твоем вкусе. Соберешь против меня всех жен, трое против одного.

– Твою вторую жену никто не может найти. По слухам, она умотала в какую-то секту и теперь работает в «Дэйри Квин»^[101] в Меконе, штат Висконсин. Так что остались только мы с Дорой.

– Что-то не нравится мне, к чему ты ведешь.

– Потому что куда бы я ни вела, ты каждый раз теряешься, Тони.

– Ладно, я к себе в примерку. Ты начинаешь действовать мне на нервы.

– Не прошло и сорока лет! – крикнула ему вслед Чичи.

Тони захлопнул за собой дверь.

Чичи выпрямилась перед зеркалом и наредила губы. Закончив эту операцию, она улыбнулась зеркалу.

– Шестьдесят лет! Хоть бери и убивайся. У меня больше морщин на лице, чем строчек в первом акте «Гамлета». Я выкурила всего пару сигарет за всю жизнь, а выгляжу, как будто дымила без продыху. Ну и где справедливость?

Чичи выскользнула из пеньюара и надела просторное платье от Кловиса Раффина. Оно было взято напрокат в универмаге «И. Магнин», и Чичи аккуратно спрятала ценник за воротом.

В примерку заглянула Санни:

– Ма, да ты кинозвезда!

Она прошла в комнатку, а за ней и Розы. Близнецы надели блузки в народном стиле и длинные юбки, дополнив ансамбль сандалиями на плоской подошве. Волосы обеих были коротко острижены.

– Отличная прическа, Ма, – сказала Розы.

– Спасибо за поддержку, девочки, а то меня сейчас стошнит от волнения.

– Ну да, ты ведь так давно не выступала вместе с папой, – понимающе кивнула Роза.

– Как тебе кажется, сможешь это сделать без нервного припадка? – спросила Санни.

– Не знаю, – сказала Чичи, застегивая серьги. – Но даже если нет, передаче в любом случае обеспечен успех.

– Мы с большим удовольствием приветствуем в нашей студии Тони и Чичи Арма, – начал Джонни Карсон. – В эпоху биг-бэндов, еще совсем юными, этот знаменитый дуэт исколесил с концертами всю страну. Сегодня они согласились ненадолго воссоединиться на нашем шоу. Встречайте – Тони и Чичи!

Занавес, состоявший из ярких полос кобальтового, лососевого, изумрудного, рубинового, золотистого и лилового цвета, раздвинулся, как цирковой шатер перед руководителем труппы.

Тони и Чичи вышли на сцену, держась за руки. Затем Тони направился налево, а Чичи направо. Ее уложенные в высокую прическу черные как вороново крыло волосы эффектно оттеняли платье, затканное розовыми, ярко-сиреневыми и оранжевыми завитушками. В пальцах она крепко сжимала кухонную скалку.

Их диалог сопровождался негромким шорохом барабанных щеток.

Ты где был, Тони?

Да поблизости, Чичи.

Поблизости от кого?

Просто поблизости.

Что мне с тобой делать, Тони? Ходить за тобой везде?

Неплохая мысль, Чич.

Значит, скалка тебя больше не пугает?

Не особо.

Не особо? Но ты ведь меня все еще любишь, правда, милый?

Не особо.

Вступили трубы и скрипки.

Тони шутливо погрозил пальцем бывшей супруге, и они запели.

Жена:

Мой инструмент,

Муж:

Ее инструмент,

Жена:

Его инструмент,

Вместе:

*Наш инструмент —
Скалка моей мамыши.*

Жена:

На венчании в церкви была красота,

Муж:

У ней на пальце брильянт, на макушке – фата.

Жена:

Поп говорит: «Так да или нет?»

Вместе:

*«Да!», «О да!» – был наш общий ответ
Скалке моей мамаше.*

Сердце Чичи колотилось, как в прежние времена, хотя она уже давно не была влюблена в Тони. Сейчас она испытывала примерно то же чувство, с которым приходишь в дом, который давным-давно продал, дом, где когда-то был счастлив. Ты проходишь по комнатам, где лежат вещи другой семьи, стены покрашены в новые цвета, даже запахи иные, и этот дом одновременно до боли знаком и совершенно чужой.

Чичи заглянула в глаза мужу и увидела в них нечто новое, а ведь она думала, что знает его как облупленного. Тони Арма был ей благодарен. Вот что ее так тронуло, вот отчего ее сердце забилося сильнее. Некогда они что-то значили друг для друга, и он это вспомнил.

– Поприветствуйте нашего сына Леоне! – крикнул Тони в сторону оркестра.

Телекамеры повернулись, чтобы показать Леоне, и тот задудел в свою трубу, как будто намеревался одним ее звуком распахнуть небесные врата.

– Мой сынишка, – гордо сказал Тони.

– Талант у него от меня, – заявила Чичи.

– Это кто сказал?

– Это я сказала.

– Зато красота у него от меня.

– Это кто сказал?

– Это сказал мой шнобель! – вставил из оркестра Леоне, повернулся в профиль и протрубил.

Джонни одобрительно засмеялся. Сидевшие в студии зрители, большей частью ровесники Тони и Чичи, тоже оценили их шуточный диалог. Ведь с этой песней к ним возвращалась довоенная юность. Они расслабились под звуки музыки, и ее настроение возродило давно прошедшие дни, когда низкое палящее солнце над побережьем Джерси сияло так ярко, что в тени не оставалось ничего, даже их воспоминаний.

Чичи и Тони ненадолго вернули все обратно – тот отрезок жизни, который прошел между Второй мировой и настоящим временем, и

многих слушателей эта песня перенесла прямиком в то ушедшее былое, когда они впервые влюбились, когда оплакали мать и когда питали большие надежды. В те дни они верили, что еще успеют воплотить свои мечты. Когда группа медных духовых встала и затрубила мелодию из эпохи биг-бэндов, Тони кожей почувствовал всплеск энергии во всей студии. Интересно, в те годы музыка и правда звучала лучше – или все тогда казалось им лучше просто потому, что они были молоды?

Тони терпеть не мог слово «ностальгия». Оно означало, что его время прошло, что он певец из прошлого, который когда-то добился успеха, но больше не способен его повторить. То триумфальное возвращение на сцену, о котором он так мечтал, которое планировал и в котором нуждался, уже никогда не произойдет. Он подступался к нему со всех сторон, задействовал все свои связи, выкладывался на все сто в каждом концертном зале и соглашался на любые предложения, но так и оставался певцом средней категории. Да, новые пластинки хорошо раскупались, но продажи никогда не поднимались выше пятидесяти тысяч штук, и ни экземпляром больше, на американском и зарубежном рынках вместе взятых. Да, он способен выступать хоть круглый год и может открыть своим номером любой концерт в Вегасе. Все это весьма недурно, даже вполне доходно, если не опаздывать и не пропускать выступлений, следить за внешностью, не терять голос, не напиваться, умело обхаживать публику и возрождать ее былые чувства. Недурно – но недостаточно. А Тони Арме хотелось большего.

Пока Тони пел свою партию, Чичи подбрасывала в руке скалку на манер полицейской дубинки, а стоило ему выйти на авансцену впереди нее, она замахнулась на него сзади. Зрители взревели от восторга. Чичи быстро отдернула скалку, когда Тони повернулся к ней лицом, и стала крутить ею в воздухе с невинным видом, как будто готовила ему свежие макароны для воскресного обеда или тесто для пирога со сладкой мичиганской черешней. Все это было понарошку, комедийный номер, но все равно смешно, а живая реакция зала поддержала дуэт.

Чичи удивилась, когда во время проигрыша Тони обнял ее. Он уже много лет этого не делал – уж точно перестал с тех пор, как у них начались семейные трудности. Тони кружил Чичи по отполированному линолеуму, и их тела двигались в одном ритме. Ноги Чичи едва

касались пола. Она казалась себе невесомой. Так они и плыли вдвоем, поднимаясь выше музыкальных нот, будто облачко дыма.

Чичи прикрыла глаза и позволила себе насладиться великолепными звуками медной трубы. Трубач мощно вывел свое соло, затем плавно влился обратно в оркестр, триумфально взорвавшийся всплеском веселья. Ах, как она любила музыку свинга – всегда любила.

Когда они расцепили объятия, чтобы спеть последний куплет, Чичи отошла направо. Их голоса гармонично переплелись:

*Хочешь верной и вечной любви —
Делай как мы, никуда не смотри,
Муж и жена – одна сатана,
Если супруга вооружена
Скалкой своей мамашки.*

Чичи собиралась было поклониться, но тут Тони шагнул на авансцену. Этого они не репетировали. Чичи замерла с занесенной в воздух рукой.

Оркестр шоу «Сегодня вечером» сыграл музыкальную фразу из песни.

Чичи не знала, куда ей деваться. Песня вроде бы закончилась. Ни о какой интерлюдии речи не было. Она посмотрела на стоявших в кулисах продюсеров – те, похоже, наслаждались номером.

Она не могла решить, оставаться ей или уходить. Тони стоял к ней спиной, так что в итоге она не сдвинулась с места и заставила себя улыбнуться. Тони покачивался в такт музыке. Учитывая, сколько им было обоим лет, ее мысли приняли определенный оборот и замельтешили в голове, как бегущая строка: *А вдруг у него инсульт? Или он забыл окончание? Чего он ждет? Нас передают в прямом эфире по всей стране, от одного океана к другому. И зачем я только сюда пришла!*

Уже в отчаянии, Чичи посмотрела на Джонни Карсона. Тот спокойно выдувал колечки дыма из своей сигареты, как будто все шло по плану. Эд Макмахон изучал какие-то бумаги. Фред де Кордова

улыбался из кулис. Чичи задалась вопросом, не у нее ли проблемы со здоровьем, в таком случае? Может быть, это она что-то забыла?

Камера Б подъехала ближе к Тони, а музыка заиграла под сурдинку на фоне его речи:

– Леди и джентльмены, не знаю, помните ли вы, как я познакомился с матерью моих детей. Случилось это над миской макарон в Си-Айле, Нью-Джерси, когда мы были еще совсем молоды.

Барабанщик ударил по малому барабану, затем по тарелкам.

– Мы по-прежнему молоды душой, – продолжил Тони.

Чичи недоуменно покачала головой. Значит, Тони решил покаясничать. Ладно. С этим она справится без труда.

– И с тех пор съели не одну тарелку макарон под соусом...

– Я гляжу, ты пообщался со своим брючным ремнем? – сымпровизировала Чичи.

Зал взорвался смехом.

Тони сердито взглянул на нее.

– Но вот чего вы не знаете, – обратился Тони к передним рядам зрителей. – С записью «Скалки моей мамаша» нам помог широко известный в узких кругах ансамбль из Си-Айл-Сити, трио самых хорошеньких девушек, которых Господь Бог создал по эту сторону Вечного города, – и я не о Ньюарке говорю. Леди и джентльмены, поприветствуйте вместе со мной Барбару и Люсиль, которые вместе с Чичи были и навсегда останутся *Сестрами Донателли!*

Подготовка к этой новости была сделана настолько искусно, что зал взорвался дикими аплодисментами. Заинтригованный Джонни выпрямился, а разноцветный занавес снова раздвинулся, пропуская Барбару и Люсиль. Взявшись за руки, они направились к сестре.

Чичи не сдвинулась с места в круге света. Она укоризненно покачала головой, глядя на бывшего мужа и грозя ему микрофоном, как скалкой.

Барбара была облачена в просторное нейлоновое платье салатного цвета с тюрбаном в тон, а Люсиль надела широченные бирюзовые брюки и ярко-розовое болеро – они отлично смотрелись с ее коротко подстриженными седыми волосами.

– Сюрприз! – прошептала Барбара.

Оркестр шоу «Сегодня вечером» снова заиграл.

– Клянусь, мы репетировали! – добавила Люсиль, уже начавшая потеть под софитами.

Рабочие сцены выкатили стойки с микрофонами и поставили их на отметки на полу. Барбара и Люсиль заняли свои места.

Прежде чем Чичи успела сбежать за кулисы, к ним присоединился Тони. Все три камеры повернулись к исполнителям.

– Ах ты сукин сын, – прошипела Чичи в сторону Тони, натужно изображая улыбку.

Он запрокинул голову и расхохотался.

– Просто пой, Чич, – сказал он.

Тони взял ее за руку. Две телекамеры откатились на авансцену и повернулись к Тони и Чичи, а третья сфокусировалась на Люсиль и Барбаре.

Зазвучала музыка, и последние сорок лет будто унесло волной, а вместе с ними ушла и вся копившаяся годами печаль, все остатки старых обид, все несбывшееся, все «ах, если бы» и «только бы» – ненадолго, не навсегда, а лишь пока играл оркестр. А что же они пели? Да просто повторили припев «Скалки моей мамаше».

Похоже, зрители соскучились по памятным ориентирам прошлого, будто находя в них подтверждение – да, их блистательная молодость когда-то действительно *была*. Как-никак эпоха свинга принадлежала именно им, и с тех пор больше не возникло ничего подобного. Они выиграли войну, создали новый образ жизни и дожили до этой самой минуты. Когда песня закончилась, зал разразился оглушительными овациями.

Под новые аплодисменты режиссер-постановщик увел за кулисы махавших публике Люсиль и Барбару. Джонни подал знак Чичи и Тони присоединиться к нему на диване.

Тони настаивал, чтобы Чичи заняла место в кресле, предназначенном для главного гостя. Но она отказалась, и в кресло опустился Тони, предварительно убедившись, что Чичи удобно устроилась в центре дивана. Началась рекламная пауза.

– Умереть не встать, – восхищенно покачал головой Джонни.

Они поблагодарили его. Продюсер утащил ведущего куда-то за сцену.

Тони повернулся к Чичи.

– Впервые даю интервью на телевидении, – признался он.

Чичи сладко улыбнулась зрителям.

– Наслаждайся, пока можешь, – проговорила она сквозь сжатые зубы. – Когда все это закончится, я тебя придушу своими руками.

Тони ухмыльнулся, потянулся к ней и похлопал по руке. Пот все еще катил с него градом после танцевального номера, и Чичи уже успела позвать гримершу, чтобы промокнуть ему лицо. Девушка занялась Тони.

– Какая вы красотка, – сказал он ей, – вылитая Конни Стивенс.

Явно чувствуя неловкость, гримерша вежливо посмеялась.

– Хватит, дедуля, – сказала Чичи, подмигнув девушке, которая теперь водила пуховкой по ее лицу. Когда та ушла за кулисы, Чичи крикнула ей вслед: – Не бойтесь, он плохо видит, плохо слышит, а по ночам то и дело встает пописать.

– Ты никогда не позволяешь мне развлечься, – протянул Тони.

Чичи оставила его реплику без ответа. Карсон вернулся, и Чичи устремила взгляд в зал. Ведущий поприветствовал телезрителей после рекламной паузы.

Тони начал с шутки, показав на Чичи пальцем и повторив на камеру:

– Она никогда не позволяет мне развлечься!

– Ты уже столько наразвлекался, что дальше просто некуда, – сухо парировала Чичи.

Зал рассмеялся – главным образом женщины, как заметила Чичи.

– Ну вот, теперь все поймут, почему мы с тобой развелись, – театрально вздохнул Тони.

– Поймут – и что с того? Какое им до этого дело, Тони? – спросила Чичи, постучав пальцем по щеке.

– Мне есть до этого дело, – вставил Джонни.

– Какая прелесть, – сказала Чичи в камеру с совершенно серьезным лицом. – Вы спросите, спросите у него, чем он занимался. Это вам все объяснит.

– Расскажите нам, чем вы занимались, Тони, – предложил Джонни.

– У меня есть зал в отеле «Сэндс» в Вегасе, – начал Тони.

– Уже лет десять как?

– Да, только это не постоянно. Программа у нас хорошая, есть пара ребят из моего прежнего гастрольного ансамбля, ну и несколько

девушек оттуда же.

– Куда же без девушек, – промурлыкала Чичи, приглаживая платье.

– Хорошо, что ассистент отобрал у вас скалку, – ухмыльнулся Джонни.

– Правильно сделал, – кивнула Чичи.

– Насколько я понимаю, ходят слухи, что вы подумываете воссоединиться и снова выступать дуэтом? – продолжал Джонни.

– Да, – подтвердил Тони.

– Нет, – покачала головой Чичи. – Видите ли, Джон, проблема в том...

– Проблема у нас всего одна, Джон... – вставил Тони.

– Всего лишь одна? – оборвала его Чичи.

– Чич, ты серьезно? Вся страна на нас смотрит!

– А что такого? Порядочные люди уже в постели, а кто же откажется, чтобы их вечер испортили хорошей ссорой? – И она мило улыбнулась.

– Зрители ведь пытаются расслабиться, отдохнуть.

– К тому времени, как я с тобой разделаюсь, они расслабятся дальше некуда, – пообещала Чичи.

– Да в чем же твоя проблема? – спросил Тони.

– Собственно, проблема вовсе не моя.

– Нет, твоя.

– Это ты так думаешь.

– Так в чем же проблема, Чичи? – поинтересовался Джонни.

– У проблемы Тони много имен, Джон, – Дорис, Шейла, Конни, Нэнси, Диди... Мне продолжать?

– Лучше не надо, – сказал Тони.

– Моему бывшему мужу нравятся женщины, но с тех пор, как он стал бывшим мужем, меня это уже не волнует.

– И именно поэтому я бывший муж – во всяком случае, по ее версии.

– Поэтому и только поэтому. Он прекрасный отец и, если закрыть глаза на походы налево, вполне недурной муж. Не особо рукастый, но с этим я справлялась сама, так что все шло неплохо.

– Вы ведь повторно женились, не так ли? – спросил Джонни у Тони.

– Дважды, – ответила за него Чичи.

– Он у меня спросил! – возмутился Тони.

– Даже трижды, если посчитать меня, – продолжала Чичи.

Зрители рассмеялись.

– Тебя я больше в жизни не посчитаю, – буркнул Тони.

– Ну и не надо, – отмахнулась Чичи. – Но чековая книжка-то все равно у меня.

– Правда? – удивился Джонни.

– Так и есть, – признал Тони.

– А как же так вышло? – поинтересовался Джонни.

– Она всегда хорошо управлялась с цифрами. И потом, у нас дети.

Мы хотели подстраховаться, чтобы все заработанное непосильным трудом не оказалось пущенным по ветру.

– Вот как, – заинтересованно заметил Джонни. – Очень современно!

– Мы ведь одна семья, Джон, – сказала Чичи. – А семья – это навсегда.

Зрители выразили свое одобрение возгласами и аплодисментами. Чичи затронула болезненную тему: все поняли, о чем она говорит. Она перевела взгляд на бывшего мужа. Тони выглядел как человек, который уже много часов едет, сам не зная куда, но упорно отказывается остановиться и спросить дорогу. Она потянулась к нему, взяла за руку.

– Со мной все в порядке, – заверил он ее. – Все в порядке.

Прошел месяц после этой памятной передачи. Однажды, когда Чичи распечатывала объемистый конверт с письмами поклонников, отправленными для «Тони и Чичи» на адрес шоу «Сегодня вечером с Джонни Карсоном», зазвонил телефон.

– Миссис Армандандо? – спросил незнакомый голос.

– Армандонада. Да, это я.

– Это отделение скорой помощи при больнице Святого Викентия в Гринвич-Виллидж.

Сердце у Чичи упало.

– Что-нибудь случилось с Тони?

– Нет, мэм, речь о вашем сыне, Леоне.

Чичи была так напугана, что выбежала из квартиры на Граммерси-парк, схватив сумочку и ключи, но забыв запереть дверь.

Выходя из такси у больницы несколькими минутами позже, она протянула шоферу пятидесятидолларовую банкноту и не стала дожидаться сдачи. Распахнула дверь больницы и бросилась к стойке регистратуры.

– Мне позвонили насчет моего сына, Леоне Армандонады.

Чичи провели в комнату для совещаний на втором этаже. Вошла монахиня в сопровождении полицейского.

– Что с моим сыном? – выкрикнула Чичи.

Монахиня налила Чичи стакан воды и усадила ее у стола. Полицейский сел напротив.

– Понимаете, миссис Арма, у Вест-Сайдской трассы сейчас идет стройка, – начал он. – Сегодня около Западной 57-й улицы и тамошнего подземного перехода произошла авария, довольно серьезная. Наши ребята направились туда, и карета «скорой помощи» тоже. Но прежде чем мы добрались, ваш сын – он ехал в северном направлении, как раз сворачивал с 57-й улицы, заметил аварию и остановился. Он увидел пострадавших и вышел из своего автомобиля, чтобы оказать им помощь. Двоим пассажирам он помог выбраться из машины и забраться на леса вокруг стройки, чтобы на них никто не наехал. Затем он вернулся обратно помочь водителю пострадавшей машины, но тут его сбил ехавший по трассе автомобиль. Он скончался на месте.

Чичи сдавило горло, она не могла дышать. Монахиня поблагодарила полицейского и попросила его уйти.

Справившись с дыханием, Чичи сказала:

– Я хочу видеть моего сына.

Она произнесла это так уверенно, что монахиня не стала спорить и провела Чичи в расположенный в подвале больницы морг. У стеклянной двери морга Чичи остановилась и прислонилась к стене. Она расплакалась и сползла на пол. Монахиня опустилась на колени рядом с ней.

– Вам вовсе не обязательно на него смотреть, – тихо сказала она.

– Нет, я хочу его видеть. – Чичи взяла себя в руки и встала с помощью монахини.

– Его еще не успели подготовить, миссис Арма.

– Я понимаю, – сказала Чичи, собираясь с духом.

В морге они подошли к единственному занятому столу. Монахиня подозвала зрителя, и тот бережно отвернул простыню. Лицо Леоне было залито кровью, но зубы и нос не пострадали. Он выглядел неожиданно умиротворенным, даже блаженным. Леоне погиб, совершая доброе дело – пытаясь спасти чью-то жизнь.

– Сыночек! – вскрикивала она, целуя и целуя его лицо, пока ей это позволяли.

Время от времени она отстранялась, чтобы посмотреть на сына, запомнить в мельчайших подробностях. Он выглядел так же, как в день, когда вышел из ее чрева, – измазанный кровью; убийственная ирония: в смерти ее ребенок будто только что появился на свет. Но, как и в тот далекий день его рождения, они были вместе, мать и сын, наедине друг с другом.

Этот ребенок никогда не доставлял родителям беспокойства. Он был миротворцем. Возможно, он хотел научиться играть на пианино по каким-то собственным причинам, но Чичи догадывалась, откуда росли корни этого стремления: он искал способ оказаться ближе к Саверио, стать частью отцовской жизни, оставаться рядом с родителями, сначала учась музыке у матери, а впоследствии – терпеливо высиживая часы репетиций, когда Тони пел снова и снова одни и те же песни, а его преданный сын аккомпанировал ему, не жалуясь на усталость. А когда пианино оказалось недостаточно, чтобы проводить побольше времени с отцом, Леоне начал учиться скрипке и так далее, пока не освоил все инструменты в оркестре.

Каждый день своей жизни Леоне старался сблизить членов своей семьи, собрать их снова воедино. Он инстинктивно понимал, что его мать и отец должны любить друг друга, что семья должна оставаться сплоченной, что им надо поддерживать друг друга, действовать вместе – и тогда семья станет счастливой.

– Быть твоей матерью было честью для меня, – прошептала Чичи.

Она опустилась на колени у тела сына и перекрестилась, молясь всей душой, чтобы ее отец подждал ее сына на той стороне и заключил его в объятия. Ей не было нужды просить Бога принять Леоне в Царствие Небесное: она понимала, что Всевышний лишь ненадолго одолжил ей этого мальчика, чтобы научить их семью – их несовершенную, страдающую от обид семью – находить радость, где это только было возможно, и исцеляться, когда это было необходимо.

Он столько сделал для этого за свою короткую земную жизнь, заставляя их смеяться и помогая им видеть друг в друге хорошее.

Монахиня тронула Чичи за плечо.

– Пора, – мягко проговорила она.

Покидая морг вместе с монахиней, Чичи взглянула на циферблат. Она провела с сыном почти три часа и осталась бы с ним до конца своей жизни, если бы монахиня позволила.

Снова задребезжал дверной звонок. Чичи лежала в постели и не желала открывать. Она уже успешно проигнорировала телефон, звонок швейцара по домофону, надоедливый стук в дверь, а теперь и электрический звонок, который не прекращался, совсем как дзиньканье лифта в универмаге «Сакс»^[102] перед Рождеством. Чичи не без опасения подумала, что следующими явятся пожарные и станут выламывать дверь топорами.

– Убирайтесь! – крикнула она, не вставая с кровати.

Трезвон прекратился.

Чичи села, внезапно вспомнив, что у нее есть дети. А вдруг она нужна Розе или Санни? Что она за мать, если не отвечает ни на телефон, ни на звонки в дверь, ни на стук? Она схватила халат, лежавший у нее в ногах, накинула его и отворила дверь.

– Боже мой! Джим?

– Прими мои соболезнования, Кьяра.

– Это ты звонил по телефону?

– Да. И в дверь стучал, и в домофон звонил. Я испугался, что с тобой что-то случилось.

Чичи посмотрела на старого друга:

– Видишь ли, Джим, что-то действительно случилось. Ты не войдешь?

– Войду. Спасибо за приглашение.

Густые волосы Джима совсем поседели, но в остальном он почти не постарел.

– Я ужасно выгляжу, – извинилась Чичи.

– Ты выглядишь отлично, – возразил Джим.

– Джим, ты хороший человек, но лгун совсем неумелый.

Джим рассмеялся, но тут же посерьезнел.

– Мне очень жаль, что меня не было рядом с тобой, когда погиб Леоне, – сказал он.

– А я, напротив, рада, что вышло так. Заупокойная месса была скромная, после нее – кремация. Мне еще нужно будет отвезти его прах в Италию, но я пока не решила когда. Спешить некуда.

– Спешить некуда, – согласился Джим.

– Он оставил целый перечень указаний – можно сказать, своеобразное завещание. И через полгода, – тут Чичи уронила голову на руки и заплакала, – через полгода нужно устроить в ресторане вечеринку в его честь. Можешь себе представить? Он и это предусмотрел. И ведь понятия не имел, что скоро умрет.

– А может, и подозревал.

– Я тоже задаюсь этим вопросом. Знаешь, ведь я это предчувствовала. С того самого дня, когда он родился, я знала, что будет так. Правда, странно, как это складывается? Едва дети рождаются, ты уже все о них знаешь. Видишь, кем они станут, и хотя делаешь все, что в твоих силах, чтобы изменить определенные вещи, или думаешь, что можешь повлиять на ход их судьбы, давая им уроки игры на пианино, убеждая подрабатывать на каникулах или заставляя постричься, ничто из этого не имеет значения. Они идут по собственному пути, и судьба их сложится так, как суждено, и никакая материнская любовь не способна этого изменить.

– Эх, если бы...

– Он был таким славным юношей.

– Как же иначе. Ведь он был твоим сыном.

– Моим единственным сыном.

– Ты с ним увидишься снова.

– Думаешь?

– Уверен.

– Я его постоянно зову. Знаешь, когда выпускаешь из себя младенца, он забирает с собой кусочек твоей души, появляясь на свет. Во всяком случае, я так думаю. И я молюсь, чтобы он снова меня нашел. Чтобы он узнал меня. Чтобы я снова могла прижать его к своей груди.

Джим обнял Чичи.

– Обещаю, все это будет, – сказал он.

– Я наделала столько ошибок, Джим.

– А я думаю, что нет.
– Мне надо было выйти за тебя.
– Ну, я-то, со своей стороны, старался.
– Знаю.
– Я теперь встречаюсь с одной очаровательной женщиной. Элизабет Финелли. Знаешь ее? Она работает в банке в Си-Айле.
– Да, – улыбнулась Чичи. – Она милая.
– Очень.
– Спасибо, что заглянул ко мне.
– Прости, что я был так настойчив, просто я переволновался за тебя.

– Нет-нет, я рада, что ты проверил, как я.

Чичи проводила Джима до дверей. Она потянулась к нему, чтобы чмокнуть в щеку, но он взял ее руку и поцеловал. Она закрыла за ним дверь и подошла к окну.

– Слышишь меня, Леоне? Это твоя мама. Я вылезаю из постели. Прошло шесть месяцев – на три месяца меньше, чем срок, который я носила тебя под сердцем. Но я больше не могу так продолжать. Не могу жить в темноте. Никто не дожидается, когда же я снова почувствую себя счастливой. Никто не ждет, пока я исцелюсь. Но я уже сама себе опротивела. Надо что-то делать с тем временем, которое мне еще осталось. Правда, мне потребуется твоя помощь.

Чичи прошла в ванную, включила свет и стала наполнять ванну водой. Наклонилась к зеркалу и взгляделась в свое лицо.

– Чичи Донателли, – произнесла она. – Сегодня начинаем все сначала.

Через год после смерти Леоне, согласно написанным его собственной рукой указаниям, Чичи и Тони устроили в Гринвич-Виллидж торжественный обед в любимом ресторане сына, «Розовая чашка». Ресторан не смог вместить всех пришедших, но это не имело значения – толпа гостей вылилась на улицу, и в этот миг Манхэттен превратился в городок вроде Си-Айл-Сити, чествующий рано оборвавшуюся жизнь юноши, у которого были любившие его добрые друзья и родственники.

Одетая в элегантный черный костюм и шляпку, Дора попрощалась с Люсиль и Барбарой, затем повернулась к мужу и сказала:

– Я возвращаюсь в квартиру. – Она поцеловала Чичи. – Очень сочувствую, Чичи. Он был чудесным сыном. Мне его не хватает.

– Спасибо, Дора. Ты была ему отличной мачехой.

Тони вышел на улицу и усадил Дору в такси.

Стоявшая в дверях ресторана Барбара переглянулась с Люсиль.

– Что это у них происходит? – негромко проговорила она.

– По-моему, третья жена вот-вот его бросит, – прошептала в ответ Люсиль.

– Как, и эта тоже? – удивилась Барбара. – А откуда ты знаешь?

Люсиль дернула головой в сторону столика у двери.

– Ну и что? – не поняла Барбара.

– Он спутался со своей массажисткой, – пояснила Люсиль.

– Ты серьезно?

– Вон она стоит, в белой юбке.

Барбара посмотрела на изящную, будто птичка, женщину лет шестидесяти: большие голубые глаза, жидкие белокурые волосы, очки в тонкой оправе.

– Совсем не в его вкусе, – заметила она.

– Барб, в какой-то момент наступает возраст, когда уже хватаешься за все, что дают.

– Да, наверное.

– О чем это вы болтаете? – присоединилась к ним Чичи.

– О Тони, о ком же еще?

– Он пришел с массажисткой, – подтвердила Чичи.

– Вот идиот, – покачала головой Барбара.

К ним подошел Тони.

– Как хорошо все получилось, – сказал он. – Необыкновенный он был ребенок.

– Я думаю, он знал, что ему не доведется состариться, – покачала головой Люсиль.

– Он что-то тебе об этом говорил? – спросил Тони.

– Ну а кто еще станет планировать свою панихиду, когда ему еще нет и тридцати? И как он догадался, что надо подождать с этим год, потому что тогда, как он написал, мать не проплачет всю панихиду напролет? И ведь оказался прав.

– Да, надо признать, что слезы у меня капали не совсем непрерывно, – улыбнулась Чичи. – Но я буду оплакивать Леоне вечно.

– Мы тоже, сестренка, – кивнула Барбара.

– Поднимешься наверх, Сав? – спросила Чичи. – Только предупреждаю – я не настроена тебя развлекать.

– Мы с тобой – всё, что у нас есть, – обнял ее Тони. – Мы знали нашего сына лучше всех, и, надо признать, мы и любили его больше всех.

– Леоне постоянно волновался на твой счет, а я старалась его успокоить.

– А я все думал, что однажды найду свое место. Место, где я открою дверь и скажу: «О, ну вот я и завершён, я все исполнил, и того, что здесь, мне достаточно».

– Но было не так?

– Какое-то время кажется, что все так и есть. Но потом то, что меня сначала привлекло, теряется. И тогда мне нужно уйти. По причинам, которых я не понимаю. И никогда не пойму, наверное.

Чичи и Тони вышли из лифта. Чичи отворила дверь в свою квартиру и пригласила Тони войти.

– Ты намерен развестись с Дорой?

– Она рвется на свободу.

– Потому что ты спутался с массажисткой.

– Детка, да я же просто немного сходил налево, подумаешь.

– Нет, Сав, ты не просто сходил налево, ты слишком далеко туда забрел. Ты изменил Доре, она тебя поймала на горячем, и, уж не знаю почему, на этот раз она не намерена терпеть и выгоняет тебя из дома.

– Я чувствую себя ужасно виноватым.

– Да ну?

– Ага.

– Я не могу исправлять все твои ошибки, Саверио.

– Но тебе же всегда это удавалось.

– А на этот раз нет. Твой брак – твои проблемы.

– Ты уже много раз меня спасала.

– Нет. Только однажды я помогла спасти человеку жизнь, и то давным-давно. – Она села на диван. – Знаешь, иногда мне снится тот мальчик. Я вижу его в воде. Прошлой ночью этот сон повторился. Обычно в нем я на пляже в Си-Айле, мне двадцать лет, я плаваю как рыба, и каждый раз во сне, когда я добираюсь до плота, там тот

мальчик, которого я спасла. Но прошлой ночью мне приснилось, что я подплываю к телу, а это наш Леоне. И я не смогла его спасти.

– Я хочу вернуться домой, – сказал Тони.

– Твой дом с Дорой.

– У нас не складывается. Я хочу вернуться домой, чтобы мы снова стали семьей. Я справлюсь, Чич, я знаю точно.

– Да к тому времени, как мы разберем твой багаж и я поставлю кофе, ты уже будешь метаться и запросишься на свободу.

– Я изменился. Я теперь старше.

– Возраст не делает нас мудрее, всего лишь старше. Я ужасно устала. Надо же было, чтобы после всего, через что мы прошли, мы еще и сына потеряли.

– Ты о чем?

– Это мне в наказание за нерешительность. Я мечтала о другом. Я ведь вначале не хотела быть матерью, помнишь?

– Но потом это изменилось. Ты любишь наших детей.

– Ну да, я за них жизнь отдам. И я была им хорошей матерью, потому что мне самой досталась такая же. Но я знала, что рано или поздно мне придется ответить за свои честолюбивые мечты. И вот он настал, час расплаты. Все счета погашены. Надеюсь, тот, кому это было нужно, теперь доволен.

– Это был несчастный случай, Чич. Наш сын просто стал жертвой несчастного случая.

– Не бывает такого.

– Ты считаешь, что все это было предрешиено судьбой? Гибель нашего сына?

– С того самого дня, когда он появился на свет.

– Не верю, не могу я поверить такому.

– Ты просто барахтаешься, Саверио. Тебе нравится думать, что ты держишь все под контролем, но даже когда твоя рука на руле, управляешь всем не ты.

– Я больше не хочу быть с тобой в разлуке, – сказал Тони. – Мы создали его вместе. Я помню ту ночь, а ты?

– Да, я ее тоже помню. Но мы не умеем быть счастливыми вместе. Мы просто вцепляемся друг в друга в горе, но разве это любовь?

– Это часть любви. Но вместе мы бывали и счастливы.

– Иногда. – Чичи отвела взгляд. – Но все всегда заканчивается одинаково. Ты думаешь, что тебе нужна я, мы с тобой, мы все, но тебе не нужна собственно жизнь с нами. Будь оно иначе, желай ты именно семейной жизни, ты бы ни за что с нами не расстался. Но ты так никогда и не принял самого главного решения.

– Решения быть дома?

– Ты так и не решил, что для тебя по-настоящему священо. А когда не можешь решить, в итоге оказывается, что не священо ничто.

Он сунул руки в карманы. Теперь он стал Тони – он был Тони уже столько лет, но рядом с Чичи смокинг сбрасывался, оркестр исчезал, софиты гасли, микрофон отключался и он превращался просто в Саверио, того мальчишку, с которым она когда-то познакомилась. Все, что с ним произошло после Кьяры Донателли, случилось для того, чтобы ее оттолкнуть. Он не хотел любить ее слишком сильно, потому что верил, что на самом деле он *дурной, негодный человек*.

– Ты обратно в Вегас? – спросила Чичи.

– У меня концерт, – кивнул Тони. – И слава богу. Так я хотя бы не сойду с ума.

– Ты любишь петь, в этом нет ничего плохого.

– Ты думаешь, я еще могу помириться с Дорой?

– Конечно.

– Она меня любит.

– Мы все тебя любим, Сав.

– Знаю.

– Возвращайся сейчас же в свою квартиру, скажи ей, что вел себя как старый дурак и что просишь ее дать тебе еще один шанс. Она же итальянка, мы сталкиваемся с такими вещами с тех пор, как армия Ганнибала перешла Альпы. Все у вас наладится.

– Думаешь, она останется?

– Перед тобой кто же устоит?

Тони рассмеялся.

– Ты всегда говоришь то, что надо!

Тони все никак не мог попасть ключом в замок.

– Дай сюда. Ты так волнуешься! – прошептала женщина. Она взяла у него ключ, отворила дверь и вошла в его номер. Тони последовал за ней.

Апартаменты были обставлены с лас-вегасским шиком в темно-синих и клюквенно-алых тонах. Гигантская кровать стояла перед огромным, во всю стену, окном, выходящим на знаменитый бульвар Лас-Вегас. Женщина дернула шнурок, и шторы раздвинулись, открывая ночную панораму с мельтешащими неоновыми огнями.

– Сколько у тебя времени? – спросил Тони, включив свет и притушив его до полумрака.

– Автобус через два часа, – ответила Черил. Она подошла к Тони и обняла его. – Я собиралась сыграть в блэкджек после концерта, но это куда лучше.

Она попыталась развязать его галстук-бабочку, но ничего не получалось. Он развязал его сам, затем снял смокинг.

– Я никогда не переставал думать о тебе, – сказал он.

– Тебя, наверное, удар хватил, когда ты увидел меня в переднем ряду, – усмехнулась она.

– Точнее будет сказать – чуть не захлебнулся. Меня захлестнули воспоминания.

– Ты всегда умел красиво говорить. – Черил Домброски отошла на шаг и изучила Тони, пытаясь соединить этого артиста с образом мальчика, которого она помнила с хоров в церкви Святого Семейства. – Неудивительно, что ты достиг такого успеха.

– Иди ко мне, – произнес Тони, беря ее руки в свои.

– А ты по-прежнему обо мне думаешь?

– Еще бы, Черил. Все эти годы. Ты же разбила мне сердце, когда мы были еще детьми. В ту ночь, когда ты обручилась, я был совершенно раздавлен.

Тони хорошо помнил Черил Домброски. Ее появление в Вегасе было знаком судьбы, не меньше. Тони часто встречались люди, с которыми он когда-то гастролировал, но детройтские знакомые редко приезжали на его концерты. Он часто гадал, как сложилась судьба у его первой любви.

– Прости меня. – От ее духов веяло лилиями, но стоило ей сбросить туфли, как Тони ударил в нос запах бальзама «Бенгэй». – За то, что произошло в тот вечер, много лет назад, и за «Бенгэй» тоже прости. Мы ходили в зоопарк, и я прошагала миль десять, не меньше. Ноги просто отваливаются, икры тяжелые, как кирпичи. А с бальзамом я, похоже, переборщила. – Она потеряла ступни.

– Да уж, маршрут длинный. – Тони смешал для Черил коктейль. – А ты посмотрела на экзотических животных?

– Когда разболелись ноги, животные перестали меня интересоваться.

Тони протянул ей стакан с ромом и кока-колой.

– Забавно, как складывается жизнь, – сказала она. – Ты еще бываешь в Детройте?

– Не особо, – ответил Тони. – Иногда приезжаю, даю концерт-другой. Но все уже не то. А как тебе жилось в Саут-Бенде?

Черил задумалась.

– Ну, Рикки выдержал на заводе «паккардов» лет пять, а потом мы переехали на запад. Он восемнадцать лет проработал на производстве «боингов» в Калифорнии, а потом заболел.

– Сочувствую.

– У них в семье рак – частое дело. Все мальчики заболевают. Девочки живут до упора, а вот парни попадают к нему в клешни. У моего Рикки был рак легких. Умирал медленно. Это было чудовищно. Я ухаживала за ним до самого конца. Прошло лет пять, и дети сказали: «Ма, ну посмотри на себя. Фигура у тебя все еще ого-го, общаться ты любишь, чего же сидишь одна дома?» И тогда я познакомилась с Филом.

– А чем занимается Фил?

– Гольфом. Он на пенсии. Много лет проработал на складе запчастей в авиакомпании TWA. Я с ним познакомилась на вечеринке для одиноких католиков.

– А ты все еще поешь?

– После рюмки-другой. – Она поиграла кубиками льда в своем стакане. – Я следила за твоей карьерой все эти годы. Увидела тебя в «Шоу Майкла Дугласа», а я ведь понятия не имела, что ты там будешь, занималась домашними делами – у меня была большая стопка глажки, – и вот я глажу, вдруг вижу – в телевизоре ты! Так я себе руку припечатала утюгом. Страшно обрадовалась, прямо вне себя была от восторга.

– Могу себе представить. – Тони уселся на край кровати и похлопал рядом с собой, приглашая Черил присоединиться. Она села.

– Правда? – спросила она.

– Могу себе представить твой восторг. Именно это я чувствовал, думая о тебе в свои шестнадцать. Было Рождество. Я купил тебе золотую цепочку.

– А ведь ты мне ее так и не подарил, – застенчиво прошептала она.

– В тот сочельник ты сказала мне, что помолвлена.

– Это был потрясающий вечер.

– Не для меня.

– Нет, я хочу сказать – в том смысле, что моя жизнь изменилась навсегда.

– Ну, если посмотреть так, то и для меня это был вечер потрясений. Отец выгнал меня из дома, и все это, – он очертил рукой комнату, – началось. Эта карьера. Да нет, не карьера, нечто иное. То, что делаешь, потому что надо, а не потому что хочется.

– Из зала кажется, что тебе это нравится.

– На сцене да, я развлекаюсь от души. А вот все прочее время – нет. Мне ведь так одиноко.

– Ах ты мой малыш, – сказала Черил, потирая ту сторону бедра Тони, которая затекала чаще всего.

Он понял намек и поцеловал Черил. Он почти пятьдесят лет хотел ее поцеловать и сейчас поверить не мог, что утекло столько времени. Иногда казалось, что его детройтская жизнь промелькнула всего десять минут назад, а в иные разы – что все произошедшее до его пятидесятого дня рождения было с кем-то другим. Целовалась она недурно, но вдруг отстранилась. Может, вспомнила Филя, подумал Тони.

– А что с ней случилось? – спросила Черил, целуя его в щеку.

– С кем?

– С моей цепочкой. Той, которую ты мне так и не подарил. Ты заложил ее в ломбард?

– Я еще долго носил ее с собой.

– Ты, должно быть, по-настоящему меня любил. – Черил сняла жакет.

– Той любовью, которая бывает в шестнадцать лет. – Тони заметил, что грудь у Черил высокая и упругая, как у танцовщицы из кордебалета.

– Ну да, ну да. – Теперь Черил массировала его плечи.

– А много лет спустя я отдал ее горничной в одной гостинице в Бемиджи, штат Миннесота.

– Она была хорошенькая?

– В матери мне годилась.

– Ты, вероятно, обихаживаешь поклонниц любого возраста, – рассмеялась она, но тут же поняла, что задела Тони. – Прости, я не это имела в виду.

– Все было совсем не так, Черил. Мы с ней разговорились. Она недавно потеряла дочь. Я ее слушал и понимал, что мне нечего ей дать, нечего предложить. И тогда я вспомнил о цепочке и отдал ей ее. Сказал, что человек, который продал мне эту цепочку, утверждал, будто она выкована из золота, добытого в ливанских горах, и будто он пересек континенты и океаны, чтобы привезти ее мне, а значит, это особенная цепочка. И что мне трудно с ней расстаться, потому что каждый раз, когда я пытаюсь это сделать, я вспоминаю старого торговца. Но эта женщина поняла, что я пытался сделать, и с большим смирением приняла цепочку в память о своей дочери.

Черил и Тони сидели на краю кровати, потягивая напитки.

Потом Тони поставил свой стакан на пол. Черил еще раньше отнесла свой на тумбочку с телевизором. И тут она набросилась на Тони.

Сначала она сорвала с него кушак, за кушаком последовали рубашка, туфли, носки, ремень и брюки. Одежда слетела с Черил, как будто ее сдуло с веревки шквальным ветром. Для женщины лет шестидесяти пяти у нее была весьма впечатляющая фигура. Ей можно было дать всего сорок, а когда Тони снял очки, ему даже удалось вообразить, что они снова детройтские школьники. Впрочем, без очков он мог вообразить что угодно.

Ее волосы – теперь белокуро-рыжие – были уложены в высокую, облитую лаком прическу, и у Тони не получалось запустить в них пальцы, как ему хотелось. Но страсть в ее голубых глазах заставила его забыть, что волосы у нее жесткие, как проволока. Тони вспомнил, что в старших классах Черил состояла в школьной команде поддержки, где любила высоко подпрыгивать и исполнять всякие кунштюки – садиться на шпагат и демонстрировать особый прыжок, известный как «хэрки». Что ж, тогдашнюю ловкость она сохранила. Еще она то и дело его покусывала. Это напомнило Тони, что доставка еды в номера

работает до часу ночи, – он надеялся успеть с заказом ужина на двоих до того, как закроется кухня.

Черил предпочитала позу наездницы. Тони невольно подумал о своих любимых вестернах с Томом Миксом. Он вспомнил, как смотрел один из этих фильмов вместе с Черил и ребятами из Организации католической молодежи при церкви Святого Семейства, и стал гадать, помнит ли она тот поход в кино, но спросить не мог – его рот был занят. Через какое-то время – Тони не знал, сколько минут прошло, – Черил уже потратила уйму энергии, пытаясь доставить Тони удовольствие. Она двигалась на нем, как хорошо смазанный велосипедный насос, приговаривая: «Вот сейчас, вот-вот, вооот сейчас, сейчас, сейчас», и поначалу эта мантра, казалось, уговаривала, затем перешла в инструктаж, а в итоге стала звучать как приказ. Однако, несмотря на все усилия, Тони не достиг того, что требовалось; конечная точка так и осталась лишь в его воображении. Наконец Черил сползла с него и легла рядом на огромной кровати. Она хрипло дышала, будто взбежала на тринадцатый этаж, прыгая через две ступеньки.

– В чем дело? – спросила она, хватая воздух ртом.

– Дело не в тебе.

– Я уже не так молода, – признала Черил.

– Даже если бы и была, это бы не помогло. – Тони потянулся к ночному столику за сигаретами.

– Ясно. А то ведь я слежу за собой. Занимаюсь водной аэробикой в нашем христианском клубе. Коленями могу орехи колоть, в бедрах силы хоть отбавляй.

– Даже не сомневаюсь. – Он предложил ей сигарету.

Черил отказалась.

– Это все психологическое, Саверио, – сказала она.

– Ты так думаешь?

Она легла на бок. Изгибы ее тела напомнили ему отдыхающую древнеримскую богиню, статуя которой возлежала в панорамном бассейне за отелем. Этот шедевр инженерной мысли был устроен так, что из ракушечной короны на ее голове бил фонтан.

– Это расплата. Я тогда тебя обидела, ты затаил боль и страдание от того, что тебя отвергли, и сейчас неспособен... потому что тогда я тебе отказала.

Тони не знал, что ответить, и потому промолчал.

Черил перевернулась на спину.

– Ничего страшного. Нам за шестьдесят, каждое свидание уже не может быть фейерверком на День независимости. Такова жизнь. Хочешь, я снова попробую?

– Пожалуй, нет.

– Я так и думала. Для одной ночи достаточно и этого.

Тони следил взглядом за Черил, собиравшей свою раскиданную по всему номеру одежду.

– Ты хорошо выглядишь, Черил. Просто отлично.

– Знаю, – пожала она плечами. – У меня гены хорошие. И еще «Весонаблюдатели» помогают.

В одиннадцать вечера в номер доставили горячие вафли, хрустящий бекон, черный кофе, апельсиновый сок и картофельные оладьи. Тони заказал еду, как только Черил ушла; чтобы время пролетело быстрее, он решил вообразить, будто уже утро, – так было легче забыть об удручающем эпизоде. Кроме того, он и в самом деле проголодался – как-никак энергии было потрачено много, и все зря. Ощущения были такие, словно он притащился пешком в Париж, запряженный в двуколку, и не обнаружил там никакой Эйфелевой башни.

Заливая вафли сиропом, он поднял трубку и набрал номер.

– Привет, Чич.

В нью-йоркской квартире Чичи, страдавшая бессонницей, отложила книгу и посмотрела на часы.

– С тобой все хорошо, Саверио? – обеспокоенно спросила она.

– Не знаю, – раздалось в трубке.

– В каком смысле? Ты заболел? А то ведь глубокая ночь.

– Знаю. Я тебя разбудил?

– Нет, я читала. У Джудит Кренц вышел новый роман, не могу оторваться.

– Как всегда.

– Так в чем же дело, кредитка не сработала?

– Нет, все в порядке. В этом отношении.

– Так что же тогда?

– Это наконец случилось, детка.

– Да о чем же ты?

Он откусил от вафли. Масло и сироп капнули на заткнутую за вырез майки салфетку. Он пожевал и произнес:

– Я не смог.

– Не смог выступить? Ты потерял голос?

– Нет, петь-то я могу.

Чичи поняла не сразу. Она закрыла книгу.

Наконец Тони спросил:

– Ты еще на связи?

– Да. Просто пытаюсь переварить эту новость.

– Я тоже.

– Не знаю, что и сказать, – проговорила Чичи.

– Я и сам не знаю, что сказать, – мрачно отозвался Тони.

– Конечно, я могла бы заметить, что так тебе и надо...

– Ну спасибо. Я думал, что ужаснее уже почувствовать себя не смогу, а оказалось – могу.

– ...но не стану, потому что я – твой единственный настоящий друг, – вздохнула Чичи, подсовывая подушку себе под ноги. – А кто она? Танцовщица?

– Нет, она, между прочим, еще старше тебя.

– Неужели ты уже и до такого докатился, Савви?

– Похоже на то! – рассмеялся Тони.

– Как-то не представляю себе, чтобы ты пожирал глазами зрителей в Орхидеевом зале в поисках дамочек формата «жена Санта-Клауса». Значит, это твоя знакомая.

– Как ты догадалась?

– В твоём возрасте незнакомые люди уже не так привлекательны. Нас больше занимает прошлое. Мы пытаемся удержать то, что уже знаем, – мягко сказала Чичи.

– Я был с ней знаком еще в Мичигане. Мы вместе пели в хоре церкви Святого Семейства.

– Совсем давно, – вздохнула Чичи.

– Она была такая красавица. Из польской семьи. Мне было шестнадцать, ей семнадцать, и она вышла за другого.

Чичи зевнула.

– Что ты хочешь, чтобы я сказала? – устало спросила она.

– Ты знаешь обо мне все, – тихо произнес Тони. – И это тоже – часть картины.

– Саверио, – начала Чичи, – ты вовсе не обязан заниматься любовью с каждой женщиной, которая хочет заняться с тобой любовью. Можно просто поужинать вместе, мило поболтать и поцеловаться на прощанье – или даже не целоваться. Можно, поверь мне, прогуляться по тропе воспоминаний и не дойти до постели. Тебе больше не нужно ничего никому доказывать.

– Нет, нужно. Только доказать не получается.

– Ты не обязан удовлетворять нужды разных женщин, даже если они этого требуют. Угости ее коктейлем. Отлично. Покружись с ней на танцполе. Прекрасно. А дальше пожелай ей спокойной ночи, посади ее на автобус, возвращайся в свой номер и закажи оладьи.

– Вафли.

– Да что угодно. Делай то, что хочешь сам. Можешь выступить в Орхидеевом зале и наслаждаться жизнью. При желании можешь даже выйти на пенсию. Благодаря мне у тебя недурные сбережения, денег предостаточно. Более того, благодаря той кавер-версии «Бонуса» ты еще и отлично заработаешь в следующие несколько лет. Мы ведь все это уже не раз обсуждали. А Дора где?

– Дома.

– А ты?

– В гостинице.

Чичи посмотрела на часы на ночном столике и быстро подсчитала разницу в часовых поясах.

– Ты уже переоделся?

– Пока нет.

– А поел что-нибудь?

– Заказал еду в номер. Вафли, бекон.

– Слишком плотная еда.

– Похоже, ты права. Меня как будто подташнивает, – признался Тони.

– Тебе нужно съесть что-то полегче. В мини-баре обычно есть крекеры. Пойди посмотри. И налей себе кока-колы. Без льда. Я подожду.

Тони подошел к мини-бару, порылся в ящике и налил себе кока-колы без льда.

– Я вернулся, – сказал он в трубку. – Нашел там крекеры. И колу.

– Прямо чудо.

– Да ты просто колдунья какая-то, – сказал он, хрустя крекером. – Откуда ты все знаешь? Впрочем, нет, не отвечай. – Он отпил кока-колы. – Ты меня насквозь видишь на расстоянии в три тысячи миль.

– Твой желудок скоро успокоится. А вот раненое самолюбие еще не скоро заживет.

– А от этого в мини-баре не найдется средства?

Сказав это, Тони рассмеялся, и Чичи тоже. Они хохотали так, будто репетировали сценку для выступления.

– Это было бы смешно, если бы не было частью и моей жизни, – заметила Чичи, отсмеявшись.

– Я утянул тебя за собой на самое дно, да?

На это Чичи ничего не ответила. Помолчав, сказала:

– Прими душ, переоденься в чистое и ступай домой. Забудь все случившееся.

– А если оно повторится?

– Даже «кадиллаки» рано или поздно ломаются.

– О, значит, ты считаешь меня «кадиллаком»?

– Раньше считала.

– А теперь?

– После всего, что между нами было, тебе непременно нужно узнать, сохранились ли у меня к тебе чувства? – удивилась Чичи.

– Почему бы и нет? – тихо спросил он. – Я сейчас очень ранимый. Мне пригодится любая поддержка.

– Ты женат. Для этого у тебя есть жена.

– Ясно. – Он вздохнул.

– Ты принадлежишь Доре. И она, кстати, очень милая. И отлично о тебе заботится.

– Дора тебе нравится больше, чем я, – буркнул Тони.

Чичи рассмеялась.

– Я ей благодарна. Она пошла тебе на пользу.

– Это так.

– Возможно, в следующий раз, прежде чем пригласить даму к себе в номер, ты сядешь и спросишь себя: «А зачем, собственно? Зачем, когда дома меня ждет славная женщина?»

– С чего бы я стал это делать? – не понял Тони.

– А ты попробуй. Ответ может тебя удивить.

Чичи положила трубку. Она уже давно не вспоминала Саверио Армандонаду. Почему он позвонил ей, ни с того ни с сего, и спросил, любит ли она его по-прежнему? Какое ему вообще сейчас дело до ее чувств – ему, который плевать хотел на них раньше, когда они должны были его интересовать? Чичи нашла утешение в других вещах. Как и многие женщины до нее, она наладила свою одинокую жизнь, и все шло отлично. Потеря мужа оттенила другие радости, теперь у нее более тесная связь с детьми, работа, привязанность к внукам. Она нашла способы обогатить свою жизнь без Тони.

Любовь, движимая чувством долга, – о, итальянкам это удается виртуозно. По части самопожертвования они большие мастерицы. Но любовь романтическая, дикая, пылкая, без оглядки, свободная? Этого Чичи так и не довелось испытать. Ее любовь всегда вертелась вокруг него: как бы сделать его жизнь лучше, как бы поддержать его веру в себя, как бы подтолкнуть его вперед, к успеху. А самозабвение, сюрпризы и удовлетворение бывали лишь при погружении в работу, когда она сочиняла музыку, создавала что-то из ничего и применяла свои творческие идеи – те никогда ее не подводили. Ее истинной спутницей была музыка, и музыка осталась ей верна.

13

1987–1988

Calando^[103]

Чичи шла по тихим, обросшим мхом улочкам Тревизо и чувствовала себя дома. Серебристые каналы в обрамлении нежно-розовых оштукатуренных стен оказались совсем такими, как их некогда описывала ей бабушка. А сейчас Чичи была старше, чем бабушка в то время, когда она ей это рассказывала, и могла оценить всю прелесть Венето и понять бабушкину тоску по родине. Венецианская весна переливалась красками с картин Тьеполо – ярко-синим, светло-зеленым, золотым с лиловыми завитками.

Чичи несла прах сына в коробке, бережно уложенной в кожаный чемодан. Она намеревалась развеять его на полях за городом, где Леоне некогда провел лето, учась игре на скрипке. Он все собирался однажды вернуться в Венето, но погиб, не успев воплотить мечту. Прошло десять лет после смерти Леоне, и матери хотелось исполнить его волю, прежде чем это станет для нее невозможным.

Сняв номер в небольшой гостинице у подножия Доломитовых Альп, она наняла шофера для поездки за город. Ярко-зеленые поля с посевами расстилались бархатными лоскутами разных оттенков, а горные вершины цвета каменной соли сливались с небом. Тут и там вдоль дороги попадались небольшие пруды, в которых облака отражались, как в рассыпанных зеркалах.

– *Fermi qui per favore*^[104].

Чичи взяла чемодан и вышла из автомобиля. Она пересекла поле, остановилась возле тихого пруда в окружении роскошных кипарисов, перекрестилась, открыла коробку с прахом Леоне и похоронила сына у корней старого кипариса.

Закончив, она тихо оплакала его память и все, что он потерял, но затем, завершив свою миссию и исполнив его последнюю волю, вытерла слезы и вернулась к машине.

В гостинице носильщик помог ей с багажом. Она поднялась по крыльцу и вошла в вестибюль.

– О вашем номере уже позаботились, мадам, – сообщил ей портье.

– Кто позаботился?

– Твой бывший муж, – произнес у нее за спиной знакомый голос.

– Что? – Она обернулась.

– Не мог же я позволить тебе приехать сюда одной, – улыбнулся ей Тони.

– Я уже похоронила нашего мальчика.

Тони обнял ее.

– Тогда пойдем навестим его вместе, – сказал он.

Бархат от Фортуни, знаменитого венецианского ткача, вот что нашло отклик в сердце Чичи. В салоне тканей во флорентийском районе Джудекка Чичи взяла в руки невесомый отрез шафранового оттенка с вытравленными короткими полосками цвета морской волны. Она вспомнила летние цвета пляжа в Си-Айле: желтый свет, зеленовато-голубые волны, ослепительное – даже слепящее – солнце, а когда открываешь глаза, перед ними пляшут звезды.

Случалось ли Фортуни глядеть на тот же океанский прибор или на похожее сочетание цветов в разгар солнечного дня? Приметил ли он такую же палитру на пляжах Лидо, Санта-Маргариты или Позитано? Наверняка. В текстуре, цвете и легкости этого бархата была зашифрована вся юность Чичи, в нем воплощался тот самый день, когда она познакомилась с Саверио Армандонадой. Ткань рассказывала о тогдашнем времени, о том мгновении.

– Малыш, хочешь это купить для чего-нибудь? – шепнул ей на ухо Тони, наклоняясь к ее шее так близко, что их щеки соприкоснулись. От его кожи веяло кедровым деревом, лимоном и табаком. Это всколыхнуло в ней новые воспоминания. Одни она держала в руках, другие ощущала в сердце, а теперь еще и запах.

– На что это похоже, по-твоему? – спросила Чичи, поднимая бархат к свету.

– А предполагается, что я откуда-то помню эту ткань? – наморщил он лоб.

– Ну о чем она тебе напоминает?

– О шторах в Маунт-Эйри-Лодж в Поконах в 1946 году, – сказал он.

– Я не шучу! – обиделась Чичи.

– Я тоже не шучу.

– Она выглядит совсем как пляж в Си-Айле в тот день, когда мы познакомились.

Тони прищурился, разглядывая ткань.

– Этот оттенок синего?

– Да, именно он.

– Действительно.

– *Madame, posso aiutarla?*^[105] – Продавщица желала узнать, сколько ткани намеревалась купить Чичи.

– *Due*, – поднял Тони два пальца. – Вы понимаете, да? *Due*. Отрежьте пару ярдов.

Чичи заворожено наблюдала, как продавщица расстелила ткань на столе, отмерила заказанное металлической линейкой и отрезала. Девушка улыбнулась Чичи и спросила:

– *Che cosa vuole farne del tessuto?*^[106]

– Да, мне, кстати, тоже интересно, – вставил Тони. – Что ты хочешь из нее сшить, детка?

Чичи прислонилась к столу, разглядывая отрез.

– Нечто великолепное, – мечтательно сказала она.

Продавщица бережно сложила бархат.

– *Va bene. Che bello*^[107], – сказала она.

Пока Тони оплачивал покупку, Чичи перебирала развешанные образцы ткани. Ее завораживали работы Фортуни – золотистый бархат с вытравленным голубым узором, лиловый с нежно-зеленым, царственный красный дамаск. По мнению Чичи, эти ткани были чересчур роскошны, чтобы превратиться просто в платье, шторы или покрывало, едва ли не слишком великолепны, чтобы послужить какой-то обычной, повседневной цели. Иногда достаточно просто постоять рядом с чем-то прекрасным. Нет нужды им владеть, не нужно находить применение, не нужно ничего создавать. Пусть оно существует просто как воплощение красоты, чтобы доставлять радость.

Ее очаровали детали тканевого дизайна, сама манера рисунка, но Чичи понимала, что иного зрителя подобный уровень мастерства

способен смутить, вызвав противоположную реакцию. Кого-то вид этой красоты может привести в бешенство, и разозленный человек попытается уничтожить произведение искусства, просто потому что оно настолько ошеломительно прекрасно. Все были наслышаны о том, как конкуренты Фортуни пытались его разорить. Человеческая зависть едва не уничтожила Дом Фортуни.

Тони Арма заводил очередную любовницу или женился не потому что женщина его вдохновляла – дело было всего лишь в обладании ее красотой и возможностями, которые открывала новизна. Значит, все-таки речь шла не о любви. Просто этот мужчина пытался окружить себя красотой, чтобы почувствовать хоть что-нибудь и надеясь, что красота откроет ему истину. Но пока что ничего подобного не произошло. Зато красота бесконечно подпитывала творчество Чичи.

– Как тебе это место? – спросила она.

– Италия?

– Фортуни.

Тони скользнул взглядом по салону.

– Бархат как бархат.

– Ну-у, вовсе нет!

– Ты видишь то, чего не вижу я, – признал он.

– И так было всегда, – сказала Чичи.

– Потому мы с тобой и друзья. Ты глядишь за меня, а я – за тебя, – пожал плечами Тони.

– И что же такое ты видишь за меня? – поинтересовалась Чичи.

– Я подталкиваю тебя к сочинению музыки.

– Но я ее сочиняла и до встречи с тобой.

– Да, но не так много и не так удачно.

– Ты считаешь это своей заслугой?

– Твой талант – нет, конечно. Но я считаю своей заслугой, что понимаю, насколько ты великолепна, и довожу это до твоего сведения. Справедливо?

Чичи не ответила. Тони вручил ей красиво упакованный отрез бархата, сложенный аккуратным прямоугольником и обвязанный тисненой шелковой лентой. Она прижала сверток к груди, как школьница любимую книжку.

– Спасибо, – сказала она.

– Мне нравится видеть, как ты улыбаешься, малыш.

Чичи стояла на террасе своего гостиничного номера с видом на Доломитовые Альпы. Белоснежные соляные макушки горных пиков казались освещенными изнутри; низко в небе повисла похожая на жемчужину бледно-розовая луна. В дверь постучали.

– Ты что, серьезно? – спросила Чичи, открыв дверь.

На пороге стоял Тони с двумя бокалами и бутылкой просекко.

– Вот как ты встречаешь любовника? Не способствует уверенности, знаешь ли!

– Ступай назад в свою комнату, старче.

Чичи собиралась было закрыть дверь, но Тони остановил ее:

– Э, нет, у нашей истории будет другое продолжение.

– Это вовсе не история, Сав. Мы свою историю уже прожили. И ты уже написал к ней окончание. А сейчас это второй том, в котором мы с тобой просто добрые друзья и у нас прекрасные общие дети. Причем дети – все, что у нас остается общего.

– Без нас их бы не было на свете.

Чичи посмотрела на Тони и задумалась. Вот она в Венето, у подножия гор, которые так много для нее значили. Отсюда приехала семья ее матери, об этих краях она грезилась в юности. А сейчас она бабушка и прожила столько, сколько и не ожидала, но круг так и не замкнулся, все те же скачки, рывки и перебои, главным образом из-за мужчины, который сейчас стоит перед ней. Все эти годы она гадала, почему он не вернулся к ней и не вымолил прощения. Она ведь знала, что он порывался это сделать – в тот раз на пляже, сразу после женитьбы на Тэмми, потом в другой раз в Риме, когда близнецы окончили университет, и еще когда Леоне сыграл свой первый профессиональный концерт в Лос-Анджелесе. Чичи помнила, как Тони внезапно заключил ее в объятия и закружил в танце; тогда она подумала, что он наверняка проведет с ней ночь. Но он не стал ничего предлагать, а она не пригласила его к себе, и на этом все кончилось. Однако сейчас, когда они были наедине, вдвоем, прошлое начало расплываться и таять, так бесследно исчезает под дождем надпись мелом на каменной кладке.

Те чувства к нему, которые она хранила глубоко в сердце, никуда не делись, они не ушли вместе с обидой, которую она отпустила много лет назад. Под болью, разочарованием и сожалением оставалась

любовь. Любовь оставалась, когда все прочее не оправдало их общих надежд, и Чичи понятия не имела почему. Да, она по-прежнему любила этого человека. Совершенно нелогично – и тем не менее чистая правда. Ну что ж, ее совесть чиста, оба они были свободны от брачных клятв перед кем-либо. И потому Чичи сказала:

– Входи, Савви. – И бережно закрыла за ним дверь.

Он поставил на стол бокалы и бутылку.

– Иди ко мне.

– Зачем?

– А ты как думаешь?

– Я хочу, чтобы ты изложил свои намерения.

– Разговоры только все портят, детка.

– Мне все равно.

– Я хочу заняться любовью с единственной женщиной, которую когда-либо по-настоящему любил.

– Начало неплохое, – заметила Чичи, выходя на террасу.

Тони последовал за ней.

– Знаешь, все эти годы у меня была одна проблема: я тебе верила.

– Я догадался. А ведь ты так и не вышла снова замуж. Почему?

– Это слишком личный вопрос.

– Я ведь собираюсь лечь с тобой в постель. Мне кажется, мы вполне можем поговорить о личном.

– Я так никогда и не вышла снова замуж, потому что не смогла понять, почему у нас с тобой не получилось.

Чичи ощутила что-то странное в коленях – знакомую слабость, которой она не чувствовала уже много лет. Мускулы сделались вялыми, точно макаронины. Ей было шестьдесят девять, и она забеспокоилась: возможно, дело в утолщении стенок артерий, предвестнике инфарктов и инсультов, или что-то с нервными окончаниями. Она вернулась в номер и села на кровать.

Тони присоединился к ней.

– Ну, что скажешь? – Он наклонился к ней и нежно поцеловал.

Чичи рассмеялась.

– Что тут смешного? – не понял Тони.

– Если закрыть глаза, то мы с тобой как будто вовсе и не старики, – сказала она.

Тони тоже посмеялся и снова ее поцеловал.

– Я тебе покажу, кто тут старик, – пробормотал он.

– Сдаюсь, – улыбнулась Чичи.

Через сорок три года после свадьбы – или через двадцать шесть лет после развода, как посмотреть, – Тони и Чичи воссоединились и любили друг друга у подножия гор, в Венето, крае, откуда были их корни. И свершилось чудо, известное как Чудо Доломитов: ни один из них не сломал в процессе шейку бедра.

Ли Боумэн легко, как девчонка, пробежала по первому этажу универмага «Бергдорф-Гудмэн» на Пятой авеню, вдыхая запахи дорогих духов, лайковой кожи и свежих роз, стоявших у лифтов в огромных хрустальных вазах.

Чичи ждала подругу, по совместительству бизнес-партнера, на подиуме перед трехстворчатым зеркалом в полный рост. Этот частный салон на восьмом этаже был доступен лишь самым состоятельным покупательницам – наследие тех благословенных времен, когда модели разрабатывались индивидуально, а новая одежда подгонялась по фигуре, то есть прежде, чем женщины стали покупать готовые вещи от-кутюр.

Чичи изучала себя в зеркале. В последнее время она изменила мнение о своей внешности и передумала делать подтяжку лица. Ей нравилось, как прожитое отразилось в ее чертах; и потом, глаза и губы отлично сохранились, с достоинством выдержав схватку с годами. Счастливым не требуется пластический хирург, но она решила не говорить этого сестре Люсиль, чтобы ее не обижать, – та недавно подтянула веки и шею. Похоже, чем красивее женщина, тем беспощаднее с ней обходятся годы.

Во всяком случае, Тони явно по-прежнему привлекали ее прелести. Они планировали снова пожениться в церкви Святого Иосифа в Си-Айле и на этот раз устроить все как положено, с торжественной венчальной мессой и полной церемонией. Морт и Бетти Лак согласились приехать из самого Милуоки, чтобы снова послужить им свидетелями, а подружками невесты будут дети. Жизнь Чичи снова сделала крутой поворот, и она пошла по этому новому пути. Получалось, что каким-то невообразимым образом все бывшие страдания, вся боль и борьба стоили того. Она даже подумывала, не изложить ли это в новой песне.

Услышав, как Ли ее зовет, стоя снаружи примерочных, она крикнула:

– Ли, я в седьмом номере!

Ли прошла по коридору и открыла дверь примерочной.

– Ах, Чичи, – проговорила она, восхищенно разглядывая платье, – ты выглядишь потрясающе!

– Думаешь, Тони понравится?

– Несомненно.

Чичи сошла с подиума, и Ли помогла ей расстегнуть молнию. Чичи осторожно выбралась из платья, вернула его на обитую тканью вешалку, надела юбку, в которой пришла сюда, и застегнула блузку.

– Знаешь, Ли, ты очень разумно поступила, не выходя замуж, – сказала она.

– Неужели?

– Ага.

– Почему же это?

– Все так непредсказуемо.

– Непредсказуемости мне и на работе хватает, – фыркнула Ли. – Но вот от отсутствия мужа я никогда не страдала. У меня бывали очень симпатичные ухажеры.

– Что правда, то правда.

– И мне этого было достаточно. Счастье – это когда довольствуешься достаточным.

Чичи взяла со стойки плечики с платьем, в котором ей предстояло снова вручить свою жизнь Тони Арме. Платье в полной мере соответствовало случаю – об этом позаботился еще один итальянец по имени Джорджо Армани.

Прошло три недели. Однажды утром Чичи встала, набросила на себя купальный халат и подошла к двери своей квартиры в Грамерси-Парк, чтобы забрать утренние газеты. Затем поставила вариться кофе, включила телешоу «Сегодня» и разложила газеты на столе. Она листала «Нью-Йорк пост», и вдруг одна новость привлекла ее внимание:

Эстрадный певец старой закалки Тони Арма расписался в Атлантик-Сити с барной официанткой по имени Джинджер Кропп.

Невесте 23 года, жениху 72.

Зазвонил телефон. Барбара кричала в трубку, возмущаясь бесстыжей женитьбой Тони. Она проклинала его, бранила на чем свет стоит и орала, что с самого первого дня Тони Арма непрерывно позорил их семью.

Чичи положила трубку. Телефон затренькал снова. На проводе была Ли Боумэн.

– Остается только надеяться, что он думал еще чем-то, кроме своего паха! Ты не в курсе, она подписала брачный договор?

Потом позвонила Роза. И Санни. Кричала в трубку Люсиль. Все были шокированы. Поражены! Но никого, похоже, не интересовали чувства Чичи.

– Почему ты не в бешенстве? Я бы на твоём месте его убила! – возмущалась Рита.

– Самое страшное со мной уже случилось, – напомнила ей Чичи. – Я потеряла сына.

Чичи прошла в спальню и открыла гардероб. На крючке с внутренней стороны двери висел в чехле наряд, который она собиралась надеть на свою новую свадьбу с Тони, – роскошное шифоновое платье прямого покроя, ярко-лиловое, с воротничком из мелких жемчужин, то самое, из коллекции Армани в «Бергдорфе». Чичи уставилась на платье и подумала, как хорошо, что она не успела срезать бирки.

Чичи сидела за письменным столом в офисе компании «Боу-Дон» на Пятой авеню и работала с документами. Ли и Чичи удалось превратить свое агентство в успешное предприятие по организации гастролей для музыкальных представлений и оркестров. Даже в эпоху диско оставался спрос на игравшие свинг джаз-оркестры. В переговорном устройстве раздался голос секретарши.

– Пришла миссис Арма, – сообщила та.

– Пусть войдет. И еще, Пэм, будьте добры, немедленно устройте все так, как мы договаривались.

В офис вошла привлекательная молодая женщина лет двадцати с небольшим с беспорядочными локонами, подтянутой фигурой и

высоким бюстом. Массивные подплечники под шелковой блузкой превращали худенький торс в подобие обувной коробки.

– Я жена Тони, – сообщила посетительница.

– Джинджер, не так ли?

– Именно. Вы были его первой женой? – нервно выпалила она.

– Да.

– Он с вами уже давным-давно развелся.

– Очень давно. Три жены тому назад.

– А для меня он всего лишь второй по счету муж, – сказала Джинджер.

– Но вам ведь двадцать три, если не ошибаюсь. Что случилось с вашим первым мужем?

– Он в «Грейсдейле»^[108].

– Что же с ним случилось?

– Инсульт в двадцать шесть лет. Пришлось отправить его в пансионат, и тогда его семья ополчилась против меня.

– Это меня не удивляет. А как вы познакомились с мистером Армой? – Чичи поправила стоявшие в стакане карандаши.

– В баре «Острова Капри».

– В Италии?

– Нет, в ресторане «Остров Капри» на Третьей авеню.

– Вы зашли туда выпить?

– Нет, я разносила напитки. Чаевые там набирались хорошие, мне жалко было бросать такую работу, – призналась она.

– Вы уволились, когда вышли за Тони?

– Он захотел, чтобы я сидела дома, – пожала она плечами.

– Ну да, мистер Арма в том возрасте, когда ему требуется покой, послеобеденный сон – да что там, сиделка бы ему тоже пригодилась.

– Это ничего. Ну, сначала все было хорошо. Первый месяц – просто отлично. А потом он уехал на гастроли и моя мать поселилась в комнате для гостей.

– Не могли же вы жить одна.

– Мне это не нравится. Ма прекрасно поладила с Тони. Каждый вечер наливает себе виски с содовой и слушает его «Тихоокеанский альбом».

– Полагаю, теперь, когда вас больше не интересует мистер Арма, она переключится на Джека Джонса, – сказала Чичи.

– Не уверена. Она его большая поклонница. Обожает «Бонус, бонус», например. Она из вашего поколения. – Джинджер нервно сглотнула. – Вообще-то я пришла насчет выплаты.

– Какой выплаты?

У Джинджер задрожали губы.

– Деньги, которые один супруг обязан выплатить другому, когда оставляет его.

– А вас оставили?

– Навсегда. Он меня покинул. Сказал, что будет жить в Вегасе.

– Почему же вы не поехали туда с ним?

– Я из Квинз.

– Насколько мне известно, ньюйоркцам дозволено выезжать за пределы города.

– Но я не хочу!

– Значит, мистер Арма сказал, что брак распался?

– Прямо он мне ничего не сказал, просто прислал бумаги.

Чичи кивнула:

– Знаю.

– Знаете?

– Так уже бывало. – Чичи откинулась в кресле. – А где ваша мать?

– Она ждет в приемной.

– Джинджер, надеюсь, вы не обидитесь, но мне было бы удобнее переговорить обо всем с вашей матерью. Будьте добры, пригласите ее сюда. Я хочу пообщаться с ней с глазу на глаз. Там в приемной небольшой холодильник с газировкой. Если захочется пить, берите, не стесняйтесь.

– Спасибо.

У Клорис Кропп-Ринхоффер были коротко подстриженные черные волосы, тыквенно-оранжевая кожа блестела от автозагара. Она носила накладные ресницы, по густоте напоминавшие половую щетку, и смахивала на апельсинового цвета керамическую подставку для колец в форме сиамского кота, которую близнецы подарили Чичи на Рождество, даже жесткие черные глаза-стекляшки такие же.

– Миссис Кропп?

Чичи встала и указала Клорис на стул.

– Строго говоря, миссис Ринхоффер, – поправила та и уселась.

– Миссис Ринхоффер, я только что в первый – и, полагаю, последний – раз встретила с вашей дочерью.

– Я не хочу отнимать у вас время, – сказала Клорис. – Что вы можете нам предложить?

– А чего бы хотелось вам? – спросила Чичи.

– Миллион долларов и квартиру в «Мелодии» в Нью-Йорке.

– У мистера Армы нет миллиона долларов, а нью-йоркская квартира ему не принадлежит, – сказала Чичи.

– Ну тогда ему придется как-то раздобыть эти деньги, – отрезала Клорис.

– У мистера Армы их нет, – повторила Чичи.

Клорис осклабилась.

– Тогда вы их раздобудьте.

– Я ему бывшая жена, а не мать. И даже если бы я была его матерью, я бы не отвечала за его браки со всякими мошенницами.

Клорис пропустила мимо ушей эту шпильку в адрес дочери.

– Он продал миллионы пластинок.

– Тысячи, – поправила ее Чичи.

– Уйму! – Клорис повысила голос. – И гастролировал с шестнадцати лет. За это время можно заработать кучу бабок.

– И спустить их коту под хвост.

Клорис хищно прищурилась:

– Какие делишки вы тут обделываете, хотелось бы мне знать? – Она вопросительно оглядела офис, будто подсчитывая, во сколько обходится съём помещения, счета и комиссии, которые Чичи наверняка загребала.

– Миссис Ринхоффер, ваша дочь была четвертой женой Тони, и они прожили в браке меньше года, а если быть точной, восемь месяцев. Четыре из них Тони провел на гастролях. Остается четыре месяца. Откуда вы насчитали миллион отступных?

– Он богат.

– Те деньги закончились, – сказала Чичи.

– Как это – закончились?

– Вот так. Закончились. Трое детей, три брака. Карьера пошла на спад. Такие задолженности по налогам плюс пени, что он их всё никак не выплатит. Денег для вашей дочери или для вас не осталось. Никаких.

- Джинджер беременна.
- Поздравляю.
- Миллион и квартиру.
- Советую попросить денег у отца ребенка.
- Потому я и пришла! Отец – Тони Арма!
- Это невозможно. Тони бесплоден с 1953 года.
- Новость не смутила Клорис.
- Бывают разные случайности.
- С барменом в «Острове Капри» – возможно. Но не с Тони. Это было бы настоящим чудом. И, насколько я помню, Саннисайд в районе Квинз – не Лурд во Франции.
- Я расскажу газетчикам все, что знаю. Он пьет! И носит парик!
- Говорите, что хотите. Все равно не получите ни гроша.
- Он импотент!
- В таком случае ему трудно было сделать девушку беременной, не так ли?
- Он не всегда такой. Только иногда. По слухам. – Клорис устала на Чичи. При взгляде на невозмутимость собеседницы ее глаза стали холодными, как стальные угольки. – Ладно, – бросила она наконец. – Двести пятьдесят тысяч.
- Ни гроша.
- Послушай, ты, старая кошелка!..
- Чичи улыбнулась:
- Меня обзывали и похуже, да и вас, судя по вашему виду, тоже.
- Я это так не оставлю!
- И я, в свою очередь, тоже. Позвольте мне объяснить, миссис Ринхоффер. Если вы думаете, что можете являться сюда и запугивать меня после всего, что я пережила в своей жизни, вы сильно ошибаетесь. Я работала в ночных клубах и разбиралась с настоящими гангстерами. Вы просто бандитка старой школы и пришли, чтобы стянуть с меня денег. Хотите получить денег ни за что – точнее, взамен тела вашей дочери.
- Моя дочь не проститутка!
- Но вы сами назвали ее цену. Миллион долларов плюс недвижимость. Как это назвать, как не проституцией?
- Она была его женой. Они были по-настоящему привязаны друг к другу. Она его любила!

– Любовь... Какое большое слово в устах такой незначительной особы.

– Вы просто завидуете! Она молодая и красивая, а вас он бросил ради не одной, не двух, а трех женщин!

– Меня не заботит, с кем мистеру Арме угодно ложиться в постель и на ком ему приспичило жениться, и я за это не отвечаю. Я женщина занятая. Но, как мать, я понимаю, о чем вы думаете. Часики тикают. Молодость вашей дочери ускользает у вас между пальцами, как кусок льда. Еще несколько лет, и ваш бизнес захиреет. Когда мисс Кропп утратит свое очарование – а она его утратит, – вы попросту потеряете возможность вымогать деньги у стариков. Так что нужно ковать железо, пока горячо.

– Какая наглость!

– Между нами, девочками, говоря, вы и сами были не прочь закинуть сети на Тони, если бы могли рассчитывать, что он клюнет.

– Он меня не интересовал в этом смысле, – фыркнула Клорис, выпячивая грудь.

– О нет, интересовал. Именно поэтому вы бесконечно крутите его «Тихоокеанский альбом».

Клорис передернула плечами.

– Я найму адвоката.

– Это вам не поможет. Все принадлежит мне. Когда вы слушаете «Бонус, бонус», вспоминайте мое лицо, потому что эту песню написала я и авторские права тоже мои. Я владею правами на все, что исполняет Тони Арма.

Чичи достала из ящика стола большой гроссбух, открыла и выписала чек. Она вырвала его из книжки и вручила Клорис.

Клорис посмотрела на указанную сумму.

– Триста долларов? Да вы с ума сошли! – Она бросила чек на стол.

– Это для Джинджер, на переезд. – Чичи открыла бумажник и положила на чек пятидолларовую банкноту.

– А это зачем?

– Такси до квартиры. Когда вы туда приедете, вы найдете в вестибюле упакованными все вещи – ваши и дочери. Замки сменили, и охране велено не пускать ни вас, ни вашу дочь дальше стойки

консьержа. Если станете скандалить, полиция четвертого округа доставит вас в Квинз под конвоем.

– Кто дал вам право обходиться с нами как с преступницами? Мы заботились о Тони. А вы что делаете для него? Ничего! Стерва!

Чичи вздохнула:

– Да, должно быть, иногда я веду себя как стерва.

Миссис Ринхоффер сгрэбла со стола чек и пять долларов.

– Я еще вернусь!

– Можете возвращаться сколько душе угодно. Но ваши будущие попытки вымогательства увенчаются тем же, только в следующий раз я уже не оплачу вам такси.

Клорис порывалась еще что-то сказать, но опоздала: зазвонил телефон. Чичи подняла трубку, и Клорис вышла из офиса, оттолкнув Ли.

– Что это было? – удивилась Ли.

– Очередная женщина, которая считает, что ей все должны. Тони устраивает свою любовную жизнь, как сезонную распродажу в «Лохманне».

– С тобой все в порядке?

– Никак не привыкну к этим историям, – неожиданно усталым голосом призналась Чичи. – Бедняжка.

– Это ты о четвертой жене?

– У нее нет матери.

– Да нет же, есть, я с ней только что столкнулась. Подтяжка на лице никудышная, такой никого не обманешь.

– Какая же это мать! – сказала Чичи. – Я чуть не расплакалась от жалости – мне-то повезло, у меня хорошая, любящая мать. И даже в моем возрасте она мне по-прежнему нужна. Так что когда я вижу кошмарную мать вроде этой, то знаю, что бывает и иначе.

– Ты лучше меня. Я таких людей даже не хочу понимать.

– Тебе, Ли, никогда не пришлось этого делать. Ты не вышла замуж за Тони Арму. Кого он только не приводил в мою жизнь.

Чичи закрыла чековую книжку и вернула ее в ящик стола.

– Как ты думаешь, он женится снова?

– Он не переносит одиночества.

– Тогда не прячь чековую книжку слишком далеко.

– Если Всевышний приберет меня первой, у Тони будут большие проблемы. В старости мужчины теряют направление. Мы себя находим, а они – теряют.

Чичи шла к своему дому на Граммерси-Парк. Она довольно быстро передвигалась в толпе пешеходов в час пик, исчезавших в станции подземки, словно кроты. Она была благодарна судьбе, что у нее есть работа и что ей пока хватает на нее сил.

В свои семьдесят лет Чичи оставалась неутомимым ходяком. В последние годы случались небольшие проблемы со здоровьем – то катаракта, то что-то с шейными позвонками, то кое-что по женской части (это быстро вылечили, как только обнаружили). У Барбары и Люсиль тоже бывали перебои такого рода, но в целом сестры Донателли вполне обоснованно считали, что им повезло. Мать все еще была с ними. Ей перевалило за девяносто, но она по-прежнему готовила макароны к воскресному обеду у Барбары, у которой теперь жила.

Нью-йоркские сумерки оставались любимым временем дня Чичи. Она старалась подогнать шаг по дороге домой так, чтобы оказаться у знаменитого небоскреба-утюга и сквера на 23-й улице в тот миг, когда персиковое солнце ускользнет в лиловые полосы, плывущие над горизонтом в Нью-Джерси. Что-то в сочетании всего этого – сине-лиловые тона сумерек, парк, Пятая авеню, Нижний Бродвей, силуэт великолепного Эмпайр-стейт-билдинг за спиной – давало ей возможность ощутить свое собственное место в мире.

Чичи шла вдоль Восточной 19-й улицы, когда кто-то окликнул ее по имени.

Под навесом кафе «Юнион-сквер» стоял какой-то пожилой мужчина. В последний раз затянувшись сигаретой, он затушил ее в латунной пепельнице. Чичи прищурилась, пытаясь его разглядеть.

– Чич?

– Здравствуй, Саверио.

Чичи подошла поближе, чтобы хорошенько на него посмотреть. Он больше не носил накладку из волос и был одет в темно-синий костюм с ярко-розовым итальянским галстуком и рубашку в сине-белую полоску. Несколько недель назад она послала ему на подпись документы, но он их не вернул.

– Как я поняла, ты разводишься с мисс Кропп?
– Джинджер. Можешь называть ее Джинджер.
– Я предпочитаю называть ее мисс Кропп. Ты мог бы, по крайней мере, подписать бумаги.

Чичи мысленно порадовалась, что накрасила губы, перед тем как вышла из офиса, и что сделала укладку этим утром. Темно-зеленый костюм из ткани букле освежали латунные пуговицы, ансамбль дополняли элегантная сумочка и черные замшевые туфли-лодочки. Ей нравилось одеваться в цвет денег – разве не она же их и заработала?

– Ты хорошо выглядишь, – сказал он ей вслед.

Она обернулась:

– Не трудись придумывать комплименты. Я предпочитаю честность. Мне кажется, я заслуживаю этой любезности.

– Но ты и правда хорошо выглядишь, – смущенно пробормотал он.

– Да уж получше тебя.

– Это жестоко.

– Знаешь, что жестоко, Сав? Выследить меня в Италии, куда я поехала похоронить сына, соблазнить меня, сказать, что хочешь снова на мне жениться, а потом вернуться домой и расписаться с ровесницей твоей внучки. Причем вместо того, чтобы честно все сказать, позволить мне узнать об этом из газет. Как ты вообще себя выносишь? Раньше я думала, что каждый раз, когда ты делаешь дурацкий выбор, на тебя находит помутнение, но это было бы слишком просто. Мне надоело о тебе заботиться, исправлять твои катастрофы, позволять твоим детям считать тебя порядочным человеком, защищать тебя перед ними, что бы ни случилось, следить за бухгалтерией, готовить тебе соус с макаронами, когда ты голоден, переживать о мелочах и волноваться по важным вопросам. Когда ты наконец повзрослеешь? Я даже заранее оплатила твои похоронные расходы, сделала надпись на твоём надгробии и выбрала тебе костюм для последнего пути. Я сделала все, что могла, чтобы упростить твою жизнь и облегчить страдания. И в награду за это ты снова и снова причиняешь мне боль. Есть у меня одно объяснение, но оно уже не имеет значения. Каждое утро, просыпаясь, я спрашиваю себя, как я докатилась до такого. Каждое утро, прежде чем поставить вариться кофе и почистить зубы, мне нужно заново убеждать себя, что я заслуживаю этой чашки кофе и

этой капли зубной пасты, потому что я провела жизнь, любя мужчину, который ценил меня меньше такой малости. И знаешь, что забавно, Саверио? Ты жив благодаря мне. У тебя есть деньги в кармане, дети и внуки, которые тебя любят, потому что я устроила так, чтобы они тебя любили. На каждый день рождения они получали от тебя открытку, а на каждое Рождество – подарок. Посмотри на меня. Посмотри хорошенько. В следующий раз, когда увидишь меня на Пятой авеню, не окликай меня, будто знаешь, кто я такая, потому что ты понятия об этом не имеешь. Помнишь, ты подарил мне бриллиантовое сердечко, когда сделал предложение? Теперь я все понимаю. Ты дал мне бриллиантовое сердце, потому что у тебя и в мыслях не было отдавать мне свое.

Чичи развернулась и пошла прочь. На улице было шумно, и она не слышала, как Тони позвал ее по имени.

14

Ноябрь 2000 года

Triste^[109]

Медсестра открыла окно в больничной палате Тони Армы, и со двора ворвался холодный осенний ветерок. Тони попытался вдохнуть свежий воздух, но у него получалось лишь делать частые неглубокие вдохи.

– Сейчас я закрою, мистер Арма, – сказала медсестра.

– Благодарю вас, этого было достаточно, – помахал рукой Тони.

– Принести вам чего-нибудь выпить, святой отец? – спросила сестра у отца Джо О’Брайена, нового капеллана больницы Святого Викентия, поправляя одеяло Тони.

Священник, молодой ирландец, был всегда готов помочь.

– Благодарю вас, не нужно, – ответил он.

– Верный признак, что твой конец близок, если возраст твоей медсестры, врача и священника вместе взятые все равно меньше твоего, – грустно усмехнулся Тони.

Отец О’Брайен рассмеялся.

– Жаль, что мне не довелось увидеть вас на сцене. Непременно куплю компакт-диск.

– Их несколько. – Тони аккуратно перегнул край простыни через одеяло. – Я так толком и не отошел от дел. Мой импресарио все еще работает. Ее зовут Ли Боумэн. Она последняя в своем роде, падре.

– Можете называть меня Джо.

– Ну что вы, не могу. Меня учили никогда не обращаться к священнику иначе как «святой отец».

– Как угодно.

– Просто воспитание такое, святой отец. А вы откуда родом?

– Из Скрэнтона, штат Пенсильвания.

– Я там у вас выступал, еще в самом начале. Весна тридцать восьмого, отель «Кейси». Родина Билли Ластига и «Скрэнтонских

Сирен». Билли еще подростками нанял Томми и Джимми Дорси, когда они жили в Шенандо, штат Пенсильвания. Все мы тогда были подростками. В зал набивались шахтеры с угольных копей, и я, помнится, говорил себе: «Пой, парень, пой, а не то сам окажешься под землей, ломая породу и собственную спину». Я испытывал к этим людям огромное уважение.

– А кто был вашим любимым певцом? – любопытно спросил священник.

– Когда я только начинал, лучшим из лучших считался Синатра, естественно. Все мы, прочие, были просто лакеями на запятках его золотой кареты. Вам случалось видеть, как люди бегут за трамваем, запрыгивают на подножку на полном ходу и держатся за поручень что есть сил? Вот такими были мы все. А Синатра состоял в особой категории, сам по себе. Его не касались никакие правила. Никто не смел говорить ему, что делать. Ходили слухи, будто Гарри Джеймс настаивал, чтобы Синатра сменил имя на «Фрэнки Сатин». Синатра отказался. И в этом, святой отец, разница между звездой – истинным солистом – и простофилей, который выводит ноты под моргающей лампочкой в заштатном зальчике в Вегасе. Звезда говорит «нет».

– А что сказали вы? – спросил священник.

– Я был слишком жаден до славы и денег и ради них согласился на все. Просто сделал, что мне велели. И вот так Саверио Армандонада превратился в Тони Арму. В этом имени было что-то от свинга, а еще оно наводило на мысли о порции макарон с соусом – вот что мне тогда сказали. Но я так никогда и не почувствовал себя Тони Армой и не сумел им стать. Это имя ничего для меня не значило, а когда что-то ничего не значит для тебя, то для других оно тоже не будет иметь значения. Когда меня заставили сменить имя, я отрекся от четырех тысяч лет семейной истории – во всяком случае, ощущения были именно такие. Когда у мужчины отнимают имя, вместе с ним уходит и совесть. После подобного ты уже готов на все. Я постарался свыкнуться с этой чужой личиной, но не сумел в нее вжиться.

– Хотите получить прощение, Тони?

– Саверио, святой отец. Я крещен именем Саверио.

– Хотите получить прощение за свои грехи, Саверио?

– Да, святой отец.

– Отпускаю тебе все твои грехи, – произнес священник, благословляя его.

Тони облегченно вздохнул.

– А можно у вас спросить? Это правда, что там для меня приготовлено место?

– В доме Отца моего обителей много^[110], – улыбнулся священник.

– Да, но скажите честно, скажите правду, там найдется обитель и для меня?

– Да, найдется.

– А откуда вы знаете наверняка?

– Так обещано.

– То есть это то самое единственное на свете обещание, которое не будет нарушено.

– Саверио, это единственное, что нам гарантировано. Это обещание, данное вам вашим Богом.

Саверио Армандонада заплакал.

– Вам вредно плакать, у вас ведь больные легкие, – сказал священник.

– Честно говоря, падре, от слез мне, кажется, легче. Я будто очищаюсь.

– Тогда плачьте.

Тони утер глаза простыней.

– Я хочу снова увидеть мать.

– Вы ее увидите.

– Она сказала, что будет ждать меня там, но я тогда подумал, что она это говорит, умирая, просто чтобы мне не было страшно, когда пробьет и мой час.

– Возможно – но тем не менее она в это верила.

Тони уставился в пространство.

– Я занимался любовью со множеством женщин, падре.

– Будем каяться или возблагодарим Господа за это? – пошутил священник.

Тони погрозил ему пальцем:

– Как я погляжу, многое изменилось в римско-католической церкви с моего детства. Будь у меня духовник вроде вас, я бы, пожалуй, чаще посещал мессу. Да, я действительно нуждаюсь в

прощении. Понимаете, я не ставил тех женщин и их чувства на первое место.

– Похоже, вы и правда раскаиваетесь.

– Я никого не хотел обидеть.

– Большинство из нас обижают других непреднамеренно.

– Собственно, я мало что теперь помню. Забавно получается, правда? Когда ты влюблен, то думаешь, что больше ничего и не требуется, вот оно, бесконечное счастье и удовольствие. А когда все оборачивается плохо, а рано или поздно так происходит всегда, то уже не можешь вспомнить счастливые дни, их будто ластиком стерли. Иногда забываются даже имена, но увидишь, бывало, тот или иной предмет и вспоминаешь о связанной с ним радости: ночнушка, чулок, бархатная ленточка. Щелк! – запустилось воспоминание, и проведенное вдвоем с ней время прокатывается по тебе, как грузовик. Я теперь почти не помню имен. Места и времена – получше. И если они помогают мне вспомнить связанных с ними женщин, это не так уж плохо.

– Думаю, так и есть, – улыбнулся священник.

– Я так ничему и не научился. Ну, может быть, одну вещь я усвоил. На скольких бы женщинах ты ни женился, каждая очередная жена захочет новую кухню. Вот этого я никогда не понимал. Даже когда она не умеет готовить, все равно – подавай ей кухню. А ведь обставить кухню недешево, дороже прочих комнат в доме. На втором месте, пожалуй, ванная. Но женщине непременно требуется собственная кухня.

– Некоторые загадки невозможно разрешить.

– Вот тут вы правы, падре. Всей жизни на это не хватит. Никакие переделки не сравнятся с теми, в которые попадаешь из-за женщины. Они всё знают. Они требуют от тебя труда и успеха – больше, чем потребует любой мужчина. А значит, мужчине невозможно победить в этой игре. Ох, женщины – хитрющие проныры высшей категории. Но я так и не научился обходиться без них.

– А кем был ваш отец?

Тони недоуменно уставился на священника:

– В каком смысле?

– Чем он занимался? Какая у него была профессия?

– Он изготавливал стекло, которое вставляли в автомобили «форд».

– Интересно! – Священник наклонился поближе.

– Он начал там работать в девятьсот пятнадцатом, за год до моего рождения. И умер, еще до того как ушел на пенсию с завода «Ривер Руж». Он умер, когда еще числился там рабочим. Серьезно.

– А как его звали?

– Вы собираете материал для книги?

– Нет, просто хочу за него помолиться.

– Леоне.

– «Лев».

– Да. Он был настоящим львом.

– А какое ваше любимое воспоминание об отце?

– О, это сложный вопрос.

– Трудно выбрать одно из многих?

– Напротив, их слишком мало. – Тони прикрыл глаза. – Зимой он разводил костер в яме. Посреди снега. Черт возьми, в те времена в Мичигане снег лежал с сентября по июнь. Какой там стальной пояс – настоящий ледяной мешок. Так вот, мой отец копал яму в снегу, разводил костер и жарил на нем каштаны в железной сковородке. И аромат этих каштанов был тяжелый, будто землистый, но при этом сладкий. Где бы я ни был, как почую запах жареных каштанов, вспоминаю отца.

– Должно быть, вам его не хватает.

– Моего сына назвали в его честь.

– У вас есть сын?

– Был. Один-единственный. Хороший мальчик. Он стал гастролировать со мной, едва ему исполнилось восемнадцать. Вы, наверное, слишком молоды, чтобы помнить мою музыку.

– Я вырос с Брюсом Спрингстином, Саутсайд Джонни и Бон Джови – ну, вы знаете, музыканты с побережья. Обычно лохматые.

– Вот и славно. У каждого поколения своя музыка. Так и должно быть. Моя жена тоже с побережья. Чичи Донателли.

– Вы женились на итальянке?

– И с ней же развелся. Кьяра Донателли. Она тоже пела и еще сочиняла песни. Мы входили в поколение певцов вроде Дика Хеймаса, Джека Леонарда, Дины Шор – между прочим, Чичи написала песню,

которую Дина исполнила с большим успехом, а потом выпустила пластинку. Нынешние певцы тогдашним в подметки не годятся. Вы послушайте при случае, сами убедитесь. Этель Уотерс, Элла Фицджеральд, Синатра, разумеется, и еще Тони Беннетт, Луи Прима, Кили Смит, Перри Комо, Дин Мартин из Минго-Джанкшн, штат Огайо. Кто еще? Джерри Вейл. Стив и Эйди были ребята веселые – правда, появились немного позже нас. А ведь не надо забывать и руководителей ансамблей – братьев Дорси, Гарри Джеймса, Вогана Монро, Генри Манчини, Джимми Лансфорда, вот его стоит послушать. Еще Кэб Каллоуэй, Дюк Эллингтон. Нельзя покинуть этот мир, не потанцевав под «Нитку жемчуга».

– Расскажите мне о своем сыне.

– С пяти лет Леоне мог играть на любом музыкальном инструменте, за который брался. Серьезно. В итоге остановился на саксофоне, но умел играть и на пианино, и на трубе, а уж по барабанам как стучал! Но он погиб молодым – слишком молодым – в автомобильной аварии. Помогал людям на обочине дороги – кстати, недалеко отсюда, на вест-сайдской трассе. И умер тут, в этой самой больнице. Вот уж ирония судьбы. Его тоже принесли именно сюда. После его смерти я каждое воскресенье ходил к обедне в здешней часовне. Это помогло мне пережить его смерть. Не могу, правда, сказать, что я как-то участвовал, просто сидел на задних рядах. Никогда не причащался.

– А почему?

– Не чувствовал себя достойным Тела Христова.

– Потому что были в разводе с Чичи?

– Она была лишь первой. А женился я всего четыре раза – и четырежды развелся. Сейчас, падре, перед вами лежит холостяк.

Священник присвистнул. Тони попытался рассмеяться, но ему не хватило воздуха. Аппарат над его головой запищал.

– Простите, Саверио.

– Получилось смешно! – Саверио снова погрозил священнику пальцем. – Надо уметь вовремя присвистнуть, это всегда заставляет зал хохотать.

– А дети у вас были только от первой жены?

– Все верно. Трое от Чич. Я полюбил эту девушку с самого начала. Просто приятно было находиться рядом с ней. Знаете, бывают

такие люди – они подбадривают уже одним только своим присутствием. Сначала мы были просто друзьями. Потому я на ней и женился – я ей доверял. И не нужно было много объяснять. Я думаю, в этом главная проблема мужчин. Женщины хотят понять, почему мы делаем то, что делаем. Да умей мы это объяснять, мы были бы женщинами. У меня есть для вас новость, дамы: чаще всего у наших поступков вообще нет причин. Я просто жил, вот и все. Мужчины не разбирают все по косточкам, хотя, может, и следовало бы. Каждая женщина, которую мне довелось любить, требовала, чтобы я ей разъяснил свои чувства, и каждый раз, когда я это делал, когда я честно, открыто все говорил, следовала катастрофа.

– А почему так получалось?

– Беда в том, что правда на вкус отдает прокисшим вином. Видите ли, святой отец, мужчина всегда в долгу перед женщиной, которая его любит и принимает его к себе, потому что все мы знаем, что не достойны этого. Но рано или поздно в один прекрасный день нам выставляют счет. Мы знаем, чем обязаны этой женщине и что пора расплачиваться, а расплатиться можно всего парой способов. Первый – отдать им свою жизнь, в том числе кольцо, дом и все прочее; весь набор – дети, семья и так далее. А другой – сделать им одолжение, исчезнуть. Да-да, сбежать. Я часто это проделывал, практически в каждом из браков. Я заметил, что если задерживался слишком долго, то начинал всем – и себе самому – действовать на нервы.

– Пока что, мистер Арма, не вижу здесь ничего греховного.

– Греховного и нет, пока не нарушишь слово.

– То есть пока не солжешь?

– Называйте как хотите. Я обычно просто пытался не задеть чувства женщины.

– Вы говорите о Чичи?

– Я старался ее не обижать.

– Но все же обидели.

Тони кивнул.

– Скажи мне кто-то раньше, что самые сильные чувства, которые испытываешь на исходе жизни, это гнев и сожаление, я бы счел его сумасшедшим. Однако так и есть. Здесь, – он постучал себя по лбу, – я живее, чем когда-либо. Я заперт, как в клетке, в теле, которое больше не работает, но с острым умом, который прекрасно функционирует. И

теперь, когда я стар и, как считается, мудр, все ожидают от меня ответов. Например, мои дочери-близнецы хотят понять, почему их отец натворил все, что натворил в своей жизни. Но очень трудно объяснить собственным детям порывы человеческого сердца. Тем более что детям хочется, чтобы ты ни о ком не думал в этом ключе, кроме как об их матери, и даже в этом случае им нужно, чтобы вы с ней просто жили в мире и согласии. Я люблю своих детей, я за них жизнь отдам, но живу я не для них – как и они живут не для меня.

– Люди верующие считают, что живешь для Бога.

– С этим у меня тоже не вышло, падре. Я человек приземленный. Я просто старался доставлять людям радость. Иногда попадал в яблочко, а иногда взамен благодарности сам получал дротик в горло.

– Разве не со всеми так бывает?

– Ну, не уверен. Чичи видела во мне что-то особенное, и я ей сказал – мол, можешь смотреть на меня в определенном свете, но время от времени этот свет гаснет. Он движется с солнцем и исчезает с луной, так что не особо на него рассчитывай, детка.

– И все же она надеялась на лучшее для вас.

– Уверен, что по сей день надеется. Она, как говорится, оптимистка.

– Саверио, я вас соборовал и принял вашу последнюю исповедь. Хотите причаститься Тела Христова?

Тони вздохнул.

– Это бы обрадовало мою мать.

– А вас обрадует?

– Все, что радовало мою мать, обрадует и меня, – тихо сказал Тони.

Молодой священник открыл кожаный саквояж, в котором лежали бутылка святой воды, склянка с миром, то есть освященным маслом, и небольшая золотая дароносица с освященными облатками.

– Как самочувствие, Сав? – спросила Чичи, входя в палату в ту самую минуту. – Добрый день, святой отец.

Тони поднял глаза на Чичи:

– У тебя совсем седые волосы.

– Я перестала их красить. – Все еще стройная и подтянутая в свои восемьдесят два года, Чичи была одета в черный брючный костюм, на шее нитка белого жемчуга.

- Почему? – прищурился, приглядываясь, Тони.
- По той же причине, по которой ты перестал носить накладку.
- Слишком хлопотно.
- Конечно. Все это обветшало, Сав.
- Падре собирался меня причастить.
- И он на это согласился? – повернулась к священнику Чичи.
- Могу ли я предложить и вам причастие? – спросил тот.

Чичи задумалась.

- Чич, прими облатку, слышишь? – хрипло проговорил Тони.

Чичи взяла с тумбочки пластмассовый стакан с соломинкой и поднесла его к губам Тони. Он отпил глоток.

- А помнишь, ведь когда мы поженились, мы не венчались на торжественной мессе, – сказала Чичи, возвращая стакан на место.

- Шла война, – пожал плечами Тони.

- И все же мне надо было на этом настоять.

- Насколько припоминаю, мы с тобой спешили, – подмигнул ей Тони. – Ты просто сгорала от нетерпения.

- Один из нас точно спешил. – Чичи снова обратилась к священнику: – Да, святой отец, я бы тоже хотела причаститься.

Священник снял крышку с дароносицы, достал белоснежную облатку и положил ее Чичи на язык. Она склонила голову и перекрестилась. Отец О’Брайен повернулся к Саверио и повторил ритуал. Все трое ненадолго погрузились в молчание.

- Благодарю вас, святой отец, – сказала Чичи.

- А где девочки? – спросил Тони.

Чичи посмотрела на свои часы:

- Должны прийти с минуты на минуту.

- Отлично. Падре тоже сможет с ними познакомиться.

- Сав, ты бы мог кое-что для меня сделать?

- Конечно. А что именно?

- Скажи своим дочерям, что ты их любишь и гордишься ими.

- Для этого мне не требуется сценарий, Чич.

- Тебе никогда не удавались импровизации. Без сценария ты шагу не ступал.

Священник пытался сдержать смех, слушая, как пикируется эта престарелая пара. Он собрал свой саквояж с освященным реквизитом и положил сверху молитвенник.

В комнату вплыл пучок серебристых гелиевых шаров с лиловой надписью «Скорейшего выздоровления!». Шары несла за веревочки Розы. Следом вошла Санни. Розы растерянно отпустила шары, увидев, в каком состоянии отец. Шары взлетели к потолку и стали биться об него с глухим стуком, словно пытаюсь вырваться на свободу.

– Что случилось, папа? – спросила Санни.

– Просто небольшой инфарктик.

– Но они тебя подлатают, правда?

– Конечно, конечно, – покивал Тони и пояснил, повернувшись к священнику: – Это мои дочери, святой отец. Розы и Санни.

Священник пожал обеим руки. Он ожидал увидеть совсем юных девушек, поскольку Тони называл их «девочками», но близнецам уже было по пятьдесят пять.

– Священник пришел, чтобы тебя соборовать? – спросила Санни.

– Разумеется, – ответил Тони. – Он и вас может соборовать, если вы здесь достаточно задержитесь. Успокойтесь, девочки. Это просто формальность.

– Формальность – это обтирание губкой, – возразила Санни. – Соборование положено лишь умирающим. – Ее глаза наполнились слезами.

– Иди-ка сюда, Санни.

Санни подошла ближе к отцу.

– Ты была таким забавным ребенком. Всегда меня смешила. Не потому что старалась рассмешить, а потому что всегда искала справедливости. Смех смехом, но ты ведь теперь знаешь, что на свете нет ни правды, ни справедливости. И все же я горжусь тобой за то, что ты пыталась их найти. Ты всегда настаивала, что то или это надо исправить, что у твоей сестры туфли красивее или у брата велосипед лучше. Но не потому что тебе хотелось их получить. Ты просто хотела, чтобы все было по справедливости. А это значит, что ты мудрая. Мне нравится твой муж. А тебя я люблю и горжусь тобой.

Санни поцеловала отца и села на кровать рядом с ним, вытирая глаза рукавом. Чичи встала за ее спиной.

Тони повернулся к Розы:

– Розария, тебя крестили в честь моей матери. Это сразу дало тебе несколько очков форы. Ты и была похожа на нее – красавица, слишком уступчивая, слишком вежливая. Но это и хорошо. Если бы по земле не

ходили ангелы, никто не стремился бы попасть на небо. Благодарю тебя за внука и внучку. И за правнука. И тебя я тоже люблю, и тобой тоже горжусь.

Рози поцеловала отца и села рядом с ним с другой стороны, взяв его вторую руку – одну уже держала Санни.

– Папа, а маме ты ничего не хочешь сказать? – негромко спросила Санни.

– Зачем? – удивился Тони, а Чичи рассмеялась.

– Нет, папа, я серьезно.

– Девочки, если вам нужен пример того, какой надо быть, посмотрите на свою мать. Она знала меня лучше всех, знала обо мне все и никогда не попрекала меня этим. Ну, почти никогда.

Священник стоял в ногах кровати Тони. Он уже дал Тони Арме все, что было в его саквояже, так что теперь он лишь в последний раз помолился за всю семью. Когда он замолчал, Тони закрыл глаза и погрузился в сон.

Лучи уходящего солнца залили Гринвич-Виллидж лиловым светом. Чичи с дочерьми не отходили от Тони всю вторую половину того холодного ноябрьского дня, когда Тони умирал.

Около девяти часов вечера Чичи встала и потянулась. Роза свернулась калачиком в ногах кровати, а Санни держала отца за руку, сидя на стуле рядом с ним и следя за его дыханием. В палате раздавался лишь негромкий гул медицинских аппаратов.

Внезапно Тони открыл глаза. Роза выпрямилась на кровати, Санни встала, а Чичи наклонилась к нему.

– Тебе что-то нужно, Савви? – спросила она.

– Леоне, – тихо произнес он. – Леоне.

И умер.

Три женщины стояли в молчании, будто не желая отпускать миг, когда он их покинул.

– Мама, он видел Леоне, – изумленно сказала Роза.

– Он с нашим братом, – прошептала Санни.

Чичи обняла дочерей.

– Не правда ли, чудесно? Значит, он там не будет один.

Близнецы верили, что отец воссоединился с их братом. Но Чичи знала, что дело в другом. Это не сын приветствовал ее мужа на той

стороне. Она была уверена, что когда Саверио прибыл в то место, где все понимают всех, ему требовалось увидеть лишь одного-единственного человека, одну душу, способную избавить его от страданий, и этим человеком был его отец, Леоне Армандонада.

Запищал монитор, зазвенел другой аппарат. В палату вбежала медсестра. Она отключила сигналы, осмотрела Тони и повернулась к ним.

– Мне очень жаль, – покачала она головой.

Чичи выставила Розы и Санни из комнаты, когда медсестры пришли, чтобы обмыть и обрядить Тони. Она села у окна. Женщины стали готовить тело к приходу похоронного агента.

– Миссис Арма? – Медсестра осторожно тронула ее за плечо. – Вы ведь жена Тони? – Медсестра вручила Чичи чудотворный медальон, который Тони не снимал со дня их помолвки. – Мы нашли это у него на шее. Меня Пресвятая Дева тоже никогда не оставляет в беде.

– Как ваше имя?

– Мэри Энн Салливан Уэйлен.

– Столько имен для одной славной ирландской девушки. Вы очень почитаете Пресвятую Деву?

– Я каждый день читаю Розарий.

– Непростая у вас работа. Вот, возьмите, пожалуйста.

Медсестра изумилась:

– Что вы, я не могу это принять.

– На свете так мало осталось молодых людей, для которых эти медальоны еще что-то значат, – сказала Чичи, кладя вещицу на ее ладонь. – А они помогают, только если в них верить.

– Спасибо! Я буду его беречь.

– Вам спасибо за то, что так хорошо заботились о Тони.

Медсестра бросила взгляд на кровать.

– Хотите сами снять с его руки обручальное кольцо?

Чичи встала со стула и подошла к постели.

– Вы позволите мне остаться с ним наедине на минутку? – попросила она.

Мэри Энн вышла, а Чичи стала рыться в карманах пальто в поисках очков. Как обычно, они обнаружили висящими на золотой цепочке у нее на шее. Она надела очки и наклонилась поближе к

своему бывшему мужу, чтобы хорошенько его разглядеть. Она провела рукой по его голове, от макушки до подбородка, и нежно поцеловала его в щеку. Щека была холодная, как в те дни, когда он выбегал на улицу покурить с ребятами между номерами в городках вроде Чисхолма на Железном хребте в Миннесоте, где от холода, бывало, замерзали термометры.

Она взяла Тони за левую руку и изучила его обручальное кольцо, затем стянула его с пальца. Подняв кольцо к свету, она прочла выгравированную внутри надпись, и ее рука задрожала. *Муж Чичи.*

– Вот так так, – тихо пробормотала Чичи.

Женился после нее трижды, а умер с ее кольцом на пальце. Чувства переполняли Чичи, но плакать она не могла. Она надела кольцо себе на большой палец и села на кровать рядом с Тони. Он уже начинал преображаться, как происходит всегда, когда смерть начинает завладевать чертами. Цвет лица менялся, и оно больше ничего не выражало. Душа отлетела, а вместе с ней Тони покинули красота, достоинство и надежда. Душа оставила тело, будто потерявший смысл механизм. Чичи продолжала держать его ладонь, вспоминая тот день на пляже, много лет назад, когда он предложил ей свою руку, а она не захотела ее отпускать. Сбросив туфли, она забралась на кровать и легла рядом с ним, как поступала столько раз, когда он, бывало, поздно ночью притащится домой после концерта. В те времена им было невыносимо расстаться даже на одну-единственную ночь. Она вспомнила, как быстро он засыпал, обессиленный после выступления, и как она старалась не шевелиться, чтобы не потревожить его, зная, как сильно он нуждался в отдыхе. В молодости она обнимала его, когда он спал, просто чтобы быть ближе к нему. Те дни перешли в ночи, перетекшие в годы – потерянные годы, когда он ее бросил, – или это она его прогнала? Да кто уже помнит? Теперь и середина, и конец их брака тонули в тумане, ясно виделось лишь начало, когда они были счастливы. Нельзя сказать, что их совместная жизнь протекала легко. Будь она песней, то уж точно не стала бы простенькими куплетами из тех, которые оркестр играл с ходу по заявкам зрителей, даже не нуждаясь в репетициях. Впрочем, блистательным шлягером вроде тех, которые все знают, но мало кто еще исполняет, их совместный путь тоже не был. Положа руку на сердце, не только ему, но и ей нелегко дались самоотверженность и преданность. Песня их жизни не была ни

шуточной, ни юмореской. Они значили друг для друга все, но, как и все шедевры, созданные из ничего, то, что у них получилось, не обошлось без изъянов. Произведение искусства? Пожалуй – иногда. Но не из тех, что приходится по вкусу каждому. Ошибки? Множество. Слишком много, чтобы их перечислять, а в исповедальне они бы надолго задержали священника. Но теперь отпущения грехов больше не требовалось. Она его дала. Все было прощено. Все.

Чичи закрыла окно в спальне, отгораживаясь от холода и завываний пожарных машин на Лексингтон-авеню. Она включила свет, встала перед туалетным столиком и стала расчесывать волосы. Наклонившись поближе к зеркалу, она пристально изучала свое лицо.

Затем открыла баночку дорогого ночного крема, который обещал больше, чем Тони Арма перед женитьбой, и осторожно нанесла его на лицо. Потерла ладони, чтобы остатки крема впитались, и тут ее взгляд упал на обручальное кольцо Тони, лежавшее в лотке для украшений.

Чичи открыла шкатулку с драгоценностями. Под верхним ярусом лежали кольца из ее прошлого, отмечавшие драгоценными камнями и золотом важнейшие дни ее жизни. Она нашла золотое кольцо-шеvron с крохотным бриллиантом, подарок отца на шестнадцатилетие; выпускное кольцо из старшей школы Святого Иосифа, помолвочное кольцо с выложенным из бриллиантов сердечком и, наконец, отполированное до блеска обручальное кольцо из желтого золота.

Когда Тони и Чичи записали свой первый шлягер, Тони взял их купленные в Калифорнии обручальные кольца и отдал переплавить в тонкие золотые колечки.

Чичи нацепила очки и прочла надпись внутри кольца. *Жена Тони.*

Она надела на палец обручальное кольцо – кольцо, которое не носила уже много лет, – и сжала левую руку правой, будто та была повреждена. Но она просто защищала кольцо – от всего, что пошло не так, что нельзя было исправить и что теперь так и останется неисправленным. Чичи легла в постель и натянула покрывало до подбородка. Ее знобило.

Чичи посетило то же странное ощущение, которое она испытала, когда полюбила Саверио Армандонаду. Ей было страшно.

Чичи не заходила в свою квартиру в «Мелодии» с тех пор, как Тони окончательно переехал туда в 1981 году после развода с Дорой. Не осталось другой жены, которая бы привела квартиру в порядок, – точнее, если начистоту, ни одна из прочих женщин не сочла это своей ответственностью. Чичи покачала головой – вот тебе и ирония судьбы. Бегали-бегали, играли в музыкальные стулья, да в итоге только Чичи и осталась стоять. Она повернула ключ в замке и вошла в прихожую.

Квартира оказалась чистой, но потрепанной – без ремонта не обойтись. Судя по всему, каждая очередная женщина воевала с определенными цветами, предметами мебели, коврами – и побеждала. Но в основном Тони сохранил изначальную обстановку, выбранную Чичи, а значит, он по-своему сохранил также и изначальное предназначение этой квартиры. Чичи открыла окна, чтобы проветрить комнаты. В воздухе держался запах табачного дыма – значит, Тони продолжал курить даже после того, как у него обнаружили рак легких. Это подозрение подтвердилось, когда Чичи набрела на полную пепельницу окурков. Санни заходила, чтобы забрать почту, и оставила на кухонном столе несколько экземпляров лонг-айлендской местной газеты с некрологом Тони.

НЕКРОЛОГ

10 ноября 2000

Эстрадный певец Тони Арма, известный главным образом благодаря шлягерам, исполненным с его первой женой Чичи Донателли («Скалка моей мамы»), и международному успеху песни «Бонус, бонус», скончался после продолжительной болезни в больнице Святого Викентия в Гринвич-Виллидж. В свое время Тони также снимался в спагетти-вестернах, в том числе в фильме «Фрэнки-Федора», где он сыграл роль Джои «Ноги» Кашьоле; заглавная песня картины в его исполнении заняла одно из первых мест в двадцатке лучших песен по версии журнала «Биллборд». Последние тридцать лет Арма жил в Риме (Италия), затем вернулся в Нью-Йорк. Его сын Леоне скончался ранее. У Тони Армы остались дочери-близнецы Розария и Изотта, а также несколько внуков и бывших жен – много лет сотрудничавшая с ним Кьяра Донателли (Чичи),

певица Тэмми Твайфорд, актриса Дора Альфедена и официантка Джинджер Клопп.

11 ноября 2000

Исправление: Редакция извиняется за опечатку, допущенную в написании фамилии четвертой жены мистера Армы. Ее имя Джинджер Кропп Арма.

Чичи тихо хихикнула. Близнецы называли Джинджер клопом, так что, быть может, какие-то крохи справедливости еще сохранились в этом усталом мире.

Она медленно прошла по квартире, заглядывая в гардеробы, шкафы и ящики, и постепенно добралась до главной спальни. Там она распахнула двери гардеробной и стала перебирать вешалки с костюмами, пиджаками и брюками Тони. Одних только смокингов шесть, по одному на десятилетие, начиная с эпохи гастролей с «Братьями Дорси». Какое-то время Чичи просто вынимала коробки, открывала их, копалась в пластмассовых ящиках. Должно быть, одна из жен наняла профессионала для организации вещей, так как ящики были отмечены этикетками: «парадные носки», «носовые платки», «плавки» и так далее.

Еще в гардеробной стоял сундук кедрового дерева, заполненный аккуратно сложенными шерстяными свитерами Тони и пропитанный ароматом его одеколона от Фаберже. Его коллекция шелковых галстуков-бабочек была разложена на папиросной бумаге в коробке от «Эрмес», как кусочки детской мозаики. На полу гардеробной, рядом с его туфлями, она нашла коробку с надписью *Чичи*. Там был реквизит, оставшийся от их старых номеров. Реликвии.

Завернутая в пляжное полотенце отеля «Фонтенбло», там лежала та самая скалка – а ведь Чичи думала, что она давным-давно потерялась. Еще в коробку были напиханы дурацкие шляпы, вставные зубы, парики и очки – атрибуты для скетчей, детали костюмов. Чичи изумленно вскрикнула, обнаружив там свое бумажное пианино, свернутое в рулон и обвязанное бархатной ленточкой. Она положила его на кровать. Быть может, кто-то из внуков оценит ее старого товарища.

Чичи вернулась в гостиную за сумочкой, намереваясь уйти. В квартире оказалось слишком много предметов, одним махом возродивших все прошлое, и она была не в состоянии справиться с нахлынувшими чувствами. Ее раздражало, что Тони оставил ее наедине со всем этим старьем, уверенный до конца, что может на нее рассчитывать, уж она-то все разберет и уберет – ведь провела же она жизнь, заботясь о нем.

Чичи прошла на кухню и налила себе стакан воды. Отпив пару глотков, она ушла в гостиную, села за пианино и побренчала. Что ж, по крайней мере, он позаботился, чтобы инструмент был настроен. Интересно зачем, подумала она.

В тридцать семь лет Чичи начала сочинять песню, которую ей с тех пор никак не удавалось закончить. Прошли годы, в ее сознание пробрались другие песни, и многие из них она сочинила с ходу, легко, но не эту. Она вспомнила, как Тони торопил ее, настаивал, чтобы она дописала текст, но ей все не удавалось найти подходящие слова. А теперь она вдруг услышала у себя в голове мелодию и текст – но под рукой не было нужного музыкального инструмента.

Чичи встала из-за пианино и вернулась в гардеробную при спальне. Начала рыться, вынимая коробку за коробкой и опрокидывая их содержимое на кровать, пока постель не оказалась завалена вещами. Сбросила крышки коробок покрупнее, подтащила табурет, стоявший у бюро Тони, и встала на него, заглядывая на верхнюю полку. Перебрав шляпные коробки бывшего мужа, помеченные «Борсалино», она отпихнула их в сторону.

Внезапно ее лицо расплылось в довольной улыбке. То, что она искала, нашлось. Она достала с полки старую мандолину Тони. Время придало дереву светло-вишневый оттенок. Такого цвета были ее губы, когда помада стиралась за целый день разговоров, а она все забывала нанести ее снова. Чичи сунула мандолину под мышку.

К тому времени, когда она вернулась в гостиную, успело стемнеть. Город за окнами был окутан темным бархатным покровом. Луна светилась в ночном небе, как изящный серебристый осколок морской ракушки.

Отыскав ручку и бумагу, Чичи села за стол с мандолиной на коленях. Она сыграла мелодию, подкручивая струны по мере игры. Когда музыка зазвучала у нее в голове, она записала ноты на бумаге, а

вскоре потекли и слова. Мысли управляли ее руками, которые переходили от ручки с бумагой к струнам и обратно. Вот что она записала:

*Дождись меня,
Нам нужно обо всем поговорить.
Дождись меня,
Где время нам не может повредить.
Ты помнишь море, солнце и песок —
Все это было нашим в те года,
Подумай, сколько потеряли мы —
Все утекло, исчезло без следа.
О, если Рай и правда в небесах,
Дождись меня у райских врат, молю.
Я буду в золотистом или в сером,
Протянешь ли ты руку мне свою?
Я снова заключу тебя в объятия,
И в свете вечном всё начнем с нуля:
Я научусь прощать, ты будешь верен.
Звучит мелодия – и вижу я тебя.
Дождись меня, Саверио,
Дождись.*

Чичи положила ручку на стол. Она потянулась к мандолине, чтобы сыграть песню с самого начала, как привыкла делать всегда, но замерла, почувствовав, что левую руку пронзает странная боль. Наверное, потянула мышцу, вынимая коробки из шкафа. Она потеряла запястье и предплечье, но боль не уходила. Ее била нервная дрожь – видимо, просто от возбуждения, ведь она наконец-то закончила песню, которую писала почти пятьдесят лет. Что-то затрепетало в груди, и ее сердце будто запнулось. Она положила руку на сердце и оставила ее там, ожидая, когда ритм восстановится.

– Саверио, – прошептала она. И улыбнулась.

Дискография

ВСТРЕЧАЙТЕ: ТОНИ АРМА (1948)

Разве мы уже не встречались?

Стоял такой мороз, что он сделал ей предложение

Самсон и Дурила

Берег цветного драже (с Чичи Донателли)

Скалка моей мамы (с Чичи Донателли)

С ней можно поговорить

Бонус, бонус (с Чичи Донателли)

Одна золотая цепочка

Самба итальянки

Блюз Среднего Манхэттена

ТОНИ АРМА: ТИХООКЕАНСКИЙ АЛЬБОМ (1950)

Лишь океан (и мысли о тебе)

Туземная хижина на двоих

Ананасы и манго

Порционная любовь

Позвони мне из дома, детка

Мечта об островах

Скучаю по жене

Фиолетовый рассвет

РОЖДЕСТВО С ТОНИ И ЧИЧИ (1955)

Ночь тиха

О святая ночь

Далеко в яслях

Маленький барабаничик

Придите, о все верные

В город прибыл Санта-Клаус

Радость миру

Скалка моей мамыши (готовь канноли)

ТОНИ АРМА ПОЕТ В ВЕЧНОМ ГОРОДЕ (1962)

Panis Angelicus

Kyrie

Ave Maria

Макарони-бомболони

Встретимся в Риме

Холмы Розето Вальфорторе

По дороге в Неаполь

Молитва святого Франциска

ФИЛЬМЫ, В КОТОРЫХ СНИМАЛСЯ ТОНИ АРМА

Фрэнки-Федора

Мистер Мондо

Джазмены из Джерси

Венера ди Вегас

Серена со Статен-Айленда

Коктейли, закуски и я

Святая святых

Безумства открывают всё

Благодарности

Сестры Перин с фермы Делабол, что близ Пен-Арджила в штате Пенсильвания, родились в Америке, но родители их были венецианцами. Девочек назвали в честь королев с итальянского полуострова. Виола (Иоланда), Эдит (Энис), Хелен (Элиана) и Лавиния – моя личная четверка с горы Рашмор^[111]. Целеустремленные, сильные, эмоциональные, они передвигались по жизни, словно стремительные серебряные стрелы по ясному небу.

Моя бабушка, Виола, родила четырех детей, трудилась на фабрике с четырнадцати лет, а в итоге стала вместе с дедушкой владелицей собственной швейной фабрики. У Эдит детей было двое. Они с мужем (Тони Романо) держали прелестный ресторан «Маленькая Венеция». Хелен Блэктон вышла замуж за Дона. Отслужив в армии во время Второй мировой войны, она открыла салон красоты. Мужа Лавинии Спадони звали Фрэнк. У них было трое детей. Лавиния успела поработать и на фабрике Виолы, и в салоне Хелен, и даже на пользу штата Пенсильвания – в качестве тюремной смотрительницы (так называлась тогда ее должность). Тетя Лавиния скончалась в этом году.

Я не перестаю восхищаться красотой, силой, верой и отвагой сестер. Девушек с фермы ничем не запугаешь. Они ценили чувство стиля, элегантность и красивые вещи. Все они стремились к лучшей жизни, но каждая понимала это по-своему. Виола обожала путешествовать, Эдит великолепно готовила и пекла, Хелен любила приключения. Лавиния любила людей – и принимать их у себя на традиционной игре в карты раз в неделю, и ходить к ним в гости. А свинговая музыка эпохи биг-бэндов сопровождала сестер в любви, в надежде, на работе и на войне.

Примечания

1

Бурно, дико, неистово (*ит. муз.*).

«Мейфлауэр» – английское судно, на котором англичане, основавшие одно из первых поселений в Северной Америке, в 1620 году пересекли Атлантический океан. Впоследствии потомки этих первых колонистов позиционировались как своеобразная американская аристократия. – *Здесь и далее примеч. перев.*

«Ночь тиха» – немецкий рождественский гимн, слова Й. Мора, музыка Ф. Грубера. Цитируется в переводе Е. Перегудовой.

4

«*Бриоски*» – патентованное средство от изжоги и диспепсии на основе пищевой соды.

Маринара – итальянский соус, приготовленный из томатов, лука, чеснока и пряных трав.

6

Деньги (*ит*).

7

Решительно (*ит. муз.*).

Каунт Бейси (1904–1984) – американский джазовый пианист, знаменитый руководитель биг-бэнда, одна из самых значительных фигур в истории свинга.

Муравейник – популярный на ярмарках североамериканский десерт, для приготовления которого жидкое тесто льют тонкой струйкой в раскаленный фритюр до получения своеобразных плоских пончиков.

10

То есть засылает сватов.

Березовое пиво – газированный либо ферментированный прохладительный напиток на основе березового сока.

Пицца с жареным луком и анчоусами (*ит*).

Мадонна (*искаж. ит.*).

Сестры Долли – близнецы Розы и Дженни Долли получили известность как танцовщицы, певицы и актрисы в 1910—1920-х годах.

Остров Эллис – остров, расположенный на реке Гудзон в бухте Нью-Йорка. С 1892 по 1954 г. служил самым крупным пунктом приема иммигрантов в США. Чиновники нередко переписывали или вовсе заменяли иностранные фамилии новоприбывших на более удобопроизносимые.

Мирна Лой (1905–1993) – популярная в 1930-х годах американская актриса, часто игравшая роковых женщин-вамп.

Спасибо (*ит.*).

Джун Эллисон (1917–2006) – популярная в 1940-х американская певица и танцовщица.

Капричч(и)о, причудливо, капризно (*ит. муз.*).

Вид пончика со сладкой начинкой (*ит.*).

Zeppole (ед. ч. – *zeppola*) – другой вид пончика (*ит.*).

Маргарет Сэнгер (1879–1966) – американская активистка, основательница «Американской лиги контроля над рождаемостью». Часто выступала в церквях, женских клубах, театрах и на радио.

День труда – в США национальный праздник, который отмечается в первый понедельник сентября.

Мендосино – округ в Калифорнии.

Пожелание здоровья и долгой жизни, буквально означающее «сто лет» (*ит.*).

Чокнутый, рехнувшийся (*искаж. ит.*).

Скапулярий – здесь: у католиков сакраменталия в форме двух кусочков ткани с соответствующими надписями и изображениями, соединенных ленточкой или веревочкой; предназначен для нательного ношения.

Кейп-код – традиционный тип североамериканского загородного дома с симметричным фасадом, деревянной наружной отделкой, мансардными выступающими окнами. Название дано по полуострову Кейп-Код, где селились первые переселенцы из Англии.

Загорелая (*ит.*).

Супер-Чиф – поезд-экспресс повышенной комфортности, циркулировавший между Чикаго и Лос-Анджелесом.

Салезианки – католические монахини ордена св. Франциска Сальского. Посвящают себя главным образом уходу за больными и воспитанию молодых девушек.

Хорошо? (*ит.*)

Ускоряя темп (*ит. муз.*).

Ведьма (*ит.*).

Бозо – «Бозо, Железный Человек», робот, персонаж американских комиксов.

Бетти Буп – соблазнительная комичная красотка, персонаж популярных в 1930-х годах американских мультфильмов.

Маникотти – итальянско-американское блюдо, состоящее из крупных цилиндрических макарон, фаршированных сыром или мясом и запеченных под густым соусом.

Крепкий, здоровый (*ит.*).

Шаровой кредит – кредит, который предусматривает погашение основной суммы долга в виде единовременного платежа, осуществленного на заранее оговоренную дату или в виде нарастающих платежей. Используется, как правило, в тех случаях, когда потоки денежных средств от кредитуемого инвестиционного проекта ожидаются в конце срока его реализации.

Летающий, порхающий, подвижно (*ит. муз.*).

Brother, Can You Spare a Dime? (1932) – одна из наиболее известных американских песен времен Великой депрессии, музыка Джея Горни, текст Йипа Харбурга.

Железные легкие – впервые примененный в 1928 году аппарат искусственной вентиляции легких, использовавшийся в основном для лечения больных полиомиелитом.

Коттон-джин – первая хлопкоочистительная машина.
Изобретена в 1793 году.

Stormy Weather (Харолд Эрлен и Тед Коулер, 1933) –
сентиментальная любовная песня, впервые исполненная Этель Уотерс.

Сай Оливер (1910–1988) – американский джазовый трубач, певец, композитор и руководитель ансамбля.

Begin the Beguine (Коул Портер, 1935) – одна из самых популярных эстрадно-джазовых песен, в свое время была новаторской, поскольку в музыкальной основе лежит медленная румба.

Сэвил-роу – улица в Лондоне, известная фешенебельными магазинами мужской одежды и мужскими ателье.

«*Коттон-Клуб*» – знаменитый ночной клуб, существовавший в Нью-Йорке в 1920—1940-х годах. В нем выступали в основном чернокожие музыканты.

Братья Мински – Эйб, Билли, Герберт и Мортон Мински добились огромного успеха как постановщики бурлеск-шоу в 1910—1930-х годах.

День матери отмечается в США во второе воскресенье мая.

«Альманах фермера» – выходящий с 1818 года в США августовский ежегодник, в котором публикуется прогноз погоды на следующие 16 месяцев, а также советы по садоводству, лунный календарь и т. п.

Управление общественных работ США (1935–1943) – независимое федеральное агентство, ставшее ведущей силой в системе трудоустройства миллионов безработных мужчин (в основном неквалифицированных). Под общественно значимыми работами подразумевалось возведение общественных зданий, прокладка автодорог, строительство стадионов, дамб, аэродромов.

Брачолe – итальянское блюдо, состоящее из тонких ломтиков мяса, завернутых рулетиками и обжаренных в сухарях.

Удачи! (*ит.*)

Модные танцы в 1920—1930-х годах часто имели вызывающие или просто загадочные названия.

Мягко, нежно, ласково, приятно (*ит. муз.*).

Гай Ломбардо (1902–1977) – канадский и американский музыкант, скрипач и руководитель ансамбля *Royal Canadians*.

Соотечественник (*ит.*).

Сарсапарилла – популярный в США газированный напиток, изготовленный из коры дерева сассафрас.

Линди-хоп – популярный танец эпохи свинга.

Итало-американское оскорбление; здесь: деревенщина (*искаж. ит.*).

Монсеньор – почтительное обращение к католическим прелатам высокого ранга.

Красавица (*ит.*).

По-итальянски имя «Кьяра» означает «светлая».

Джин Тинни (1897–1978) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

В 1940-х годах Боб Хоуп, Бинг Кросби и Дороти Ламур снялись вместе в ряде приключенческих комедий.

Крецендо, всё громче, нарастая, в бурном темпе (*ит. муз.*).

Дина Шор (1916–1994) – американская актриса и певица, одна из наиболее популярных исполнительниц 1940-х годов. Первой среди эстрадных певиц своего времени добилась огромного успеха как сольная исполнительница.

Линда Дарнелл (1923–1965) – популярная в начале 1940-х голливудская актриса. Во время войны принимала активное участие в благотворительных мероприятиях в пользу военнослужащих.

Маргарет Уайтинг (1924–2011) – американская эстрадная и кантри-исполнительница.

«Копакабана» – знаменитый ночной клуб в Нью-Йорке.

Дороти Паркер (1893–1967) – американская писательница, известная своим едким юмором и остротами.

Воинственно (*ит. муз.*).

Праздник (*ит.*).

Тонкое вафельное печенье (*ит.*).

Новена – у католиков цикл молитв на девять дней.

Тайрон Пауэр (1914–1958) – звезда американского театра и кино. В 1930—1940-х годах считался одним из эталонов мужской красоты.

Роберт Тейлор (1911–1969) – американский актер, один из популярнейших в свое время.

Луис Барт Майер (1884–1957) – американский кинопродюсер, руководитель и один из основателей голливудской киностудии «Метро-Голдвин-Майер».

Джон П. Джон (1902–1993) – знаменитый американский шляпник, в 1940-х и 1950-х настолько же известный в мире шляп, как Кристиан Диор – в мире одежды.

Собранные в особый мешок денежные подарки на американо-итальянской свадьбе (*искаж. ит.*).

Джозеф Ди Маджо (1914–1999) – американский бейсболист, один из самых выдающихся игроков за всю историю этого вида спорта.

Постепенно ослабевая (*ит. муз.*).

Здесь: давай! (*ит.*)

Близнецы (*ит.*).

Хеди Ламарр (1914–2000) – популярная в 1930—1940-х годах австрийская и американская киноактриса.

Дедушка (*ит.*).

Добрый день (*ит.*).

«Латинский квартал» – ночной клуб в Нью-Йорке.

Пиццикато (щипком) (*ит. муз.*).

«Шоу Эда Салливана» – популярное американское телешоу, которое транслировалось в прямом эфире из студии в Нью-Йорке.

Нежно, мягко, ласково (*ит. муз.*).

Бобби Дарин (1936–1973) – американский певец и актер, один из самых популярных исполнителей джаза и рок-н-ролла в конце 1950—1960-х годах.

«*Бен Франклин*» – существовавшая до конца 1990-х американская сеть дисконтных магазинов.

«Рыцари Колумба» – христианское братство в римско-католической церкви, занимающееся социальной и благотворительной деятельностью.

Смор – разновидность американского десерта, состоит из зажатого между двумя крекерами ломтика зефира машмеллоу, который затем поджаривают над открытым огнем.

Сапиенца – расположенный в Риме университет, один из старейших и наиболее престижных в мире вузов.

Розария, сердце мое (*ит.*).

Беспокойно, тревожно (*ит. муз.*).

100

По-итальянски лев – *leone*.

«Дэйри Квин» – сеть американских ресторанов фастфуд; изначально специализировалась на мягком мороженом и молочных десертах.

«Сакс» – сеть фешенебельных американских универмагов.

Стихая, уменьшая силу звука (*ит. муз.*).

Остановитесь здесь, будьте добры (*ит.*).

Мадам, могу ли я вам помочь? (*ит.*)

Что вы собираетесь сделать из этой ткани? (*ит.*)

Хорошо. Какая красивая (*ит.*).

«Грейсдейл» – дом инвалидов и престарелых в штате Пенсильвания.

Грустно, печально (*ит. муз.*).

Евангелие от Иоанна, 14:2.

Рашмор – гора в Южной Дакоте (США), на которой вырезаны скульптурные портреты четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Авраама Линкольна и Теодора Рузвельта.